ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В МАРТЕ 1957 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

В НОМЕРЕ:

Советская внешняя политика в годы «холодной войны»

Создание ООН и советская дипломатия

Голод 1932—1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации?

Потери населения советского общества в 30-е годы

Российское учительство накануне революции 1917 года

Сакральные элементы в русских революционных теориях

Автономное государство и экономическое развитие

Михаил Дмитриевич Приселков и вопросы изучения русского летописания

Первый московский князь Даниил Александрович

Кулацкая ссылка на Урале. Документы

НАУКА МОСКВА

январь
февраль
1995 * 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),
Б. В. АНАНЬИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Ю. С. КУКУШКИН,
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ЩАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10

Ответственный секретарь *Ю. В. Мочалова*, **тел. 123-90-10**

EDITORIAL BOARD

K. F. SHATSILLO (*Editor-in-chief ad interim*),
B. V. ANAN'ICH, V. I. BOVYKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia. GROSUL,
V. P. DMITRENKO, A. P. KORELIN, Iu. S. KUKUSHKIN,
V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV, L. N. NEZHINSKII,
A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in-chief*),
Iu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A. N. SAKHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia. N. SCHAPOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-10

Managing Editor *Ju. V. Mochalova*, **tel. 123-90-10**

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ТРИ ЭКЗЕМПЛЯРА, ОДИН ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

© Российская академия наук.
Институт российской истории, 1995 г.

© 1995 г. Л. Н. НЕЖИНСКИЙ, И. А. ЧЕЛЫШЕВ*

О ДОКТРИНАЛЬНЫХ ОСНОВАХ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Вряд ли можно понять сущность, характер и основные направления внешней политики СССР в годы «холодной войны», предварительно не уяснив, на каких доктринальных основах базировалась эта политика, что составляло ее идейно-теоретический фундамент. Авторы не склонны абсолютизировать эту посылку, отчетливо сознавая, что внешней политике любого устойчивого и значимого на международной арене государства присуще меняющееся соотношение политических взглядов и реальных национально-государственных интересов, что нередко ведет к выдвижению прагматизма в качестве главного принципа, определяющего внешнеполитические решения и следующие за ними действия на том или ином этапе. И все же опыт истории (по крайней мере XX столетия) свидетельствует, что нет такого государства, руководители которого не стремились бы формировать и проводить его внешнюю политику, опираясь прежде всего на определенную систему теоретико-политических принципов или нормативных положений (т. е. на то, что и лежит в основе понятия «доктрина»), поддерживаемых если не всем обществом данной страны, то по крайней мере значительной или большей его частью.

Органической линией анализа доктринальных основ советской внешней политики является рассмотрение ее военно-стратегических аспектов, эволюции военной доктрины. Задача эта весьма трудная, поскольку длительное время информация по этим проблемам в СССР носила сугубо закрытый характер, а ее разглашение рассматривалось как угроза интересам Советского Союза.

Советская дипломатия подошла к окончанию Второй мировой войны, руководствуясь теми базовыми доктринальными установками, первоначальные наметки которых были сделаны еще при В. И. Ленине, а затем углублены, развиты и дополнены. Окончательное оформление и закрепление эти установки получили в годы правления И. В. Сталина. Их сущность определялась положениями марксистско-ленинской теории. Назовем главные из них:

1. Чередование социально-экономических формаций исторически предопределено, в результате чего на смену «загнивающему» и обреченному на гибель капитализму непременно должна прийти социалистическо-коммунистическая формация как итог развития человечества.

2. Единственно верной является такая методология, в основу которой положен классово-социальный подход ко всем явлениям международной жизни, базирующийся на марксистско-ленинской интерпретации классов и классовой борьбы. С этим подходом связана ориентация на победу в конечном счете «мировой революции» и на ее поддержку Советским Союзом, чего бы это ему не стоило.

3. Задачей коммунистических властей является внедрение в массовое сознание идеи об особой авангардно-революционной роли России в мировой истории и ее особом, мессианском предназначении, обусловленным тем, что победившие в ней

* **Нежинский Леонид Николаевич**, доктор исторических наук, руководитель центра, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

* **Челышев Игорь Алексеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

революционеры якобы лучше всех в мире знают, как устроить человеческое счастье на Земле и добиться всеобщего благополучия.

4. Пока существует империализм (как высшая и последняя стадия капитализма), войны на земном шаре неизбежны, поэтому, чтобы предотвратить новые войны, следует уничтожить империализм.

Результатом проводимой на такой догматически-утопической основе внешней политики стала ярко выраженная несовместимость постоянно декларируемых советским государством главных принципов его внешней политики — пролетарского интернационализма и мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

В военно-теоретической области считалось непререкаемым марксистско-ленинское учение о войнах справедливых и несправедливых. Согласно ему, социализм ввиду своей классовой сущности — строй изначально миролюбивый, ставящий своей целью устранение войны из жизни человеческого общества. Но коммунисты (большевики), по словам Сталина, «не против всякой войны. Мы против империалистической войны, как войны контрреволюционной. Но мы за освободительную, антиимпериалистическую, революционную войну» [1]. Развитием этой мысли в советской военной доктрине явился прочно утвердившийся тезис о том, что всякая война считается законной и справедливой, если она ведется во имя прогресса, направлена на освобождение трудящихся масс от гнета капитала или ведется во имя защиты революционных завоеваний, социалистического государства. При этом справедливые войны, служащие реализацией политики передовых классов, ускоряют развитие всех сторон общественной жизни и являются важнейшим фактором исторического прогресса [2]. С таких позиций оценивались все военные конфликты и войны, которые вело советское государство до Второй мировой войны. Такие же критерии для оценки конфликтов, имевших военный характер, и возможной в будущем войны, сохранялись и в первые десятилетия после Второй мировой войны.

Конечно, в реальной жизни все было далеко не так однолинейно, как в теории. Скажем, восприняв первоначально идею «мировой революции» в ее ленинской интерпретации, Сталин постепенно трансформировал ее в политику неуклонного расширения рамок «советской империи», прикрывая все это миротворческими лозунгами и указывая на необходимость последовательно претворять в жизнь идеи пролетарского интернационализма. С другой стороны, и действия ведущих политиков государств Запада и в межвоенные годы, и после Второй мировой войны далеко не всегда были адекватны устремлениям народов и стран, становившихся объектом их внимания. Не говоря уже о злодеяниях фашизма, равно как и всех форм тоталитаризма.

И все же, если проанализировать в исторической ретроспекции интересующий нас комплекс проблем, то нельзя, на наш взгляд, не увидеть, что все основные направления внешней политики советского государства с самого его зарождения и вплоть до окончания Второй мировой войны определялись прежде всего перечисленными доктринальными установками. Другое дело, что фаталистическое видение будущего мира как коммунистического не исключало случаев маневрирования и корректировки тактики советской дипломатии, когда советское руководство считало это необходимым и выгодным. Наиболее рельефно это проявилось в годы Второй мировой войны, когда руководители СССР, с одной стороны, и США и Великобритании — с другой, приглушив на время взаимное принципиальное неприятие соответствующего социально-экономического строя, сочли целесообразным пойти на создание антигитлеровской коалиции во имя достижения общей цели — разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии.

Окончание Второй мировой войны породило новую ситуацию. В отличие от США, значительно усиливших свои позиции, Великобритания и другие западные страны из лагеря победителей вышли из войны с ослабленной и во многом дезорганизованной экономикой. Еще сложнее обстояли дела в СССР. С одной

стороны, небывало возрос международный вес СССР, и без его участия теперь не решалась ни одна крупная проблема международных отношений. В то же время экономическое положение СССР было сильно подорвано: в ходе войны население понесло огромные потери, уровень его жизни понизился до критической черты, значительная часть страны лежала в развалинах, экономика была предельно милитаризована. В этих условиях даже сталинское руководство понимало, что, обладая правом победителя в плане желаемого воздействия на дальнейший ход мирового развития, оно было лишено главного — соответствующего экономического потенциала. Поэтому в первые месяцы после поражения Германии и капитуляции Японии, несмотря на резко негативное и даже болезненное восприятие лично Сталиным и его окружением демонстрации силы США — атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки — во внешней политике советское руководство всячески старалось создать образ СССР как миролюбивого государства, готового к поиску компромиссов в решении актуальных международных проблем совместно с бывшими партнерами по антигитлеровской коалиции. Декларируя главное содержание и задачи послевоенной внешней политики Советского Союза, ЦК ВКП(б) подчеркивал необходимость обеспечить благоприятные международные условия для мирного социалистического строительства в СССР, для развития мирового революционного процесса, для сохранения мира на Земле [3].

Но так продолжалось недолго. Внутренние процессы, а также кардинальные перемены в международной обстановке — распад антигитлеровской коалиции, все более набиравшая обороты «холодная война» между СССР и США, Востоком и Западом, наращивание усилий советского руководства, направленных на создание в Восточной Европе единого «лагеря», руководимого из Москвы, а также стремление установить и по возможности усилить свое влияние в Китае и Северной Корее — сопровождались ужесточением советской правящей верхушкой политико-доктринальных установок, определявших конкретные цели и действия советской дипломатии, направления идеологической обработки населения. К тому же имелось в виду, что они будут соответствующим образом восприняты «классовыми противниками». Исследователям еще предстоит выяснить причинно-следственную связь тогдашних событий, установить, что было первично: эксцессы «холодной войны» со стороны Запада побуждали советское руководство ужесточать свою позицию, или же господствовавший в СССР партийно-государственный аппарат, возглавляемый «великим вождем всех времен и народов», решил, что настало время удовлетворить присущее партноменклатуре стремление к перманентной внешней экспансии (без чего она, как это доказал М. С. Восленский, просто не могла существовать [4]), отойти от вынужденного «либерализма», проявлявшегося в годы войны, и начать потуже закручивать гайки в области внутренней и внешней политики?

Остановимся на некоторых событиях, предварявших открытую конфронтацию.

22 февраля 1946 г. в ответ на запрос госдепартамента США от 3 февраля временный поверенный в делах США в СССР Д. Кеннан направил в Вашингтон секретный документ, вошедший в историю как «длинная телеграмма Кеннана». В июле 1947 г. американский журнал «Форин афферс» обнародовал основное содержание этого послания в статье «Источники советского поведения» под анонимной подписью «х». (В 1969 г. полный текст служебной записки Д. Кеннана был помещен в американской документальной публикации [5]. В Советском Союзе русский перевод этого документа впервые опубликован в 1990 г. в ноябрьском номере журнала «Международная жизнь».)

В своем донесении Д. Кеннан кратко охарактеризовал истоки и основные особенности послевоенного мировоззрения советского руководства, отметил, что можно ожидать от осуществления советской политики на неофициальном или «подпольном» уровне, т. е. на уровне, за который, по его словам, советское правительство на себя ответственности не берет, сформулировал практические выводы с точки зрения политики США [6]. Кеннан писал: «...мы имеем здесь дело с

политической силой, фанатично приверженной мнению, что с США не может быть достигнут постоянный модус вивенди, что является желательным и необходимым подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства, с тем чтобы обеспечить безопасность советской власти» [7]. Главную опасность американским ценностям Кеннан видел в подрывной деятельности по всему миру проводников советского влияния — компартий и вообще сторонников коммунизма. Кеннан охарактеризовал советскую власть как такую, которая, «будучи невосприимчивой к логике разума... очень чувствительная к логике силы» [8].

Послание Д. Кеннана, его содержание, рассуждения и комментарии самого Кеннана по поводу него в последующем весьма подробно освещены в исторической литературе и политической публицистике. Многие авторы (и отечественные, и зарубежные), на наш взгляд, справедливо определяют этот документ как ключевой в концептуальном оформлении вскоре взятой на вооружение американской доктрины и, соответственно, политики «сдерживания коммунизма» [9].

Однако на протяжении нескольких десятилетий мало кто знал, что уже в сентябре 1946 г. по запросу министра иностранных дел СССР В. М. Молотова МИД СССР получил свою «длинную телеграмму» из Вашингтона, аналогичную кеннановской, но, естественно, составленную с диаметрально противоположных позиций. Речь идет об аналитическом обзоре «Внешняя политика США в послевоенный период», подготовленном послом СССР в США Н. Новиковым 27 сентября 1946 г. (его текст впервые был обнародован в Советском Союзе в 1990 г. в ноябрьском номере журнала «Международная жизнь»). В обзоре говорилось: «Внешняя политика США, отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству» [10]. И далее следовал набор фактов и аргументов, призванных подтвердить этот тезис: принятие впервые в истории страны американским конгрессом летом 1946 г. Закона о формировании армии мирного времени не на добровольческих началах, а на основе всеобщей воинской повинности; продолжающийся рост расходов на содержание армии и военно-морского флота; создание США глобальной системы военных баз, из чего делался вывод, что «в реализации планов установления мирового господства США решающая роль предназначается их вооруженным силам»; договоренность с Англией о частичном разделе мира на базе взаимных уступок как один из этапов в достижении Соединенными Штатами господства над миром; американская политика в отношении Германии как одно из самых важных звеньев общей политики США, направленной на ограничение международной роли СССР в послевоенном мире [11]. Заканчивался обзор выводом: «...Подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству» [12].

Комментируя в упомянутой публикации «Международной жизни» послание Д. Кеннана от 22 февраля 1946 г., российский исследователь В. Л. Мальков, на наш взгляд, справедливо замечает: «Не приходится специально доказывать, что телеграмма, а затем статья Кеннана были удостоены (в США.— *Авт.*) одобрительного отношения именно потому, что почва для восприятия заложенных в них идей была очень хорошо подготовлена в ходе уже проведенной американской дипломатией ревизии ялтинского курса и принятия на вооружение концепции биполярного мира и жесткой конфронтации между США и СССР» [13]. Иными словами, Д. Кеннан хорошо знал и понимал, о чем размышляли в Вашингтоне, и послал именно тот материал, какой там ожидали. Добавим от себя, что аналогичным образом поступил и Н. Новиков, который, несомненно, был хорошо информирован о веяниях и настроениях в кремлевских коридорах власти, и послал в Москву соответствующий материал. И если послание Д. Кеннана стало импульсом для формирования доктрины «сдерживания коммунизма», то аналитический обзор Н. Новикова, по нашему мнению, в не меньшей мере способ-

ствовал разработке и принятию на вооружение советским руководством концепции «решительного отпора американскому империализму по всем азимутам» (условно обозначив ее таким образом, мы перефразировали известное в 60-е гг. определение Ш. де Голля). Уверенность сталинского руководства в правильности избранного курса подпитывалась обнародованными весной 1947 г. «доктриной Трумэна» и летом того же года «планом Маршалла». И доктрина, и план были восприняты и квалифицированы в СССР как враждебные интересам стран Восточной Европы, и в первую очередь Советского Союза [14].

Во всяком случае, в сентябре 1947 г. на совещании представителей ряда компартий в Польше эмиссары ВКП(б) обнародовали заявления, не оставлявшие никаких сомнений относительно того, каким видит современный мир советское руководство. Как заявил в своем докладе секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, в итоге Второй мировой войны создалась новая расстановка политических сил, образовались два лагеря — лагерь империалистический и антидемократический, во главе с США, с одной стороны, и лагерь антиимпериалистический и демократический, во главе с СССР — с другой. Основная цель реакционного лагеря — укрепление империализма, подготовка новой империалистической войны, борьба с социализмом и демократией и повсеместная поддержка реакционных и антидемократических профашистских режимов и движений. Цель демократического лагеря — — борьба против угрозы новых войн и империалистической экспансии, укрепление демократии и искоренение остатков фашизма [15]. Все выступление Жданова было пронизано стремлением обосновать и доказать два тезиса: 1) Советский Союз «как носитель новой, более высокой общественной системы... в своей внешней политике отражает чаяния всего передового человечества, которое стремится к длительному миру и не может быть заинтересовано в новой войне, являющейся порождением капитализма»; 2) американский империализм после окончания Второй мировой войны перешел «к агрессивному, откровенно экспансионистскому курсу», что нашло свое выражение «как во внешней, так и во внутренней политике США». И хотя в докладе традиционно упоминалось о том, что «советская внешняя политика исходит из факта сосуществования на длительный период двух систем — капитализма и социализма» [16], ясно, что при такой заостренно антиамериканской и «антиимпериалистической» постановке вопроса для мирного сосуществования места в советской внешней политике практически не оставалось.

Конфронтационной риторике и соответствующей политике советской стороны американская сторона противопоставляла взятую на вооружение правительством США в 1947 г. доктрину «сдерживания коммунизма», носившую не менее конфронтационный характер, и адекватную ей политику.

На совещании Информбюро компартий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. линия на всемерное «разоблачение» американского империализма была продолжена и усилена. Секретарь ЦК ВКП(б) М. А. Суслов, начав свой доклад с констатации того, что весь ход событий за последние два года «полностью подтвердил правильность оценки международной обстановки, данной первым Совещанием Информбюро», далее заявил: «Если на первом Совещании Информбюро говорилось о том, что США и Англия переходят к политике новых военных авантюр, то в настоящее время правящие круги Соединенных Штатов и Англии, возглавляющие империалистический лагерь (как видим, советское руководство, изменив свою прежнюю — двухгодичной давности — точку зрения, уже считало, что лидерство в империалистическом лагере принадлежит не только США, но и Англии.— *Авт.*), проводят политику агрессии, политику подготовки и развязывания новой войны» [17]. Суслов объяснил причины этого следующим образом: «Англо-американские империалисты рассчитывают путем войны изменить ход исторического развития, разрешить свои внешние и внутренние противоречия и трудности, укрепить позиции монополистического капитала и завоевать мировое господство» [18].

Таким образом, создавалась крайне упрощенная картина мира: с одной стороны, постоянно «агрессивный» и «кровавый» империализм, осуществляющий

политику насилия над народами, раскручивающий маховик гонки вооружений, проводящий активную подготовку к новой волне против СССР и других социалистических стран. С другой — априорно «прогрессивные» СССР и его союзники, неизменно выступающие за «мирное сосуществование». При таком подходе реалистичный анализ сложного переплетения позитивных и негативных сторон во внешней политике стран обоих лагерей исключался, поскольку советской верхушке он был просто не нужен. Политика КПСС и советского правительства объявлялась единственно правильной и безошибочной, поскольку она вырабатывалась на «незыблемых основах самой передовой в мире марксистско-ленинской теории» и являлась «научным выражением» того, что соответствовало «историческим закономерностям», а также «коренным интересам трудящихся масс». Презумпция непогрешимости Кремля во многом определялась особой ролью Сталина в решении коренных вопросов внутренней и внешней политики.

Сведения, которыми располагают сегодня историки, подтверждают, что Сталин, правивший страной до марта 1953 г., до конца своих дней в целом так и не отошел от черно-белого видения мира, неизменно подчеркивал ожесточенность и абсолютную непримиримость противоречий между капитализмом и социализмом, принципиальную несовместимость двух систем и фатальную неизбежность новой войны, пока СССР пребывает «в капиталистическом окружении» и пока существует империализм. При этом странным образом игнорировались такие очевидные факты, как кардинальные изменения внешнеполитических условий существования Советского Союза после Второй мировой войны, создание коммунистических буферных государств в Восточной Европе, установление коммунистического режима в Китае и Северной Корее, наличие у Советского Союза ядерного оружия с 1949 г., наконец (но не в последнюю очередь) ослабление мощи основных европейских соперников СССР — Германии, Великобритании, Франции.

Фаталистические взгляды Сталина на судьбы мира нашли отражение и в его последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Настаивая на том, что капитализм постоянно загнивает, Сталин в ней вновь обосновывает тезис об исторической предопределенности и неизбежности всеобщего кризиса и распада мировой капиталистической системы. Решительно выступив против «некоторых товарищей», утверждавших, «что в силу развития новых международных условий после Второй мировой войны, войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными», Сталин квалифицирует такую постановку вопроса как ошибочную, поскольку, по его мнению, «неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе» [19].

Сталин также выступил против тех, кто полагал, что тезис Ленина о том, что империализм неизбежно порождает войны, «нужно считать устаревшим, поскольку выросли в настоящее время мощные народные силы, выступающие в защиту мира, против новой мировой войны». Считая такие рассуждения неверными, Сталин вновь директивно напоминал, что «при всех этих успехах движения в защиту мира, империализм все же сохраняется, остается в силе,— следовательно, остается в силе также неизбежность войн. Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм» [20].

Известный американский историк Р. Такер отмечает, что в конце 40-х — начале 50-х гг. некоторые из высокопоставленных советских деятелей (добавим от себя — и представителей ученого мира) начали ставить под сомнение обоснованность тезиса о тотальной враждебности «капиталистического окружения» и неизбежности новой войны, полагая, что сохранение этих концепций затрудняет обеспечение безопасности СССР и его международного влияния [21]. Не исключено, что так оно и было. Что касается ученых, то напомним, например, как быстро и жестко был «поставлен на место» известный экономист-международник академик Е. С. Варга за то, что в книге «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (1946 г.) и в некоторых других работах, опубликованных в первые послевоенные годы, посмел проанализировать положение в капиталистических

странах с определенной долей объективности, которая не укладывалась в рамки концепции фатально неизбежного и непрерывного всеобъемлющего кризиса капитализма.

«Крамольные» труды Е. С. Варги подвергались суровой критике. А когда возглавляемый им Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР в закрытом порядке подготовил и представил «наверх» документ, в котором предлагалось сосредоточить усилия на внутреннем укреплении страны и воздержаться от расширения советской сферы влияния в Европе, дабы избежать конфронтации с Западом, которую Советский Союз может не выдержать, то Е. С. Варга был снят с должности, а сам институт закрыт.

Бдительно стоя на страже «учения Ленина—Сталина», согласно которому окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе, следовательно, вопрос об окончательной победе социализма есть вопрос о ликвидации капиталистического окружения, которое порождает опасность интервенции, директивно-теоретический орган ЦК ВКП(б) журнал «Большевик» указывал в августе 1951 г. на то, что установление строя народной демократии в ряде стран, сопредельных с СССР, «некоторые товарищи ошибочно восприняли как ликвидацию капиталистического окружения. По-видимому, эти товарищи капиталистическое окружение рассматривают как чисто географическое понятие, что, конечно, совершенно неправильно». Журнал напоминал и указанным товарищам, и вообще всем читателям, что «капиталистическое окружение есть понятие политическое» со всеми вытекающими из этого выводами.

Исследователям еще предстоит выяснить весь комплекс внутренних и внешних факторов (включая и политическую линию Запада, прежде всего США, в отношении Советского Союза), обусловивших демонстрацию Советским Союзом нарастающей непримиримости в отношении капиталистических стран и вообще «буржуазного строя». Здесь же отметим, что проявления большой воинственности, непрестанные угрозы в адрес империализма стали непременным атрибутом выступлений и заявлений высокопоставленных советских деятелей в конце 40-х — начале 50-х гг. Приведем лишь один пример. Выступая 6 ноября 1949 г. с докладом о 32-й годовщине Октябрьской революции, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, в очередной раз провозгласив «незыблемую уверенность» в том, что «победа социализма и демократии во всем мире неизбежна», после ритуальной порции обвинений в адрес «главных поджигателей войны — американских империалистов», заявил, что «не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны», и что не может быть никаких сомнений в том, что «если империалисты развяжут третью мировую войну, то эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма» [22].

Вопрос о страшных последствиях в случае новой мировой войны, возможных не только для капиталистических государств, но и народов социалистических стран, в докладе не поднимался, и дело изображалось таким образом, что могила ждет в этом случае только капиталистов. Оставалось, правда, неясным, какой могла быть судьба народов капиталистических стран в такой ситуации. В этих заявлениях, сделанных с полного ведома и одобрения Сталина и предварительно утвержденных Политбюро ЦК ВКП(б), было немало нарочитой риторики, призванной продемонстрировать империалистам, что СССР их не боится, и явно отсутствовало чувство реальности. Ведь в то время США значительно превосходили Советский Союз не только по количеству имеющихся атомных боезарядов, но и по техническим возможностям их доставки на территорию СССР (сами при этом оставались неуязвимыми ввиду территориальной удаленности).

По сути, эти заявления носили авантюристический характер, ибо крайне опасно дезориентировали население Советского Союза, всего «социалистического лагеря» и сторонников СССР в других странах. Тем не менее тезис «если империализм развяжет третью мировую войну, то он в ней и погибнет» на долгие годы внедрился в программные партийно-государственные документы, в выступ-

ления высших руководителей Советского Союза, в учебно-пропагандистскую литературу. Этот тезис произрастал из постоянно декларируемой советскими идеологами убежденности в том, что победа социализма в мировом масштабе предопределена историческими закономерностями, которые не дано отменить никому и которые не могут быть поколеблены даже в том случае, если разразится война с применением самых разрушительных видов оружия.

Неоднозначным было отношение советского руководства к проблеме, впервые возникшей в мировой истории с окончанием Второй мировой войны — к появлению ядерного оружия. Как известно, до 1949 г. единственной державой, обладавшей атомной бомбой, были США. Американская монополия на столь грозное оружие создавала в условиях конфронтации между СССР и США опасное положение. В США не скрывали, что ядерное оружие воспринималось здесь как атрибут мощи великой державы, как средство устрашения потенциального противника — СССР и его союзников, как средство давления на неядерные страны [23]. Видимо, не случайно именно в эти годы сформировались основы американской политической стратегии, направленной на завоевание США господствующих позиций во всем мире. Советское руководство понимало, что наличие атомного оружия в США, которые из союзника во Второй мировой войне превратились в главного соперника на мировой арене и вероятного противника в возможной войне, создает угрозу для безопасности СССР и его союзников. Реагируя на это обстоятельство, руководство СССР стало проводить две линии.

Первая, основная, состояла в том, чтобы невзирая ни на какие материальные издержки сосредоточить усилия на создании советского атомного оружия, ликвидировать ядерную монополию США и тем самым если не устранить, то в значительной мере ослабить угрозу атомного нападения на СССР и его союзников. В конечном счете эта задача была решена. В опубликованном 25 сентября 1949 г. Заявлении ТАСС напоминалось о том, что еще 6 ноября 1947 г. министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Это означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и имеет его в своем распоряжении [24]. В дальнейшем осуществлялось количественное наращивание и совершенствование этого оружия, что дало основания Сталину, отвечая на вопросы корреспондента «Правды» в октябре 1951 г., говорить о том, что Советский Союз производит испытания атомных бомб различных калибров и будет проводить их впредь «по плану обороны нашей страны от нападения англо-американского агрессивного блока» [25].

9 августа 1953 г. Председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков сделал заявление, в котором указывалось, что в Советском Союзе успешно завершена работа по созданию термоядерного оружия. 20 августа в советской прессе было опубликовано сообщение о проведении в СССР испытаний водородной бомбы. Таким образом, ядерная монополия США была ликвидирована. Начался новый этап соперничества СССР и США. Отныне гонка вооружений осуществлялась в первую очередь в области производства ядерных зарядов и средств их доставки к целям. При этом ответственность за непрекращавшуюся гонку вооружений советское руководство постоянно возлагало только на США.

Другая линия партийно-государственного руководства СССР в «атомном вопросе» носила, на наш взгляд, ярко выраженный пропагандистский характер. Думается, что вряд ли кто из представителей тогдашнего советского руководства всерьез верил в возможность договориться с США о запрещении и уничтожении атомного оружия в ситуации, когда США им обладали, а Советский Союз только приступил к его созданию. Тем не менее уже в июне 1946 г. Советский Союз внес в Комиссию ООН по атомной энергии проект международной конвенции о запрещении производства и применения атомного оружия [26]. В проекте участникам конвенции предлагалось ни при каких обстоятельствах не применять атомного оружия, запретить его производство и хранение и в трехмесячный срок с момента подписания конвенции уничтожить все его запасы. Как и следовало ожидать,

американцы не пошли на заключение такого соглашения. И все же в плане демонстрации перед мировым сообществом «миролюбия» Советского Союза эта акция (и другие подобные предложения в последующие годы) определенную роль, безусловно, сыграла. Предложение СССР было воспринято со вниманием (а в некоторых случаях и с одобрением) различными политическими кругами за рубежом.

Видимо, чтобы излишне не будоражить население до тех пор, пока СССР не создал собственную водородную бомбу, в советской печати, в том числе и военной, появлялось крайне мало материалов о боевых возможностях ядерного оружия и перспективах его развития. Можно не сомневаться, что советское руководство располагало такими данными, но доступ к ним был крайне ограничен и строго засекречен. В тех же редких случаях, когда материалы на эту тему появлялись в печати, в них просматривалось стремление явно преуменьшить значимость атомного оружия и доказать, что оно не может решить судьбу будущей войны. Мы пока не знаем, насколько военные и высокопоставленные политики сами верили в то, что говорили по этому поводу, но линия такая велась и, по-видимому, не без определенной цели.

В сентябре 1946 г. Сталин, отвечая на вопросы корреспондента английской газеты «Санди таймс», заявил: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбу войны, так как для этого недостаточно атомных бомб» [27]. В развитие «руководящих» соображений «великого вождя» на страницах журнала «Военная мысль», предназначенного в основном для генералов и офицеров Советской Армии, публиковались материалы и статьи, призванные показать «несостоятельность» военно-стратегических концепций США. В этих материалах утверждалось, что военная мысль в США, как и в других государствах НАТО, зашла в тупик, поскольку американские стратеги не могут понять закономерности современной войны.

Советские военные специалисты считали, что главным пороком военно-стратегических концепций американцев является переоценка значения военной техники и недооценка роли человека, народных масс в войне. Известный военный обозреватель того времени генерал-майор Н. Таленский в 1951 г. писал на страницах «Военной мысли»: «...Шумиха, которая была поднята в печати империалистических государств по вопросу о том, что победа в будущей войне может быть достигнута несколькими атомными бомбардировками, является показателем лишь полной военной неграмотности такого рода „теоретиков“ и свидетельствует о том, что истинной целью такой шумихи является прежде всего шантаж во внутренней и внешней политике заокеанских империалистов» [28].

В конце 40-х — начале 50-х гг., когда превосходство США по количеству ядерных зарядов и средств их доставки было очевидным, в публикациях советских военных специалистов постоянно подчеркивалось, что исход войны будут решать не только и не столько атомные бомбы, сколько обычные виды вооружений, численность и качество войск, таланты военачальников, прочность тыла и моральный дух войск и населения, т. е. такие факторы, которые еще в период Великой Отечественной войны Сталин назвал постоянно действующими, определяющими исход войны [29]. Трудно поверить, что советские военные специалисты совершенно не отдавали себе отчета в том, сколь серьезные изменения может внести в характер будущей войны применение ядерного оружия. Скорее, дело было в другом. На наш взгляд, приведенные выше рассуждения имели целью ориентировать «в правильном направлении» население страны, поддерживать боевой дух армии и заодно максимально выиграть время, чтобы ликвидировать отставание Советского Союза от США по ядерному оружию.

В целом же по расчетам советского руководства в рассматриваемый период обеспечение безопасности СССР и его союзников, защита интересов советского государства в условиях глобального противоборства между социализмом и

капитализмом могли базироваться на экономическом, морально-политическом, научно-техническом и военном могуществе Советского Союза. Причем последнему придавалось особое значение. И в этом не было ничего принципиально нового. На протяжении многих столетий военная сила была важнейшим фактором международных отношений. И после окончания Второй мировой войны военная мощь не в последнюю очередь обеспечивала престиж и авторитет на мировой арене любой более или менее крупной державы. Так же, как и в США, в Советском Союзе бытовала уверенность в том, что успешно защищать свои жизненные интересы, свой курс на мировой арене, возможно, и следует, имея в своем арсенале такой фактор давления, как угрозу, а в случае необходимости и применение военной силы.

После смерти Сталина в марте 1953 г. во внутренней и внешней политике советского государства произошли изменения. Смена высшего руководства сопровождалась зарождением на разных уровнях общества тенденции к освобождению от догматов, господствовавших в годы правления Сталина, к более реалистичному и объективному анализу ситуации внутри страны, а также роли и места СССР в мировом сообществе. Изучавший эти вопросы канадский исследователь П. Маранц полагает, что выдвинувшийся после Сталина в лидеры советского государства Н. С. Хрущев произвел подлинную революцию в советской внешнеполитической доктрине [30]. Пожалуй, сказано слишком сильно. Но несомненно, что в годы правления Хрущева и его сторонников теоретико-политические принципы и нормы, определявшие внешнюю политику СССР, подверглись существенному переосмыслению и трансформации. Отмеченная трансформация сопровождалась непрекращавшейся внутренней борьбой в высшем эшелоне власти. Условно говоря, это была борьба между хрущевским крылом и теми адептами ленинско-сталинских догматов, для которых отказ от них был делом крайне болезненным, а нередко и просто невозможным. Один лишь пример: 12 марта 1954 г. Председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков заявил о том, что советское правительство «решительно выступает против „холодной войны", ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой войны, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации» [31]. Историкам еще и сегодня не совсем ясно, какими мотивами руководствовался и на что опирался Маленков, делая такое заявление. Но очевидно другое: по-видимому, его позиция встретила резкое осуждение со стороны какой-то части руководства, потому что уже через полтора месяца, 26 апреля, в своей речи на заседании Верховного Совета СССР Маленков ставил вопрос по-другому, заявляя, что атомная война в случае ее возникновения привела бы к краху государства империалистической системы [32]. О судьбе некапиталистических государств и вообще мировой цивилизации на этот раз не говорилось ни слова.

Тем не менее и в высшем эшелоне власти, хотя и медленно, с трудом, пробивали себе дорогу новые взгляды, новые подходы к определению идейно-теоретических основ, сущности и главных направлений внешнеполитической деятельности государства. Рубежным в этом смысле стал XX съезд КПСС (февраль 1956 г.).

Выступая с докладом на съезде, Н. С. Хрущев фактически подверг ревизии сталинскую теоретическую схему, согласно которой, пока существует капитализм, мировая война неизбежна, поэтому единственный путь устранения неизбежности войны лежал через уничтожение капитализма, и в этой связи борьба за всемерное продвижение дела «мировой революции» и расширение рамок социализма считалась более важной задачей, чем борьба за мир. Основные новации в докладе сводились к следующему.

Продолжение углубления общего кризиса капитализма не означает полного застоя, приостановки производства и технического прогресса в капиталистических странах. Поэтому «нам надо внимательно следить за экономикой капитализма, не воспринимать упрощенно ленинское положение о загнивании империализма, а изучать все лучшее, что дают наука и техника в странах капитализма, с тем, чтобы

использовать достижения мирового технического прогресса в интересах социализма» [33].

Мирное сосуществование не тактический ход, а основной принцип советской внешней политики. Разумеется, среди коммунистов нет приверженцев капитализма. Но Советский Союз не намерен ниспровергать капитализм в других странах с помощью «экспорта» революции. По словам Хрущева, уверенность коммунистов в конечной победе их учения и социалистического строя во всемирном масштабе основана на том, «что социалистический способ производства имеет решающие преимущества перед капиталистическим» [34].

Изредка вспоминавшаяся советским руководством при Сталине концепция мирного сосуществования была жестко ограничена определенными рамками. Под мирным сосуществованием фактически понималось вооруженное перемирие, отсутствие состояния войны между двумя непримиримо антагонистическими системами. О возможности и желательности длительного и серьезного сотрудничества между Востоком и Западом не говорилось ни слова. Хрущев решительно отошел от этой схемы, заявив на XX съезде: «Мы полагаем, что страны с разными социальными системами не просто могут существовать рядом друг с другом. Надо идти дальше, к улучшению отношений, к укреплению доверия между ними, к сотрудничеству» [35].

Как было отмечено в докладе Хрущева, пока на земном шаре остается капитализм, реакционные силы, представляющие интересы капиталистических монополий, будут и впредь стремиться к военным авантюрам и агрессии, могут пытаться развязать войну. Но фатальной неизбежности войны нет, заявил Хрущев. Теперь имеются мощные общественные и политические силы (в докладе много места уделялось показу этих сил), располагающие серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами [36].

Как видим, все это уже существенно отличалось от тех идеолого-политических схем, которые являли миру советские лидеры до марта 1953 г.

Большой резонанс в СССР и за рубежом вызвали и другие новации, обнародованные в докладе Хрущева на XX съезде. В частности, положение о возможности новых форм перехода различных стран к социализму, отличающихся от того пути, который прошел СССР, о необходимости изменить отношение коммунистов к социал-демократии [37] и др.

Концептуальные изменения в восприятии советским руководством внешнего мира и общего расклада сил в международных отношениях, зафиксированные в материалах XX съезда КПСС, были углублены, развиты и дополнены в речах и выступлениях Н. С. Хрущева и партийно-государственных документах последующих лет.

Продемонстрированное на XX съезде более оптимистичное видение роли СССР в окружающем мире нашло отражение и в заявлении, сделанном Хрущевым на XXI съезде КПСС (1959 г.). Он отметил, что положение в мире «коренным образом изменилось. Нет уже больше капиталистического окружения нашей страны... В мире нет сейчас таких сил, которые могли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь. Опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена. Это значит, что социализм победил не только полностью, но и окончательно» [38]. Мы не затрагиваем в данном случае вопроса о том, насколько это заявление Хрущева было обоснованным с точки зрения реального анализа всемирно-исторического процесса, в частности, конкретного содержания эволюции Советского Союза. Мы лишь фиксируем отход Хрущева от сталинской догмы, согласно которой выживание советского режима находилось под постоянной угрозой со стороны внешнего капиталистического окружения. С некоторыми модификациями и дополнениями тезис, высказанный Хрущевым на XXI съезде, был зафиксирован и в новой Программе КПСС, принятой в октябре 1961 г. XXII съездом партии.

В Программе, как и в документах XX и XXI съездов, говорилось, что единственный источник военной опасности — это по-прежнему империализм, го-

товящий не просто войну, а «мировую термоядерную войну, которая может причинить невиданные разрушения целым странам, истребить целые народы». Поэтому усилия народов должны быть сосредоточены на том, чтобы «своевременно обуздать империалистов, лишить их возможности пустить в ход смертоносное оружие... И это в состоянии сделать нынешнее поколение людей» [39]. Повторив выдвинутый на XX съезде тезис о возможности предотвращения мировой войны в современных условиях, авторы Программы, опираясь на положения, выдвинутые XXI съездом, записали в документе: «Возрастающий перевес сил социализма над силами империализма, сил мира над силами войны ведет к тому, что еще до полной победы социализма на Земле, при сохранении капитализма в части мира, возникает реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества» [40]. Это означало окончательный отказ от тезиса о фатальной неизбежности войны, пока существует капитализм, который может существовать еще неопределенно долгое время (что, правда, находилось в явном противоречии с четвертым разделом Программы, все содержание которого было призвано доказать, что капитализм находится в состоянии всеобщего и непрестанно прогрессирующего кризиса и потому обречен на неизбежную гибель) [41].

Из этого, в свою очередь, следовало, что перед СССР и его союзниками на передний план вставала задача решения вопроса о том, как строить дальнейшие отношения с капиталистическими странами и какой характер должны носить эти отношения. В этой связи в Программе подчеркивалось, что «мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств — объективная необходимость развития человеческого общества. Война не может и не должна служить способом решения международных проблем. Мирное сосуществование или катастрофическая война — только так поставлен вопрос историей» [42]. Далее в Программе содержалось развернутое определение мирного сосуществования, которое «предполагает: отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учет интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды» [43].

Будь все эти установки последовательно переведены в плоскость практических действий советской дипломатии (разумеется, при аналогичном встречном движении Запада), не исключено, что «холодная война» могла бы закончиться намного раньше, чем это произошло в действительности. Но дальше в новой Программе КПСС содержалась та «ложка дегтя», которая в значительной мере сводила на нет все благородные помыслы, заложенные в вышеперечисленных установках. «Мирное сосуществование,— говорилось в документе,— служит основой мирного соревнования между социализмом и капитализмом в международном масштабе и является *специфической формой классовой борьбы между ними*» [44] (курсив наш.— *Авт.*).

Здесь придется немного отступить и сделать два замечания:

1. С 1961 г. определение мирного сосуществования как «специфической формы классовой борьбы» прочно закрепилось в партийно-государственных документах СССР, активно пропагандировалось и внедрялось в сознание населения страны и за рубежом и просуществовало вплоть до XXVII съезда КПСС, т. е. до 1986 г.

2. Такая трактовка мирного сосуществования означала, что советское руководство (хотя и в завуалированной форме) по-прежнему во главу угла ставило «классовый интерес» в его марксистском понимании и интерпретации, т. е. заботу о победе «дела рабочего класса» во всемирном масштабе. Такой подход не мог не настораживать руководителей капиталистических государств, сомневавшихся в искренности советских деклараций относительно стремления к мирному сосуществованию на основе действительного невмешательства во внутренние дела и признания за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей

страны. Тем более что наряду с призывами к мирному сосуществованию ключевым моментом всех выступлений Н. С. Хрущева (и соответственно партийно-государственных документов того времени), касавшихся вопросов внешней политики, продолжало оставаться обоснование идеи о необходимости всемерного укрепления «лагеря социализма», «мировой социалистической системы», а также всяческой поддержки национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран в качестве «интернационального долга» КПСС и СССР.

В отличие от Сталина и его окружения советское руководство в годы правления Хрущева не рассматривало метод нагнетания международной напряженности с последующим сохранением высокого уровня конфронтации как один из способов поддержания «на плаву» и сохранения советского режима. Искренне веря в неисчерпаемые и еще не до конца раскрытые возможности советской власти, Хрущев и его сторонники стремились к тому, чтобы главным фактором, обеспечивающим поддержку населением СССР существующего строя, была не нагнетаемая тревога в связи с постоянно раздуваемой внешней опасностью, а повышение уровня жизни народа в сочетании с существенно отличными от сталинских методами политического контроля общества.

При такой установке Москва стала рассматривать обострение международной напряженности не только как ненужное, но и вредное явление мировой политики, которое можно и нужно ограничить и по возможности нейтрализовать. Высокий уровень напряженности стал рассматриваться не столько как неизбежный результат «всемирной классовой борьбы», сколько как следствие «холодной войны», которое может быть ликвидировано, если Восток и Запад сумеют наладить нормальные межгосударственные контакты, избавиться от взаимного недоверия, усилить торгово-экономические связи. Не случайно во второй половине 50-х — начале 60-х гг. в выступлениях советских руководителей, в пропаганде в нарастающей степени проводилась мысль о пагубности сохранения высокого уровня международной напряженности, поскольку она повышает угрозу войны, рождает негативные последствия для дела революции, стимулирует репрессии внутри капиталистических стран, способствует наращиванию политического капитала консервативно-милитаристского крыла в правящих кругах западных стран, подстегивает расточительную и для Запада, и для Востока гонку вооружений.

Отказ от сталинского тезиса о фатальной неизбежности новой войны сопровождался усилением советской аргументации в пользу решения важнейшей международной проблемы — прекращения гонки вооружений, а также наращиванием практических шагов и инициатив советского руководства в направлении решения этой проблемы. Правда, декларировалось все это в весьма своеобразной форме.

В докладе на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев отмечал: «Капиталисты и ученые защитники их интересов распространяют „теории“, будто от экономических кризисов можно спастись, непрерывно расширяя производство вооружений. Представители марксистско-ленинской науки не раз указывали, что это пустые иллюзии. Гонка вооружений не лечит болезнь, а загоняет ее внутрь. И чем шире будет проводиться милитаризация экономики, тем тяжелее для капитализма будут ее последствия» [45]. Как видим, Хрущев говорит здесь о последствиях гонки вооружений только для капитализма, обходя молчанием вопрос о ее последствиях для народов СССР, что оставляло простор для рассуждений сомнительного свойства, вроде того, что для Советского Союза гонка вооружений не так обременительна, как для Запада. Правда, в другом месте доклада Хрущев говорил: «...что же касается вопроса о разоружении, то мы не пожалеем усилий для того, чтобы решить эту важнейшую проблему» [46]. В такой констатации уже просматривался намек, что и для населения СССР безудержное наращивание «военных мускулов» отнюдь не является благом, учитывая ту цену, которую ему приходится за это платить.

На XXII съезде КПСС высказывания Хрущева по этому вопросу более определенны. Отметив, что «в нынешних условиях становится еще более очевидной необходимость борьбы народов за избавление от гонки вооружений», он далее

заявил: «Проблема разоружения затрагивает кровные интересы каждого народа и всего человечества» [47], т. е. никакого различия в этом вопросе между капиталистическими и некапиталистическими странами уже ни прямо, ни косвенно не проводилось. В принятой съездом новой Программе КПСС тезис о разоружении как бы синтезировал все предшествовавшие высказывания Хрущева по этому вопросу: «Империализм взвалил на народы неслыханное бремя вооружений. Социализм видит свой долг перед человечеством в том, чтобы избавить его от этой бессмысленной растраты национальных богатств» [48].

Благотворное влияние в плане расширения эвентуальных возможностей советской дипломатии оказывал отход Хрущева и его единомышленников от господствовавшего в сталинские годы восприятия США как самого «непримиримого и лютого врага» всего, что есть в мире прогрессивного, с которым следовало разговаривать только на языке силы. Изменения в восприятии советским руководством образа США стали, по нашему мнению, следствием, во-первых, представления более объективной информации «наверх» советскими специалистами и аналитиками, в отличие от прошлых лет не ориентируемыми на поиск и обнаружение повсюду одних только «врагов», и, во-вторых, личных наблюдений и умозаключений Хрущева, ставшего первым советским лидером, решившимся съездить за океан, в самое «логово империализма».

В докладе на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев заявил: «Для укрепления дела мира во всем мире имело бы огромное значение установление прочных дружественных отношений между двумя крупнейшими державами мира — Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Мы полагаем, что если бы в основу отношений между СССР и США были положены известные пять принципов мирного сосуществования, это имело бы поистине выдающееся значение для всего человечества и было бы, конечно, полезно народу США не меньше, чем народам СССР и всем другим народам» [49].

К концу 50-х — начала 60-х гг. на смену бытовавшим в середине 50-х гг. еще весьма туманным высказываниям советских представителей о наличии на Западе «трезвых голов» и «дальновидных деятелей» пришли вполне определенные и неоднократно высказывавшиеся Хрущевым соображения о том, что с лидерами США возможно и необходимо вести диалог по кардинальным международным проблемам и договариваться. Такая позиция базировалась на осознании того факта, что в США так же, как и в ряде других капиталистических стран, идет процесс дифференциации, «размежевания» в правящей элите, сопровождаемый появлением двух четко различаемых группировок: одной — воинственной, наживающейся на гонке вооружений и потому крайне антисоветски настроенной, другой — умеренной, не связанной непосредственно с военно-промышленным комплексом, осознающей возможные катастрофические последствия ядерной войны и потому заинтересованной в улучшении отношений с Советским Союзом. Исходя из этого, перед советской дипломатией выдвигалась задача: не забывая о наличии первой группировки, прежде всего искать пути к налаживанию контактов и диалогу со второй. Наряду с этим Хрущев неоднократно подчеркивал особую совместную ответственность, лежавшую на США и СССР как на двух великих державах, за предотвращение ядерной катастрофы и урегулирование конфликтов в различных «горячих точках» Земли. Например, выступая в июле 1959 г. в Днепропетровске, Хрущев заявил: «Наша страна и США — это две самые могущественные державы в мире. Если другие страны подерутся между собой, то их еще можно будет разнять. Но если начнется война между Америкой и нашей страной, то ее никто другой уже не остановит. Это будет катастрофа огромных масштабов. Поэтому надо приложить все усилия к тому, чтобы решить имеющиеся спорные вопросы без войны...» [50].

Констатируя в первое десятилетие после смерти Сталина существенные подвижки в подходах и взглядах советского руководства на определение общих идейно-теоретических и концептуально-доктринальных основ внешней политики государства, в то же время нельзя не обратить внимания на фактически полную

консервацию советской военной доктрины в тот период. Особенно, что касается такого важнейшего вопроса, как соотношение категорий политики и войны в условиях появления принципиально нового, ракетно-ядерного оружия.

Напомним, что в июне 1955 г. на Западе был обнародован манифест крупнейших ученых мира — Б. Рассела и А. Эйнштейна, в котором содержалось предостережение, что если вспыхнет война с применением водородных бомб, то она может уничтожить род человеческий [51]. По-разному оно было встречено на Востоке и на Западе.

В западном мире тезис о том, что в ядерной войне не будет победителей и она грозит гибелью всей цивилизации на Земле, был воспринят значительной частью общественности со вниманием. Его поддержали ряд политиков и ученых, в том числе американский сенатор Д. Фулбрайт, французский историк и социолог К. Дельмас, английский исследователь Э. Дж. Кингстон-Макклори и др. Не без воздействия ученых во второй половине 50-х — начале 60-х гг. в трудах некоторых политологов и военных теоретиков Запада начинает формулироваться идея, что в ракетно-ядерную эпоху война перестает быть инструментом политики и не может больше служить средством достижения политических целей, т. е. ставился вопрос о пересмотре соотношения политики и войны и о том, что знаменитая формула К. Клаузевица «война есть продолжение политики насильственными средствами» утратила смысл в современных условиях. Дань новым веяниям отдавали и высокопоставленные политики. Даже президент США Д. Эйзенхауэр в обращении к американскому обществу газетных издателей весной 1956 г. счел необходимым заметить: «...Война в наше время стала анахронизмом. Как бы то ни было в прошлом, война в будущем не может служить никакой полезной цели» [52] (что, впрочем, не мешало администрации Д. Эйзенхауэра осуществлять меры по наращиванию военного потенциала США и заменить трумэновскую доктрину «сдерживания коммунизма» на еще более агрессивную доктрину «отбрасывания коммунизма»).

В СССР манифест Рассела — Эйнштейна был обойден полным молчанием. Что же касается советских правящих кругов и официальной науки, в том числе разработчиков и популяризаторов «марксистско-ленинского учения о войне и армии», то в этих сферах положение о том, что ядерная война в современных условиях чревата гибелью человеческой цивилизации и потому не может быть инструментом политики, было встречено откровенно негативно, что объяснялось, на наш взгляд, крайней задогматизированностью тогдашней советской военно-политической мысли, а также интересами постепенно набиравшего силу военно-промышленного комплекса СССР. Весьма своеобразной была реакция Н. С. Хрущева на высказывания американских и западноевропейских политологов о том, что ракетно-ядерная война грозит гибелью человечеству. «Эти деятели еще не решаются заявить,— говорил он на XX съезде КПСС, что капитализм найдет себе могилу в новой мировой войне, если он ее развяжет, но они уже вынуждены открыто признать, что социалистический лагерь непобедим» [53].

Высказывания западных политологов и военных специалистов о том, что в ядерной войне не будет победителей, интерпретировались в советской печати и в трудах, претендовавших на научность, как свидетельство страха империалистической реакции перед будущим, и предназначались, по мнению советских авторов, для «маскировки агрессивной политики империализма» [54]. Комментируя высказывание Г. М. Маленкова от 12 марта 1954 г. о возможности гибели человечества в случае ядерной войны, профессор, генерал-лейтенант С. Н. Красильников писал в примечаниях к книге Г. Киссингера «Ядерное оружие и внешняя политика», переведенной на русский язык, что заявление бывшего советского премьера «принципиально неправильно». По мнению военного профессора, говорить о гибели цивилизации на Земле нельзя, ибо нет никакого сомнения, что результатом третьей мировой войны, если ее развяжут империалисты, будет полная ликвидация капитализма и победа социализма во всемирном масштабе [55],

т. е. Красильников повторял в данном случае более раннее высказывание Маленкова, сделанное им 6 ноября 1949 г.

Абсолютное неприятие необходимости пересмотра соотношения категорий политики и войны в связи с появлением ядерного оружия на долгие годы утвердилось в документах и трудах, определявших советскую военную доктрину. «Совершенно очевидно,— подчеркивалось в книге „Военная стратегия",— что подобные взгляды являются следствием метафизического, антинаучного подхода к таким общественным явлениям, как война, и порождены идеализацией нового оружия. Известно, что сущность войны как продолжения политики не меняется в зависимости от изменения техники и вооружения. Выводы, противоположные этим, понадобились военным идеологам империализма (таким образом, и Б. Рассел, и А. Эйнштейн автоматически зачислялись в „идеологи империализма".— *Авт.*) для того, чтобы оправдать свой курс на подготовку новой войны и поставить развитие экономики, науки и техники на службу военной организации» [56].

Оставаясь на позициях незыблемой уверенности, что в вероятной будущей ракетно-ядерной войне, которая станет глобальной конфронтацией двух противоположных общественно-политических систем, победа будет, безусловно, на стороне социализма, советские военные теоретики в этой связи уделяли большое внимание проблеме первого, упреждающего ядерного удара и фактору внезапности. Считалось, что стратегическая внезапность в начальный период войны могла быть обеспечена нанесением неожиданного упреждающего ракетно-ядерного удара по территории противника, по его политическим и промышленным центрам, по районам дислокации ракетной техники и аэродромам, по группировкам военно-морских и сухопутных сил. Такой внезапный ракетно-ядерный удар должен был привести если не к немедленному разгрому противника, то по крайней мере поставить его в крайне тяжелое положение.

В 60-е гг. в ряде советских работ неоднократно писалось о том, что в США разрабатывались «стратегия превентивной ядерной войны» и планы внезапного ракетно-ядерного нападения на СССР [57]. Вполне возможно, что так оно и было. Но есть основания утверждать, что подобные замыслы существовали и в стратегических разработках советского Генерального штаба. Некоторые положения таких разработок можно обнаружить в советских публикациях того времени, прежде всего в книге «Военная стратегия», первое издание которой вышло в 1962 г. под редакцией маршала В. Д. Соколовского [58].

Основываясь на анализе такого рода печатных трудов и выступлений, а также поступавших в западные страны разведданных, американские и некоторые западноевропейские политики пришли к заключению, что советское военно-политическое руководство рассматривает в практическом ключе возможность нанесения внезапного упреждающего ракетно-ядерного удара по своим вероятным противникам. На Западе таким образом представляемая советская военно-стратегическая концепция получила название «доктрины Соколовского». В Москве были предприняты попытки опровергнуть подобные оценки. Министр обороны СССР Р. Я. Малиновский писал в 1962 г.: «...Мы не сторонники известного военного афоризма: лучший способ обороны — нападение. Он принципиально не подходит социалистическим государствам, миролюбивым по своей природе. Мы выдвигаем другой: лучшим способом обороны является предупреждение противника о нашей силе и готовности разгромить его при первой же попытке совершить акт агрессии» [59].

По мере накопления в СССР атомно-водородного оружия и средств его доставки в любую точку земного шара менялись советские оценки места и роли этого оружия в возможной будущей войне. Еще в 1955 г. генерал-майор технической службы Г. Покровский, отражая общепринятую тогда точку зрения по этому вопросу, писал: «Атомное и термоядерное оружие на данной стадии развития лишь дополняет боевую мощь старых видов вооружений. Артиллерия, стрелковое вооружение, танки, авиация и другие вооружения были и остаются основой боевой мощи армии» [60]. К концу 50-х гг. в советской печати, в выступлениях государст-

венных деятелей стали появляться другие высказывания и оценки на этот счет. «...Сейчас у нас накоплено такое количество ракет,— говорил Хрущев в ноябре 1959 г.,— такое количество атомных и водородных зарядов, что если бы на нас напали, то мы сможем смести с лица Земли всех вероятных своих противников» [61]. Выступая на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.), министр обороны СССР Р. Я. Малиновский заявил: «Применение атомного и термоядерного оружия и неограниченные возможности его доставки к любой цели в считанные минуты с помощью ракет позволяют в кратчайшие сроки достигать решительных военных результатов на любой дальности и на огромной территории» [62]. С начала 60-х гг. ядерное оружие стало оцениваться в СССР как один из решающих факторов победы в вероятной ракетно-ядерной войне. В то же время продолжали раздаваться призывы против недооценки и других видов вооружений в возможной войне. «Несмотря на то, что в будущей войне решающее место будет принадлежать ракетно-ядерному оружию,— говорил Малиновский на XXII съезде КПСС,— все же мы приходим к выводу, что окончательная победа над агрессором может быть достигнута только в результате совместных действий всех видов вооруженных сил» [63].

В этой связи в СССР, как, впрочем, и в США, большое значение придавалось задаче накопления максимального количества оружия, в том числе и ядерного. Выступая 14 января 1960 г. на сессии Верховного Совета СССР, Н. С. Хрущев отмечал: «В наше время обороноспособность страны определяется не тем, сколько у нас солдат под ружьем... Если отвлечься от общих политических и экономических факторов... то обороноспособность страны в решающей степени зависит от того, какая огневая мощь и какие средства доставки находятся в распоряжении данной страны» [64]. В очередном издании книги «Марксизм-ленинизм о войне и армии» (1961) об этом говорилось еще прямее: «Исключительное, первостепенное значение приобретает запас ядерных зарядов и средств их доставки к целям» [65]. И как бы подытоживая все сказанное, авторы упомянутого труда «Военная стратегия» подчеркивали: «Чем эффективнее государство использует накопленные до войны силы и средства, тем больших результатов оно может достигнуть в самом начале войны, тем быстрее добьется победы» [66].

Однако нельзя не заметить, что постулаты советских лидеров и военных теоретиков были весьма далеки от реальности. В начале 60-х гг. ядерная мощь США во много раз превосходила ядерный потенциал СССР. По данным бывшего министра обороны США Р. Макнамары, соотношение ядерных сил СССР и США в этот период было 1 : 17 в пользу США [67]. КПСС и советское правительство ставили перед оборонной промышленностью задачу догнать США по количеству ядерных зарядов и средств их доставки к цели. Это означало, что Советский Союз втягивался в изнурительную гонку вооружений. Поскольку в США не прекращались работы по совершенствованию ядерного оружия, то СССР оказывался в положении догоняющего, что требовало колоссальных усилий военной промышленности, огромных материальных и финансовых затрат.

В целом изменения, происшедшие в доктринальных основах советской внешней политики за 1953—1964 гг., на наш взгляд, не поддаются однозначной оценке. С одной стороны, нельзя не видеть их весьма радикальный характер и новизну. С другой — было бы неверно преувеличивать их значение и уж тем более идеализировать. Названные с легкой руки И. Эренбурга «оттепелью» годы правления Хрущева были действительно «оттепелью» во внутренней и внешней политике СССР, но не более того. Немалую роль при этом сыграли и личные качества Хрущева, человека энергичного, но в то же время импульсивного, взрывного, способного на экстравагантные поступки и высказывания, противоречившие его программным политическим заявлениям. Будучи продуктом своей среды и эпохи, Хрущев свято верил в конечную победу социализма и коммунизма во всем мире и не помышлял об отказе от классового подхода при оценке явлений внутренней и международной жизни. Может быть, поэтому в его речах и выступлениях повторялся весьма сомнительный тезис о том, что «если империализм развяжет третью

мировую войну, то он в ней и погибнет». В том или ином виде Хрущев говорил об этом на XX, XXI, XXII съездах КПСС [68]. В то же время, придя к выводу о том, что фатальной неизбежности новой войны больше нет, и будучи по натуре прагматиком, Хрущев вернулся к концепции мирного сосуществования и выдвинул ее на первый план, а также способствовал появлению ряда других новаций в сфере внешней политики, которые расширяли практические возможности советской дипломатии по налаживанию контактов и связей с западными странами.

Вместе с тем, рассматривая мирное сосуществование как «специфическую форму классовой борьбы на мировой арене», Хрущев и его сподвижники в конечном счете исходили не из принципа баланса интересов различных государств, а из принципа баланса сил в мире. Борьба за мир увязывалась с общедемократическим и антиимпериалистическим движением, в первую очередь с борьбой рабочего класса против международного капитала. Постоянные ссылки на углубление общего кризиса капитализма, подчеркивание его «обреченности», неизбежности его гибели приводили к недооценке возможностей капиталистического способа производства, к игнорированию его ресурсов, создавали искаженную картину мирового исторического процесса, исключали признание многовариантности развития стран мира. Такой подход Кремля затруднял, а в некоторых случаях делал невозможным достижение компромиссов между социалистическими и капиталистическими государствами. Несмотря на появление некоторых новых подходов к внешней политике, по крупному счету советское руководство при Хрущеве так и не смогло полностью освободиться от доктринальных оков сталинизма во взаимоотношениях не только с капиталистическими, но и социалистическими государствами (ведь для поддержания «единства и сплоченности социалистического лагеря» Москва по-прежнему применяла прежде всего методы силового давления).

К тому же не следует забывать, что многие инициативы Хрущева и его сторонников постоянно наталкивались на скрытое, а иногда и явное сопротивление тех слоев партноменклатуры, которых страшил слишком радикальный, по их мнению, отход Хрущева от «незыблемых основ» марксистско-ленинской теории и практики строительства социализма. Именно представители этих слоев в конце концов и отстранили его от власти осенью 1964 г.

Приход в октябре 1964 г. к управлению партией и государством Л. И. Брежнева и его «команды» не принес каких-либо кардинальных изменений в подходе советского руководства к основам внешней политике СССР. По-прежнему ее двумя главными «китами» оставались мирное сосуществование и пролетарский интернационализм. Но что касается приоритетности и соподчиненности ее принципиальных установок и конкретных целей, то здесь изменения проявились, и довольно скоро.

В отличие от Хрущева, заявившего на XX съезде КПСС о том, что «ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем был и остается генеральной линией внешней политики нашей страны», и потому задача № 1 в области внешней политики СССР — «неуклонно проводить... политику мирного сосуществования» [69] (в таком же духе Хрущев неоднократно высказывался и в последующие годы), Брежнев уже в своем докладе 6 ноября 1964 г. продемонстрировал другой подход: на первое место им были поставлены задачи укрепления сплоченности социалистических стран, оказания неизменной поддержки национально-освободительной борьбе народов Азии, Африки, Латинской Америки, и только после этого было сказано о необходимости и дальше проводить политику мирного сосуществования [70]. С такой же последовательностью перечислялись внешнеполитические приоритеты Советского Союза и в выступлениях Брежнева на XXIII (1966 г.), XXIV (1971 г.), XXV (1976 г.) и XXVI (1981 г.) съездах КПСС.

Отмеченные изменения в приоритетной последовательности внешнеполитических целей СССР не были случайными. В одном из официозных изданий начала 70-х гг. по этому поводу говорилось: «Одно время получил распростра-

нение тезис о том, что мирное сосуществование государств с различными общественными системами „является генеральной линией политики нашей страны". Это было связано с волюнтаристской интерпретацией основополагающих принципов внешней политики СССР. Такая интерпретация этих принципов противоречила теоретическим основам и практике внешней политики социалистического государства» [71]. Подобные рассуждения были характерны для многих изданий второй половины 60-х — начала 70-х гг., касавшихся советской внешней политики. Это означало, что советское руководство вновь стало отдавать приоритет задаче расширения рамок социалистической системы, а добиться этого, как представлялось, можно было прежде всего благодаря укреплению единства социалистического лагеря (начиная с 60-х гг. все чаще именуемого «социалистическим содружеством») и оказанию эффективной поддержки революционным силам в странах «третьего мира».

В целом же в годы брежневского правления оставались в силе основные доктринальные и концептуальные новации в области внешней политики, предложенные ранее Хрущевым. Так, никто не подвергал сомнению тезисы о прорыве капиталистического окружения в результате Второй мировой войны, об «окончательной победе» социализма в СССР и о том, что в результате глобальных перемен, происшедших на планете, новая мировая война более не является фатальной неизбежностью. Представители советского руководства продолжали говорить о размежевании правящих кругов капиталистических стран на умеренные и консервативные силы, повторяя, что с ростом здравомыслия на Западе появляется возможность достижения серьезных соглашений по разоружению и разрядке международной напряженности. Иллюстрацией некоторого изменения в восприятии советским руководством окружающего мира может служить тот факт, что начиная с XXIV съезда КПСС (1971 г.) ни в докладах Генерального секретаря ЦК КПСС, ни в других документах съездов больше не фигурировал тезис о том, что, «если империализм развяжет третью мировую войну, то он в ней и погибнет».

В то же время с именем Брежнева связано появление концепции, сыгравшей не последнюю роль в драматической истории социалистической системы и в консервации ледников «холодной войны». Речь идет о доктрине «ограниченного суверенитета», как ее нарекли на Западе. Строго говоря, контуры этой доктрины были очерчены кремлевскими идеологами и политиками до того, как Брежнев пришел к руководству страной. Еще в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в ноябре 1957 г., отмечалось, что такие важные принципы, как соблюдение полного равноправия, уважение территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательство во внутренние дела друг друга не исчерпывают сущности отношений между социалистическими странами, поскольку «неотъемлемой частью их взаимоотношений является братская взаимопомощь», в которой «находит свое действенное проявление принцип социалистического интернационализма» [72]. При этом умалчивалось, было ли обязательным условием оказания такой помощи открытое и добровольное обращение за ней к другим странам со стороны легитимного руководства какой-либо из социалистических стран. Далее в Декларации подчеркивалось, что «сплоченность и тесное единство социалистических стран являются верной гарантией национальной независимости и суверенитета каждой социалистической страны» [73], из чего вытекало, что в случае нарушения или ослабления по какой-либо причине такого единства между одной из стран и остальными членами «социалистического лагеря» (как это произошло, например, с Югославией) якобы подрывалась или исчезала и такая гарантия. В заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, прошедшего в ноябре 1960 г. в Москве, «строгое соблюдение принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма» объявлялось уже «нерушимым законом взаимоотношений между социалистическими странами» [74].

Доктрина «ограниченного суверенитета» особенно активно пропагандировалась советским руководством в период подготовки и осуществления в 1968 г. военного вторжения СССР и его союзников по Варшавскому Договору в Чехословакию и была призвана обосновать правомерность этой акции [75]. В ряде выступлений летом—осенью 1968 г. Брежнев настойчиво продвигал тезис, согласно которому никто не вправе вмешиваться извне в процессы строительства социализма в странах «социалистического содружества», но дело меняется коренным образом, когда возникает угроза существованию социализма в той или иной стране (при этом замалчивался вопрос о том, кому должна принадлежать прерогатива определения такой «опасности»), поскольку ответственность за судьбы социализма несут коллективно все члены «содружества», и в первую очередь Советский Союз [76]. В обобщающем документе Международного Совещания коммунистических и рабочих партий, прошедшего в Москве в июне 1969 г., вновь подчеркивается тезис: «Защита социализма — интернациональный долг коммунистов» [77].

Внедрение доктрины «ограниченного суверенитета» во взаимоотношения социалистических стран надолго затормозило и заморозило всякие попытки и надежды руководителей некоторых стран «содружества» отойти от советской тоталитарной модели социализма и придать ему «человеческое лицо». Кроме того, реализация этой доктрины усиливала аргументацию тех западных политиков и политологов, которые постоянно высказывали сомнение в искренности миролюбивых заявлений и призывов советского руководства, поскольку уже в самих доктринальных основах его политики было заложено неприятие таких основополагающих демократических принципов общения между народами и государствами, как уважение права каждого народа на самостоятельный выбор общественного устройства своего государства и уважение его суверенитета.

Хотя многое отличало Брежнева как государственного деятеля и как человека от Хрущева, по сути новый генеральный секретарь был в неменьшей степени склонен к прагматизму, чем его предшественник. Исследователям еще предстоит выявить весь комплекс причин (включая и подвижки концептуально-доктринального характера), побудившие Брежнева и его окружение пойти на реализацию во взаимоотношениях с Западом политики, приведшей к разрядке международной напряженности в 70-х гг. В докладе Брежнева на XXV съезде КПСС переход от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке увязывался прежде всего с изменениями, происшедшими, по версии Кремля, в соотношении сил на мировой арене [78]. Но только ли это стимулировало советское руководство предпринять шаги к разрядке? И как далеко простирались замыслы советских руководителей: рассматривали ли они линию на разрядку как долгосрочную стратегическую перспективу или же считали маневром тактического уровня, необходимым для достижения определенных целей лишь на данном отрезке времени? В то же время стоит подумать и о том, как соотносилась политика разрядки с постулатами советской внешней политики. В связи с этим обращает на себя внимание следующее высказывание Брежнева на XXV съезде КПСС: «Разрядка ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы... Мы не скрываем, что видим в разрядке путь к созданию более благоприятных условий мирного социалистического и коммунистического строительства» [79]. Что означало это заявление? Был ли это ответ на обвинения советского руководства со стороны ультралевых элементов в коммунистическом движении и в «третьем мире» в том, что, идя на сближение с Западом, оно «предает дело мировой революции»? Или же напоминание Западу, а заодно и всем инакомыслящим внутри страны, что «классовый подход» был и остается незыблемой основой определения внешнеполитических приоритетов СССР? Или и то, и другое вместе?

Во второй половине 60-х, в 70-е и в начале 80-х гг. постепенно формировались новые подходы к определению и трактовке некоторых элементов советской военной доктрины. По нашему мнению, это объяснялось воздействием все же проникавших в СССР (несмотря на его сохранявшуюся сильную изолированность от внешнего мира) реалистических идей и взглядов с Запада (что не мешало,

впрочем, Вашингтону проводить линию на преднамеренное экономическое изматывание СССР), а также тем, что в Советском Союзе пришло в политику, в науку, в военное дело поколение «шестидесятников», представители которого считали, что необходимы решительный разрыв со сталинизмом, существенный пересмотр внутренней и внешней политики страны.

Это касалось и таких важных проблем, как возможная роль ядерного оружия в глобальном конфликте в случае его возникновения, а также соотношение военной силы и политики в ракетно-ядерный век. Известно, что к началу 70-х гг. СССР ценой огромных усилий догнал США по количеству ядерных зарядов. Таким образом, было достигнуто примерное равновесие ядерных потенциалов СССР и США. Достижение военно-стратегического паритета между СССР и США расценивалось советским руководством как событие исторической важности, как фактор укрепления безопасности Советского Союза и других социалистических стран [80]. Равновесие между СССР и США в военно-стратегической области в определенной степени повлияло на дальнейшее развитие советско-американских отношений, поскольку становилось ясно, что ни та, ни другая сторона не допустит превосходства своего соперника в военной области. И, видимо, не случайно именно в 70-е гг. одной из главных концепций, взятых на вооружение руководством США и СССР, стала концепция ядерного сдерживания, или, как ее называли некоторые западные политики и военные, ядерного устрашения.

Возникла парадоксальная ситуация, когда политическое и военное руководство СССР и США, казалось бы, понимая невозможность использования ядерного оружия для достижения политических целей, в то же время никак не отказывалось от наращивания своих военных потенциалов, включая и ракетно-ядерные, стремясь получить хоть какое-то превосходство (или не допустить такового) над другой стороной. Исследовавший эти вопросы А. А. Кокошин отмечал, что в конечном счете доктрина ядерного устрашения вела к росту нестабильности в мире, оправдывала существование и укрепление военно-политических блоков, стимулировала гонку вооружений [81].

И все же и в Москве, и в Вашингтоне постепенно (хотя и очень медленно) стали осознавать (исследователям еще предстоит выяснить, под воздействием каких обстоятельств), что ни ядерный паритет, ни ядерное сдерживание не могут служить долгосрочными и надежными гарантиями прочного и устойчивого мира на планете, поскольку они создавали равновесие страха, которое при отсутствии взаимного доверия гарантировало лишь временное сохранение мира. Во второй половине 70-х — начале 80-х гг. на различного рода открытых и закрытых заседаниях в аналитических материалах, представляемых «наверх» научными учреждениями, в советской печати стали появляться критические суждения по поводу концепции ядерного сдерживания. Высказывались соображения о том, что Советский Союз и США обладают примерно одинаковой военной мощью, обеспечивающей в случае войны «взаимное гарантированное уничтожение». На победу над противником, как это было в прошлых войнах, рассчитывать не приходилось. Не давали надежды на выигрыш в войне и планы упреждающих ударов по территории вероятного противника, поскольку подвергшаяся нападению сторона в считанные минуты, за время полета ракет противника, способна нанести сокрушительный ответный удар по агрессору. Есть основание полагать, что в конце 70-х — начале 80-х гг. в высшем эшелоне власти СССР стали все более внимательно (опять-таки еще предстоит выяснить, по каким причинам) прислушиваться к такого рода аргументам. На это указывает ряд высказываний Брежнева и других представителей советского руководства в то время.

Пожалуй, «первой ласточкой», засвидетельствовавшей определенные подвижки, стало выступление Л. И. Брежнева 18 января 1977 г. в Туле. На это выступление обратили тогда внимание многие советские и зарубежные аналитики. В своей речи Брежнев, во-первых, отрицал утверждение, что Советский Союз стремится достичь военного превосходства над Западом и готовит для этого «упреждающий удар». «Мы, конечно, товарищи, совершенствуем оборону,— сказал он.— Иначе и быть не может. Безопасностью нашей страны, безопас-

ностью наших союзников мы никогда не поступались и не поступимся. Но вздорными, совершенно необоснованными являются утверждения, будто Советский Союз идет дальше того, что достаточно для обороны, будто он стремится к превосходству в вооружениях с целью нанесения „первого удара"... Наши усилия на то и направлены, чтобы дело не дошло ни до первого, ни до второго ударов, чтобы вообще не было ядерной войны» [82].

Мы и сегодня еще не располагаем достоверными документами, которые давали бы основание утверждать, что сказанное Брежневым действительно означало какой-то поворот в военно-стратегическом мышлении советского руководства, а не было лишь декларативным заявлением, призванным по мере возможности успокоить Запад. И все же, как нам представляется, такое заявление (пусть даже и декларативное) означало, что в высшем эшелоне власти СССР начали появляться некоторые сомнения по поводу обоснованности бытовавшей в прошлые времена концепции, декларировавшей возможность победить эвентуального противника посредством «превентивного всесокрушающего удара».

Во-вторых, Брежнев весьма отчетливо заявил в Туле, что линия на дальнейшее наращивание вооружений не дает шансов на выигрыш в этой гонке никому. «Не мы, а определенные силы на Западе,— утверждал Брежнев,— раскручивают все новые и новые витки гонки вооружений, прежде всего ядерных... И если этой линии не дать должного отпора, угроза войны будет вновь нарастать. Такая линия одинаково опасна для народов как Востока, так и Запада» [83]. Таким образом, косвенно признавалось, что рассчитывать взять верх в будущей войне — дело бесперспективное.

«Тульская линия», как ее окрестили на Западе, была продолжена и развита в последующих выступлениях и докладах Брежнева. Напомнив в Отчете ЦК XXVI съезду КПСС о приверженности Советского Союза поддержанию «военно-стратегического равновесия между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО», которое «объективно служит сохранению мира на нашей планете», Брежнев далее заявил: «Мы не добивались и не добиваемся военного превосходства над другой стороной. Это не наша политика. Но мы и не позволим создать такое превосходство над нами» [84]. Эти слова были призваны успокоить Запад и продемонстрировать отсутствие у советского руководства намерений добиваться какого-либо военного превосходства над возможным противником. (Мы не касаемся здесь вопроса о том, так ли обстояло дело в действительности.) Но еще более весомые слова Брежнев произнес далее, заявив, что «пытаться победить друг друга в гонке вооружений, рассчитывать на победу в ядерной войне — это опасное безумие» [85].

Такое заявление и на таком уровне было сделано в Советском Союзе, по нашему наблюдению, впервые, что давало основание полагать, что среди высшей номенклатуры стала находить приверженцев идея о том, что ядерная война лишена всякого смысла, что в ней не будет ни победителей, ни побежденных, что она грозит гибелью всему человечеству. Еще определеннее Брежнев высказался по этому поводу, выступая 9 мая 1981 г. в Киеве: «...Средства ведения войны, средства массового уничтожения приобрели теперь такой размах, что применение их поставило бы под вопрос существование многих народов, и более того — всей современной цивилизации» [86]. В июне 1982 г. Брежнев направил второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН послание, в котором отмечалось: «Ядерная война, начнись она, могла бы означать разрушение человеческой цивилизации, а может быть, и гибель самой жизни на Земле» [87]. В этом же послании было объявлено, что Советский Союз «принимает на себя обязательство не применять первым ядерное оружие».

Как это было принято тогда в СССР, заявления Генерального секретаря КПСС квалифицировались как «вклад в развитие марксистско-ленинской науки» и становились основанием для пересмотра некоторых положений советской военной доктрины, в частности, для отказа от тезиса 60-х гг. о «непобедимости социализма» даже в ракетно-ядерной войне, для придания большего значения оборонительным аспектам советской военной доктрины и т. д. Однако выступать с заявлениями о категорическом отказе от применения «всесокрушающего упреж-

дающего удара» по противнику советские военные теоретики и стратеги пока не спешили. В этой связи генерал-полковник И. Н. Родионов, на наш взгляд, верно подметил несоответствие между политическими и военно-техническими аспектами советской военной доктрины, сложившейся в конце 70-х — начале 80-х гг. По его мнению, в результате гонки вооружений к этому времени сложилась ситуация, при которой сдерживание агрессии друг против друга достигалось СССР и США с помощью угрозы взаимного гарантированного уничтожения важнейших объектов ядерным оружием, причем в основе политических установок советской военной доктрины были недопустимость ядерной войны, необходимость отказа от применения ядерного оружия первыми. Таким образом, в политическом плане доктрина имела оборонительную направленность, а в военно-технической сфере по-прежнему приоритет отдавался наступлению как основному виду военных действий. В результате вырисовывалось явное противоречие между доктринальными политическими установками и планируемыми практическими действиями. Вследствие этого возникало недоверие к внешней политике СССР, что в свою очередь вело к продолжению конфронтации и гонки вооружений [88]. Ситуация еще более обострилась после того как в декабре 1979 г. Кремль осуществил акцию, шедшую вразрез с его миротворческими заявлениями: были введены советские войска в Афганистан, и эта страна надолго превратилась в арену незатихающих боевых действий, очаг международной напряженности.

Что же касается взятого Советским Союзом на себя обязательства не применять первыми ядерное оружие, то Запад не последовал этой инициативе СССР, поскольку счел ее сугубо пропагандистской акцией. Принимая во внимание превосходство СССР по обычным вооруженным силам, США продолжали опираться на концепцию, предусматривающую возможность применения ядерного оружия первыми в качестве основы американских гарантий безопасности союзникам.

Кратковременное пребывание (с ноября 1982 г. до марта 1985 г.) на вершине пирамиды партийно-государственной власти СССР Ю. В. Андропова и К. У. Черненко не было отмечено какими-либо существенными изменениями или поворотами в подходах и взглядах советского руководства на трактовку доктринально-концептуальных основ внешней политики. Если чем и отличался этот период от предшествовавших лет, то, пожалуй, дальнейшим обострением отношений Советского Союза с США и некоторыми другими западными странами, что явилось результатом непримиримого противостояния обеих сторон, неоправданного участия советских войск в военных действиях в Афганистане.

Положение дел в сфере международных отношений коренным образом изменилось во второй половине 80-х гг. Сегодня вряд ли найдется такой объективный аналитик или наблюдатель, который стал бы отрицать фундаментальное значение для судеб СССР, России, Европы и всего мира тех кардинальных перемен во внутренней и внешней политике Советского Союза, начало которым было положено приходом в марте 1985 г. к руководству страной М. С. Горбачева и его единомышленников. Анализ причин, обстоятельств и последствий этих изменений — предмет дальнейших специальных исследований. Здесь же отметим, что во второй половине 80-х гг. произошел крутой поворот во взглядах советского руководства на формирование внешней политики СССР. В основе этого поворота было стремление видеть процессы мирового развития, а также место и роль Советского государства в этих процессах такими, какими они являлись на самом деле, а не такими, как их хотелось бы увидеть под действием утопических доктрин.

Главными составляющими поворота, совершенного новым советским руководством, стали:

— отход от абсолютизации классового подхода ко всем явлениям международной жизни и как следствие этого отказ рассматривать борьбу между социализмом и капитализмом в качестве доминанты дальнейшей эволюции мирового сообщества, а также трактовать мирное сосуществование как форму классовой борьбы;

— выдвижение на первый план задачи выработки и претворения в жизнь нового политического мышления, которое, с одной стороны, учитывало бы опыт предшест-

вующих десятилетий борьбы за мир и разрядку, а с другой — аккумулировало бы новые подходы и взгляды, открывающие реальные возможности для решения назревших международных проблем. В 1985—1986 гг. советское руководство приняло ряд решений, определивших основные цели и направления внешней политики СССР, а также основы нового политического мышления как теоретической базы практической политики укрепления всеобщего мира и международной безопасности.

В соответствии с концептуальными установками, обусловленными новым политическим мышлением, советское руководство выступило во второй половине 80-х гг. с целой серией внешнеполитических инициатив, нашедших отклик за рубежом. Авторы этой статьи не ставили перед собой цель ответить на вопросы о том, насколько тщательно эти инициативы были продуманы и проработаны с точки зрения национально-государственных интересов СССР, очередности их выдвижения, динамики и темпов их претворения в жизнь, соответствия реалиям международной обстановки и соотношению сил того времени, учета экономических и морально-психологических издержек, которые пришлось понести советскому обществу, оправданности или неоправданности этих издержек. На наш взгляд, все эти непростые проблемы должны стать предметом специальных исследований. Однако считаем нужным в заключение отметить факт, который представляется нам совершенно очевидным: фундаментальные изменения доктринально-концептуальных основ внешней политики СССР, происшедшие во второй половине 80-х гг., сопровождаемые соответствующими внешнеполитическими акциями, встречное движение Запада к достижению взаимопонимания с Востоком сыграли решающую роль в том, что в конце 80-х — начале 90-х гг. лихорадившая мир несколько десятилетий «холодная война» закончилась.

Примечания

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 176.
[2] См. подробнее: Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1954 (эта книга неоднократно переиздавалась в последующие годы).
[3] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 2. М., 1980. С. 63.
[4] См.: Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 442—487.
[5] См.: Foreign Relations. 1946, vol. VI — Eastern Europe; Soviet Union. Washington, 1969. P. 696—709.
[6] См.: Первые письма с «холодной войны»//Международная жизнь. 1990. № 11. С. 140—148.
[7] Там же. С. 146.
[8] Там же.
[9] См., напр.: Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа. М., 1968. С. 85—87; История дипломатии. Изд. 2. Т. V. М., 1974. С. 245.
[10] Международная жизнь. 1990. № 11. С. 148.
[11] Там же. С. 150—153.
[12] Там же. С. 154.
[13] Там же. С. 138.
[14] История внешней политики СССР 1945—1980. Изд. 4. Т. 2. М., 1981. С. 129—137.
[15] Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948. С. 22—23.
[16] Там же. С. 27.
[17] Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. М., 1949. С. 31—32.
[18] Там же. С. 54.
[19] Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 32—35.
[20] Там же. С. 36.
[21] См.: Tucker R. The Prehistory of the First Detente. Stalin and the Soviet Controversy over Foreign Policy. 1949—1953. Princeton University, 1988. P. 3—12.
[22] Правда. 1949. 7 ноября.
[23] См.: Современная внешняя политика США. Т. 1. М., 1984. С. 188.
[24] См.: Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1949 г. М., 1953. С. 162—163.
[25] Правда. 1951. 6 октября.
[26] См.: Внешняя политика Советского Союза: документы и материалы. 1946 г. М., 1952. С. 632—633.
[27] Правда. 1946. 25 сентября.
[28] Таленский Н. Гениальный вклад в марксистско-ленинское учение о войне и в военную науку//Военная мысль. 1951. № 2. С. 32.

[29] См.: Военная мысль. 1954. № 9. С. 43; Марксизм-ленинизм о войне, армии и военной науке. М., 1955. С. 107.
[30] М а р а н ц П. От Ленина до Горбачева: изменения в советских подходах к отношениям Восток—Запад//США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1. С. 73.
[31] Правда. 1954. 13 марта.
[32] См.: Правда. 1954. 27 апреля.
[33] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 г.: Стеногр. отчет. Т. 1. М., 1956. С. 14—15.
[34] Там же. С. 34—35.
[35] Там же. С. 36.
[36] Там же. С. 37—38.
[37] Там же. С. 22—23, 38—40.
[38] Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчет. Т. 1. М., 1959. С. 107.
[39] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 362.
[40] Там же. С. 363.
[41] Там же. С. 337—345.
[42] Там же. С. 363—364.
[43] Там же. С. 364.
[44] Там же.
[45] XX съезд КПСС. Т. 1. С. 17.
[46] Там же. С. 31.
[47] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 31.
[48] Там же. С. 363.
[49] XX съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. 1. С. 31.
[50] Х р у щ е в Н. С. Мир без оружия — без войн. Т. 1. М., 1960. С. 506.
[51] См. подробнее: Вопросы истории. 1990. № 1. С. 107—109.
[52] Цит. по: К у л а к о в В. М. Идеология агрессии. М., 1970. С. 137.
[53] XX съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. 1. С. 23—24.
[54] См.: Марксизм-ленинизм о войне и армии. Изд. 5. М., 1966. С. 33—35.
[55] К и с с и н г е р Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М., 1959. С. 443.
[56] Военная стратегия. Изд. 3. М., 1968. С. 25—26.
[57] См., напр.: Т р о ф и м е н к о Г. А. Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 43—52.
[58] См.: Военная стратегия. М., 1962. С. 238—239.
[59] М а л и н о в с к и й Р. Я. Бдительно стоять на страже мира. М., 1962. С. 25.
[60] Марксизм-ленинизм о войне, армии и военной науке. М., 1955. С. 168.
[61] Правда. 1959. 18 ноября.
[62] XXII съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. 2. М., 1962. С. 112.
[63] Там же.
[64] Правда. 1960. 15 января.
[65] Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1961. С. 272.
[66] Военная стратегия. М., 1962. С. 454.
[67] См.: Мировая экономика и международные отношения. 1986. № 12. С. 77.
[68] См.: XX съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. 1. С. 38; Внеочередной XXI съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. 1. С. 72; XXII съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. 1. С. 25.
[69] XX съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. 1. С. 41.
[70] См.: Б р е ж н е в Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. Т. 1. М., 1970. С. 23—30.
[71] Е г о р о в В. Мирное сосуществование и революционный процесс. М., 1971. С. 160.
[72] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964. С. 10.
[73] Там же. С. 11.
[74] Там же. С. 51.
[75] См. подробнее: Н о в о п а ш и н Ю. С. Вторжение в Чехословакию в 1968 г. как воплощение «классового подхода»//Славяноведение. 1993. № 1. С. 24—28.
[76] См.: Б р е ж н е в Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. Т. 2. М., 1970. С. 252, 271, 329.
[77] Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969. С. 303.
[78] XXV съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. 1. М., 1976. С. 39.
[79] Там же. С. 57.
[80] См.: Правда. 1980. 24 июня; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 22.
[81] См.: К о к о ш и н А. А. В поисках выхода. Военно-стратегические аспекты международной безопасности. М., 1989.
[82] Б р е ж н е в Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. Т. 6. М., 1978. С. 294.
[83] Там же.
[84] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 22.
[85] Там же. С. 23.
[86] Б р е ж н е в Л. И. Ленинским курсом. Т. 9. М., 1982. С. 98.
[87] Правда. 1982. 16 июня.
[88] См.: Р о д и о н о в И. Н. О некоторых положениях советской военной доктрины//Военная мысль. 1991. № 3. С. 5.

© 1995 г. Т. Ю. КОЧЕТКОВА

ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ ООН И СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

50 лет назад, летом 1945 г. представители 50 государств мира решили объединить свои усилия для устранения угрозы новой войны из жизни человечества и достижения стабильности и социального прогресса в мире. С этой целью они учредили новую международную организацию, получившую название Организации Объединенных Наций. Ее Устав был предложен ведущими участниками антигитлеровской коалиции — СССР, США, Великобританией и Китаем. Незадолго до конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско четыре державы определили положения этого документа на совместной встрече в Думбартон-Оксе. Каждая сторона внесла определенный вклад в разработку устава будущей организации. И если позиции западных стран-учредителей достаточно широко исследовались как в отечественной, так и зарубежной литературе, то роль советской дипломатии в силу закрытости ряда материалов не получила еще достаточного освещения. Восполнить отчасти этот пробел и призвана настоящая статья.

Идея создания новой международной организации впервые обсуждалась в августе 1941 г., во время совместной конференции президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Арджентии. Тогда американский президент предложил образовать англо-американские «полицейские силы» для обеспечения стабильности в послевоенном мире. Более широкая организация безопасности могла бы возникнуть, по его мнению, лишь спустя 15—20 лет после окончания войны. В рамках этой концепции, но уже в измененном варианте — «четырех полицейских»: США, СССР, Великобритания и Китай — в Соединенных Штатах началась работа по определению структуры будущей организации. Занимался этими вопросами созданный в конце 1941 г. неофициальный Консультативный комитет по послевоенной внешней политике, объединивший широкий круг американских государственных и общественных деятелей. Столь сильный интерес к этим проблемам был обусловлен значительным распространением среди американской правящей элиты мнения о необходимости использовать ведущую роль США среди Объединенных Наций для переустройства мира. Именно на международную организацию возлагалась задача определения условий послевоенного будущего [1]. К маю 1942 г. были подготовлены проекты такой организации [2]. Однако в тот период государственный департамент США счел преждевременным начинать официальные переговоры с другими державами по этому вопросу [3].

Но к началу 1943 г. с развитием событий на фронтах Второй мировой войны вопросы послевоенного устройства стали важной частью деятельности внешнеполитического ведомства США, и работа над проектами международной организации постепенно перешла в комитеты госдепартамента. К марту 1943 г. был подготовлен детальный проект такой организации. Основным элементом ее должен был стать комитет четырех держав, отвечающий за поддержание безопасности во всем мире [4].

С середины 1942 г. и в Великобритании начинается интенсивная разработка планов создания международной организации. К началу 1943 г. Форин оффис выработал собственную концепцию будущего международного сообщества. Краe-

* **Кочеткова Татьяна Юрьевна**, младший научный сотрудник Института российской истории РАН.

угольным камнем английских проектов стала идея организации мира в региональные советы, номинально объединенные советом четырех держав [5]. Такая структура давала возможность правительству Великобритании защищать с помощью доминионов интересы империи во всех уголках земного шара и ограничить доступ других великих держав в некоторые регионы. При этом Форин оффис выступал и за изменение состава великих держав путем включения в него Франции вместо Китая, антиколониальные заявления которого вызывали недовольство британского истеблишмента.

Планы двух держав неофициально рассматривались весной 1943 г. на вашингтонских встречах премьер-министра У. Черчилля и министра иностранных дел Великобритании А. Идена с американскими государственными деятелями. Обсуждения выявили существующие разногласия в подходах сторон к будущей организации [6]. В Лондоне сочли возможным не акцентировать на них внимание и формально приняли американский план, одновременно пытаясь встроить в него нужные региональные структуры [7].

Начало широкому обсуждению вопроса о новой международной организации положила Декларация о всеобщей безопасности, принятая на конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве в октябре 1943 г. Декларацию подписал также представитель Китая. В ней заявлялось о решимости подписавших ее стран продолжать совместные усилия в деле обеспечения мира и безопасности и провозглашалась необходимость создания с этой целью новой международной организации [8]. На конференции нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов предложил образовать комиссию представителей трех держав для предварительной совместной разработки вопросов, связанных с учреждением такой организации. Эта инициатива получила одобрение госсекретаря США К. Хэлла и министра иностранных дел Великобритании А. Идена [9].

Следующим важным шагом на пути создания новой международной организации безопасности стала Тегеранская конференция глав правительств трех держав, состоявшаяся в конце ноября 1943 г. Благодаря стечению обстоятельств, а, возможно, и обоюдному желанию Сталина и Рузвельта [10], американский президент находился во время конференции в советском посольстве, что создавало благоприятные возможности для обстоятельного обсуждения лидерами СССР и США широкого круга послевоенных проблем. В одной из неофициальных бесед со Сталиным 29 ноября 1943 г. Рузвельт изложил разрабатываемые госдепартаментом проекты будущей международной организации безопасности. Они были созвучны идеям, высказанным Рузвельтом наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову еще летом 1942 г., во время визита последнего в Вашингтон. Тогда американский президент предложил создать международную полицейскую силу в составе четырех держав для поддержания стабильности в послевоенный период [11]. В схеме международной организации, изложенной Рузвельтом в Тегеране, «полицейский комитет» четырех держав являлся важным составным элементом, обеспечивающим всеми средствами поддержание мира и стабильности. Помимо него будущая организация должна была состоять из общего органа всех государств-членов и исполнительного комитета, в который кроме великих держав вошли бы некоторые малые и средние государства. Эти органы занимались бы по преимуществу невоенными проблемами [12].

Сталин проявил большой интерес к этому вопросу. Он назвал схему, предложенную Рузвельтом, хорошей и отметил, что СССР придает большое значение эффективным мерам по предотвращению агрессии [13].

Таким образом, к концу 1943 г. между союзниками установилось некоторое единство взглядов по вопросу о будущей организации. Но если Соединенные Штаты Америки и Великобритания к этому времени проделали значительную работу по определению своих позиций в этом вопросе и разработали определенные структуры международной организации, то Советскому Союзу, занятому в основном вопросами ведения войны, еще только предстояло пройти свою часть пути. Подготовка к Московской конференции министров иностранных дел вы-

явила заинтересованность западных союзников в обсуждении вопросов послевоенного будущего. Советское руководство сочло необходимым заняться разработкой соответствующих планов. В Наркомате по иностранным делам в сентябре 1943 г., незадолго до начала конференции министров иностранных дел, была создана Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. М. Литвиновым. Его огромный дипломатический опыт имел большое положительное значение для работ комиссии. Одной из задач деятельности комиссии стала разработка советской политики в отношении будущей международной организации.

Вскоре после окончания встречи трех в Тегеране появился первый документ Комиссии Литвинова, относящийся к этой проблеме. 16 декабря 1943 г. Б. Е. Штейном была подготовлена записка «Основные принципы статута Международной организации по охране безопасности и мира» [14]. Сферой деятельности новой организации назывались исключительно вопросы коллективной безопасности. Экономическая и гуманитарная области, а также проблемы мандатной системы Лиги Наций, исключались из компетенции организации. Предусматривалась следующая структура организации: Общее Собрание, Совет и Секретариат. Общее Собрание должно было состоять из всех государств-членов, которыми являлись Объединенные Нации. Общее Собрание могло бы собираться раз в год и обсуждать те вопросы, которые передавались ему Советом или получали его одобрение. В предложенной схеме Совет являлся, по сути, доминирующим звеном организации. В компетенцию Совета входили все вопросы, связанные с поддержанием международного мира. Все решения, принимаемые организацией, должны были получать его одобрение, а вопрос о применении военных санкций и их осуществление находился исключительно в ведении Совета. Его состав ограничивался четырьмя великими державами — СССР, США, Великобританией и Китаем. В отличие от Общего Собрания, решения которого принимались большинством в $^2/_3$ голосов, в Совете при голосовании соблюдалось бы правило единогласия его членов.

Вместе с тем взаимоотношения этих двух органов не были слишком прямолинейно-подчиненными. Совет должен был ежегодно отчитываться о своей деятельности перед Общим Собранием. Предусматривалась и возможность разногласий при решении конфликтных ситуаций между этими двумя органами. В этом случае предлагалась определенная процедура, взятая, как отмечал автор документа, из парламентской практики: создавалась согласительная комиссия из четырех держав и такого же числа членов Общего Собрания, которая вырабатывала компромиссную формулу решения.

В более подчиненном положении находился Секретариат. Это, по мнению Б. Е. Штейна, диктовалось необходимостью лишить этот орган возможности превратиться в самодовлеющую политическую организацию. Поэтому предлагалось назначать секретаря и его заместителей из граждан четырех великих держав. Весь персонал Секретариата также назначался с одобрения Совета.

Многие конкретные детали не получили в рассматриваемом нами документе своего отражения. Он представлял собой, по сути, только черновой набросок, намечавший лишь самые общие контуры международной организации. Основные положения первого советского документа целиком находились в русле тех обсуждений и мыслей о «полицейских» функциях великих держав, имевших место в Москве и Тегеране.

Дальнейшая работа советской дипломатии в этой области также была самым тесным образом связана с американскими планами. В конце декабря 1943 г. советское руководство получило «неофициальную информацию» о послевоенных планах США. В переданном в Комиссию Литвинова документе подробно сообщалось о прошедшем в госдепартаменте совещании группы экспертов по вопросам послевоенной политической организации и освещались одобренные там примерная схема организации и принципы ее функционирования [15]. Принятый план международной организации несколько отличался от того, который был разрабо-

тан ранее и изложен президентом Рузвельтом в Тегеране. Структурные изменения, сделанные в нем, касались соотношения роли всеобщей международной организации и других международных агентств в различных областях международной жизни. В подготовленном 9 августа 1943 г. специальном меморандуме сотрудники госдепартамента высказались за объединение в рамках единой организации всех сфер международной деятельности [16]. Новая структура всеобщей организации, предложенная в декабре, представлялась теперь так: Генеральная Ассамблея всех государств-членов, Исполнительный комитет, Международный Суд и различные органы по опеке и координации экономической и социальной жизни государств-членов. Исполнительный комитет представлял теперь собой сочетание двух органов предыдущих проектов — исполнительного совета и «полицейского комитета» четырех держав — и состоял из великих держав и некоторого числа малых стран. Его деятельность строго ограничивалась рамками вопросов поддержания мира и безопасности. Особая роль великих держав осуществлялась как в виде постоянного членства в Исполнительном комитете, так и правилом голосования в нем, требующим единогласия четырех держав при принятии решений.

Новые разработки госдепартамента США были представлены Рузвельту в конце декабря 1943 г. [17] и обсуждены президентом и госсекретарем Хэллом 3 февраля 1944 г. [18] Предложенный вариант был в целом одобрен, и госдепартаменту было предложено начать обсуждение этого вопроса с другими заинтересованными сторонами.

8 февраля в беседе с советским послом в США А. А. Громыко сотрудник госдепартамента Д. Данн сообщил, что правительством США вчерне разработаны планы международной организации и госдепартамент подготовит в ближайшее время соответствующие документы для советской стороны, с тем чтобы обсудить их в дальнейшем в Вашингтоне и выработать общую схему. Такие же предложения были сделаны и британскому послу Э. Галифаксу [19]. 19 февраля в посольства СССР и Великобритании в Вашингтоне был направлен перечень вопросов по данной проблематике, подготовленный на основе схемы, одобренной 3 февраля [20]. В тот же день английский посол в Москве А. Керр передал советскому руководству аналогичный документ правительства Великобритании [21]. В нем также содержалась самая общая схема организации, внешне сходная с предложенными американскими разработками. Но британской стороной вновь предлагались региональные системы безопасности, что указывало на сохраняющееся различие в подходах США и Англии к будущей организации.

В связи со сложностью сообщения между Москвой и Вашингтоном в условиях войны американские предложения были получены в НКИД несколько позднее британского перечня, который незамедлительно был передан в Комиссию по послевоенному устройству. 21 февраля Литвинов писал наркому, что английский документ «охватывает все стороны этой проблемы и является вполне закономерным. Вряд ли можно возражать против обсуждения этих вопросов» [22]. Однако на данном этапе он считал необходимым ограничить рамки будущих переговоров и обсудить с западными союзниками лишь самые существенные, с советской точки зрения, проблемы международной организации: соотношение между основными органами — Ассамблеей и Советом, принцип единогласия в Совете и связь упоминаемых в британском проекте региональных соглашений об обороне с системой всеобщей безопасности [23]. В таком духе в Комиссии был подготовлен проект ответа правительству Великобритании [24]. Однако ответ пока отправлен не был. Возможно, это было связано с тем, что в НКИД решили дождаться текста американского предложения.

Не получив ответа от правительства СССР, британское правительство сделало следующий шаг. 16 марта 1944 г. Керр вручил Молотову меморандум, в котором трем правительствам предлагалось обменяться документами по основным вопросам, касающимся международной организации [25]. К этому времени в НКИД был получен также американский документ. Анализируя 23 марта име-

ющиеся документы, Литвинов писал в докладной записке Молотову: «Я замечаю последнее время как у американцев, так и у англичан тенденцию постепенного отхода от их первоначальной позиции по отношению к оставлению решающей роли в организации мира за четырьмя великими державами в сторону предоставления большего участия малым нациям и Франции. Мне представляется поэтому желательным заставить американцев и англичан поскорее определить свою позицию в этом основном вопросе, и поэтому я предлагал его выдвинуть в первую очередь. Само собой разумеется, и нам, может быть, придется тогда раскрыть свою позицию» [26]. Литвинов вновь предлагал выделить для обсуждения такие вопросы, как система функционирования организации, в том числе соотношение между ее основными органами, а также между всеобщей и региональными системами безопасности, предложенными в английском перечне [27]. Составленный в таком духе документ был направлен Молотовым правительствам Великобритании и США 4 апреля 1944 г. [28]. Молотов сообщил также, что советское правительство не имеет возражений против того, чтобы британский и американский перечни легли в основу обсуждения составления программы переговоров по международной организации. Отвечая на высказанные британским правительством 16 марта пожелания о предварительном обмене документами, нарком иностранных дел СССР предложил обменяться документами по тем вопросам, «которые будут признаны путем переговоров в Вашингтоне первоочередными» [29].

Ответ на это послание последовал 20 апреля 1944 г. Правительство Великобритании вежливо настаивало на обсуждении всего круга вопросов, перечисленных в британском перечне и вновь предлагало обменяться документами до начала переговоров в Вашингтоне [30].

30 апреля Литвинов подготовил для Молотова проект ответного послания. В нем он вновь пытался сузить круг вопросов, подлежащих обсуждению, настаивая на советском понимании первостепенности задач строительства будущей организации. «В случае согласия на это правительств Великобритании и США,— указывалось в проекте,— не будет никаких препятствий к скорейшему обсуждению этих вопросов между представителями трех правительств» [31]. Но ответ опять-таки не был отправлен. Скорее всего, таким образом демонстрировалась твердость взглядов советского руководства.

Не подлежит сомнению и то обстоятельство, что в НКИД в этот период не велась интенсивная подготовка к переговорам. В пояснительной записке к проекту ответа от 30 апреля, адресованной Молотову, Литвинов прояснял состояние дел с разработкой проектов организации безопасности: «По поводу обмена документами я даю пока уклончивый ответ ибо, во-первых, сама очередность должна быть установлена как будто в Вашингтоне, и во-вторых, у нас готовых меморандумов еще нет» [32]. Эта фраза созвучна со словами из письма Молотова от 4 апреля об обмене документами по вопросам, которые будут признаны в Вашингтоне первоочередными. Они позволяют предположить, что предстоящие переговоры представлялись советскому руководству в виде свободного обмена мнениями, определения общих подходов, на основе которых впоследствии были бы составлены проекты уставов будущей организации. В этом случае процесс образования новой организации носил бы длительный характер, следовательно, можно было не торопиться.

Возможно, именно этим объясняется то обстоятельство, что только к концу апреля 1944 г. в Комиссии Литвинова был подготовлен документ, намечавший основные позиции советской дипломатии в этом вопросе. 25 апреля М. М. Литвинов представил обширную записку «Международная организация безопасности» [33]. Этот документ вобрал в себя многие идеи, высказанные Б. Е. Штейном. Так, подчеркивалось, что деятельность международной организации должна быть сосредоточена на вопросах безопасности. Опыт Лиги Наций в гуманитарной и социальной сферах активно изучался экспертами комиссии зимой 1944 г. и было высказано мнение о необходимости избирательного участия Советского Союза во всех таких агентствах [34]. Поэтому Литвинов решительно настаивал на исклю-

чении всех таких вопросов из сферы компетенции новой организации. Такая же позиция предлагалась и в отношении мандатных территорий Лиги Наций, но делалось исключение для экономических проблем: «... у нас не должно быть серьезных возражений против включения экономики в функции международной организации безопасности, если на этом будут настаивать другие великие державы» [35].

В структурном отношении предложения Литвинова были также аналогичны разработкам Штейна: Общее Собрание, Совет (в записке Литвинова он назывался Директивным Органом), Секретариат. В отношении состава этих органов Литвинов также следовал предложениям Штейна. Общее Собрание должно состоять из всех государств-членов. Ими являлись Объединенные Нации и нейтральные государства. Совет состоит из четырех великих держав — СССР, США, Великобритании и Китая. Совет принимает решения по конфликтным ситуациям и доводит их до сведения Общего Собрания. В самом Совете все вопросы должны решаться лишь единогласно. Но подобный принцип автор считал недопустимым для Общего Собрания и предлагал принимать решения в этом органе большинством в $^2/_3$. Секретариат возглавляется генеральным секретарем, который должен быть представителем одной из великих держав, а его заместители — представителями остальных трех. Правда, Литвинов, следуя за имеющимся в комиссии американским документом, считал возможным существование в рамках новой организации Международного Суда, в качестве которого может быть сохранена Постоянная Палата Международного Правосудия Лиги Наций.

Как наиболее важный стратегический момент организации выделялся вопрос о взаимоотношениях между двумя основными органами — Общим Собранием и Советом. Литвинов специально отмечал, что Совет должен быть поставлен над организацией и создано такое положение, при котором никакое политическое решение не должно быть принято организацией вопреки воле Совета или наоборот, ничто не могло бы воспрепятствовать ему в выполнении его решений. Особенно это касалось вопросов применения силы в целях охраны безопасности, что должно было осуществляться преимущественно силами членов Совета. Поэтому, считал автор документа, Совет должен иметь право принимать в этих случаях решения и без согласия Общего Собрания. Однако в тех случаях, когда четырем державам потребуется помощь, эти решения должны утверждаться квалифицированным большинством Общего Собрания. Предполагалось, что это будет связано в первую очередь с финансово-экономическими и дипломатическими санкциями. В этих случаях немаловажная роль будет отведена другим государствам и соответственно роль Общего Собрания в организации будет значительной. Но вообще к вопросам мирного разрешения конфликтов автор относился настороженно, рекомендуя «детально разработать наиболее удовлетворительную для нас процедуру, например, уточнить категории вопросов, подлежащих такого рода разбирательству, предусмотреть максимально высокое квалифицированное большинство для вынесения решений и всячески ослабить обязательность этих решений» [36].

Некоторая значимость Общего Собрания подчеркивалась и возможностью апеллирования к нему стороной, недовольной решением Совета. Но решение Собрания по этому вопросу все равно должно быть утверждено Советом для получения обязательной силы.

Особо в записке отмечались интересы Советского Союза в этой организации. В документе отмечалось, что не может быть допущено принятие каких бы то ни было решений против воли СССР. Этого можно было добиться, по мнению Литвинова, тем, что «всякое решение международной организации должно предварительно приниматься или утверждаться Советом, и что в этом Совете требуется единогласие» [37].

Вторым важным моментом Литвинов считал проблему взаимоотношений великих держав. Он специально отмечал, что один из основных пороков Лиги Наций заключался в «неясностях и недостатках во взаимоотношениях между

членами Лиги, в особенности между Великими державами» [38]. Особый статус четырех держав призван был ликвидировать подобную неясность. Но обязательства держав в рамках международной организации Литвинов считал недостаточными. Он выдвинул идею заключения между ними дву- и многосторонних особых договоров, «в которых конкретно уточнялись бы границы и размеры их военных обязательств и средства выполнения их» [39]. Такие договоры, считал Литвинов, будут способствовать уменьшению трений во взаимоотношениях самих государств и одновременно будут оправдывать ограничение состава Совета четырьмя державами.

Чтобы полнее понять и оценить предложения Литвинова, необходимо выяснить, какой представлялась ему «раскладка сил» в мире после войны. И здесь неоценимую помощь могут оказать материалы дискуссий, проходивших в комиссии зимой—весной 1944 г. по различным аспектам изучаемых там проблем. Литвинов полагал, что в послевоенном мире на европейском континенте останутся две великие державы: обладающий мощной сухопутной армией СССР и «владычица морей» — Британская империя. При этом третья великая держава — США — может вернуться в некоторых аспектах к политике изоляционизма и иметь незначительное участие в европейских делах [40]. В своих воззрениях Литвинов не выходил за рамки господствовавшей коммунистической идеологии о противоположности капиталистической и социалистической систем. Тем не менее он считал, что сотрудничество двух стран в Европе вполне реально. Такая возможность, по его мнению, могла быть основана на военной мощи СССР, которая будет побуждать Великобританию искать дружеских взаимоотношений с ним в целях сохранения стабильности на континенте. Литвинов допускал даже возможность определения путем двусторонних переговоров «сфер безопасности» для каждой державы в Европе [41]. В записке «Международная организация безопасности» от 25 апреля 1944 г., анализируя английский перечень вопросов, он уделил значительное внимание выдвигаемым в нем проблемам региональной безопасности. В документе отмечалось: «Поскольку, однако, главная ответственность за безопасность будет лежать на Великой державе, участвующей в том или ином региональном объединении, то вопрос, в общем, сводится... к разделению ответственности по зонам между Великими державами» [42]. Однако выдвижение советским правительством подобной инициативы называлось тактически нецелесообразным.

Литвинов считал важным ограничить число членов Совета только четырьмя державами — СССР, США, Великобританией и Китаем. В отношении роли Франции в послевоенной Европе и будущей международной организации Литвинов исходил из предположения, что Франция вряд ли снова сможет занять место великой державы на континенте и будет лишь послушно следовать в фарватере британской политики. Поэтому, делал он вывод, не следует укреплять позиции Великобритании в будущей организации и предоставлять Франции место постоянного члена в Совете [43].

Записка Литвинова обсуждалась Комиссией по послевоенному устройству 28 апреля 1944 г. [44] На заседании присутствовали А. Лозовский, Я. З. Суриц, Б. Е. Штейн, М. М. Юнин. Основным оппонентом Литвинова выступил Лозовский. Разделяя точку зрения Литвинова о том, что после войны в Европе останутся две великие державы — СССР и Великобритания, он иначе оценивал перспективы их взаимоотношений, полагая, что после войны между этими государствами как социальными антагонистами обязательно обострятся противоречия. Основная задача послевоенной советской дипломатии, по мнению Лозовского, заключается в том, чтобы не дать сложиться блоку Великобритании и США против СССР. С этой точки зрения и следовало рассматривать структуру и деятельность будущей организации. Иначе представлялась и роль Франции. Лозовский полагал, что Франция вряд ли смирится со своей ролью сателлита Англии, и это потребует более гибкой политики по отношению к ней со стороны советского правительства, включая возможность ее вхождения в состав Совета в качестве великой державы.

Необходимо также, считал Лозовский, настаивать на включении в состав организации всех 16 советских республик [45]. Хотя члены комиссии поддержали предложения Лозовского относительно участия Франции и советских республик в организации, в целом основные положения записки Литвинова получили одобрение.

До лета 1944 г. Комиссия к вопросам международной организации не возвращалась, вероятно, потому, что и в межсоюзнических отношениях эта проблема не поднималась. Толчком к новому потоку дипломатической переписки послужило сообщение госдепартамента США о готовности к переговорам о международной организации. Информируя об этом Громыко, Хэлл просил советское руководство определить дату начала переговоров и предложил привлечь к ним представителей Китая [46]. 2 июня госсекретарь точнее сформулировал предложения по Китаю. Понимая, что участие Китая в любой союзнической конференции вызовет колебания советского руководства в связи с состоянием советско-японских отношений, он выдвинул идею организации двойных переговоров: США, СССР и Великобритании и США, Великобритании и Китая [47]. Такие же пожелания были высказаны правительству Великобритании.

8 июня Форин оффис сообщил, что британское правительство готово принять Китай в число участников конференции, если на это согласится советское руководство. В случае отказа Советского Союза правительство Великобритании считало нужным применить другую форму организации переговоров. Эта процедура была изложена как американской [48], так и советской стороне. В Лондоне считали желательным, «чтобы китайский посол в Вашингтоне находился в месте созыва конференции и чтобы британская и американская делегации частным порядком держали его в курсе работы конференции» [49]. В письме сообщалось также о готовности правительства Великобритании к переговорам в Вашингтоне и повторялись пожелания о предварительном обмене документами в целях ускорения работы конференции.

Хотя еще 31 мая в беседе с послами Громыко и Галифаксом Хэлл выражал мнение о ненужности предварительного обмена меморандумами [50], на сей раз аргументы англичан подействовали. В Вашингтоне спешили осуществить проекты международного сообщества как можно скорее как по внешнеполитическим соображениям, так и внутренним обстоятельствам [51]. Между Лондоном и Вашингтоном была достигнута договоренность о таком обмене сразу же после ответа советского правительства на американское предложение [52].

Однако советское руководство вновь не спешило с ответом. 13 июня У. Гарриман, американский посол в СССР, обсуждал этот вопрос с Молотовым. Нарком заверил американского посла в том, что советское правительство активно работает над проблемой и в ближайшем будущем даст ответ на американские инициативы. Гарриман также передал предложение госдепартамента начать переговоры после 1 июля [53]. Тем не менее ответа по-прежнему не было. 28 июня Гарриман уже письменно осведомляется у Молотова, «когда можно ожидать советский ответ на приглашение, переданное гос. секретарем», добавив, что правительство США хотело бы «начать эти переговоры возможно раньше, между 15 июля и 1 августа» [54]. 7 июля Хэлл вновь предложил американскому посольству поднять вопрос о советском ответе [55].

Однако на этот раз столь длительное молчание со стороны СССР не было выражением какой-то особой позиции. Скорее наоборот, в НКИД лихорадочно пытались определить ее. Проекты ответных писем, подготовленные в это время, отражали разнообразную гамму мнений по указанным вопросам. 19 июня 1944 г. в проекте, подготовленном заместителем наркома А. Я. Вышинским, отмечалось: «Что касается участия китайского правительства в данной конференции, то, хотя Советское правительство не имеет принципиальных возражений против участия Китая в конференции, оно считало бы более целесообразным провести переговоры с участием представителей лишь Советского Союза, Соединенного Королевства и США» [56]. По вопросу о сроках созыва конференции давался более неопреде-

ленный ответ. Вопреки высказанным ранее взглядам, предлагалось обменяться документами, «излагающими точку зрения каждого из трех правительств по данному вопросу», а затем уже назначить сроки встречи своих представителей [57]. Этот проект был отвергнут и 24 июня подготовлен другой вариант ответа. По содержанию он был аналогичен предыдущему, но имел более жесткий подход к проблеме участия Китая: были сняты все оговорки об отсутствии возражений против его участия и однозначно отмечалось, что советское правительство считает целесообразным участие лишь представителей трех держав [58]. Но и этот вариант не был отправлен. Пока трудно определить, чем были вызваны изменения в позиции НКИД, но 8 июля британскому [59] и американскому [60] послам были переданы письма, содержащие совершенно другую точку зрения. В них, а также в «Памятной записке Правительства СССР Правительству США», врученной Хэллу 9 июля 1944 г. [61], сообщалось о готовности СССР принять участие в переговорах в Вашингтоне по предложенной США формуле двойных переговоров. Датой переговоров называлось начало августа. В посланиях отмечалось, что советское правительство не видит необходимости настаивать на предварительном обмене документами между тремя правительствами, вновь предлагая сосредоточить внимание конференции на таких вопросах, как сфера деятельности и характер международной организации, система мер предотвращения угрозы миру.

К этому времени и Комиссия Литвинова разработала свой проект меморандума. 6 июля 1944 г. был подготовлен документ «К переписке и переговорам о создании Международной Организации Безопасности» [62]. В нем анализировались как собственные разработки комиссии, определенные запиской Литвинова от 25 апреля 1944 г., так и полученные НКИД в середине июня 1944 г. американские документы, касающиеся международной организации [63]. В преамбуле вновь отстаивалась идея ограниченных переговоров: «Не подлежит сомнению, что множество вопросов Организации Безопасности вызовет разногласия между нами и нашими партнерами, и поэтому вряд ли было бы целесообразно начинать переговоры сразу по всем этим вопросам». Положения документа, касающиеся задач организации и ее структуры, полностью повторяли соответствующие пункты записки от 25 апреля. Из сферы компетенции организации по-прежнему выводились все вопросы, за исключением проблем поддержания мира и безопасности. Литвинов подчеркивал: «Американцы явно идут по пути восстановления прежней Лиги Наций, против чего мы, по-моему, должны возражать, допуская создание других международных организаций» по отдельным проблемам международных отношений. Однако Литвинов соглашался на включение в советскую схему вопросов опеки [64]. Как и в записке, в документе от 6 июля главным органом будущей организации назывался обладающий значительной властью Руководящий Комитет, состав которого строго ограничивался четырьмя великими державами. Повторялись и предложения о заключении между четырьмя державами особых договоров. В то же время более четко разделялись сферы компетенции обоих органов. Общее Собрание должно было устанавливать основные принципы международного сотрудничества, заслушивать и рассматривать ежегодные отчеты Руководящего Комитета и высказывать по ним свои суждения. Литвинов предложил разделить работу этого органа на четыре секции: европейскую, американскую, африканскую и азиатскую. Объяснение своей позиции он дал в дополнительной записке к справке от 25 апреля, также датированной 6 июля 1944 г. [65] В ней он напоминал о таком явлении, как образование в Лиге Наций компактной массы латиноамериканских стран, ориентировавшихся на Великобританию и выступавших солидарно по многим вопросам. «С таким же засильем,— писал он,— придется столкнуться и в будущей международной организации, с той лишь разницей, что, поскольку в нее будут входить США, представители этой державы смогут группировать вокруг себя и использовать представителей остальных американских стран» [66]. Избежать этого, по мнению Литвинова, можно было именно при делении Общего Собрания на секции.

В сферу компетенции Руководящего Комитета входило бы, согласно документу от 6 июля, определение того, какие из поступающих на рассмотрение

организации конфликты действительно могут привести к нарушению мира и вынесение соответствующих решений. На рассмотрение Общего Собрания конфликт выносится лишь в том случае, если для участия в коллективных мерах потребуются усилия других государств. Также Руководящий Комитет определяет срок, когда Общее Собрание сможет заняться вопросами разоружения или сокращения вооружений, определяет сроки допущения в организацию побежденных стран, наблюдает за тем, чтобы политическое поведение членов организации соответствовало принципам миролюбия и вносит в необходимых случаях предложения о недопущении или исключении провинившегося члена. Руководящий Комитет по-прежнему ограничивался четырьмя державами, подписавшими Московскую декларацию. Все решения Руководящего Комитета требуют единогласия его членов, но в документе содержался пункт о неучастии в голосовании спорящих сторон. Включая в документ это положение, Литвинов одновременно предусмотрел соответствующие заслоны, обеспечивающие интересы СССР. В уже упоминавшейся дополнительной записке от 6 июля 1944 г. он отмечал: «Опасность для нас состоит в том, что в случае споров, затрагивающих интересы Советского Союза, на решениях будет сказываться неприязненное или враждебное отношение к Советскому Союзу большинства, если не всех остальных членов организации. Мы не можем требовать каких-либо исключений для нас. Не можем мы также настаивать, чтобы решения принимались только с согласия спорящих сторон, ибо тогда решения часто будут невозможны» [67]. Выход виделся в установлении следующей процедуры: Руководящий Комитет определяет, какие конфликты угрожают миру и входят в компетенцию организации. Решения по этим вопросам должны приниматься единогласно без всяких исключений [68]. Это положение и предлагалось зафиксировать в проекте советского меморандума.

В течение 6—7 июля документ дорабатывался в НКИД [69], и в результате 8 июля был составлен меморандум «Международная Организация Безопасности» [70]. От предыдущих документов он отличался несколько расширенной компетенцией Общего Собрания: в его ведение дополнительно передавались такие вопросы, как: разоружение и сокращение вооружений, прием и исключение членов организации, и соответственно эти проблемы изымались из сферы деятельности Руководящего Комитета. Хотя практически все основные положения документа от 6 июля были перенесены в проект советского меморандума, все же в нем более отчетливо заметно влияние американских документов. Так, по-видимому, было решено не слишком подчеркивать доминирующий характер комитета четырех держав, что предопределило расширение компетенции Общего Собрания. Кроме того, в тексте меморандума при определении структуры организации Руководящий Комитет был помещен на второе место после Общего Собрания в отличие от предыдущих документов.

Однако в директивах для советской делегации, подготовленных 10—11 июля, подчеркивалось, что «наибольшее значение нами придается нашим предложениям, касающимся компетенции руководящего органа, состава этого органа, принципу единогласия при голосовании. В этих вопросах необходимо проявлять особую настойчивость в отстаивании наших предложений» [71]. Вместе с тем директивы требовали от делегации конструктивного подхода к предстоящим переговорам. Делегации предлагалось принимать точку зрения западных партнеров по проблемам, с советской точки зрения, менее существенным. Твердую позицию следовало занимать лишь по некоторым вопросам. К ним относились, помимо вышеупомянутых, положения о заключении особых договоров между великими державами и соотношение между Руководящим Комитетом и Общим Собранием. «Мы стоим за максимальное расширение компетенции и власти руководящего органа за счет Общего Собрания, но по тактическим соображениям мы соответственные предположения должны выдвигать с осторожностью. Мы, однако, должны подхватывать и поддерживать всяческие предложения партнеров, идущие в указанном направлении. Нашей основной работой остается недопу-

щение такого положения, при котором Организация... могла бы принимать обязательные для нас решения без нашего согласия» [72].

Членам делегации предлагалось в частных беседах с американскими и английскими представителями провести зондаж по некоторым проблемам — о членстве в организации Франции, а также по проблеме вхождения всех великих держав во все секции Общего Собрания. При этом следовало дать понять американцам, что «нам было бы желательно участие США в европейских делах» [73]. Столь сильная американская направленность в планах НКИД относительно будущей международной организации вряд ли будет удивительна, если вспомнить, что именно весной—летом 1944 г. взаимоотношения двух стран находились на наиболее высоком уровне развития [74]. И само американское правительство стремилось в этот период к взаимопониманию с СССР [75].

Тем временем правительство США заканчивало подготовку к переговорам. В дипломатической переписке с правительствами СССР и Великобритании госдепартамент назвал дату начала переговоров — 2 августа [76], но точно она согласована не была, и 17 июля госсекретарь Хэлл официально объявил о предстоящих в начале августа переговорах трех держав, не фиксируя точно дату их открытия [77].

Ввиду приближавшегося начала переговоров, в НКИД усиленно дорабатывался проект советского меморандума. Некоторые соображения по проекту высказало советское посольство в Японии. Посол СССР в Токио А. Я. Малик в пространной записке «Замечания по вопросу о международной организации безопасности (с точки зрения японо-советских отношений и интересов СССР на Дальнем Востоке)» [78] высказал полное одобрение идее особой ответственности великих держав за поддержание мира и безопасности. Осторожные замечания были высказаны в отношении деления Общего Собрания на секции. Малик отмечал, что по условиям проекта СССР будет представлен только в двух секциях — европейской и азиатской, тогда как США и Великобритания, вероятно, смогут быть представлены во всех. Он предлагал включить в азиатскую секцию представителей советских азиатских республик и РСФСР и оговорить право всех четырех держав входить во все секции.

В подготовленном 15 июля новом варианте меморандума правительства СССР «О международной организации безопасности» [79] эти соображения были учтены. Меморандум содержал ряд структурных изменений по сравнению с документом от 8 июля. В нем предлагалось только два основных органа — Общее Собрание и Руководящий Комитет. Исчезло деление Собрания на секции, а также было сочтено целесообразным отказаться от положения об особых договорах между великими державами. Значительные изменения претерпел и состав Руководящего Комитета. Теперь он был близок к американскому варианту: в дополнение к постоянным членам избиралось равное число (4) непостоянных членов. Решения Руководящего Комитета по вопросам поддержания мира и безопасности предлагалось принимать простым большинством при условии согласия всех постоянных членов (правило единогласия), а по процедурным и организационным — простым большинством. Все остальные положения были аналогичны содержавшимся в документе от 8 июля, включая неучастие в голосовании спорящих сторон. После рассмотрения проекта в НКИД 15—17 июля этот вариант был утвержден Молотовым 19 июля 1944 г. [80]

Соответствующие изменения были внесены в проект директив [81]. Теперь советской делегации предлагалось прозондировать позиции западных союзников не только относительно роли Руководящего Комитета в будущей организации, но и о включении Франции в число постоянных членов комитета и делении Общего Собрания на секции. Необходимость зондажа в последнем вопросе мотивировалась тем, что подобное предложение с советской стороны могло бы быть расценено как стремление лишить США участия в европейских делах.

Подготовленные НКИД документы 20 июля были посланы Сталину и другим членам правительства [82].

Однако дальнейшие события внесли значительные коррективы в планы НКИД. 18 июля госдепартамент сообщил, что предполагает начать обе фазы

переговоров одновременно 2 августа в Вашингтоне, в Думбартон-Оксе [83]. В тот же день в Вашингтоне советскому поверенному в делах был вручен меморандум правительства США с предварительными предложениями по вопросу о Всеобщей международной организации [84]. Американский документ достаточно широко анализировался в отечественной исторической литературе [85]. В целом предложения правительства США не выходили за рамки проектов, разработанных в апреле 1944 г. Структура новой организации была предложена по уже установившейся схеме: Генеральная Ассамблея, Исполнительный Совет, Международный Суд, Генеральный Секретариат, а также различные вспомогательные органы для сотрудничества в вопросах территориальной опеки, экономической и социальной областях. Некоторое затруднение в госдепартаменте вызвал лишь вопрос, касающийся применения правила единогласия в случае, если стороной в конфликте является великая держава. Так некоторые участники консультативной группы считали, что отказ от правила единогласия в этом случае даст ряд преимуществ международной организации, помогая ей создать единый фронт против державы, признанной виновной. Вместе с тем члены консультативной группы понимали, что применение санкций против великой державы приведет к войне. Соблюдение правила единогласия в этом случае представлялось необходимым. К единому, четко выраженному мнению членам консультативной группы прийти не удалось [86]. Вплоть до начала июля 1944 г. в госдепартаменте шли поиски специальной формулы голосования. В результате в меморандум правительства США с предварительными предложениями было включено положение: «необходимо выработать правила в отношении процедуры голосования для тех случаев, когда непосредственными сторонами в споре являются один или несколько постоянных членов Совета» [87].

22 июля 1944 г. через британское посольство в Москве в НКИД были переданы меморандумы правительства Великобритании о международной организации безопасности [88]. Деятельность внешнеполитических ведомств Великобритании в этот период колебалась между тенденциями к сотрудничеству с СССР в рамках послевоенной системы безопасности и озабоченностью в связи с усилением позиций СССР на европейском континенте и желанием противодействовать этому. С одной стороны, в подготовленном Форин оффисом в апреле 1944 г. меморандуме с оценкой послевоенной политики СССР отмечалось, что Советский Союз не будет представлять угрозы западным державам и основными целями британской политики называлось сохранение альянса двух стран, в том числе в рамках новой организации безопасности [89]. С другой стороны, были сильны и прямо противоположные тенденции. Военные ведомства Великобритании лучшим курсом называли не сотрудничество трех держав, а тесный военный союз с США [90], и официальный Лондон с конца 1943 г. настойчиво предлагал американскому партнеру работать над созданием совместной широкой системы региональных военных союзов [91]. Более того, с июня 1944 г. специальный военный комитет в своих планах начал рассматривать СССР как главного военного противника в будущем [92]. Подобные настроения не могли не сказываться на работе над планами международной организации [93].

Проекты английских предложений были подготовлены к середине апреля 1944 г. В структурном отношении предлагаемая ими схема походила на американскую модель организации, но вновь подчеркивалась возможность возникновения региональных организаций, которые также смогут нести ответственность за поддержание мира и безопасности. Правда, Черчилль пытался включить в британские документы идею организации мира в три региональных блока. В специальном меморандуме от 8 мая 1944 г. он предлагал образовать Европейский, Американский и Азиатский советы в рамках всеобщей организации. Оба документа были переданы на обсуждение премьер-министров британских доминионов, прибывших в Лондон в начале мая. Предложения Черчилля не получили их поддержки и были отозваны [94]. 3 июля подготовленные Форин оффисом документы были утверждены военным кабинетом [95].

Английские меморандумы не носили характера детально разработанного плана и имели общий рекомендательный характер. В них не определялся и конкретный механизм деятельности организации. Но отмечалось, что решение конфликтов будет возложено на Всемирный Совет, решения которого должны приниматься двумя третями голосов, включая голоса четырех великих держав. При этом стороны, участвующие в споре, должны были бы воздерживаться от голосования без каких-либо исключений. На этой позиции правительство Великобритании считало необходимым настаивать.

В пояснительной ноте, подготовленной А. Иденом в качестве инструкций для английской делегации на предстоящих переговорах, отмечалось, что в случае конфликта одной из великих держав такое положение может послужить «ступенькой к разжиганию мировой войны» [96]. Учитывая нараставшее в английских кругах скептическое отношение к возможности послевоенного сотрудничества с СССР, можно с большой долей вероятности предположить, что настойчивое желание правительства Великобритании включить такое положение в устав будущей организации диктовалось желанием иметь опору для проведения политики «сдерживания» Советского Союза.

Полученные в Москве пять английских меморандумов были незамедлительно переданы в Комиссию по послевоенному устройству. Они были проанализированы Литвиновым [97], а также Громыко [98], назначенным к тому времени главой советской делегации на переговорах. Выводы были однозначны: английские меморандумы не дают оснований для пересмотра подготовленного советского проекта.

К концу июля между союзниками были согласованы сроки открытия конференции. 21 июля Молотов предложил начать переговоры 10 августа [99]. По просьбе правительства Великобритании сроки были передвинуты на 14 августа 1944 г. [100] Решены были и другие технические вопросы. В том же послании 21 июля В. М. Молотов сообщил, что советское правительство хотело бы разделить по времени обе фазы переговоров в Думбартон-Оксе. 31 июля американское посольство сообщило о решении правительства США провести переговоры с представителями Китая после того, как будут закончены англо-советско-американские [101]. Казалось, все было готово.

Однако американский меморандум с предварительными предложениями относительно создания международной организации не был получен в НКИД вплоть до начала августа 1944 г. Трудно сказать, какие обстоятельства привели к такому результату. Вероятнее всего, имело место некоторое недоразумение. Как свидетельствует письмо Молотова Гарриману от 7 августа [102], в советском посольстве в Вашингтоне полагали, что текст меморандума будет передан в НКИД посольством США в Москве, поскольку Хэлл заявил советскому поверенному в делах А. Н. Капустину, что копии будут направлены в американские посольства в Москве и Лондоне [103]. С другой стороны, в госдепартаменте вероятно, ожидали, что переданный в советское посольство 18 июля документ будет незамедлительно отправлен в Москву. Как бы там ни было, только 2 августа после запроса Громыко Гарриман передал в НКИД меморандум правительства США о международной организации безопасности [104].

В связи с этим 4 августа заместитель наркома Вышинский встретился с американским послом. Он отметил необходимость для советского правительства тщательно изучить представленные предложения союзников и сформулировать свои. Вышинский обратился к правительству США с просьбой отложить переговоры до 21 августа [105]. Американское, а затем английское правительства выразили свое согласие [106].

Полученный 2 августа американский меморандум был в тот же день рассмотрен в Комиссии Литвинова. В подготовленной для Молотова записке отмечались важные особенности американского проекта по сравнению с предыдущими, имеющимися в распоряжении НКИД документами: расширение роли Совета, определение роли Франции как пятого постоянного члена Совета. Подчеркивалась

значимость нового пункта, предложенного в разделе о голосовании: разработка особой процедуры голосования для великих держав, являющихся сторонами в конфликте. Однако в выводах содержались предложения оставить практически без изменения советский проект меморандума [107].

В соответствии с этими рекомендациями в документы, подготовленные к переговорам, были внесены небольшие коррективы. Они касались состава Совета (была включена Франция в качестве постоянного члена) и региональных организаций, упоминаемых в английских меморандумах (хотя в текст советского меморандума было включено положение о необходимости изучения этого вопроса, в директивах указывалось: «необходимо иметь в виду наше отрицательное отношение»). Был добавлен пункт об учреждении в дальнейшем Международного Суда. Все остальные пункты проекта меморандума правительства СССР остались неизмененными, в том числе и положение о неучастии в голосовании великих держав, являющихся сторонами в конфликте.

5 августа эти документы были отправлены Сталину и членам правительства [108]. Но то, что не заметили в НКИД, заметили «наверху». Мы не располагаем пока документами, позволяющими восстановить ход обсуждения проектов в СНК. Несомненно лишь то, что представленные документы были возвращены в НКИД и спешно там пересматривались. Одновременно прорабатывались и вопросы, не изучавшиеся Комиссией Литвинова, но намеченные в американском документе — территориальная опека и экономические проблемы. Как уже отмечалось выше, эти проблемы считались в НКИД вторичными по отношению к вопросам безопасности. Но, возможно, что теперь НКИД должен был изложить свою четко выраженную точку зрения. К работе теперь были привлечены члены советской делегации на будущих переговорах — А. А. Громыко и А. А. Соболев. Они подготовили ряд записок по этим вопросам. Отмечая в записке «О территориальной опеке» [109] особую заинтересованность правительства США «в получении мандатов на японские подмандатные острова, а, возможно, и некоторые территории в Африке, на Ближнем Востоке и в Азии», авторы полагали тем не менее целесообразным создание в системе международной организации безопасности специального органа по территориальной опеке, поскольку считали ее при наличии зафиксированных целей подготовки к независимости колониальных народов явлением прогрессивным, способствующим национально-освободительному движению зависимых стран. Осуществлять систему опеки предполагалось через региональные структуры, подчиненные Совету, а потому советской делегации рекомендовалось положительно отнестись к подобным американским предложениям.

По вопросам, связанным с экономическими проблемами, Громыко и Соболев поддерживали прежние позиции НКИД, заключавшиеся в исключении экономической и социальной сферы из деятельности организации безопасности, но предлагали все-таки разработать советские предложения в этой области в Комиссии по послевоенному устройству [110].

К 9 августа были подготовлены новые документы. В дополнение к уже внесенным 5 августа исправлениям был переработан раздел меморандума, касающийся Исполнительного Совета. Его позиции, как основного органа, ответственного за поддержание мира, укреплялись. Были исключены пункты, касающиеся права апелляции к Общему Собранию, обращения Совета к Собранию в тех случаях, когда для выполнения санкций потребуется помощь других государств-членов, а также соответственно пункт о неучастии в голосовании стороны, принимающей участие в конфликте. В директивы было внесено новое положение: поддержать американское предложение об особой процедуре для решения спорных вопросов, затрагивающих постоянных членов Совета. Были включены в директивы и положения о поддержке предложений об учреждении органа по опеке [111].

9 августа меморандум и директивы были посланы Сталину и членам СНК. В тот же день они были утверждены в качестве официальных документов правительства СССР.

12 августа меморандум правительства СССР был вручен представителям

США и Великобритании. В этот же день из Москвы для участия в переговорах о создании международной организации безопасности вылетела советская делегация.

Конференция представителей СССР, США и Великобритании открылась 21 августа и завершилась 28 сентября 1944 г. В ходе переговоров выявились как общие подходы сторон к деятельности будущей организации, так и существенные разногласия. Примерная общность предварительных документов участвовавших в переговорах держав позволила быстро договориться о структуре и задачах будущей организации. Разница была лишь в том, что СССР выступал против включения социальных и экономических проблем в сферу деятельности организации. Но позднее советская делегация пошла на уступки в этом вопросе. Организация должна была состоять из Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Международного Суда, Экономического и Социального Совета и Секретариата. В вопросах определения их прав и функций все три делегации также были в принципе согласны. Наибольшие дискуссии проходили по проблеме голосования в Совете Безопасности, что неудивительно, поскольку именно этому вопросу три делегации придавали первостепенное значение. Однако столь жесткая конфронтация стала возможной благодаря отходу делегации США от предложений, намеченных в предварительных американских документах. Это изменение курса диктовалось рядом сложных обстоятельств. Летом 1944 г. в США началась избирательная президентская кампания, и на правительство Рузвельта обрушилась яростная критика оппозиции. Наиболее резким нападкам подвергалась политика администрации, направленная на сотрудничество с Советским Союзом. К этому же времени появились трещинки во взаимоотношениях союзников, связанные с рядом проблем послевоенного устройства, и в первую очередь польским вопросом. А начатое 1 августа 1944 г. в соответствии с директивой лондонского эмигрантского правительства восстание в Варшаве вынесло эти проблемы на поверхность, еще более осложнив положение администрации Рузвельта. Вероятно, совокупность этих обстоятельств привела к ужесточению позиции американской делегации на переговорах.

Уже 24 августа на совещании в Белом доме Рузвельта с членами американской делегации было решено изменить предложенную в американском меморандуме от 18 июля 1944 г. позицию относительно процедуры голосования в Совете Безопасности и присоединиться к английским предложениям [112], что постепенно и произошло на самой конференции.

Еще одним «камнем преткновения» стал вопрос о членстве в организации. Все делегации были согласны, что ими должны стать Объединенные Нации (т. е. государства, подписавшие 1 января 1942 г. в Вашингтоне Декларацию Объединенных Наций) и присоединившиеся к ним страны. Термин «присоединившиеся страны» стороны понимали по-разному. Если для советской делегации он обозначал государства, подписавшие Декларацию Объединенных Наций позднее, то американцы трактовали его более широко, включая в их число страны, порвавшие отношения с Германией, но не подписавшие Декларацию. В основной своей массе это были латиноамериканские страны. В связи с вопросом о членстве глава советской делегации Громыко заявил о необходимости включения в число первоначальных членов всех советских союзных республик, что вызвало негативную реакцию союзников.

К 17 сентября все остальные положения Устава были согласованы тремя делегациями. Оставшиеся нерешенными проблемы уже серьезно тормозили работу конференции, тем более что все три стороны неоднократно заявляли о неизменности своих позиций [113]. Попытки западных делегаций выработать компромиссную формулу голосования закончились неудачей, поскольку предложение применять принцип единогласия великих держав при вынесении решений, связанных с принятием немирных мер, было отвергнуто и Рузвельтом и Черчиллем [114].

На данном этапе было решено закончить обсуждения и на заключительных заседаниях конференции главы трех делегаций одобрили итоговый документ

«Предварительные предложения относительно создания Всеобщей международной организации по поддержанию мира и безопасности».

Однако все более очевидным становилось, что без взаимных договоренностей между тремя державами создание международной организации невозможно. Еще 21 сентября, в период работы конференции, глава американской делегации Э. Стеттиниус писал Рузвельту и Хэллу о необходимости компромисса между сторонами в духе выработанной западными делегациями формулы голосования [115]. На желательность принятия такой гибкой формулы указывал и подготовленный для американского президента 27 октября 1944 г. меморандум госдепартамента [116]. Но пока в США продолжалась президентская кампания, американская администрация не делала каких-либо шагов в этом направлении. Лишь 15 ноября, после того как Рузвельт был вновь избран президентом страны, в Белом доме состоялось его совещание с новым государственным секретарем Стеттиниусом и чиновниками госдепартамента по проблемам международной организации. Президенту вновь была предложена компромиссная формула голосования в Совете Безопасности. Теперь это предложение было поддержано Рузвельтом [117]. Для ускорения решения вопроса о голосовании, американский президент решил обратиться с этим предложением к Сталину и Черчиллю, не дожидаясь планируемой встречи Большой тройки. В начале декабря 1944 г. он отправил в СССР и Великобританию [118] послания с предложением о процедуре голосования. Суть его заключалась в следующем: 1) каждый член Совета имеет один голос, 2) решения по вопросам процедуры принимаются при наличии семи голосов членов Совета, 3) решения по всем другим вопросам считаются принятыми, если за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре должна воздержаться от голосования при принятии решений, касающихся мирного урегулирования споров.

Правительство Великобритании было уже готово принять это предложение. В защиту принципа единогласия великих держав выступили некоторые премьер-министры доминионов и члены Военного кабинета. Британское правительство признало, что компромисс будет лучшим решением вопроса [119].

26 декабря Рузвельту ответил Сталин. Выразив согласие с первым и вторым пунктом предложения американского президента, он отверг третье положение [120]. Таким образом, и вопрос о голосовании был перенесен на предстоящую конференцию глав правительств.

Проводя в рамках НКИД подготовку к этой встрече, 10 января 1945 г. Комиссия по послевоенному устройству представила документ «Материал к встрече трех. Организация Безопасности» [121], в котором суммировались советские предложения относительно нерешенных в Думбартон-Оксе проблем. Основное внимание было уделено процедуре голосования в Совете Безопасности. Обращаясь еще раз к компромиссному предложению Рузвельта, председатель комиссии Литвинов подтверждал правильность его отклонения и предлагал вернуться к прежнему варианту, разработанному комиссией: «согласиться на воздержание от голосования сторон при разрешении споров по существу, в том случае, если постоянные члены дали согласие на принятие таких споров к рассмотрению». В документе указывалось: «Поскольку мы можем всегда голосовать против принятия споров к рассмотрению , мы тут никакой уступки не делаем» [122].

Касаясь второго серьезного вопроса, связанного с будущей организацией, а именно — о первоначальных членах, Литвинов отмечал важность включения всех союзных республик в их число. «Если снять наше предложение,— отмечалось в документе,— то советские республики смогут лишь впоследствии, уже после выработки Устава, подавать заявления о вступлении в организацию. Поскольку новые члены будут приниматься Генеральной Ассамблеей большинством в $^2/_3$ голосов и лишь по рекомендации Совета Безопасности, то можно заранее сказать, что за принятие их вряд ли выскажется установленное большинство в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее. Таким образом, советские республики ⟨...⟩ не только не будут первоначальными членами, но и вообще членами будущей организации» [123]. Проблему «присоединившихся стран», предлагаемых американ-

ской стороной также включить в число первоначальных членов, в комиссии не считали сложной и полагали, что она может быть разрешена путем конкретных договоренностей с американцами. В заключительной части документа подчеркивалось: «Если мы сделаем какие-нибудь дальнейшие уступки по спорным вопросам, то мы должны по крайней мере настаивать на том, чтобы все три государства обязались защищать на предстоящей конференции (Объединенных Наций.— *Т. К.*) все согласованные вопросы и формулировки» [124].

Однако на Крымской конференции глав правительств трех держав, проходившей в начале февраля 1945 г., была принята американская компромиссная формула. Ее принятие было обусловлено не только развернутой агитацией американской стороны накануне [125] и во время конференции [126] в Крыму, подчеркивавшей, что предлагаемая формула голосования обеспечит единогласие великих держав по всем основным вопросам жизнедеятельности международной организации, но и продолжающимися особыми отношениями Сталина и Рузвельта, установленными с Тегерана. На конференции в Крыму был решен и вопрос о членстве в организации, в том числе и советских республик. Советская сторона поставила вопрос не в той форме, в какой это было сделано в Думбартон-Оксе: теперь речь шла о том, чтобы в число инициаторов организации были включены три, или по крайней мере две, республики. Рузвельт немедленно дополнил этот вопрос приглашением на конференцию Объединенных Наций «присоединившихся стран». Оба этих вопроса были урегулированы. США и Великобритания дали обязательство поддержать на конференции Объединенных Наций допуск Украины и Белоруссии к первоначальному членству в международной организации. А советская сторона приняла американское предложение о приглашении «присоединившихся государств», большинство из которых составляли страны Латинской Америки [127]. Были согласованы дата и место созыва конференции — 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско [128].

Решения Крымской конференции относительно международной организации завершили разработку предварительных предложений трех держав по ее созданию. На повестку дня становился вопрос о завершении этой работы и созыве конференции Объединенных Наций.

Подготовка к ней проводилась в НКИД очень активно. Значительная ее часть также была возложена на Комиссию по послевоенному устройству. Еще до начала Крымской конференции 26 января 1945 г. Литвинов подготовил записку «К вопросу об организации безопасности» [129], в которой анализировались первые официальные отклики на предложения Думбартон-Окса. Высказанные предложения признавались противоречащими решениям трех держав и потому неприемлемыми для СССР. В связи с этим в документе особо подчеркивалась необходимость принятия правительствами СССР, США и Великобритании обязательства «выступать на конференции Объединенных Наций согласованно, предварительно обсудив и согласовав между собой все предложения, которые туда поступят» [130].

Вопрос о поправках других Объединенных Наций к решениям Думбартон-Окса был выделен как первостепенный в следующей записке комиссии «О конференции в Сан-Франциско», подготовленной 20 февраля 1944 г. [131] Литвинов предложил запросить госдепартамент США и Форин оффис относительно всех поступивших к ним предложений, с тем чтобы рассмотреть их в НКИД до отъезда делегации в Сан-Франциско. В записке еще раз подчеркивалась необходимость добиться от американского и английского правительств согласованной с СССР политики в этих вопросах [132].

В документе определялись и другие вопросы, по которым требовались предварительные проработки в НКИД. К ним относились социально-экономические проблемы, вопросы территориальной опеки и региональных соглашений. По двум последним предлагалось выяснить сначала позицию Соединенных Штатов, поскольку именно американское правительство предложило их рассмотреть [133].

В отношении социальной и экономической сфер деятельности будущей международной организации советской делегации рекомендовалось не проявлять инициативы [134].

Комиссия предлагала также не стремиться все нерешенные вопросы обсуждать на самой конференции в Сан-Франциско, считая, что в дальнейшем они будут успешнее разрешены путем переговоров между великими державами [135].

Однако отношения СССР с западными союзниками после Ялты значительно ухудшились. Помимо углубления противоречий по ряду проблем послевоенного урегулирования, в первую очередь по польскому вопросу, значительно обострил отношения союзников в середине марта 1945 г. «бернский инцидент», когда Сталин обвинил американское и английское правительства в нарушении союзнических обязательств [136]. Все это не могло не сказаться на процессе подготовки конференции Объединенных Наций. Стороны не могли договориться по вопросам приглашения на конференцию ряда государств. Советская сторона считала возможным послать приглашения действующему на территории Польши Временному правительству, а также УССР и БССР. Подобные предложения были отвергнуты правительствами США и Великобритании [137]. Не получило поддержки и советское предложение о предварительном согласовании позиций великих держав относительно поправок, внесенных другими государствами [138].

Со стороны советского руководства появились некоторые признаки скептического отношения к будущей организации. Так, беседуя с французским послом Катру 19 марта 1945 г., Сталин заметил, что не следует спешить с принятием некоторых решений, касающихся создания международной организации [139]. Ярким свидетельством недовольства Москвы стало назначение на пост главы советской делегации посла СССР в США Громыко, в то время как остальные делегации должны были возглавляться министрами иностранных дел. Обеспокоенный таким поворотом событий Рузвельт отправил 25 марта Сталину послание, в котором выражалась просьба пересмотреть данное решение. В ответном послании главы советского правительства подтверждалось прежнее решение [140].

Тем не менее техническая подготовка конференции продолжалась. Продолжалась она и в НКИД. Комиссия Литвинова анализировала поступающие поправки [141]. Большинство из них касались вопросов деятельности Генеральной Ассамблеи и по-прежнему являлись неприемлемыми для советской стороны. Было решено сгруппировать все поступившие поправки в одной записке и обсудить их перед отъездом советской делегации на конференцию. Такой материал вскоре был подготовлен [142], а комиссия перешла к следующему этапу подготовки — разработке проекта директив. Они были подготовлены к 13 апреля 1945 г. и вскоре утверждены правительством СССР [143].

Директивы также нацеливали делегацию на отстаивание на предстоящей конференции Объединенных Наций совместных предложений великих держав, выработанных в Думбартон-Оксе и Ялте. Основное внимание советская делегация должна была сосредоточить на поправках, изменяющих эти решения. При этом особо выделялись вопросы полномочий Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, а также целый комплекс проблем, связанных с Советом Безопасности: принцип голосования, распределение непостоянных мест, вопросы обязательности решений Совета и применения принудительных мер без санкции Совета. Отмечалось, что подавляющее большинство поправок и дополнений по этим вопросам имеет своей целью сузить полномочия Совета, чему советская делегация должна была твердо противостоять.

Вскоре события приняли неожиданный поворот. 12 апреля скончался президент США Ф. Рузвельт. Новым президентом страны стал Г. Трумэн. Посол США в Москве Гарриман предложил Сталину направить в США наркома иностранных дел СССР для встречи с новым президентом, с тем чтобы В. М. Молотов принял затем участие и в конференции в Сан-Франциско [144]. Предложение было принято, и Молотов отправился в Вашингтон.

Однако новый президент был настроен на более жесткую линию поведения по отношению к Советскому Союзу, что он и продемонстрировал на первых встречах с Молотовым. Рузвельтовские планы сотрудничества в рамках новой организации были принесены в жертву сиюминутным интересам [145]. Не найдя общего языка с

Г. Трумэном, нарком иностранных дел СССР после нескольких дней заседания в Сан-Франциско, покинул США. Во взаимоотношениях двух держав начиналась новая эра.

Примечания

[1] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS). Vol. 1. Washington, 1968. P. 363.
[2] Подробнее см.: R u s s e l R. A History of the United Nations Charter. The Role of the United States. Washington, 1962. P. 100; Postwar Foreign Policy Preparation. 1939—1945. Washington, 1949. P. 85—89; E i c h e l b e r g e r C. M. Organizing for Peace. N. Y., 1977. P. 199.
[3] H u l l C. The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. 2. P. 1637.
[4] Postwar Foreign Policy Preparation... P. 478—480.
[5] Подробнее см.: W o o d w a r d L. British Foreign Policy during the Second World War. L., 1976. Vol. 5. P. 12—19.
[6] FRUS. 1943. Wash., 1966. Vol. 3. P. 28, 36—40.
[7] W o o d w a r d L. Op. cit. P. 38, 49.
[8] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 321.
[9] Там же. С. 187, 245—246.
[10] N i s b e t R. Roosevelt and Stalin. The Failed Courtship. Wash., 1988. P. 44—45.
[11] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 176—177.
[12] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 116—117.
[13] Там же.
[14] Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ), ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 298, л. 1—11.
[15] АВП РФ, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 303, л. 1—2.
[16] FRUS. The Conferences at Washington and Quebec. Wash. P. 681—682.
[17] FRUS. 1944. Wash., 1966. Vol. 1. P. 614—615.
[18] Ibid. P. 620—622.
[19] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе. М., 1984. С. 32 (далее — Конференция в Думбартон-Оксе); FRUS. 1944. Vol. 1. P. 622—623; Postwar Foreign Policy Preparation... P. 256.
[20] Конференция в Думбартон-Оксе. М. 32—34.
[21] Там же. С. 34—35.
[22] АВП РФ, ф. 06, оп. 06, п. 13, д. 133. л. 1.
[23] Там же, л. 2—3.
[24] Там же.
[25] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 36.
[26] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 133, л. 5.
[27] Там же, оп. 6, п. 13, д. 133, л. 5.
[28] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 37—38.
[29] Там же.
[30] Там же. С. 38—39.
[31] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 133, л. 8—9.
[32] Там же, п. 13, д. 133, л. 8—9.
[33] Там же, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 299, л. 1—22.
[34] Там же, оп. 1, п. 5, д. 47, л. 1—7, 16—28.
[35] Там же, оп. 4, п. 31, д. 299, л. 17.
[36] Там же, оп. 4, п. 31 д. 299, л. 17—18.
[37] Там же, л. 13.
[38] Там же, л. 5.
[39] Там же, оп. 4, п. 31, д. 299, л. 9.
[40] Там же, ф. 06, оп. 6, п. 14, д. 141, л. 35.
[41] См.: там же, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 306, л. 20—22; ф. 06, оп. 6, п. 14, д. 141, л. 8—10, 35.
[42] Там же, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 299, л. 8.
[43] Там же, ф. 06, оп. 14, д. 141, л. 17—18, 20, 35.
[44] Там же, оп. 6, п. 14, д. 141, л. 22—43.
[45] Там же, л. 1—20, 22—43.
[46] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 40.
[47] Там же. С. 41—42.
[48] FRUS. 1944. Vol. 1. F. 641.
[49] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 41—42.
[50] Там же. С. 40.

[51] См.: Израэлян В. Л. Дипломатия в годы войны (1941—1945). М., 1985. С. 299—300; Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С. 270—284; Сиполс В. Я. На пути к Великой победе. М., 1985.
[52] FRUS. 1944. Vol. 1. P. 642.
[53] АВП РФ, ф. 0512, оп. 5, п. 13, д. 304, л. 3; FRUS. 1944. Vol. 1. P. 642.
[54] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 138, л. 11.
[55] FRUS. 1944. Vol. 1. P. 644.
[56] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 139, л. 27.
[57] Там же.
[58] Там же, л. 26.
[59] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 45—46.
[60] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 138, л. 13.
[61] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 45—46.
[62] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 134, л. 1—12.
[63] Там же, д. 133, л. 12—41.
[64] Там же, д. 134, л. 3.
[65] Там же, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 299, л. 23.
[66] Там же.
[67] Там же, л. 24.
[68] Там же.
[69] Там же, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 134, л. 13—19.
[70] Там же, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 299, л. 31—37.
[71] Там же, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 134, л. 35.
[72] Там же, л. 36.
[73] Там же, л. 39.
[74] Подробнее см.: Борисов А. Ю. СССР — США: союзники в годы войны. М., 1983. С. 159—195.
[75] Hull C. Op. cit. P. 123.
[76] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 46—48.
[77] Hull C. Op. cit. P. 1673.
[78] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 134, л. 44—50.
[79] Там же, ф. 06, оп. 9б, п. 64, д. 1, л. 19—27.
[80] Там же, ф. 07, оп. 9б, п. 64, д. 1, л. 35—39; ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 135, л. 2—8.
[81] Там же, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 135, л. 9—17.
[82] Там же, л. 18, 30—31.
[83] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 44—45.
[84] Там же. С. 48—63.
[85] Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1984; История внешней политики СССР. 1917—1985. М., 1986; История международных отношений и внешней политики СССР. 1915—1987. М., 1987; Крылов С. Б. История создания ООН. М., 1960 и др.
[86] Russel R. Op. cit. P. 215.
[87] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 53.
[88] Там же. С. 68—93.
[89] Kitchen M. British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. Basingstoke-L., 1986. P. 194—196.
[90] The Foreign Office and the Kremlin. British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941—1945. Cambridge, 1975. P. 50.
[91] FRUS. 1944. Vol. 1. P. 630; Vol. 3. P. 1—15.
[92] The Foreign Office and the Kremlin. P. 51.
[93] The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945. N. Y., 1972. P. 653.
[94] Подробнее о конференции премьер-министров доминионов см.: Поздеева Л. В. Проблемы послевоенной безопасности в политике Великобритании (1943—1944) // Проблемы британской истории. М., 1980. С. 114.
[95] Woodward L. Op. cit. P. 125—126.
[96] Ibid.
[97] АВП РФ, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 299, л. 49—54.
[98] Там же, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 134, л. 57—69.
[99] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 65—66.
[100] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 138, л. 32; АВП, ф. 06, 1944, оп. 06, п. 13, д. 139, л. 32.
[101] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 65—66, 93.
[102] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 138, л. 89.
[103] Hull C. Op. cit. P. 1674.
[104] АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 138, л. 39.
[105] FRUS. 1944. Vol. 1. P. 704.
[106] Ibid. P. 705.
[107] АВП РФ, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 299, л. 28.
[108] Там же, ф. 06, оп. 6, п. 13, д. 135, л. 32—34.
[109] Там же, д. 134, л. 81—86.
[110] Там же, л. 87—89.
[111] Там же, д. 135, л. 97—103.
[112] FRUS. 1944. Vol. 1. P. 730—732.

[113] Конференция в Думбартон-Оксе. С. 165, 183, 187; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1976. Т. 2. С. 167—168; FRUS. 1944. Vol. 1. P. 775; The Diaries of Edward R. Stettinius 1943—1946. N. Y., 1975. P. 126—127, 129.
[114] FRUS. 1944. Vol. 1. P. 826.
[115] Ibid. P. 835.
[116] FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. P. 46.
[117] Ibid. P. 55—56.
[118] Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 183.
[119] W o o d w a r d L. Op. cit. P. 172.
[120] Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 188—190.
[121] АВП РФ, ф. 07, оп. 10, п. 3, д. 40, л. 1—6.
[122] Там же.
[123] Там же, л. 3.
[124] Там же, л. 6.
[125] FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. P. 73—77.
[126] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1979. С. 92—96, 106—107.
[127] Там же. С. 121—123, 149—150, 164, 241.
[128] Там же. С. 146—148.
[129] АВП РФ, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 305, л. 28—32.
[130] Там же, л. 32.
[131] Там же, л. 33—36.
[132] Там же, л. 33—34.
[133] Там же.
[134] Там же, ф. 07, оп. 10д, п. 3, д. 40, л. 162—165.
[135] Там же, л. 146—150.
[136] Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 321.
[137] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. М., 1980. С. 68, 76—81, 83, 87—89.
[138] Там же; С. 91—92.
[139] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1983. С. 292.
[140] Переписка Председателя Совета Министров. СССР... Т. 2. С. 210, 213.
[141] АВП РФ, ф. 0512, оп. 4, п. 31, д. 305, л. 53—55; ф. 07, оп. 10, п. 3, д. 40, л. 218—224, 225—230.
[142] Там же, ф. 429, оп. 1, п. 1, д. 1.
[143] Там же, ф. 06, оп. 7б, п. 61, д. 7, л. 86—91.
[144] Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 92—93.
[145] C o c h r a n B. Harry Truman and the Crisis Presidency. N. Y., 1973. P. 137—139.

© 1995 г. ШТЕФАН МЕРЛЬ*

ГОЛОД 1932—1933 ГОДОВ — ГЕНОЦИД УКРАИНЦЕВ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ РУСИФИКАЦИИ?

В 1980-х гг. в странах Северной Америки проводилась широкая кампания в связи с 50-летней годовщиной голода на Украине. Против сталинского руководства Советского Союза было выдвинуто обвинение в том, что голод спровоцирован был для уничтожения крестьянства — базы украинского национализма [1]. Тезис этот не нов. В последний раз он прозвучал в 1950-е гг., но не получил тогда поддержки в научном мире. Положение изменилось с выходом книги Роберта Конквеста, известного специалиста в области советской истории [2]. Для обоснования этой версии в 1984 г. был утвержден руководимый Джеймсом Мейсом исследовательский проект, а в 1986 г. даже организована специальная комиссия конгресса США по вопросу об «украинском» голоде. Ее также возглавил Дж. Мейс.

В данной статье я хотел бы ограничиться рассмотрением убедительности доказательств геноцида украинцев, содержащихся в книге Конквеста и в докладе Мейса, представленном в 1988 г. конгрессу США [3].

Утверждение, что «Советский Союз сознательно способствовал распространению голода с тем, чтобы поставить украинцев на колени» [4], восходит еще к 1933 г. По иронии судьбы сам Сталин невольно способствовал утверждению такого мнения. В стремлении переложить вину за катастрофическое положение сельского хозяйства в голодавших областях на плечи местных партийных организаций он санкционировал в конце 1932 г. массовое снятие с постов и аресты местных партийных кадров. Такие факты имели место на Нижней Волге [5], а также на Северном Кавказе [6] и Украине. С начала 1933 г. стали организовываться «политотделы» при МТС и совхозах, которые призваны были заняться проверкой руководящих кадров колхозов, а также проведена партийная «чистка», в результате которой численность сельских коммунистов в короткий срок сократилась на треть, причем исключение из партии зачастую было связано с арестом и заключением в лагерь [7]. Но только на Украине эта расправа с партийными кадрами связывалась с окончанием политики «украинизации» и обвинениями в «сепаратизме», предъявленными бывшим функционерам. Нейтральные наблюдатели (например, германский консул на Украине) усматривали здесь прямую зависимость. Упрек в «сепаратизме» расценивался ими как абсурдный, они подчеркивали, что до того как разразился голод едва ли можно было говорить об украинском национальном движении. Только в условиях преступно допущенного, хотя и без умысла, голода встал вопрос о доверии к партийному господству, что дестабилизировало положение. Тому же способствовал «переворот» в Германии в конце 1933 г., т. е. приход к власти национал-социалистов. В результате создавалась реальная опасность возникновения на Украине сепаратистских тенденций [8]. Гитлер не скрывал, что рассматривает Украину как житницу германского рейха. Поэтому, как полагали немецкие дипломатические представители, московское партийное руководство имело основание в условиях начавшегося в 1933 г. голода принять меры против украинского национального движения. Именно в связи с этими мерами у украинцев могло создаться впечатление, что сам голод был частью этой новой политики.

* **Мерль Штефан**, профессор университета г. Билефельд (Германия). Перевод Ю. А. Петрова.

Для любого наблюдателя, который следил за ходом событий беспристрастно, такой вывод с самого начала не вызывал доверия. Последовавшее уже в начале 1932 г. общее снижение хлебного пайка рабочих в городах отразило все ухудшавшееся продовольственное снабжение [9]. В значительной части традиционного зернового региона сельское население голодало уже зимой 1932 г., хотя массовой гибели людей от голода еще не отмечалось. Так было и на Северном Кавказе, где в 1931 г. собрали рекордный урожай, и на пораженной засухой Нижней Волге [10]. Ответственность за это в значительной степени лежит на правительстве, в сентябре 1931 г. издавшем распоряжение, в соответствии с которым выполнение плана хлебозаготовок, а не формирование колхозного фонда кормов, являлось первоочередным [11]. В итоге зимой 1931/32 г. пало 6,6 млн. лошадей — четвертая часть из еще оставшегося тяглового скота, остальной скот был крайне истощен. В зернопроизводящих районах, прежде всего ощутивших нехватку зерна, ситуация была еще тяжелее. В обстановке жесткого давления, оказываемого правительственными верхами с целью увеличения поставок зерна государству, местные руководители даже запрещали создание семенного и продовольственного фондов. Массовой смертности от голода зимой 1931/32 г. не произошло по двум причинам: в колхозах вопреки правительственным распоряжениям зачастую поддерживались эгалитарные принципы распределения продовольствия и благодаря тому, что значительное число колхозников вступило в колхозы в начале 1931 г. и имело право убрать урожай с полей, засеянных ими осенью 1930 г. [12] Посевная кампания 1932 г. в наиболее пострадавших от голода регионах (Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Украина) обеспечивалась преимущественно с помощью государственного «семенного заемного фонда» [13].

Урожай 1932 г. оказался низким. По официальным советским данным, производство зерна на душу населения более чем на 12% уменьшилось по сравнению с 1927 г.— годом «хлебного кризиса». Тем не менее без учета этого обстоятельства зерно вывозилось из традиционных зернопроизводящих районов, поскольку вся политика была направлена на индустриализацию страны. К тому же давление на деревню, которое оказывалось в предшествующие годы, сменилось беспрецедентным массовым террором, затронувшим не только местный аппарат, но и крестьян. Летом 1932 г. участились «кражи» зерна с колхозных полей, поскольку голодающие крестьяне опасались, что, как и в прошедшем году, хлеб будет вывезен на государственные заготовительные пункты и не попадет в колхозные амбары. В связи с этим последовал указ от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации», согласно которому даже самое мелкое хищение каралось заключением в лагерь на срок не менее 10 лет или даже расстрелом. По данным российского историка В. П. Данилова, до конца 1932 г. по этому закону были осуждены 54 645 человек, из них 2110 приговорены к расстрелу и в отношении каждого второго приговор приведен в исполнение [14].

Ослабленные голодом колхозники, в распоряжении которых имелась едва ли половина поголовья тяглового скота по сравнению с 1929 г., часто были не в силах полностью убрать урожай с полей [15]. Партийное руководство расценивало это как проявление открытого саботажа политики индустриализации со стороны крестьянства и расширяло репрессии. В ходе безжалостной битвы за хлеб по всей стране были арестованы по обвинению в саботаже сотни тысяч крестьян и местных руководителей [16]. Когда в конце 1932 г. участились случаи голодной смерти, правительство издало закон о паспортах с тем, чтобы воспрепятствовать массовому оттоку населения из голодающих областей в города, продовольственное снабжение которых также оставляло желать много лучшего. Милиция теперь получила право высылать из городов крестьян, у которых не было договоров о найме с промышленным предприятием, а также препятствовать самовольному уходу из деревни [17]. В телеграмме, подписанной Сталиным и Молотовым, местной администрации предписывалось снимать с поездов и отправлять обратно беженцев, которые названы были в документе «организованными врагами советской

власти». Согласно статистическим данным, в связи с этой акцией было задержано 220 тыс. человек. При этом, как отметил В. П. Данилов, неизвестно, учитывались ли в упомянутых данных сведения о тех, кто скончался от голода на контрольных станциях? [18]

Таким образом, голод был повсеместным явлением, что Конквест и Мейс, ограничиваясь анализом событий на Украине, либо вовсе обходят, либо рассматривают только через призму отдельных правительственных мер. Но это необходимо учитывать при оценке тезиса о том, что голод якобы был не непредвиденным следствием политики индустриализации, а вполне осознанным проявлением национальной политики.

Голод, бесспорно, не был вызван региональным неурожаем, но стал результатом жестко проводимой государством линии на изъятие зерна, что привело к гибели миллионов людей. Точное число жертв голода до сих пор неизвестно, но нет оснований сомневаться, что принятая в западной литературе цифра — 5—6 млн. погибших — далека от действительности [19]. К числу погибших от голода и сопутствовавших ему эпидемий относят всех «безвременно» умерших в 1932—1934 гг. Возможно, что среди жертв голода действительно больше половины составляли украинцы. Но это не доказано, так как известно, что в 1934 г. от голода в массовом масштабе гибли люди в областях восточнее Украины. Конквест оценивает общее число жертв голода примерно в 7 млн. человек, но при этом количестве умерших только на Украине он исчисляет в 5 млн. Мейс идет еще дальше, говоря о пяти, семи и даже о десяти миллионах украинцев, погибших голодной смертью [20]. В последние годы стали доступны новые источники о демографических процессах в 1930-х гг. Прежде всего это книги регистрации рождений и смертей в пострадавших от голода регионах. Хотя не все жертвы голода официально регистрировались, но даже эти данные позволяют судить о том, где и в каких масштабах свирепствовал голод. Нередко этот источник дает возможность проследить рост смертности от голода по месяцам [21]. Тем не менее споры об общем числе жертв голода не могут считаться оконченными [22].

Для подкрепления тезиса о геноциде не имеет особого смысла доказывать, что голод действительно был. Общее количество жертв при этом также не имеет существенного значения. Гораздо существеннее показать, что украинцы погибали из-за своей национальной принадлежности и что голодный мор был вызван именно с таким умыслом. Поскольку состояние источников на сегодняшний день позволяет однозначно ответить на первый вопрос, стоит начать именно с него, прежде чем перейти ко второму, по поводу которого Конквест и Мейс приводят только умозрительные рассуждения.

Украинские эмигранты ограничивались простым утверждением, что голодом поражена была прежде всего Украина и населенный кубанскими казаками, этнически якобы относящимися к украинцам, район Северного Кавказа, тогда как «собственно русские земли не знали голода» [23]. Утверждение это настолько противоречит всем известным фактам, что даже Конквест и Мейс его не поддержали. Они признают, что среди жертв голода были представители и других национальностей, в том числе и, скорее по недоразумению, как они полагают, русские. Хотя голодная смерть в советской деревне начала 1930-х гг. отнюдь не была исключительным явлением, тем не менее в качестве проявления геноцида они рассматривают только гибель украинцев. Так, Конквест подробно описывает «казахскую трагедию». Принудительный переход к оседлости кочевников-казахов в ходе коллективизации лишил их привычных условий существования и привел к голоду. Но Конквест выступает против того, что их гибель была вызвана сознательно, и это утверждение выглядит весьма произвольно в рамках системы аргументации, касающейся украинцев: «Голод в Казахстане был вызван искусственно, подобно голоду 1921 г., в том смысле, что он явился результатом бездумно применявшейся идеологически мотивированной политики. Он не был, подобно голоду на Украине, вызван сознательно и целенаправленно ⟨...⟩ Тем не менее существует точка зрения, что эффект незапланированного голода в Казахстане в

смысле ликвидации сопротивления на местах оказался полезной моделью для Сталина, когда речь зашла об Украине» (с. 196).

Конквесту, безусловно, известно, что наряду с украинцами тогда же гибли и другие советские крестьяне: «К северу и западу (от Украины.— *Ш. М.*) голод поразил район Нижней Волги, частично населенный украинцами и русскими, но в основном поволжскими немцами» (с. 281). И хотя исследователь приводит свидетельства, что на Волге погибали русские, далее он поясняет: «Но бóльшая часть нашей информации идет из республик немцев Поволжья, которая, по-видимому, представляла основную мишень. Немецкая евангелическая церковь получила от российских немцев около 100 000 писем, в которых говорится о голоде и, как правило, взывающих о помощи» (с. 281).

Мейс идет еще дальше и приводит мотив, побудивший-де Сталина, направить свой гнев против немцев и украинцев: «Если мы зададим себе вопрос, кого можно с определенностью назвать наибольшей помехой на пути создания СССР этого нового типа — административно-централизованного, русоцентричного, вооруженного идеологией русского национализма (хотя и называвшегося советским патриотизмом), мы можем с определенностью ответить следующим образом: это украинцы, которые упорно боролись за свою независимость и которые настояли на создании относительно автономного территориального образования даже в рамках СССР; казаки Северного Кавказа, которые вначале сформировали собственное правительство, а позднее послужили основой вооруженного движения против большевиков во время гражданской войны; а также немцы, которые в 1918 г. приветствовали германскую оккупацию Украины с распростертыми объятиями. И именно эти народы с их территориями стали жертвами искусственно вызванного голода» [24]. Мейс считает свою аргументацию настолько убедительной, что не затрудняет себя приведением каких-либо доказательств.

Можно было бы ожидать, что результатом исследований Конквеста и Мейса станет вывод о наличии геноцида не только в отношении украинцев, но и немцев. Но они не делают этого, предоставляя читателю догадываться о причинах умолчания. Возможно, в рамках кампании, в ходе которой геноцид в отношении украинцев ставится на одну доску с еврейским холокостом, кажется неудобным упоминать о геноциде против немцев? К тому же негативная роль украинских эмигрантов в этом втором холокосте уже достаточно выявлена. Или причина умолчания о немцах содержится в следующем утверждении Конквеста: «В письмах иногда отмечается прибытие посылок с Запада. По этой, а, возможно, и по другим причинам, смертность там не была столь велика, как на Кубани» (с. 282). Служит ли для Конквеста количество жертв достаточным критерием того, что мы имеем дело с геноцидом?

Аргументация Конквеста в этом вопросе уязвима и с другой стороны. Свою гипотезу о том, что голод в Поволжье затронул в первую очередь немцев, он обосновывает тем, что имеется больше фактических данных именно о республике поволжских немцев. Однако это легко объяснимо. На Западе наряду с систематическими подборками сообщений очевидцев, составленными в начале 1950-х гг. по инициативе организаций украинских эмигрантов [25], прямыми свидетельствами голода являются только письма поволжских немцев, отправленные родственникам в Германию и Северную Америку. Описаний голода в других регионах не сохранилось. Запрет на исследование этой темы в Советском Союзе способствовал тому, что обширному материалу об украинцах можно противопоставить только единичные свидетельства о голоде на Северном Кавказе и в Поволжье [26]. До сих пор нет работ о голоде в Центральном Черноземном районе и на Урале [27]. У русских на Волге и в других голодающих регионах не было родственников на Западе, которым они могли бы написать, они не эмигрировали в таком масштабе, как украинцы, в годы Второй мировой войны. Однако дают ли имеющиеся в распоряжении Конквеста источники основание полагать, что населенные русскими области были незначительно или вовсе не затронуты голодом? Простой

объем информации для стремящегося к установлению истины историка не является достаточным критерием.

В действительности, за исключением эмигрантской украинской литературы, в исследованиях историков нет значительных расхождений по поводу границ зоны массовой смертности от голода. Так, Д. Дэлримпл отмечает: «Голод был наиболее жесток, с чем, по-видимому, согласны все, на Украине и Северном Кавказе (особенно на Кубани), Средней и Нижней Волге, а также в Казахстане. В целом голод в наибольшей степени свирепствовал в зернопроизводящих регионах. Именно там коллективизацию провели наиболее полно» [28]. С. В. Кульчицкий пишет о следующих пострадавших от голода областях: «Неоспорим тот факт, что зимой и весной 1933 г. голод, унесший множество жизней, свирепствовал не только на Украине, но также и в сельских местностях Западной Сибири, Южного Урала, Северного Казахстана, Северного Кавказа, Кубани и Поволжья (в последнем регионе он поразил территорию от Горького до Астрахани), а также в Ростовской, Тамбовской и частично в Курской областях Российской Федерации» [29].

В этой связи особый интерес представляют подсчеты одного недавно эмигрировавшего украинского демографа, публикующегося под псевдонимом «Максудов». Исходя из убедительной посылки, что в период голода малолетние дети имеют минимальные шансы выжить, и используя метод реконструкции региональной возрастной структуры населения по Переписи 1939 г., он смог установить, насколько различные области пережили массовую гибель людей от голода: «Спроецировав этот показатель на карту, мы увидим, что на территории Украины количественный разрыв между поколениями — и демографические потери — возрастают с северо-запада на юго-восток, усиливаясь в центральных областях по вектору, проходящему через Киев, Черкассы, Кировоград, Днепропетровск, Харьков и Ворошиловград. Все примыкающие к Украине с севера русские области — Курская, Белгородская и Воронежская, а также Западная Белоруссия и Западная Украина, аннексированные Советским Союзом в 1939 г., сохраняют нормальные возрастно-групповые соотношения. За пределами Украины зона демографических потерь расширяется, захватывая Кубань, где ситуация заметно ухудшается, распространяясь на Волгоградскую и Саратовскую области, покрывает часть Южного Урала (Пензенская, Челябинская и Оренбургская области) и по убывающей — на территорию Казахстана» [30].

Выводы Максудова имеют важное значение для дискуссии о геноциде. Его наблюдения свидетельствуют, что сама Украина в неравной степени была охвачена голодом, поскольку в ряде ее областей обнаруживается лишь слабая потеря населения. Впрочем, этот факт можно истолковать и в рамках концепции Конквеста о различной квоте жертв голода. Примечательно, что в сильнейшей степени пострадали области к востоку от Украины. Данный вывод подтверждается советской статистикой того времени о составе семей [31]. Голод, без сомнения, опустошил и многие населенные в основном русскими зернопроизводящие районы. Зона распространения голода явно не совпадает с границами расселения отдельных национальностей.

Максудов, правда, подчеркивает, что две граничащие с Украиной с севера области — Белоруссия и Центральный Черноземный район, очевидно, не попали в зону голодной смерти (разумеется, это не означает, что они в той или иной степени не пострадали от голода). Для Белоруссии объяснение достаточно просто: она принадлежала к зоне завоза хлебов наряду с Северо-Западным и Центральным районами страны, которые традиционно не могли обеспечить себя собственным зерном и дополнительно снабжались за счет зернопроизводящих регионов. В 1930-е гг. здесь и относительно слабее была развита система госпоставок зерна, и репрессивные меры соответственно проводились не столь ожесточенно, как в зерновых районах. Это не относится к Центральному Черноземному району, который считался зернопроизводящим и в начале 1930-х гг. должен был обеспечивать по разверстке около 10% всего поставляемого государству хлеба. Почему же данный район в отличие от остальных русских зерновых областей в извест-

ной степени обошла стороной голодная волна? Конквест, равно как и Мейс, пытается поддержать тезис о геноциде, приводя сведения о чрезвычайных мерах на этом участке российско-украинской границы: «Существенным представляется, что фактически имели место распоряжения, направленные на недопущение украинских крестьян в Россию, где продовольствие было доступнее. Когда же им удавалось миновать кордоны, предписывалось конфисковывать продукты, которые они несли с собой, перехватывая их по возвращении. Явно был отдан приказ у самого верха, и мотив у него мог быть только один» (с. 328). В качестве доказательства существования этих «приказов» и «декретов» Конквест приводит слова одного украинского эмигранта о конфискации зерна и недопущении украинских крестьян через границу с русскими областями. Те же источники содержат, тем не менее, сведения, что какая-то часть зерна все же попадала таким путем в голодающие районы.

Нет сомнения, что приводимые украинскими эмигрантами факты соответствуют действительности. Однако делаемый Конквестом вывод о том, что их следует рассматривать в связи с осуществлением национальной политики, представляется неубедительным. Конквест обходит при этом некоторые само собой напрашивающиеся вопросы: украинские крестьяне подвергались гонениям потому, что они были украинцами, или поскольку они являлись крестьянами? Почему умирали от голода русские крестьяне в Поволжье и в восточных зернопроизводящих районах? И почему, в противоположность тому, голод до какой-то степени пощадил северо-западную часть Украины? Многое говорит за то, что осуществляемые правительством меры касались всего советского крестьянства, а ни в коем случае не одних украинцев. Так, пишет сам Конквест, украинские рабочие могли брать с собой хлеб для собственного пропитания, когда отправлялись на работу в пораженные голодом области. Согласно произвольной интерпретации американского историка, представителями украинского народа должны в таком случае считаться только украинские крестьяне, против которых якобы было направлено острие правительственной политики. Конквест утверждает даже, что в украинских городах, населенных преимущественно русскими, не было голодных смертей. Наблюдение это не выдерживает критики, хотя, безусловно, среди городских рабочих и служащих жертв голода было немного. В нашем распоряжении есть данные о родившихся и умерших в Киеве, из которых следует, что в 1932—1933 гг. в городе сверх среднестатистической величины умерло 60 тыс. человек, или почти 10% населения, скончавшихся главным образом, как можно предположить, вследствие эпидемий, вызванных прогрессирующим недоеданием [32]. Массовая гибель от голода наблюдалась лишь в сельской местности зерновых районов, однако симптомы постоянного недоедания (повышенная смертность и снижение рождаемости) зимой 1932/33 г. были отмечены в большинстве областей, включая и города [33].

Чтобы придать правдоподобие тезису о геноциде, ввиду отмеченных случаев голодной смерти в русских зернопроизводящих регионах, Конквесту следовало бы доказать, что на границах между российскими административными округами не применялись меры, аналогичные тем, что были введены на границе Украины с Россией. Однако сделать это очень трудно. Приведенные наблюдения отчасти связаны с применением общего паспортного режима, в соответствии с которым и внутри Украины искавшие убежища в городах крестьяне силами милиции высылались обратно в деревню. Ограничение всех советских колхозников в гражданских правах, санкционированное законом о паспортах, оставалось в силе вплоть до 1974 г.

Применение заградотрядов для пресечения провоза хлеба через административные границы также нельзя отнести к украинской специфике. Они использовались впервые зимой 1928 г. в комплексе чрезвычайных мер по заготовке зерна [34]. Поскольку руководители местных партийных и советских органов несли персональную ответственность за выполнение плана поставок зерна, они всеми средствами пытались воспрепятствовать неконтролируемому вывозу зерна из своих районов. Контроль на границах, очевидно, был связан с введением

первоначально с октября 1932 г. на Северном Кавказе, а позднее действовавшим также на Украине «бойкотом» тех районов, которые являлись наиболее отстающими в выполнении обязательств по госпоставкам [35]. Такие административные округа заносились на «черную доску» и полностью лишались подвоза товаров, в том числе и зерна [36]. В то же время тем областям, которые рассчитались с государством по поставкам, предоставлялись льготы; как было объявлено в мае 1932 г., здесь допускалась свободная торговля зерном на базарах [37]. В районах же, попавших на «черную доску», положение было отчаянное. Карательные санкции, такие, как отставка и арест местных руководителей и председателей колхозов, не могли, конечно, улучшить ситуацию с поставками. Весьма вероятно поэтому, что заградительные меры принимались и на границах между населенными русскими областями, подобно тому, как это было на Украине между сельскими районами.

И все же почему Центральный Черноземный район оказался в какой-то мере обойден голодом? Нельзя сколько-нибудь правдоподобно объяснить это, исходя из соображений национальной политики.

Могу привести здесь лишь некоторые возможные причины. К ним относится конкретный объем намеченного к вывозу из региона зерна по плану госпоставок. Местные задания по вывозу, утвержденные уже в мае 1932 г., ориентировались на уровень госпоставок прежних лет. Объем их для областей, где ожидался худший, чем обычно, урожай, в том числе для Украины, был снижен незначительно. План госпоставок 1932—1933 гг., таким образом, в наибольшей степени отяготил те районы, где урожай оказался самым низким по сравнению со среднегодовыми данными. Климатические факторы способствовали тому, что сильнее, чем центральная часть страны, пострадали юго-восточные области. Сказалась и голодная зима 1932 г., которая ослабила сельское население и привела к сокращению (в разной степени в отдельных районах) поголовья тяглового скота. В пострадавших от голода регионах, а ими стали значительная часть Нижнего Поволжья, Северный Кавказ и Украина, полевые работы не были проведены своевременно, в результате чего, даже независимо от климатических условий, значительная часть урожая была потеряна. Но в любом случае «центральный сельскохозяйственный район» не может быть назван особенно «богатым» хлебом регионом, как это считает Конквест (с. 327). Уже с последних десятилетий XIX в. вследствие аграрного перенаселения этот район относился к областям, находящимся в состоянии непрерывного кризиса. Возможно, не столь сильное воздействие голода здесь по сравнению с Украиной объясняется и традиционным массовым участием местного сельского населения в неземледельческой сфере (сезонная работа в промышленности), т. е. наличием побочного источника средств существования.

Конквест грешит против истины, когда утверждает, что Украина и Северный Кавказ были обложены в 1932 г. произвольно завышенным обязательством госпоставок. Такие завышенные планы введены были не с 1932, а еще с 1929 г. И затрагивали они не только Украину и Северный Кавказ, но практически все зернопроизводящие районы. Достаточно указать на падение поголовья тяглового скота и все более расширявшуюся зону голодания сельского населения. Когда и где именно постоянное недоедание крестьян выльется в голодный мор, было лишь делом времени и случая. Дилемма заключалась в том, что Украина и Северный Кавказ, которые не без оснований считались житницей Советского Союза, в 1929—1931 гг. обеспечили 44—46% всего поставленного государству зерна [38]. Так как приходившаяся на остальные области квота уже превосходила их реальную производительность, у государства не было возможности перераспределить обложение между регионами. Благодаря ставшим сегодня доступными источникам известно, какое решение летом 1932 г. приняла партийная верхушка для предотвращения голода среди крестьян: признавая крушение своей прежней концепции индустриализации, она вынуждена была вдвое сократить план госпоставок и импортировать миллионы тонн зерна [39]. Несмотря на применявшийся террор, план поставок 1932—1933 гг. фактически и не мог быть выполнен. Из деревни

выжали 4,3 млн. т зерна (на 19% менее, чем в прошлом году). Доля Украины и Северного Кавказа в госпоставках упала до 33% [40].

В опубликованном под редакцией Дж. Мейса докладе конгрессу, в отступление от основного тезиса, впервые допускается, что причины непомерного изъятия зерна были прежде всего экономические. Явно противореча позиции Конквеста, доклад утверждает при этом, что решение о геноциде украинцев было принято в конце 1932 г.: «Но если Сталин пришел к выводу, что кто-то должен голодать, чтобы государство получило зерно, требовавшееся для реализации его планов, разве не резонно было предположить, что он мог решить, что количество жертв должно стать по возможности максимальным именно в трех регионах, в которых Сталин видел препятствие своей политике централизации и русификации? Его действия начиная с декабря 1932 г. указывают на то, что он с огромным желанием был готов на любые меры с тем, чтобы устранить такое препятствие в лице Украины» [41]. И вновь, как и ранее, систему доказательств заменяет наводящий вопрос. Но в конце декабря 1932 г. уже было изъято 94% собранного на Украине зерна, и голодный мор уже начался. Он, разумеется, не мог стать следствием только начатой в конце 1932 г. политики. Аргументация Мейса неубедительна и потому, что не учитывает того факта, что в декабре были введены репрессивные санкции и в отношении украинских районов, не включенных в «черные списки». Какой смысл был в этом, если Сталин хотел нанести удар по украинцам, исходя из соображений национальной политики?

Слепые карательные меры захватывали равным образом занесенные на «черную доску» округа в Нижнем Поволжье, населенные как русскими, так и немцами. На Северном Кавказе дело дошло до расстрелов и депортации целых казачьих станиц и колхозов [42]. Повсюду у стоявших на пороге голодной смерти людей изымались последние запасы — будь то остатки зерна от урожаев прошлых лет, выданного за успешную работу в колхозе, или «украденный» с колхозных полей хлеб [43]. Смертность от голода росла параллельно с обысками и конфискациями. На Украине изъятие зерна производилось, как правило, местными активистами украинской национальности. И этот факт, с сожалением констатируемый в докладе конгрессу, трудно совместить с тезисом о геноциде [44]. Конквест постоянно отмечает, что отдельные мероприятия проводились на Украине с особым ожесточением, и сопротивление населения здесь также было сильнее. Он не поясняет, на основании каких данных приходит к такому выводу. Состояние известных на сегодня источников, в которых зафиксированы отдельные события и отсутствуют сравнительные данные по регионам, не позволяет считать это наблюдение достаточно обоснованным. Впрочем, нетрудно установить источники позиции Конквеста, рассмотрев использованные им материалы. Исследователь опирается в данном случае на высказывания украинских эмигрантов. Однако эти свидетельства представляются сомнительными, коль скоро речь идет о соотношении с другими зернопроизводящими районами. Насколько позволяют судить статистические данные, положения Конквеста пригодны, например, в отношении ликвидированных кулацких хозяйств и для характеристики хода коллективизации, причем Украина занимает здесь положение в середине общего списка зернопроизводящих районов страны.

В совершенно произвольной манере в докладе конгрессу внушается мысль об особом обращении с Украиной, хотя внимательный читатель найдет в тексте самого доклада явно противоречащие этому положению факты. Так, в пункте 5 доклада утверждается: «В 1931—1932 гг. реакцией со стороны советского руководства на вызванную засухой нехватку зерна за пределами Украины стала отправка помощи областям, пораженным засухой, а также серия уступок крестьянству» [45]. Читатель должен отсюда усвоить, что в отношении Украины принимались иные меры по сравнению с другими регионами. Но почему авторы умалчивают о том, что весной 1932 г. Украина также получила значительную семенную ссуду? [46] Равным образом и «концессии», предоставленные крестьянам в соответствии с «майской реформой» 1932 г., распространялись и на Украину. То же самое

относится и к разрешению возобновить крестьянские базары в форме «колхозных рынков» и к сокращению плана госпоставок зерна на 1932 г. [47] В докладе и прочие правительственные распоряжения 1932—1933 гг. изображаются как особые меры в отношении Украины и Кубани, тогда как в подлинных документах оговаривается их действие и для остальных областей [48].

Несмотря на выраженную заданность положений доклада, он тем не менее заслуживает внимания. Иначе, чем в книге Конквеста, представлен здесь новый материал, который излагается без связи с заявленными ранее постулатами. Местами текст доклада оказывается настоящим источником аргументов против самого тезиса о геноциде. Особо примечательны две главы, в которых приводятся обширные цитаты из опубликованных до 1988 г. произведений советской беллетристики и историографии, касающиеся проблемы голода [49]. Поучительны также сведения о публичных слушаниях по проекту «Устная история» [50].

Как обстоит теперь дело с аргументами в пользу преднамеренности голода? Уже приводимая Конквестом и Мейсом причина для начала мнимого геноцида заставляет в этом усомниться. Опасность украинского национального движения они выводят просто из самого факта голода.

Основное свое положение, что голод был организован по приказу партийной верхушки, Конквест «доказывает» с помощью цитаты из принадлежащего Василию Гроссману произведения советской «самиздатовской» литературы: «Декрет предписывал, чтобы крестьяне Украины, Дона и Кубани предавались голодной смерти вместе с детьми» (с. 225). Открытым остается вопрос, кто издал этот декрет. По всей очевидности, Гроссман домысливает существование такого декрета, исходя из описания всего произошедшего. Это право литератора. Но историку следует подходить к проблеме с точки зрения критики источника.

Конквест и Мейс концентрируют свои усилия прежде всего на доказательстве того, что Сталин знал о голоде [51]. Однако это еще не является аргументом в пользу того, что он сознательно организовывал голод. Обоснование же именно этого тезиса дается авторам с трудом. Сталина, без сомнения, неоднократно предупреждали о надвигающемся голоде. Однако, судя по данным источников, он с недоверием воспринимал сообщения о голодных смертях и отвергал их как «троцкистские сплетни». Например, он дал следующую отповедь секретарю Харьковского обкома партии: «Нам сказали, что Вы, товарищ Терехов,— хороший оратор; кажется, что Вы — хороший рассказчик: Вы сочинили такую побасенку о голоде, думая нас напугать, но дело не вышло. Не лучше ли было бы Вам уйти с должности секретаря обкома и из украинского ЦК и вступить в Союз писателей? Тогда бы Вы могли писать басни, а дураки стали бы их читать» [52]. Конквест не воспринимает всерьез реакцию Сталина: «Ответ Сталина нельзя ни признать искренним, ни приписать его подлинной, пусть и безумной уверенности, что голода в действительности не было» (с. 325). Но поведение Сталина в схожих ситуациях, когда проводимая дотоле линия оказывалась ошибочной, заставляет усомниться в этой оценке. Аналогичным образом не реагировал Сталин весной 1941 г. на многочисленные, исходящие из достоверных источников предупреждения о нападении Германии на Советский Союз, и тем самым оказался повинен в смерти огромного числа своих сограждан.

Итак, под сомнением остается вопрос, предвидел ли Сталин голод, хотя его, безусловно, можно было предусмотреть. В любом случае реакция партийного руководства на разразившийся в конце 1932 г. смертельный голод свидетельствует не в пользу точки зрения, что мы имеем дело с проводимой в рамках национальной политики линией на развязывание голодного бедствия. Именно в конце 1932 г. произошла решительная смена курса в аграрной политике. Она означала, что партийная верхушка усматривала непосредственную связь между голодным мором и беспощадным изъятием зерна у крестьянства в интересах индустриализации. Поскольку в распоряжении исследователей нет архивных материалов для вынесения окончательного вердикта, факт радикального разрыва с прежними принципами позволяет лишь предполагать, насколько драматичной

должна была быть оценка создавшегося положения. Так, на рубеже 1932—1933 гг. произвольные реквизиции сельхозпродуктов, которые производились в 1929 г. и нанесли огромный ущерб производственному потенциалу российской деревни, были заменены региональными твердыми нормами поставок в зависимости от количества гектаров пашни и поголовья скота. В действительности речь шла о разновидности натурального налога, так как платежи государства за приобретаемую продукцию земледелия составляли только часть фактических издержек. Тем самым поставки сельхозпродукции колхозами и совхозами государству вновь стали поддаваться цифровому исчислению [53]. С организацией политотделов при МТС и совхозах на селе наряду с партаппаратом были созданы специальные штабы, призванные организационно укрепить сельскохозяйственные предприятия и осуществить наконец в колхозах принципы труда и распределения на обязательных началах.

Для будущего колхозников самым важным было то, что государство перешло к сознательной поддержке подсобных хозяйств, тогда как прежде оно лишь вынужденно терпело их. В феврале 1933 г., в разгар голода, Сталин выдвинул лозунг — сделать колхозника «зажиточным» [54]. Хотя уже по Уставу колхозов 1930 г. колхозникам разрешалось иметь небольшое подсобное хозяйство, непрекращавшееся самоуправство местной администрации привело к тому, что размер дворового хозяйства крестьян постоянно сужался. Теперь же произошла радикальная коррекция курса, и государство побуждало колхозников расширять свое личное приусадебное хозяйство. Для покупки молодняка скота даже предоставлялся кредит. Колхозники впредь обязывались по государственным планам засаживать часть приусадебного участка картофелем. Около 20% выращенного на этих участках картофеля они сдавали по обязательным поставкам государству. Остальные 80% оставались у крестьян для собственного пропитания, откорма скота или продажи на колхозных рынках. Импульс к расширению личного хозяйства имел глубокий смысл, так как обеспечивался максимальный выход продукции с ограниченной (0,25 или 0,5 га) земельной площади. Конечно, поддержка личного хозяйства после голодного бедствия была небескорыстной. В будущем эта мера позволила государству распоряжаться всей колхозной продукцией, не обрекая на смерть колхозников, поскольку те могли теперь сами позаботиться о необходимом пропитании, обрабатывая собственный участок после трудового дня в колхозе. Мерами же налоговой политики государство вынуждало к продаже немалой части личного урожая, что улучшало продовольственное снабжение городского населения [55].

В то же время с 1933 г. гарантированный объем продовольствия крестьяне получали и в колхозах. По большей части речь шла о зерне, в определенных областях выдавался также картофель. В 1933 г. в практику введено было также, что после выполнения плана поставок определенная часть зерна могла — и должна была — распределяться между колхозниками. 10—15% обработанного зерна выдавались колхозникам в период молотьбы в качестве предварительной оплаты по числу трудодней. Однако окончательной выплаты в конце года чаще всего не производилось, так как у колхоза уже не было излишка зерна. Таким образом, занятые в колхозе крестьяне с 1933 г. в любом случае получали какой-то заработок [56].

Конквест и Мейс умалчивают об этом изменении курса, хотя при изложении конкретных сюжетов некоторые из названных мер упоминаются в книге Конквеста, но, правда, не в связи с голодом. Итак, в конце 1932 г. партийная верхушка явно знала о наступившем смертельном голоде. Почему же не была оказана помощь голодающим и, более того, продолжался вывоз зерна из пострадавших районов? Этому не может быть оправдания. В. П. Данилов прямо называет голод «тягчайшим преступлением Сталина» [57]. Тем не менее нельзя согласиться с мнением Конквеста, что «Сталин мог в любое время отдать приказ о выдаче зерна, чтобы продержаться до конца весны, зная наверняка, что голод теперь достиг своего апогея» (с. 326). Беглый взгляд на государственные базовые запасы зерна

обнаруживает, что без импорта многих миллионов тонн хлеба помощь и не могла быть предоставлена [58]. Немецкий эксперт по аграрным вопросам Отто Шиллер, наиболее компетентный из иностранных наблюдателей, совершенно справедливо писал в 1933 г.: «Советское правительство многолетней пропагандой пятилетнего плана, основанной на явно преувеличенных известиях о победах, завело себя в такой тупик, что признание катастрофы, каковой являлся голод, было бы равносильно объявлению абсолютного банкротства со всеми связанными с этим опасностями» [59]. Чтобы спасти собственную шкуру, партийное руководство, по всей вероятности, и отказало в помощи голодающим крестьянам, распорядившись хранить официальное молчание по поводу голода. Даже если представляется сомнительным, что партийная верхушка намеренно обостряла ситуацию, в современных условиях нужно признать бесспорным тот факт, что, отказав в помощи голодающим, правительство сознательно обрекло на смерть миллионы крестьян и при посредстве закона о паспортах пыталось обеспечить скудный паек рабочим и служащим.

Стоит отметить свидетельство Дугласа Тоттла [60], что и Конквест (с. 216—217), и Мейс [61] используют в качестве иллюстраций «украинского» голода 1932—1933 гг. фотографии, которые были сняты в начале 1920-х гг. или еще ранее, и к началу «кампании геноцида голодом» умышленно запущены в обращение как фото голодающих 1932—1933 гг. Тоттл установил, что в памфлетах середины 1930-х гг. назывались различные авторы одних и тех же фотографий. Издательским концерном Херста в ходе кампании против президента Рузвельта были опубликованы корреспонденция и фото журналиста Томаса Уолкера, которые он якобы сам снял на Украине весной 1934 г. В действительности Уолкер на Украине никогда не был, в Советском Союзе впервые побывал в качестве туриста осенью 1934 г. Другие источники приписывают авторство тех же снимков германскому советнику по аграрным вопросам Дитлоффу, который будто бы сделал снимки «летом 1933 г.», по другим данным,— весной 1933 г.» Тоттл обратил внимание на явные несообразности: на ряде этих фотографий люди запечатлены в зимней одежде, заметен также глубокий снег. Сопоставив снимки, исследователь смог доказать, что фото эти заимствованы из материалов о голоде 1921—1922 гг. и были впервые опубликованы в Женеве. К ним относится использованный Конквестом снимок «ребенка-лягушки», причем автор приводит биографические сведения об этом ребенке, воспроизводя вымышленный рассказ Уолкера [62]. Обратив внимание на изображение людей в форменной одежде царского времени, Тоттл установил, что отдельные снимки, и прежде всего те, что впервые были опубликованы в немецкой газете «Фёлькишер беобахтер» от 18 августа 1933 г., относятся еще ко времени Первой мировой войны.

Можно, таким образом, считать твердо установленным, что Конквест и Мейс используют фальсифицированные фотографии для иллюстрации «украинского» голода. И хотя не они совершили этот подлог, исследователей должны были смутить сомнительные фото при том критическом отношении к источнику, которое требуется от историка. Учтя аргументы Тоттла, можно было бы и не приводить те фото, в отношении которых возникли сомнения, действительно ли они были сделаны в Советском Союзе в 1932—1933 гг. Подобные казусы подтверждаются свидетельствами множества очевидцев.

Подведем итог. Конквест и Мейс не представляют убедительных доказательств в пользу выдвинутого ими тезиса о геноциде. Досадно, что они даже и не пытались серьезно его обосновать. То, что эти авторы представили на суд читателя, является смесью бездоказательных утверждений, наводящих вопросов и разрозненных фактов. Проблемы, которые возникают из представленного ими материала о голоде как результате национальной политики, остаются нераскрытыми. Собственно, более широкий подход Конквеста, чья книга преследует цель описать борьбу большевиков не только против «украинства», но и против крестьянства в целом, оставляет читателя в недоумении, почему автор говорит о голоде применительно лишь к украинцам. Невольно создается впечатление, что в своей

книге автор преследует сиюминутные политические интересы. Голод демагогически подается в облачении геноцида, как будто бы мученическая смерть миллионов людей сама по себе не является достаточным преступлением. Объяснить это можно только тем, что для возбуждения американской общественности необходимо прямое сравнение с холокостом в отношении евреев.

В заключение я хотел бы привести цитируемые в докладе конгрессу слова советского историка С. В. Кульчицкого: «Едва ли можно утверждать, что в национальной политике в СССР не было ошибок или отклонений. Имели место серьезнейшие, широкомасштабные и трагические ошибки. Однако, несмотря на это, все попытки выделить страдания украинского народа путем затушевывания или преуменьшения тягот, выпавших на долю других наций (а именно этот способ избирается украинскими националистами, особенно когда речь заходит о русских), несут на себе отпечаток недостатка сознательности со стороны исследователей, а также их очевидной склонности к фальсификации» [63].

Примечания

[1] См.: The Great Famine in Ukraine 1932—33//The Ukrainian Weekly. Vol. LI. 1983. № 12; The Great Famine in Ukraine: the unknown holocaust. In solemn observance of the 50th anniversary of the Ukrainian famine of 1932—33. Jersey City; N. J., 1983; Famine in the Soviet Ukraine 1932—33. A Memorial Exhibition. Cambridge, Mass., 1986.

[2] C o n q u e s t R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. L., 1986 (далее ссылки на эту книгу приводятся в тексте статьи).

[3] Investigation of the Ukrainian Famine 1932—1933. Report to Congress. W a s h i n g t o n D. C.: Comission on the Ukrainean Famine, 1988 (далее — Report).

[4] Deutsches Konsulat Kiew. Politischer Jahresbericht 1933 an die Deutsche Botschaft in Moskau//Der ukrainische Hunger-Holocaust. Stalins verschwiegener Völkermord 1932/33 an 7 Millionen ukrainischer Bauern im Spiegel geheimgehaltener Akten des deutschen Auswartigen Amtes. Eine Dokumentation. Hrsg. von Dr. D. Zlepko. Sonnenbühl, 1988. S. 261.

[5] Распоряжение ЦК ВКП(б) по Нижне-Чирскому и Котельническому районам Нижне-Волжского края от 30 декабря 1932 г.//Правда. 1932. 31 декабря.

[6] S c h i m o t o m a i N. A Note on «The Kuban Affair» (1932—1933). The Crisis of kolkhoz agriculture in the North Caucasus//Acta Slavica Japonica. T. 1. 1983. P. 39—56.

[7] M e r l St. Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre? Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowute. Berlin, 1990. S. 49—60.

[8] Der ukrainische Hunger-Holocaust. S. 262.

[9] Ibid. S. 95 f.

[10] Report. P. 20.

[11] Распоряжение Колхозцентра от 20 октября 1931 г.//Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 11. С. 26—27.

[12] M e r l St. Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems. 1930—1941. Berlin, 1990. S. 351 f.

[13] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. № 12. Ст. 63; Report. P. 41.

[14] Правда. 1988. 16 сентября.

[15] Report. P. 20.

[16] M e r l St. Wie viele Opfer forderte die "Liquidierung der Kulaken als Klasse»? Anmerkungen zu einem Buch von Robert Conquest//Geschichte und Gesellschaft. 14. 1988. S. 536.

[17] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. № 84. Ст. 516—517; 1933. № 3. Ст. 22.

[18] Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом»//История СССР. 1989. № 3. С. 46 (выступление Ю. А. Мошкова); Д а н и л о в В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР//История СССР. 1990. № 4. С. 27.

[19] Geschichte und Gesellschaft. 14. 1988. Seite 534—540.

[20] M a c e J. The Man-Made Famine of 1933 in Soviet Ukraine//Famine in Ukraine 1932—1933/Ed. by R. Serbyn and B. Krawchenko. Edmonton, 1986. P. 10—11.

[21] О с о к и н а Е. А. Жертвы голода 1933 года: сколько их (анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР)//История СССР. 1991. № 5. С. 18—26; Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Ч. 1. Донецк, 14—16 мая 1991 г. М., 1991; Ц а п л и н В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы//Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175—181.

[22] M e r l St. Kollektivierung und Bauernvernichtung//Die Umwertung der sowjetischen Geschichte/Hrsg. von D. Geyer. Göttingen, 1991. S. 123—125.

[23] The Black Deeds of the Kremlin. A White Book. Vol. 1: Book of Testimonies. Toronto, 1953; Vol. 2: The Great Famine in Ukraine in 1932—1933. Detroit, 1955. Здесь: Vol. 2. P. 68.

[24] Famine in Ukraine 1932—1933. P. 11—12.
[25] The Black Deeds of the Kremlin.
[26] Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов в деревнях Поволжья//Вопросы истории. 1991. № 6. С. 176—181 (в основу статьи положены материалы неопубликованной диссертации автора); Shimotomai N. Op. cit. P. 39—56.
[27] Осокина Е. А. Указ. соч. С. 18—26.
[28] Dalrymple D. The Soviet Famine of 1932—1934//Soviet Studies. 16. 1964/65. P. 471—474.
[29] Report. P. 66.
[30] Maksudov M. Ukraine's Demographic Losses 1927—1938//Famine in Ukraine 1932—1933. P. 32—33.
[31] Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке. М.; Л., 1939. С. 128.
[32] Bundesarchiv Koblenz, Bestand R 94. № 19 (Stadtverwaltung Kiev, Statistische Abteilung. Kiev 1942). S. 75.
[33] Der ukrainische Hunger-Holocaust. P. 192; Осокина Е. А. Указ. соч. С. 18—26; Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. С. 45. и сл.
[34] Merl St. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion, 1925—1928. Wien; München, 1981. S. 340—342, 361—362, 365—366.
[35] Report. P. 41—42; Shimotomai N. Op. cit.
[36] Shimotomai N. Op. cit. P. 46—49; Report. P. 41; Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 179 и сл.
[37] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. № 31. Ст. 190; № 79. Ст. 481; № 3. Ст. 18; № 4. Ст. 27 и др.
[38] Подсчитано по: Ежегодник хлебооборота за 1929/30 и 1930/31 гг. М.; Л., 1932. С. 103; то же за 1931/32 и 1932/33 гг. М., 1935. С. 13.
[39] При общем подсчете объема ввозимого зерна следует учитывать не только потребность умерших от голода (свыше 1 млн. т). Необходимо принять во внимание все потенциальные жертвы голода — предположительно еще 60 млн. человек с разной степенью истощения и добавить в расчет 30—50% их годовой потребности в зерне. Взятые нами за основу годовые потребительские нормы не обеспечивались и в последующие годы, но учтем, что колхозники с этого времени стали получать продукты питания для себя в личном хозяйстве и что государство начало более пропорционально распределять дефицитное продовольствие среди населения.
[40] Подсчитано по: Ежегодник хлебооборота 1931/32 и 1932/33 гг. С. 13.
[41] Report. P. 96.
[42] Shimotomai N. Op. cit. P. 47. Распоряжение Северокавказского краевого партийного комитета от 31 декабря 1932 и 12 января 1933 г.//Молот. 1933. 1, 13 января.
[43] Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 179 и сл.
[44] Report. P. 225.
[45] Ibid. P. VI.
[46] Ibid. P. 41.
[47] Ibid. P. 20, 72.
[48] Ibid. P. 97—133.
[49] Ibid. P. 37—68, 97—133.
[50] Ibid. P. 185—228, 235—393.
[51] Conquest R. Op. cit. P. 323—326; Report. P. XV—XVI.
[52] Conquest R. Op. cit. P. 324—325. Ту же цитату в другом переводе см.: Report. P. XV. Первоисточник см.: Правда. 1964. 26 мая.
[53] Merl St. Bauern unter Stalin... S. 129 ff.
[54] Stalin I. W. Über die Arbeit auf dem Lande. Rede vom 11.I.1933; Rede auf dem ersten Unionskongress der Stossarbeiter der Kollektivwirtschaften. 19.2.1933//Stalin I. W. Werke. Bd. 13. Frankfurt/M., 1972. S. 193—209, 212—230.
[55] Подробнее см.: Merl St. Bauern unter Stalin... S. 260 ff.
[56] Ibid. S. 362 ff.
[57] Данилов В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографической катастрофе» 30—40-х годов в СССР//Вопросы истории. 1988. № 3. С. 121.
[58] Ежегодник хлебооборота 1931/32 и 1932/33 гг. С. 64.
[59] Landwirtschaftlicher Sachverstandiger bei der Deutschen Botschaft Moskau, den 19. September 1933. An das Reichsministerium fur Ernahrung und Landwurtschaft Berlin//Der ukrainische Hunger-Holocaust. S. 203.
[60] Tottle D. Fraud, Famine and Fascism. The Ukrainian Genocide Myth from Hitler to Harvard. Toronto, 1987.
[61] В 1983 г. при подготовке памятной выставки в Гарварде. См.: Famine in the Soviet Ukraine 1932—1933.
[62] Conquest R. Op. cit. P. 286. Конквест, впрочем, не замечает противоречия между своим необоснованным утверждением, будто голод был прекращен правительством в мае 1933 г., и датировкой фотографий весной 1934 г.
[63] Report. P. 66.

© 1995 г. И. В. СУЧКОВ*

СОЦИАЛЬНЫЙ И ДУХОВНЫЙ ОБЛИК УЧИТЕЛЬСТВА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Учительство, составлявшее значительную часть интеллигенции России, играло особую роль в жизни общества конца XIX — начала XX в. В это время начинается процесс объединения российского учительства, которое осознало не только свое место среди других работников умственного труда, но и значение обобщения опыта педагогической работы, борьбы за улучшение своего материального и правового положения. В начале 900-х гг. состоялись первые всероссийские учительские съезды, на которых были определены пути обеспечения всеобщего начального обучения и проведения реформы средней школы.

Целью статьи является освещение социального и духовного облика дореволюционного учительства в последние десятилетия существования царского режима в России. Хронологические рамки исследования: конец XIX — начало XX в.

До настоящего времени не предпринималось попыток специального исследования данной темы. Среди работ о начальной и средней школе России конца XIX — начала XX в. преобладают исследования, в которых рассмотрены различные слои учительства и история развития народного образования.

В 90-х гг. XIX в.— начале 900-х гг. вышли работы, посвященные частным вопросам развития школы. К ним следует прежде всего отнести труды В. Василевича, В. П. Вахтерова, К. Мягковой, А. Оленина, Ф. Самарина, С. В. Рождественского, Н. В. Чехова [1]. Авторы этих книг дали анализ работы учительских съездов, показали положение педагогов, привели сведения о состоянии земских начальных народных училищ, осветили деятельность Министерства народного просвещения и развитие образования в России на протяжении длительного исторического периода. В каждой из книг представлен, как правило, один из аспектов многоплановой деятельности учительства.

В. Василевич дал обстоятельный анализ работы I Всероссийского съезда представителей учительских обществ взаимопомощи, состоявшегося в конце декабря 1902 — начале 1903 г. Наиболее интересным моментом в его исследовании является оценка значения проблем, поднятых на съезде учителями. Автор привел также перечень имен активных деятелей общественно-педагогического движения.

В. П. Вахтеров рассмотрел вопрос об обеспечении внешкольного образования народа, особо важный для России того периода, когда остро чувствовалась нехватка школ и учителей. Автор показал перспективы развития внешкольного образования и роль учителей в этой деятельности.

В небольшой книге К. Мягковой показано тяжелое положение народных учителей на примере целого ряда фактов. А. Олениным и Ф. Самариным обобщен разнообразный статистический материал о состоянии земских начальных народных училищ Московской губернии в 1892/93 учебном году. Он представляет особый интерес, так как земские школы были важным звеном в системе начального образования и опыт их работы использовался другими педагогами.

* Сучков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного открытого педагогического института.

Книга С. В. Рождественского носит юбилейный характер, в ней сделан исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения за 100 лет — с 1802 по 1903 г. Немаловажно, что издана книга была Министерством просвещения. В обзоре определены различные направления деятельности министерства по развитию народного образования, перечислены типы школ, очерчен профессиональный статус учителя.

Н. В. Чехов осветил развитие народного образования в России с 60-х гг. XIX в. по начало XX в. В исследовании этого известного деятеля народного образования содержится значительный фактический материал, который позволяет проследить постепенное формирование сложной школьной структуры, увидеть особенности правового и материального положения учителей, работавших в школах, принадлежавших к разным ведомствам.

Несмотря на ценность каждого из названных исследований, в них отсутствуют всесторонний анализ деятельности и личности учителя, показ его социального и духовного облика.

Особенность советской историографии в том, что почти вся она базировалась на марксистско-ленинском учении о классах и классовой борьбе. Односторонний подход к решению научных проблем не только существенно ограничил, но и исказил результаты многих исследований. Методологической основой большинства работ, посвященных народному образованию и учительству, являлись произведения В. И. Ленина.

Действительно, Ленин в своих статьях нередко обращал внимание на развитие школы и положение учителя до революций 1917 г. и на его место в Советской России. В ряде работ и в выступлениях послеоктябрьского периода он рассмотрел различные направления политики Министерства народного просвещения, материальное и правовое положение учителя в России [2]. Одна из статей В. И. Ленина целиком посвящена исследованию положения учителей начальных народных училищ. Статья эта была написана в начале декабря 1913 г. и называлась «Нищета народных учителей». Некоторые выводы Ленина о материальном и правовом положении учителей народной школы были справедливыми. Положение многих преподавателей начальной школы было на самом деле тяжелым (об этом пойдет речь ниже). Однако, несмотря на малый заработок и правовую незащищенность, значительная часть учителей реализовывала свои способности в активной общественно-педагогической деятельности. Высокие нравственные и духовные качества помогали им преодолевать трудности и в полной мере соответствовать своему предназначению.

Ленин рассматривал учительство прежде всего как пассивный объект воздействия революционно настроенных рабочих и крестьян, которые были призваны идейно направлять его по пути к свержению самодержавия. Эта мертвая схема не соответствовала реальной жизни и деятельности учительства. Оно очень часто занимало самостоятельную позицию по важнейшим вопросам развития российского общества. Широкая и разнообразная культурно-просветительская деятельность учительства способствовала повышению уровня знаний рабочих и крестьян.

В первые десятилетия советской власти вышло несколько работ, посвященных учительству и развитию просвещения в России в конце XIX — начале XX в. Особое внимание в них было уделено участию учительства в революционном движении и политике царского правительства в области народного просвещения. В последующие годы изучение проблем, связанных с историей учительства и школы России, шло в том же направлении.

Несмотря на давность публикации, определенный интерес представляют исследования И. Л. Цветкова, Н. А. Малиновского, Н. А. Константинова, А. Г. Рашина, а также труды Л. К. Ермана и В. Ониани [3]. Эти авторы рассматривают различные аспекты положения и деятельности учительства, развития школы в России. И. Л. Цветков предпринял попытку осветить учительское движение на протяжении длительного исторического периода, с 80-х гг. XIX в. по 1918 г. В

монографии Л. К. Ермана показана роль учительства вместе с другими слоями интеллигенции России в событиях короткого периода первой буржуазно-демократической революции.

Большой интерес представляют исследования последнего периода — 80-х — начала 90-х гг. В трудах В. Р. Лейкиной-Свирской, С. А. Федюкина, А. В. Ушакова, О. Н. Знаменского дана характеристика учительства как части интеллигенции России [4]. Важное значение в изучении данной проблемы имел выход в 1991 г. «Очерков истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX — начало XX в.», в которых был дан структурный анализ развития народного образования и показано место в нем различных слоев учительства России.

Таким образом, в работах дооктябрьского периода и в рамках развития советской историографии, а также в трудах последних лет рассмотрены лишь отдельные аспекты положения и деятельности учительства России накануне и в период революций 1917 г. Его социальный и духовный облик во многом остался неисследованным.

Автор ставит перед собой задачу рассмотреть основные направления проявления социальной активности учительства, содержание его общественно-педагогической деятельности, охарактеризовать духовный облик этого слоя интеллигенции России в указанный период.

В конце XIX — начале XX в. начальную и среднюю школу составляло большое число учебных заведений, имевших различную ведомственную принадлежность. Подавляющее большинство школ относилось к ведомству Министерства народного просвещения. Учительство этих школ и является объектом настоящего исследования.

Однодневная перепись начальных школ империи, осуществленная в январе 1911 г., зарегистрировала 100 196 школ, из которых к ведомству Министерства народного просвещения относилось 59 685 (59,6%), к ведомству Святейшего Синода — 37 820 (37,7%), к прочим ведомствам — 2691 (2,7%). К общему числу школ Министерства народного просвещения необходимо присоединить 992 городских училища, относившихся по типу к низшей школе и действовавших по Положению от 31 мая 1872 г. Учительский персонал начальных школ всех ведомств состоял из 71 430 учителей, 115 030 учительниц и 49 051 законоучителя, из которых в начальных школах Министерства народного просвещения работали 49 745 учителей, 64 475 учительниц, а в городских училищах преподавали 9866 человек [5].

В 1911 г. в 399 мужских гимназиях и прогимназиях работал 6221 преподаватель, включая законоучителей; в 884 женских гимназиях и прогимназиях — 24 096 преподавателей и в 258 реальных училищах — 3621 преподаватель. О большом числе законоучителей среди общего количества преподавателей средних учебных заведений можно судить по следующим данным: из 24 096 преподавателей женских гимназий и прогимназий учителя и учительницы составляли лишь две трети, а именно 15 910 человек [6].

Большие различия наблюдались в образовательном уровне учителей. В 1911 г. среди народных учителей [7] специальное образование имели 48,4% мужчин и 20,2% женщин, общее — 30,8% мужчин и 63,3% женщин, ниже среднего — 20,8% мужчин и 16,5% женщин. Специальное образование имели педагоги, окончившие учительские институты и учительские семинарии. Общее образование получали выпускники средних учебных заведений. Причем крайне редко учителя начальной школы имели университетский диплом. Образование ниже среднего имели преподаватели, чьи знания ограничивались только объемом начальной школы [8].

Образовательный уровень учителей средних учебных заведений был гораздо выше, чем у народных учителей. По подсчетам Д. И. Менделеева, в 1901 г. половина из 10 тыс. преподавателей средних школ страны (включая 6 тыс. педагогов школ Министерства народного просвещения) имела высшее образование. В основном это были выпускники университетов. Учительницы гимназий и прогимназий имели преимущественно среднее образование [9]. То же было характерно и для более позднего периода.

Существенное влияние на психологию поведения, социальный и духовный облик учительства оказывало его материальное и правовое положение. Всесторонняя характеристика этого вопроса была дана на съезде представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, который проходил в Москве в декабре 1902 — январе 1903 г. и известен как I Всероссийский съезд народных учителей. На съезде многие делегаты говорили о трудностях, которые приходилось испытывать народному учителю: недостаточный заработок, антисанитарная в большинстве случаев обстановка как классных помещений, переполненных учениками, так и собственных тесных квартир; почти полное отсутствие книг и периодических изданий; неопределенное общественное и служебное положение педагогов; безрадостное будущее их детей [10]. Отмечалось, что у народного учителя «много, очень много обязанностей, а своих прав он почти не знает», констатировалось, что жизнь преподавателей народных училищ недолговечна, а чахотка становится все более учительской болезнью. «Голодная профессия», «интеллигентный пролетарий» — такие синонимы термину «народный учитель» находили делегаты съезда [11]. А. Терешкевич, представляющий «Общество попечения об улучшении быта учащих в начальных училищах г. Москвы», сказал: «Материальное положение начального учителя в огромном большинстве случаев плачевно. Громадное большинство начальных учителей и учительниц должны довольствоваться годовым окладом около 200 руб. ... Материальная необеспеченность и сопутствующие ей условия жизни начального учителя создают для него положение невыносимое» [12].

Спустя 10 лет после этого съезда положение народных учителей мало изменилось. В августе 1911 г. московский Общеземский съезд по народному образованию принял специальную резолюцию, в которой говорилось, что «народный учитель должен быть освобожден от тяготеющего теперь на нем гнета бесправия и унизительного надзора» [13].

Вопрос о материальном и правовом положении народного учителя занял особое место в повестке дня II Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания им. К. Д. Ушинского, который проходил в декабре 1913 — январе 1914 г. в Петербурге. Одна из двух секций съезда называлась «Быт учащих и их материальное положение». Все докладчики подчеркнули в своих выступлениях крайне тяжелое положение народных учителей, которые, получая незначительное жалование — около 360 руб. в год, в большинстве случаев вынуждены обучать детей в самых неблагоприятных условиях вследствие неприспособленности школьных помещений. На съезде было отмечено, что среди учителей нет «довольных», недовольны все. Главная причина этого — «скверное материальное положение и грубость со стороны местной администрации». В качестве доказательства полного бесправия народного учителя был приведен следующий пример: прежде чем получить место, учителю надо подать прошение с приложением свидетельства о политической благонадежности и ждать резолюции губернатора [14].

Законом от 3 мая 1908 г. была установлена норма оклада учителей и учительниц не менее 360 руб. в год и для законоучителей — 30 руб. за каждый комплект учащихся [15]. Большой интерес представляют итоги анкетирования учителей земских школ в 1912—1913 гг. относительно их материального положения. По вопросу о размере учительского оклада были представлены точные сведения из 279 уездов России. Оказалось, что преобладающим является годовой первоначальный оклад в 360 руб. Так оплачивался труд народных учителей в 63,7% всех уездов. В 56 уездах (19,7%) оклад колебался от 240 до 360 руб. В 34 уездах (11,7%) оклад учителя был еще ниже. В двух уездах он не достиг даже 180 руб. (в Бобровском уезде Воронежской губернии учитель получал 150 руб., а в Ардатовском уезде Симбирской губернии — только 144 руб.). Свыше 360 руб., не считая прибавок за стаж, был учительский оклад в 15 уездах: в одном — 375 руб., в двух — по 400 руб., в пяти — по 420 руб., в четырех — по 450 руб. и в трех остальных — 480, 500 и 600 руб. [16].

Интересны данные о составе и окладах учительского земского персонала в одном из «благополучных» уездов — Царскосельском. Из 153 преподавателей мужчины составляли 56%, женщины — 44%; 62% преподавателей были холостыми, 35% — семейными, 3% — вдовыми. Преподаватели имели следующий образовательный уровень: специальное педагогическое образование — 51%; полное среднее образование — 19%; получили звание учителей и учительниц после экзамена 39% педагогов. Годовой оклад 13% преподавателей составлял 360 руб. в год, 16% — от 360 до 390 руб., 40% — от 390 до 420 руб., 17% — от 420 до 450 руб., 14% — свыше 450 руб. Начальный оклад в 360 руб. периодически увеличивался, так как были установлены прибавки в размере 10% основного оклада, которые учитель получал через каждые пять лет [17].

По сравнению с учителями земских школ положение учителей церковно-приходских школ было намного тяжелее. Большинство их получало оклад 10 руб. в месяц. Корреспондент журнала «Народный учитель» писал в 1912 г. о положении учителей церковно-приходских школ: «Труд учителя между тем несут каторжный. Заниматься приходится с тремя отделениями, в какой-нибудь „курной“ избушке, даже совестно назвать ее школьным помещением. В такой „школе“ вечная нужда в письменных и учебных пособиях. Заведующие и священники совершенно равнодушны, что в школе недостает одного, недостает другого» [18].

Незавидным считалось также материальное положение учительского персонала городских начальных школ. Например, в 1911 г. основной годовой оклад народных учителей Москвы составлял 460 руб. превышая основной оклад земских учителей на 100 руб. Однако и он не обеспечивал городского учителя начальной школы в его самых насущных потребностях. Еще в 1899 г. годовой бюджет одинокого учителя при школьном квартирном помещении был определен финансовой комиссией в сумме 447 р. 12 к. Это был минимум затрат, так как комиссия подсчитала буквально каждую копейку. Дневное питание городского учителя было оценено в 55 коп.: утренний чай с трехкопеечной булкой, завтрак из двух яиц и полфунта черного хлеба, обед из щей и каши, вечерний чай (ужина не полагалось). 3 гривенника были отведены на все прочие месячные расходы: посещение бани (2 раза), парикмахера, оплату прачки и прислуги, освещения и т. д. Комиссия также определила крупные расходы учителя: зимний костюм «праздничный» на 2 года — 33 руб.; будничный костюм на год — 15 руб.; летний костюм — 10 руб.; две пары ботинок по 4 руб. пара; белье постельное, столовое и прочее — 15 руб. в год. Путем такого учета и была установлена сумма годовых затрат городского народного учителя в 447 р. 12 к. В нее, однако, не были включены затраты на поддержание здоровья, на покупку книг, журналов, газет, на развлечения, на поддержку родственников, на членские взносы в общества и т. п. Необходимо добавить, что по сравнению с 1899 г. жизнь в Москве в 900-е гг. стала намного дороже. В 1911 г. на 460 руб. можно было купить столько же товара, сколько 10 лет назад за 345 руб. [19].

В таблицах 1 и 2 показан бюджет одинокого и семейного народного учителя в 1910—1913 гг. Это тот минимум, который желал бы иметь учитель. Нужно подчеркнуть, что в реальной жизни годовой бюджет одинокого и семейного народного учителя чаще всего ограничивался 360—460 руб., в зависимости от работы в сельской или городской начальной школе.

Несомненный интерес представляют материалы обследования положения учителей начальных училищ, проведенного в конце 1916 г. в различных губерниях России учительскими обществами взаимопомощи. Особенно значительную работу проделали Московское и Смоленское общества взаимопомощи учителей. Обследование показало, что как до начала мировой войны, так и в 1916 г. народные учителя в большинстве случаев терпели нужду и лишения [20]. Очень многие учителя не могли существовать на свое жалование, не прибегая к займам, подсобным заработкам и помощи родственников. Учительница, проработавшая в школе 6 лет, писала: «Школа меня совсем не удовлетворяет при настоящих условиях. Если найду более выгодное что-нибудь, то сейчас же сбегу. Жалованья

Таблица 1

Годовой бюджет народного учителя*

Виды расходов	Стоимость
Пища	213 р. 76 к.
Табак	10 р.
Одежда, обувь, белье	80 р. 33 к.
Посуда стеклянная, железная, деревянная	3 р. 85 к.
Прислуга	12 р.
Освещение	8 р. 58 к.
Лечение, баня	4 р. 80 к.
Религия	1 р. 36 к.
Книги, газеты	13 р. 86 к.
Чернила, бумага, марки	9 р. 50 к.
Гости, театр, развлечения	16 р. 05 к.
Дорога, экипажи	47 р. 25 к.
Пенсионная касса	22 р. 60 к.
Учетная касса	1 р.
Помощь родным	63 р. 32 к.
Мелкие расходы	61 к.
	508 р. 87 к.

* См.: Учительский вестник. 1910. № 7. С. 10.

Таблица 2

Годовой бюджет семейного народного учителя*

Вид расходов	Стоимость
Питание	425
Одежда, обувь, белье и т. п.	175
Воспитание и образование детей	250
Покупка книг	15
Газеты, журналы и т. п.	25
Театр	25
Участие в общественной жизни	50
Религиозные потребности	10
Летние поездки	75
Прислуга	75
Непредвиденные расходы	1200

*См.: Народный учитель. 1913. № 8. С. 8.

не хватает. У отца просить стыдно. Наконец, вечная голодовка — ужасно» [21]. Другой учитель, отдавший делу народного образования 15 лет, следующим образом характеризовал условия своего труда: «Труд народного учителя тяжел. Во время настоящей войны, когда все вообще продукты стали в 5 или в 6 раз дороже обыкновенного, труд учителя оплачивается очень плохо. Учитель и вся его семья за недостатком средств отказывают себе в самых необходимых продуктах.

Вследствие плохого питания здоровье его слабеет, дух и энергия падают. Учитель является в школу больным, это отражается на его преподавании, наносит ущерб школьному делу. Учитель, жена и дети его плохо одеты, обуты и даже голодны, отчего происходят заболевания и пропуск занятий. Вообще жизнь народного учителя в настоящую войну самая жалкая и бедная» [22].

К декабрю 1916 г. число учителей Смоленской губернии, вынужденных прибегать к подсобному заработку, увеличилось по сравнению с довоеннным периодом с 97 до 141. Число учителей, пользующихся помощью родственников, выросло с 59 до 95. Доля бюджета, отведенная на питание, выросла с 45 до 50%. Расходы на лечение увеличились на 52%, что указывает на ухудшение условий жизни учителей. Комиссия, подведя итоги своего обследования, отметила, что если перед 1914 г. положение народных учителей приближалось к грани полуголодного существования, то к началу 1917 г. оно во многих случаях стоит на этой грани. В 1917 г. оно еще более ухудшилось, так как с августа 1916 г. по март 1917 г. цены повысились: на хлеб — на 20%, мясо — на 42%, масло — на 44%. Всероссийский учительский съезд 8 апреля 1917 г. предложил установить минимум годового жалования для учителей начальных училищ в 1500 руб. Только в начале октября 1917 г. Министерство народного просвещения признало необходимым увеличить ежемесячный оклад народных учителей до 100 руб. [23].

Материальное и правовое положение учителей средней школы было намного лучшим, нежели положение народных учителей. Преподаватели средней школы составляли значительную группу буржуазной интеллигенции, по своему положению приближаясь к среднему чиновничеству. Они имели служебные и пенсионные права. Оплата их труда неизменно повышалась по мере выслуги лет. В 900-е гг. в мужских средних школах Министерства народного просвещения учитель с высшим образованием получал первоначальный оклад 900 руб. в год, после четырех пятилетних прибавок по 400 руб. мог довести за 20 лет свой оклад до 2500 руб. Учитель без высшего образования, начав с оклада 750 руб., мог довести его через 20 лет до 1550 руб. Дополнительные годовые уроки оплачивались по 60—75 руб. Пенсия педагогов средней школы исчислялась, исходя из полного пенсионного оклада, который назначался 20 годами службы. Для учителей, имевших высшее образование, этот оклад составлял 1800 руб., а для не имевших его — 1100 руб. [24]

Относительно высокие оклады преподавателей гимназий, прогимназий, реальных училищ не являлись еще свидетельством полного благополучия педагогов, как и всей средней школы в целом. Общеизвестной была перегрузка учителей гимназий дополнительными уроками. Педагогические журналы постоянно сообщали о перенасыщенности учебной программы учащихся средних учебных заведений, об отсутствии преемственности между начальной, средней и высшей школой, о задачах реформирования всей системы образования.

Вместе с тем серьезные недостатки в развитии этой системы не означали, что учительство России видело альтернативу сложившемуся положению в революционном преобразовании общества в целом и школы в частности. Откровенная революционность не была свойственна подавляющему большинству учителей. Это объяснялось несколькими причинами. Участие в разрушительных революционных процессах противоречило специфике деятельности педагогов. Их задача была противоположной: формирование комплекса знаний у своих воспитанников на основе богатой культуры общества. Революционная борьба являлась наименее гибкой среди прочих многочисленных форм участия в общественной жизни страны. Учительство как часть интеллигенции с большим чувством ответственности относилось к общественно-педагогической деятельности и поэтому выбирало более спокойные ее формы. Наконец, революционная деятельность была антигосударственной и, следовательно, незаконной. Учителя, находившиеся на государственной службе, предпочитали соблюдать законность.

Феномен гражданской зрелости учительства объясняется не только наличием у него большого опыта общественно-педагогической деятельности, но и насыщен-

ной духовной жизнью этого слоя интеллигенции. Духовная жизнь учительства имела различные проявления: посещения всевозможных выставок учебной и художественной литературы; чтение книг, газет и журналов; участие в экскурсиях, проводимых на территории России и за границей; посещение театров и т. д. Особенно большой интерес представляли для учителей выставки учебников, учебных пособий и художественной литературы. С интервалом в несколько лет они проходили в Петербурге и Москве. Организаторами выставок являлись Лига образования и другие просветительские общества. В 1910 г. Лига образования организовала в Петербурге выставку учебников и учебных пособий для высших, средних и низших общеобразовательных и профессиональных учебных заведений. Посетители выставки имели возможность прослушать ряд лекций по вопросам учебного дела [25].

Большое значение для преподавателей имело наличие в школе или в непосредственной близости от нее учительской библиотеки. К сожалению, таких библиотек было сравнительно немного. По статистическим данным Министерства народного просвещения за 1898 г., в Российской империи числилась всего 231 учительская библиотека [26].

Газеты и журналы были более доступны для учителей, чем книги. В начале XX в. в России выходило большое количество журналов и газет, посвященных вопросам преподавания и воспитания. Периодические издания были ориентированы на различные категории и разный возраст читателей. Особенно популярными среди учителей были журналы «Народный учитель», «Русская школа», «Учительский вестник», «Русский начальный учитель», «Педагогический журнал», «Свободное воспитание», «Семья и школа» и газеты «Школа и жизнь», «Наша школа». Тематика публикаций в педагогических изданиях была самой разнообразной. Например, общепедагогический журнал «Русская школа», ориентированный на учителей и деятелей народного образования, имел 12 отделов, среди которых особый интерес представляли отделы «Экспериментальная педагогика», «Хроника народного образования в России», «Обзор деятельности земств по народному образованию» [27]. Из непедагогических журналов учителя отдавали предпочтение журналу «Нива» [28].

Важную роль в повышении культурного уровня учительства играли в начале XX в. образовательные экскурсии, которые проводились как в России, так и за границей. Идея организации образовательных экскурсий для учителей возникла в 90-х гг. XIX в. Для ее реализации объединили свои усилия Петербургское, Нижегородское, Казанское, Пермское и Тамбовское учительские общества взаимопомощи. Этому также содействовали различные просветительские общества, общества грамотности, комиссии по устройству летних курсов.

В конце 1908 г. при Московском учебном отделе возникла Комиссия образовательных экскурсий, поставившая цель «Способствовать учителям возможно целесообразнее, с наименьшей затратой душевных и физических сил, материальных средств и времени знакомиться с историей, культурой и современной жизнью наших соседей». Комиссией был разработан ряд маршрутов и получено разрешение правительства на предоставление участникам экскурсий некоторых льгот (скидка на 50% на проезд по железной дороге, выдача одного коллективного паспорта на 50 экскурсантов, бесплатное посещение музеев и картинных галерей за границей). В декабре 1908 г. в них приняли участие 1089 человек, значительную часть которых составляли народные учителя [29].

В 1910 г. в Москве действовали уже две общественные организации, которые специально занимались устройством во время каникул экскурсий по России и за границу для учителей. Первой организацией был Московский учебный отдел Общества распространения технических знаний, размещавшийся по адресу: улица Б. Кисловка, дом № 8. Душой дела здесь являлась графиня Варвара Николаевна Бобринская. Второй организацией была Комиссия при Московском отделении Российского общества туристов, работавшая по адресу: Арбат, дом № 9, квартира № 43 [30]. Каждая из двух организаций имела свою сферу деятельности.

Первая комиссия занималась подготовкой и проведением экскурсий за границей; в ведении второй были экскурсии по России.

Среди участников экскурсий по России народные учителя составляли примерно 70%. Руководителями групп экскурсантов, как правило, были учителя местных средних учебных заведений. Комиссией был составлен ряд интересных маршрутов по Северу России, Волге, Уралу, Крыму, Кавказу, в Киев, Екатеринослав, Донецкий бассейн и Среднюю Азию. Комиссия разработала также два специальных маршрута по России: один — для крымских, а другой — для кавказских учителей. Участники экскурсий посещали не только музеи и картинные галереи, но и фабрики, заводы, рудники. При этом они пользовались помощью специалистов, работавших в данной отрасли [31].

Комиссия отправила по всем указанным маршрутам 23 группы с 679 участниками. Количество экскурсантов в каждой группе было различным: от 18 до 48 человек. Оно зависело от популярности маршрута. Более всего использовались популярностью экскурсии на Кавказ и в Крым. В них приняли участие 482 человека. Состав путешественников был очень разнообразным: 252 сельских учителя, 183 педагога начальной городской школы, 11 учителей средней школы, 30 медицинских работников, 55 учащихся, 103 служащих (об остальных участниках экскурсий комиссия не получила сведений). Экскурсии по России продолжались от 25 дней до 2 месяцев. Стоимость их была небольшой. Каждому участнику экскурсий они обходились в сумму от 40 до 100 руб., в зависимости от географии маршрута и его продолжительности [32].

Вторым направлением экскурсионной деятельности было проведение экскурсий за границей. В 1909 г. первые подобные экскурсии организовала Комиссия образовательных экскурсий, созданная при Московском учебном отделе. В том году экскурсанты посетили Италию. В дальнейшем был разработан целый ряд интересных экскурсионных маршрутов за границу, среди которых внимание путешественников привлекали германский, шведский, итальянский, швейцарский, английский и восточный маршруты.

О некоторых маршрутах необходимо сказать более подробно. Германский маршрут был рассчитан на 25 дней и стоил 85 руб. Во время экскурсии участники останавливались на 7 дней в Берлине, на 4 дня в Дрездене. 5 дней отдыхали в Саксонской Швейцарии, затем посещали Лейпциг и другие города. Швейцарский маршрут, включавший посещение других стран, длился 43 дня и стоил 160 руб. На пути в Швейцарию путешественники на 3 дня останавливались в Дрездене, на 4 дня — в Мюнхене, один день проводили в Цюрихе и отдыхали в течение 20 дней в горах Немецкой Швейцарии. После этого они переезжали в Италию, где 2 дня проводили в Милане, 2 дня — в Венеции, затем их путь лежал в Австрию, где они 4 дня проводили в Вене. Путешествие начиналось в Москве и в ней же заканчивалось. Во время пребывания в Швейцарии путешественники совершали под руководством опытных гидов геологические и ботанические экскурсии, знакомились с бытом и сельской жизнью страны.

Специально для народных учителей был разработан особый, так называемый «школьный маршрут». Он был рассчитан на 40 дней и стоил 140 руб. Маршрут проходил в основном через Германию. Учителя под руководством специалистов могли познакомиться с развитием школьной системы в Германии, посетив школы в различных городах. Они могли провести 6 дней в Берлине, 5 дней в Лейпциге, столько же в Вене, 6 дней в Мангейме, 6 дней в Мюнхене. На обратном пути они на 4 дня останавливались в столице Австрии.

Комиссия планировала разработать новые специальные маршруты для ознакомления с памятниками искусства, рудным и заводским делом [33].

При организации заграничных экскурсий предоставлялось первоочередное право участия в поездках лицам педагогической профессии, благодаря чему учителя составляли значительное большинство их участников. Среди экскурсантов было много представителей и других слоев интеллигенции — врачей, адвокатов, инженеров [34].

Деятельность Комиссии образовательных экскурсий была интенсивной и очень успешной. За 5 лет, с 1909 по 1913 г., в заграничных экскурсиях приняли участие 7217 человек, в том числе 4426 учителей [35].

Конечно, количество педагогов, принимавших участие в экскурсиях, составляло мизерный процент от общего числа учителей. Однако при оценке значения этих поездок надо прежде всего учитывать не количественные показатели, а тот резонанс, который они вызывали в педагогических кругах. Учительство постоянно ощущало по отношению к себе внимание и заботу со стороны прогрессивной части российского общества, что проявлялось в организации экскурсий, выставок, каждодневном обсуждении вопросов школьной жизни в прессе, наконец в общем количестве педагогических изданий. Каждому учителю предоставлялась возможность повысить свой образовательный и культурный уровень, и часто учителя эффективно ее использовали. Учительство являлось социально активной и высоко духовной частью российского общества.

Общественно-педагогическая деятельность учительства была либеральной по своему характеру. Либерализм учителей проявлялся в их стремлении освободить школу от рутины, сделать ее более самостоятельной, внедрить передовой опыт западной школы.

Несмотря на сложное материальное и правовое положение, большую загруженность в школе, учителя находили возможность участвовать в деятельности различных педагогических и просветительских обществ, профессиональных учительских организаций.

На рубеже XIX—XX вв. все большую роль в духовной жизни страны, в развитии народного образования и педагогики играют общественно-педагогические организации. В этот период активизируется деятельность земств и городских самоуправлений, резко возрастает число всевозможных легальных общественных организаций. Одним из ведущих направлений общественной деятельности этого периода становится просветительская деятельность. К началу 90-х гг. в России было всего около 20 просветительских обществ, целью которых являлось распространение образования. Еще меньше было учительских обществ.

Новый общественный подъем 90-х гг. вызвал значительный рост числа просветительских организаций. По официальным данным Министерства народного просвещения, в 1898 г. было уже 193 общества, содействовавших распространению народного образования, в том числе 111 обществ по оказанию помощи учащимся, 47 учительских обществ взаимной помощи и 35 просветительских обществ, занимавшихся распространением начального образования [36]. Значительная часть работы в этих обществах выполнялась учителями.

В конце XIX — начале XX в. своеобразной формой общественно-педагогического движения учителей являлись их общества взаимопомощи. Они выдавали своим членам беспроцентные ссуды и безвозмездные пособия, обеспечивали их товарами первой необходимости по сниженной стоимости, оказывали помощь членам семейств умерших педагогов, предоставляли заболевшим учителям средства на лечение. Вместе с тем общества стали первыми профессиональными организациями учителей, в которых многие из них приобретали опыт участия в общественной деятельности. Эти общества, объединив наиболее сознательную, прогрессивную часть педагогов, подготовили и провели всероссийские учительские съезды, ставшие одной из важнейших форм общественно-педагогического движения. Активную роль в их работе играли педагоги, учителя, деятели народного образования. Инициаторами первых съездов учителей, которые часто совмещались с учительскими курсами, были передовые земства, заботившиеся о повышении профессиональной подготовки учителей земских школ.

23 ноября 1899 г. были утверждены «Временные правила о съездах учащих в начальных народных училищах». Учителя получили возможность проводить свои съезды, делать доклады и обсуждать их, но без права принимать постановления, а могли только высказывать свои пожелания. По этим правилам в августе 1901 г. в Москве собрался съезд учителей земских школ Московского уезда, на который

были приглашены представители учительства Подольского и Серпуховского уездов Московской губернии. На съезде был остро поставлен вопрос о необходимости предоставления учителям права на проведение профессиональных собраний. «Ведь учительского общества нет,— говорила одна из учительниц,— собираться учителя не могут, не дозволено. Куда же нам деваться? Что нам делать, чтобы избежать тяжелой замкнутой жизни, вредно отражающейся и на нашем деле?» Делегатами было высказано около 20 «правовых пожеланий», в том числе о разрешении товарищеских собраний, об улучшении материального положения учителей, о предоставлении народным учителям возможности участвовать с правом голоса в сельском сходе [37].

С декабря 1902 г. по апрель 1917 г. состоялось 14 всероссийских съездов учителей. Выдающуюся роль в объединении учителей в масштабе страны сыграл I Всероссийский съезд народных учителей, проходивший в Москве с 28 декабря 1902 г. по 6 января 1903 г. Официально он назывался «Съездом представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания». В работе съезда участвовали 350 делегатов от 76 обществ взаимопомощи учителей, всевозможных просветительско-педагогических организаций, действовавших на территории 38 губерний и двух областей. Две трети общего количества делегатов составляли народные учителя. Москва и губерния прислали на съезд 46 народных учителей и 52 педагогов высшей и средней школы. Московские делегаты представляли общества: Попечения об улучшении быта учащих в начальных училищах Москвы, Взаимного вспоможения лицам педагогического звания в Москве, Взаимного вспоможения при Московском учительском институте, Попечения о детях народных учителей в Москве, Воспитательниц и учительниц, Педагогическое общество при Московском университете и Вспомогательную кассу преподавателей в казенных и частных заведениях Москвы [38].

Обширная программа съезда включала следующие вопросы: материальное положение учителей, способы его улучшения, дополнительные заработки учителей, самообразование учителей и образование членов их семейств, забота о здоровье учителей, материальное обеспечение учителей по выслуге лет и инвалидности, обеспечение членов семейств умерших учителей, источники изыскания средств для обществ вспомоществования учителей, анализ деятельности этих обществ, определение путей к объединению их деятельности [39]. Участники съезда пришли к мнению, что от объединения учителей и их активного участия в школьной жизни зависит решение вопросов об улучшении их материального и правового положения. Газета «С.-Петербургские ведомости» отмечала, что в выступлениях учителей на съезде «слышалось явственное биение общественного пульса; из них глядело на нас бодрое, прочувствованное и продуманное сознание общности своих „читательских“ интересов с нуждами народа и страны» [40].

Общественно-педагогическая деятельность учительства была особенно интенсивной в 1905—1907 гг., когда возникли сотни учительских организаций и союзов, состоялось большое число учительских собраний, съездов и митингов. В годы революции выявилось исключительное значение всероссийских съездов учителей в единении учительства, определении и разработке его профессиональных и социальных задач. Из 14 всероссийских съездов учителей, состоявшихся в начале XX в., 8 съездов приходится на 1905—1907 гг.: четыре съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию — одного из первых профессиональных союзов, возникших в 1905 г.; три съезда Союза учителей и деятелей средней школы, который солидаризировался с первым союзом, принимал участие в его работе, но сохранял свою самостоятельность, а также съезд представителей национальных учительских организаций, на котором была создана Федерация национальных и территориальных союзов учителей и других деятелей по народному образованию [41].

Всероссийские съезды учителей являлись важной составной частью либерального движения, представлявшего разумную альтернативу развернувшемуся по всей стране революционному движению. Социальная активность учительства

Таблица 3

Партийная принадлежность депутатов II Государственной думы, занятых в сфере образования

	Соц.-демократы	Соц.-революционеры	Народные социалисты	Трудовики	Польское коло	Мусульманская фракция	Казачья фракция	Кадеты	Беспартийные	Октябристы и умеренные	Правые	Итого
Профессора	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	3
Бывш. профессора	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	3
Профессора богословия	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	3
Приват-доценты	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	4
Инспекторы нар. уч-щ	—	—	—	—	—	—	—		—	1	—	1
Быв. инспекторы нар. уч-щ	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Преподаватели ср. уч. заведений	1	1	—	1	—	2	2	1	—	—	—	8
Бывш. преподаватели ср. уч. заведений	—	1	1	1	—	—	—	1	—	—	1	5
Учителя низших уч. заведений	4	3	1	6	—	4	2	4	—	—	—	24
Бывш. учителя низших уч. заведений	2	2	2	3	—	1	2	3	—	1	—	16
Итого: абс.	8	8	4	11	—	7	6	16	—	4	5	69
%	12	12	6	15	—	10	9	23	—	6	7	100
Всего членов партии в Думе: абс.	65	34	17	100	46	34	19	99	52	32	22	520
%	13	7	3	19	9	6	4	19	10	6	4	100

* См.: Русская школа. 1907. № 7—8. С. 237—238.

способствовала постановке и последующему разрешению насущных вопросов развития народного образования, развитию культуры общества. Она носила ярко выраженный созидательный характер, помогая объединению различных общественных элементов.

Тем же духом была проникнута и деятельность педагогов — членов I и II Государственных дум. Из 487 членов I Думы 46 лиц имели педагогическую профессию, в составе II Думы (520 членов) их было уже 69, что позволило педагогам образовать особую «учительскую фракцию». Интерес представляют данные таблицы о партийной принадлежности этих групп делегатов. Во II Думе учителя являлись одной из немногих групп, численность которой — по сравнению с их числом в I Думе — не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла. Анализ данных таблицы 3 позволяет сделать следующие выводы: преподаватели средних учебных заведений по своим политическим убеждениям распределялись между центром и левым флангом Думы, а более половины депутатов — учителей начальной школы принадлежали к народническим и социалистическим партиям. Причем наиболее популярной партией среди педагогов оказалась партия трудовиков, что объясняется близостью интересов учителей начальной сельской школы и крестьянства.

В годы революции 1905—1907 гг. Государственная дума была естественным местом, где учителя могли относительно спокойно рассматривать и решать вопросы, связанные с развитием и реформой школы. Любые другие проявления самостоятельности учительства и учебных заведений подавлялись царским правительством. Местные власти закрывали общества взаимопомощи учителей, не разрешали создавать учительские курсы, ограничивали деятельность педагогических кружков, несмотря на отсутствие в ней политических мотивов. Многие учителя были репрессированы. Только с начала 1905 г. по июнь 1906 г. было репрессировано 910 учителей: 576 были арестованы, 31 выслан, 69 сосланы, 200 уволены, 3 переведены на худшие места работы, 6 признаны виновными по суду, 25 были вынуждены перейти на нелегальное положение, опасаясь ареста [42].

В 1911 г. на заседании II Государственной думы, обсуждавшей законопроект о начальной школе, правый депутат Крупенский заявил, что за революционную деятельность были казнены, отправлены в ссылку, уволены без права работы 23 тыс. учителей [43]. «Революционность», которую полицейские органы часто приписывали учителям в качестве обвинения, была надуманной. Это подтверждают многочисленные архивные документы. Типичной причиной увольнения учителей была их принадлежность к Всероссийскому союзу учителей и деятелей народного образования. За увольнением учителя нередко следовал его арест. С ноября 1905 г. до середины 1906 г. был арестован 521, выслано 24 и сослано в отдаленные местности 22 члена Союза учителей. Кроме того, 167 учителей было уволено [44]. Правительство искореняло любую оппозиционность, не замечая или не желая замечать оттенков общественного движения. Оно совершало трагическую для себя ошибку, игнорируя грань, разделявшую революционный экстремизм безответственных партий и реформизм либеральных сил, видевших будущее в эволюционном развитии страны.

В период мировой войны по-прежнему очень разнообразны были формы участия учительства в общественной жизни страны. В условиях войны учительство заняло оборонческую позицию. Московский областной съезд Всероссийского учительского союза, состоявшийся 4—6 апреля 1917 г., обобщил мнения учителей по вопросу о войне и признал «право на самооборону за демократиями каждого народа» в соответствующей резолюции [45].

Война оказала резко отрицательное влияние на народное образование в России. 33 тыс. учителей подлежало призыву на военную службу [46]. Мобилизация такого большого количества учителей тяжело отразилась на работе школ, многие из которых вынуждены были закрыться. Другим отрицательным следствием призыва учителей было заметное ухудшение материального положения членов их семей, которые нередко лишались последнего источника существования.

В это тяжелое время учительские общества взаимопомощи, редакции педагогических газет и журналов, отдельные деятели народного просвещения объединили свои усилия по оказанию помощи учителям, беженцам и школе в целом. Одной из главных задач была помощь раненым. По инициативе газеты «Школа и жизнь» был организован Комитет помощи пострадавшим от войны, куда вошли видные общественные деятели, преподаватели высших, средних и начальных учебных заведений, члены законодательных палат и представители педагогических обществ взаимопомощи. Комитет постановил создать Лазарет «русского учительства», в связи с чем был начат сбор пожертвований среди широких слоев населения. Комитет взял на себя задачу координации работы 200 учительских обществ по оказанию помощи жертвам войны.

Комитет возложил на правления учительских обществ взаимопомощи следующие задачи: регистрация всех учителей данного района, призванных на войну и наведение справок о них; определение материального положения оставленных ими семей; организация сборов пожертвований и установление процентных отчислений с жалованья в фонд обеспечения семей учителей, призванных на войну; заботы о замещении ушедших на войну учителей.

Комитет рассчитывал на поддержку своей деятельности органами городского управления, земствами и частными лицами. Он предложил учительским обществам на местах создать лазареты для раненых воинов. Сестрами милосердия в них могли бы работать учительницы. Так, в Учительском доме общества взаимопомощи при Московском учительском институте был открыт лазарет на 20 кроватей. Московские учительницы и члены общества распределили между собой уход за больными. Содержание раненых солдат обеспечивалось на средства общества [47].

В условиях военного времени учительские общества взаимопомощи призваны были активизировать как свою работу в целом, так и работу своих членов. Учительский труд везде мог найти достойное применение. Помимо школы учитель мог трудиться в кооперации, в качестве гласного в земском собрании, в просветительских обществах. В союзе с земствами и кооперативами учителю предлагалось распространять в деревне дешевые книги о войне и доступные народные газеты. С помощью учителей кооперативы могли открыть продажу книг, брошюр и газет. Снабжение кооперативов нужной литературой было по силам губернским и уездным обществам взаимопомощи учителей. Эта задача облегчалась благодаря наличию у некоторых обществ книжных складов.

В центре страны и на местах учительство развернуло широкую работу по оказанию помощи жертвам войны. Педагогическое общество Петрограда ассигновало 500 руб. на пособия учителям и их семьям, пострадавшим от войны. В Харькове собрание учителей и учительниц городских школ постановило отчислять ежемесячно 1% жалованья и собранные деньги отправлять в Харьковский комитет. В Казани педагогический персонал всех городских начальных училищ решил ежемесячно производить отчисление 100 руб. в пользу раненых.

Важную роль в осуществлении благотворительной миссии взял на себя созданный осенью 1914 г. Учительский фонд помощи учителям, пострадавшим от войны. Этот фонд получил поддержку прогрессивной общественности. В комиссию поступали отчисления как от учебных заведений, педагогических обществ, земских управ, так и от отдельных учителей. Татьянинский комитет пожертвовал 5 тыс. руб. специально для оказания помощи детям всех беженцев, независимо от их принадлежности к семьям педагогов [48]. По данным Комиссии Фонда помощи, до 1 января 1916 г. на ее призыв откликнулись 35 учительских обществ, 9 земских управ, 9 учительских семинарий и институтов, 5 высших учебных заведений, 242 средних, 202 высших начальных, 296 начальных училищ, 121 педагог, преподаватели нескольких военных, духовных, национальных и специальных школ. К началу января 1916 г. комиссия получила 922 почтовых перевода. Общая сумма сбора из 38 губерний и областей, охватывающих все районы России, достигла 25 414 р. 89 к. Организовали свои фонды Петрозаводское, Гомельское, Симферопольское, Ярославское, Рыбинское, Самарское, Оренбургское учительские общества, а также

Орловский лекционный кружок, Московское отделение Всероссийского педагогического общества и Саратовская ссудо-сберегательная касса [49].

Помощь была оказана учителям-беженцам в предоставлении им работы. На запросы Учительского фонда было предложено 600 мест в начальных училищах разных типов, 70 мест в средних учебных заведениях Москвы, 35 мест учителей рисования в провинции, 13 мест учителей пения и музыки, 6 мест учителей гимнастики и игр, 3 места директоров гимназий, 6 мест для классных дам и 6 мест для классных наставников, наконец 3 места заведующих внешкольным образованием. Предложения работы поступали со всех концов страны — из Москвы, центральных губерний, Архангельской, Пермской, Вологодской, Бакинской, Херсонской, Подольской, Елисаветпольской губерний, Кубанской области, Сухуми, Сочи, Туркестана, Сибири, Тюмени, Уссурийского края [50].

Работа по трудоустройству учителей была постоянной, так как поток беженцев с течением времени увеличивался. Летом 1916 г. было зарегистрировано 1000 преподавателей, ищущих работу. Им было предложено более 1500 мест работы: в начальные школы — 830, средние учебные заведения — 175, частные места педагогического характера — 320, частные места непедагогического характера — 138, в прочие учреждения — 55 [51].

Важную миссию взяли на себя учителя, попавшие в плен. Количество неграмотных среди военнопленных, находившихся в лагерях, достигало 80%. Комиссии из числа военнопленных — бывших учителей получили разрешение комендатур создать школы по обучению грамоте. В нескольких случаях комендатуры распорядились о постройке специальных помещений для школ и библиотек, чаще же под школы приспосабливались лагерные помещения. Преподавателями в этих школах были не только учителя, но и лица других интеллигентных профессий, оказавшиеся в германском плену. Работа школ для военнопленных в лагерях была бы невозможна без большой помощи со стороны прогрессивной общественности. Комиссии педагогических обществ организовали сбор книг и учебников, которые были отправлены в лагеря. Особую активность в этой работе проявило Петроградское педагогическое общество взаимной помощи [52].

Таким образом, накануне 1917 г. в общественно-педагогической деятельности учительства России наблюдался подъем. В тяжелых условиях военного времени оно проявило высокую нравственность, достойно выполняя свой гражданский долг.

Примечания

[1] См.: Василевич В. Московский съезд представителей учительских обществ взаимопомощи. 28 декабря 1902 г.— 6 января 1903 г. М., 1905; Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896; Мягкова К. О положении народных учителей. СПб., 1905; Оленин А., Самарин Ф. Сведения о состоянии земских начальных народных училищ Московской губернии в 1892/93 учебном году. М., 1893; Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902; Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912.

[2] См. работы В. И. Ленина: О чем думают наши министры?//Ленин В. И. ПСС. Т. 2; К вопросу о политике Министерства народного просвещения//Там же. Т. 23; Гонители земства и Аннибалы либерализма//Там же. Т. 5; Нищета народных учителей//Там же. Т. 24; Русские и негры//Там же. Т. 22; Интересный съезд//Т. 23; Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г.//Там же. Т. 37; Речь на II Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г.//Там же. Т. 41.

[3] См.: Цветков И. Л. К истории учительского движения в России//Учитель и революция: Сб. статей и материалов. М., 1925; Малиновский Н. А. Народный учитель в революционном движении. М., 1926; Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в.// Исторические записки. 1951. № 37; Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы (Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года). М., 1956; Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; Ониани В. Большевистская партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970.

[4] См.: Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981; Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М., 1983; Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985; Знаменский О. М. Интеллигенция накануне Великого Октября

(февраль — октябрь 1917 г.). Л., 1988; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (Конец XIX — начало XX в.). М., 1991.

[5] См.: Учительский вестник. 1911. № 4. С. 36; Русская школа. 1914. № 2. С. 64—65.

[6] См.: Народный учитель. 1915. № 6. С. 7; Русская школа. 1914. № 1. С. 45—48.

[7] Так нередко называли учителей начальных народных школ.

[8] См.: Русская школа. 1912. № 11. С. 15.

[9] См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (Конец XIX — начало XX в.). С. 145.

[10] ЦГА г. Москвы, ф. 459, оп. 4, д. 3226, л. 4 об.

[11] Там же, л. 208, 393.

[12] Там же, л. 314.

[13] ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 241, д. 31, ч. 46, л. 45.

[14] Там же, оп. 244, д. 31, л. 3—7.

[15] Нижегородский гос. обл. архив, ф. 505, оп. 408, д. 2581, л. 4 об.

[16] Народный учитель. 1913. № 8. С. 3—4.

[17] Там же. 1912, № 2. С. 19.

[18] Там же. С. 16.

[19] Там же. 1911. № 6. С. 10.

[20] Учительский вестник. 1910. № 7. С. 10.

[21] Народный учитель. 1913. № 8. С. 8.

[22] Самохвалов М. Бюджет народного учителя//Учитель. 1917. № 1. С. 29, 33.

[23] ГА РФ, ф. 1803, оп. 1, д. 4, л. 102—103.

[24] См.: Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. С. 62.

[25] См.: Народный учитель. 1910. № 1. С. 19.

[26] См.: Русская школа. 1905. № 1. С. 141.

[27] См.: Народный учитель. 1911. № 1. С. 22—25.

[28] См. там же. 1912. № 17—18. С. 17—18.

[29] См.: Учитель и школа. 1914. № 1. С. 42—43.

[30] ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 241, д. 30, л. 1.

[31] См.: Народный учитель. 1911. № 1. С. 20.

[32] См. Там же. 1910. № 1. С. 23.

[33] См.: Народный учитель. 1911. № 1. С. 19—20.

[34] ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, оп. 241, д. 30, л. 58 об.

[35] См.: Учитель и школа. 1914. № 1. С. 44.

[36] См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (Конец XIX — начало XX в.). С. 272—273.

[37] См.: Василевич В. Шаг за шагом (К истории объединения народных учителей): Из личных воспоминаний и переживаний. М., 1914. С. 52—57, 63.

[38] Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 459, оп. 4, д. 2962, л. 92—94 об., 201.

[39] Там же, л. 27.

[40] С.-Петербургские ведомости. 1903. 7 января.

[41] См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX — начало XX в.). С. 296—297.

[42] См.: Народный учитель. 1906. № 14 и 15. С. 15.

[43] См.: Константинов Н. А. Революция 1905 года и школа//Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1957. № 1. С. 71.

[44] См.: Народный учитель. 1906. № 6. С. 12.

[45] См. там же. 1917. № 11—12. С. 17.

[46] См. там же. 1914. № 21. С. 5.

[47] См. там же. № 22—23. С. 2.

[48] См. там же. 1915. № 29. С. 5—6.

[49] См. там же. 1916. № 8. С. 4—5.

[50] См. там же. № 3. С. 5—6.

[51] См. там же. № 31—32. С. 13—14.

[52] См. там же. 1915. № 30. С. 18.

© 1995 г. А. В. АНИКИН *

ЭЛЕМЕНТЫ САКРАЛЬНОГО В РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТЕОРИЯХ

(К истории формирования советской идеологии)

Избрав предметом анализа черты, или элементы, сакрального в советской («большевистской») идеологии, их зарождение, формирование и роль в пореволюционном обществе, автор считает необходимым сделать некоторые предварительные пояснения.

Насколько вообще правомерно смысловое сближение определенного ряда фактов идеологического порядка с явлениями религиозного характера, применим ли сам термин «сакральное» к анализу светской, более того, программно-атеистической идеологии? Не является ли такой подход дилетантским при оценке двух принципиально различных по своей природе пластов общественного сознания?

Оставляя за оппонентами их безусловное право принимать или не принимать методологическую оценку нашего подхода, укажем лишь на некоторые теоретические его предпосылки.

Характерное для современного религиоведения сближение понятий «религия» и «идеология», как известно, восходит, главным образом, к концепции Э. Дюркгейма. Основатель так называемой «структурно-функциональной» школы в западной социологии религии, Дюркгейм видел корни сакрализации в субъекте религиозного поклонения, т. е. в человеческом обществе, а не во внутренних свойствах сакрализуемого человеком объекта. Его тезис «религия — явление главным образом социальное» и есть основа для принципиального сближения идеологии и религии. Заметим, что такое сближение не противоречит как принципиально теологическому взгляду на мир, в соответствии с которым эманация Бога — единый источник всего сущего, включая человеческую цивилизацию с ее институтами, так и последовательно материалистической точке зрения, согласно которой религия — продукт сугубо земных причин и интересов.

Такой подход характерен для целого ряда современных западных социологов [1]. Весьма показательна в этом плане, например, концепция Н. Смарта, рассматривающего различные религии и светские идеологии как разновидности мировоззрения [2]. Если, по мнению этих ученых, религии и идеологии обладают некоторыми общими фундаментальными свойствами, то это относится едва ли не в первую очередь к марксизму. «Идеология, а по сути религия, наставляющая на ложный путь» — с этим суждением о марксизме «патриарха» современной западной философии К. Поппера [3] согласны многие исследователи.

Идеология, претендующая на истолкование основных, «наиболее важных» проблем жизни человека — о сущности жизни, ее смысле и целях,— решаемых не научными, эмпирически воспроизводимыми средствами позитивного эксперимента, а идеологическими абстракциями, лежащими за гранью чувственного опыта, выступает как суррогат религии.

То, что сейчас социологи и философы обосновывают теоретически, более века назад увидел в реальной жизни, глубоко прочувствовал и воспроизвел в своих романах Ф. М. Достоевский. Осмысление им типов и образов революционного подполья как галереи бесов, терзающих тело больной страны, да и его мучительно эсхатологическая тональность размышлений о путях и судьбах России — явились

* **Аникин Алексей Владимирович**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

гениальным предвидением национальной трагедии XX в., пониманием духовной специфики страны.

Идейная основа советского строя представляла собой идеологическую доктрину, ядром которой является марксизм, переведенный в плоскость общественной практики. Степень влияния идеологических постулатов марксизма как «научной» основы организации и построения всего общественного организма была столь высока, что тип государственной власти, сложившийся в России после 1917 г., несомненно, носил характер идеократии. В советологии, впрочем, существовали разные его дефиниции, наиболее распространенными из которых были: «партократия», «коммунистическая диктатура», «сталинская монархия» и проч.

Идеология же этого нового строя, пропитавшая все поры государственного организма, определявшая практически все сферы не только коллективной, но и частной жизни советских людей, несла в своем практическом воплощении комплекс черт, разительно схожих с религиозными. Количество «совпадений» и параллелей столь велико, что можно говорить о создании идеологическими средствами поистине «религиозного» культа с политическим антирелигиозным наполнением.

Действительно, налицо вся смысловая вертикаль — от эсхатологических предчувствий «Нового Града» в виде «светлого будущего» коммунизма до ритуальной пионерской клятвы, всенародного поклонения святым нетленным мощам и толкования Священного Писания, катехизисных форм партийных учебников и акафистов партийных съездов, сонмов пролетарских пророков и подвижников, страстотерпцев и великомучеников.

В трудах независимых специалистов-обществоведов общим местом стала квалификация ими советской политико-иодеологической системы как «новой, коммунистической религии», «политического культа» (повсеместно прививший применительно к сталинизму термин «культ личности» тоже ведь несет этот сакральный оттенок), «религии наизнанку» и т. д. Целый ряд исследователей — от веховцев, в их суждениях о характере русского интеллигентского атеизма [4], до Ю. Левады, в его трактовке социалистического идеала как приобретшего в известные годы «черты не просто социальной утопии, но прямого подобия Царства Божия на земле...» [5], и обнаружении в недавнем прошлом «абсолютистских квазирелигиозных претензий государственно-политических и официально-идеологических структур» [6] — определяли это явление, по сути, одинаково. Плодотворнее размышлял в этом направлении Ф. А. Степун, призывая в своих «Мыслях о России» [7] к «углубленному религиозному подходу к большевизму» [8]. Именно он, кстати, ввел в оборот русского обществоведения пророческую формулу С. Кьеркегора: «Коммунизм будет выдавать себя за движение политическое, но окажется движением религиозным» [9].

В контексте данной статьи важно понимание сакрального как имеющего не прямой, а обращенно религиозный характер. Это, впрочем, никоим образом не ограничивает использования термина «сакральное» в традиционном смысле — как производного от латинского sacrum и синонимичного понятию «священное». Для нас «сакральное» есть как бы «вытесненное» из религиозного, его осколок. Оно — результат расслоения религиозного, когда от прежнего цельного мироощущения и миропонимания остается лишь внешняя оболочка, сохраняющая старый психологический модуль. В индивидуальном сознании сакральное возникает на основе извечной «религиозной жажды» человека, того его качества, которое Ф. М. Достоевский определял как потребность души — найти «чему поклониться». От истинно религиозного в сакральном сохраняется лишь механизм отношения субъекта к объекту поклонения, характер и стиль восприятия. Само же наполнение, ядро этого объекта частично или полностью утрачивает связь с религиозной сферой как таковой.

В динамике общественного развития сакральное раскрывается и осуществляется в процессе сакрализации, т. е. в процессе придания тем или иным явлениям действительности (в самом широком смысле) сакрального характера.

Процесс сакрализации в нашем понимании противоположен процессу секуляризации. Заметим при этом, что «секулярный» в точном терминологическом смысле есть внецерковный (но не обязательно анти- или внерелигиозный). Секуляризм, пишет, например, В. В. Зеньковский, везде «направлялся преимущественно против Церкви и не только не исключал „внутренней" религиозности, но как раз от нее и питался» [10]. Исходя из этого, философ выделял в русском секуляризме два направления: первое — религиозное осмысление мира, но только вне Церкви; второе — последовательная борьба против Церкви и ее традиций вплоть до отрицания религии вообще (логический финал развития этой ветви Зеньковский видел в «активном безбожии» советского времени). Предпочтительней кажется точка зрения Ф. А. Степуна: «Всякое фанатическое безбожие отличается от теоретического атеизма тем, что оно всегда во что-нибудь верит, как в Бога» [11]. Иными словами, воинствующий атеизм советского образца есть явление также по преимуществу сакрального характера.

Оперируя термином «сакрализация» применительно к определенному процессу, мы, естественно, предполагаем и наличие в исторической реальности возвратного движения. Очевидно, последний процесс есть «десакрализация». Его отличие от «секуляризации» заключается в том, что, по нашему мнению, десакрализации могут быть подвержены явления сакрального (в нашем понимании), т. е. не религиозного, а обращенного характера. Обмирщение же действительно религиозных явлений удобнее обозначать термином «секуляризация» (с учетом мнения В. В. Зеньковского).

Работая в такой терминологической шкале, можно таким образом смоделировать двухступенчатый процесс, когда некое явление сначала отслаивается от религиозности оцерковленной, не теряя до конца своего религиозного (сакрального) характера, а затем десакрализуется, т. е. окончательно освобождается от всяких черт религиозного характера. Примером такого рода изменений может служить повсеместный процесс обмирщения (в государственно-правовом и социально-психологическом аспектах) верховной государственной власти и ее непосредственных носителей.

Занимая в структуре советского общественного сознания исключительное место, не соизмеримое в своем величии с другими понятиями частной или общественной жизни индивида, «священные» имена и институты, понятия и предметы должны были вызывать особые чувства любви и поклонения (в форме преклонения).

Характерна при этом тенденция к расширению мифологизации, переходящей с толкования сути того или иного явления, института и пр., на его историю, происхождение и т. д. При этом неизбежно сужается фактологическая основа такого рода операций. В итоге происходит «канонизация» определенной, тяготеющей к уменьшению части исторических фактов и формирование противоположной, «апокрифичной» группы фактов, которые «осуждаются» на забвение и вычеркиваются из разряда значимых и реальных.

Итак, перейдем непосредственно к анализу истоков и сути сакрального в советском социуме, выросшем на развалинах православной российской монархии.

Говоря об этом социуме как об определенном результате идеологических усилий со стороны власти, необходимо учитывать, что принуждение, террор и насилие в качестве главных инструментов построения нового общества все же не объясняют до конца его в целом успешное воплощение, а также довольно длительное существование. По нашему мнению, кризис системы, перешедший в стремительный развал и окончательный крах советского коммунистического режима и союзного государства, имел по преимуществу экономические причины. «Советская» же ментальность успешно пережила свой экономический «базис» и еще долго будет определять характер нашей государственной жизни.

Неиссякающая почти семь десятилетий очередь в Мавзолей на Красной площади, полумистическая любовь и поклонение Сталину при жизни, сотни погибших в день его похорон, насильственная коллективизация деревни и многое

другое, включая богоборчество 1920-х и его «второе издание» в 1950-е гг., определенно обнаруживают эффект «резонанса» русского обыденного сознания, ставшего результатом идеологического «излучения творцов нового мира».

Выявление причин и корней советской сакральности сводится, с одной стороны, к поискам тех «струн» в «народной душе», которые зазвучали в XX в. в унисон главной теме русского марксизма, а с другой — к определению самой «тональности» этой «главной темы», выросшей из социальных утопий революционного XIX века.

Иначе говоря, у советской сакральности — «два источника и две составные части»: первый уходит корнями в религиозную специфику русского крестьянского сознания (так называемое «бытовое православие»), второй заключается в особенностях русского марксизма и доктрин, ему предшествовавших, как модификаций революционного утопизма.

Первую и, пожалуй, наиболее важную группу причин, а именно те особенности русского национального сознания, которые облегчили проникновение и укоренение в нем ростков новой марксистской идеологии, мы оставляем за рамками настоящей статьи как тему отдельного исследования. Чтобы не углубляться в прошлое русской общественной мысли, начнем с появления в ней идеи социализма, сыгравшей столь значительную роль в нашей национальной истории.

Происхождение социализма как идеи земного равенства из недр христианства — эта точка зрения широко распространена и общеизвестна. Религиозные корни социалистической идеи как таковой, по нашему мнению, очевидны и не требуют специальных доказательств. Напомним лишь, что и основной принцип социализма, с детства известный каждому «советскому человеку»,— «кто не работает, тот не ест», также восходит к Библии, ибо представляет собой несколько перефразированную формулу апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес, 3, 10).

Согласно общепризнанной в исторической науке точке зрения, идея социализма вошла в теоретические построения русских прогрессистов в 1840-х гг. Русский социализм того времени, питаясь идеями Ш. Фурье, П. Леру, Л. Блана, носил мирный (нереволюционный) характер. С самого своего появления в контексте русской мысли он усвоил те черты, которые дали основание В. В. Зеньковскому рассматривать его как «секулярный эквивалент религиозного мировоззрения» [12]. Очевидно, что не только исходный «идейный посыл» сближает русский социализм с христианством. В полном соответствии с европейской идейной традицией в центре русской социалистической утопии лежал земной аналог христианской идеи о Царстве Божием как совершенном, конечном и самодостаточном порядке. «Европейское чадо» весьма быстро обрело русские «одежды». Так, ожидание «нового неба и новой земли» скоро окрасилось в эсхатологические (столь характерные для русской православной традиции) тона, а чуть позднее получило новые мощные импульсы в идее социального переворота — не верхушечной политической революции-заговора, осуществленной по европейским рецептам О. Бланки, а именно тотального, всеобъемлющего и всезатрагивающего социального преображения мира.

С самого своего зарождения русская прогрессистская мысль психологически близка религиозным настроениям. Для нее очень характерен максимализм целей, а также принципиальная оторванность от социальной реальности. Совсем не случайно поэтому русская революционная мысль на всем протяжении своего развития и во всех ее модификациях окрашена утопически. Но этот ее утопизм отличается от той трактовки, которую отечественные марксисты давали своим предшественникам. Дело не в отсутствии материально-технической, производственно-экономической или классовой базы тех или иных трансформаций, хотя даже в этом смысле русский марксизм для аграрной России конца XIX в.— такая же утопия, как, скажем, народничество. Главное заключается в наличии центральной для любой утопии идеи устроения окончательного, совершенного порядка при сущностном искоренении зла и несправедливости, в наивной вере в воз-

можность адекватного осуществления на практике абстрактных теоретических конструкций, в гипертрофии субъективного, волевого фактора воздействия на ход мировой истории [13].

Успех же большевистской утопии в смысле осуществления революционного переворота совсем не противоречит ее сути, ибо, как точно отметил Ф. А. Степун, «ставка на утопизм отнюдь не была в России утопизмом», поскольку «Россия никогда не жила наукой, а всегда жила догмой» [14]. В этом именно и видел философ причину той специфики и силы, которую обрело зерно европейского «научного» марксизма, попав на почву русского национального сознания. Почва эта, впрочем, была уже подготовлена предшествующим «разночинским» этапом российского освободительного движения.

Соединение европейской идеи социализма с комплексом русских идейных построений, трактующих понятие общественного прогресса, дало народничество. Оно явилось не только, по известному выражению, «целой полосой русской общественной жизни», но и, безраздельно владея умами российского общества всю вторую половину XIX в., в определенном смысле подготовило страну к появлению и принятию большевизма.

Говоря о народничестве, мы имеем в виду главным образом его революционную или радикальную модификацию. Смысловым ядром революционно-народнической доктрины стала идея социального переворота как единственного средства перехода к истинно справедливому общественному порядку. Характерно, что своеобразная абсолютность грядущего социализма практически не подвергалась сомнению не только на уровне «рядового» революционного сознания, но и в теориях его идеологов.

Вообще же, надо сказать, что обращенность мысли к некоемому абсолюту, означавшему в то же время конец предшествующей истории, конец времен, эта своеобразная историософская эсхатология, отразившаяся и на трактовке социалистического идеала, свойственна русскому сознанию как таковому. Об этом очень верно написал О. Э. Мандельштам: «Есть давнишняя традиционно-русская мечта о прекращении истории. Это — мечта о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое „миром“. Мечта о духовном разоружении так завладела нашим домашним кругозором, что рядовой русский интеллигент иначе не представляет себе конечной цели прогресса, как в виде этого неисторического „мира“. Еще недавно сам Толстой обращался к человечеству с призывом прекратить лживую и ненужную комедию истории и начать „просто“ жить... Навеки упраздняются, за ненадобностью, земные и небесные иерархии. Церковь, государство, право исчезают из сознания, как нелепые химеры...» [15].

Об этом же свойстве русского сознания, характерном как для народа, так и для интеллигенции, много писал Н. Бердяев. «Русские, в большей или меньшей степени, сознательно или бессознательно,— хилиасты» [16].

Среди революционных мыслителей XIX в. единственным нам известным исключением в этом отношении был ранний Герцен. Впрочем, его взгляд на социализм и в зрелые годы несколько разнился от представлений, господствовавших в среде российских радикалов. Вот что писал он в 1849 г.: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущею, неизвестною нам революцией...»[17]. В то время А. И. Герцен смотрел на социализм еще по-европейски. В его пророческой мысли еще очень много диалектики, очень мало «русскости» и совсем еще нет ничего «народнического».

Но вернемся к общенародническому идеалу нового мира. Он изначально, с момента своего появления окрашен сакрально. «Социализм — высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья, какая только когда-либо вырабатывалась человеческим разумом. Нет для него ни пола, ни возраста, ни религии, ни

национальности, ни классов, ни сословий! Всех зовет он на чудный пир жизни, всем дает он мир, свободу, счастье, сколько каждый может взять!

В этом, и только в этом та непреодолимая, чарующая сила, которая влечет в ряды социалистов все свежее, чистое, бескорыстное. Только вера в свое служение всему человеческому способна возбудить тот пламенный, чисто религиозный фанатизм, который воодушевляет социалистов и делает их неодолимыми, непобедимыми, потому что самые гонения превращаются для них в источник высочайшего блаженства на земле — блаженства мученичества и самопожертвования» [18].

Приведенная мысль особенно ценна тем, что она исходила из самого революционного подполья, а, будучи опубликованной на страницах нелегальной партийной газеты «Земля и воля» (более того, в передовой статье первого номера), приобретала еще и программный характер.

Думается, правы те, кто видит в этой идейной экзальтации отголоски иосифлянской теократической мечты о земном воплощении в государственных формах идеи Царства Божия. Угаснув в процессе обмирщения государственной власти, завершившемся при Петре, теократическая греза о «священном царстве» позже воскресла в свободной философской мысли [19]. Но она не поглотилась полностью кабинетной философией, а продолжала питать и революционный утопизм XIX в.

Религиозная по сути жажда социальной справедливости, имманентно присущая русскому сознанию в течение веков, в своем «естественном» виде существовала лишь в органический период развития целостного церковно-религиозного национального сознания. С его разрушением, а точнее расслоением, начиная с XVI в. эта неутоленная потребность в утраченном социальном идеале приобретает формы некоей «блуждающей сакральности», отсвет которой ложится то на верховную власть, то на масонскую ложу, а в революционный XIX век находит, наконец, свое пристанище в теориях освободительного движения.

Сакральный характер народнического социалистического идеала усиливался убежденностью его носителей в том, что этот идеал тождествен народным чаяниям социальной справедливости.

«Основная задача социально-революционной партии,— было заявлено публично от имени организации одним из ее виднейших членов И. Н. Мышкиным,— установить на развалинах теперешнего государственно-буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они выразились в мелких и крупных народных движениях и повсеместно присущи народному сознанию,— составляют вместе с тем справедливейшую форму общественной организации» [20].

В максимализме народнических установок была своя логика. Народная жажда преображения мира, торжества Правды над Кривдой не могла утолиться в сознании истинного революционера-народолюбца европейскими идеями политической свободы и конституции. Ведь «народ совершенно индифферентно относится к политической свободе и форме правления» [21]. Помочь ему в великом и посильном только самому народу деле обновления мира — вот задача русского «революционера-социалиста». Эта «аполитичность» землевольцев глубоко укоренилась в сознании революционного подполья. Только ряд крупных судебных процессов, неудачный опыт «хождения в народ», мартиролог борцов-одиночек несколько «приземлили» воззрения революционеров-практиков и заставили их более уважительно отнестись к идее борьбы за политическую свободу.

«Революции — дело народных масс. Подготовляет их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений» [22]. Это близкое мессианству понимание революционерами своей роли в истории привилось и укрепилось в сознании следующих поколений борцов. Как показало будущее, путь от осознания себя выразителями и орудиями народной воли до замещения воли народа волей класса, волей партии, своей волей оказался не таким уж долгим. Он уложился в полвека российской истории.

Если обратиться к временам Белинского, то можно проследить процесс кристаллизации нового личностного типа — носителя новых идеалов. Мы имеем в виду тип нигилиста, воплощенный в разночинце-демократе, пришедшем на смену «кающемуся дворянину». По верному определению одного из участников народнического движения «Нигилизм характеризует собою скорее нравственный тип, чем политическую программу» [23].

«Как психологический тип, разночинец сплошь и рядом не мог не представлять прямой противоположности своему предшественнику — „кающемуся дворянину". В нравственном развитии последнего играла громадную роль „ущемленная совесть". Он представитель культурного слоя, вспоенного и вскормленного на народный счет, получавшего образование на народные деньги, чувствовал и не мог не чувствовать себя в неоплатном долгу пред народом. Как всякий совестливый должник, он имел психологию человека виноватого. Неоплатность долга его мучила. Разночинец, напротив, сплошь и рядом сам чувствовал себя выходцем из того же народа, пробившим себе дорогу к знанию, к лучшему положению силою собственного ума и собственных рук; житейский путь его был усеян не розами, а терниями. Он не себя чувствовал виноватым пред другими, а других виноватыми пред собой; не столько уязвленная совесть как уязвленная ч е с т ь бушевала в нем. Его чувство собственного достоинства бунтовалось, достигало высшей напряженности. Не принижать своего „я" перед кем-то другим, подобно „кающемуся дворянину", а смело предъявить права своего „я",— вот что было для него более всего естественным» [24].

Приведенные суждения, повторяем, особенно интересны тем, что высказаны они Л. Шишко — одним из разночинцев, нигилистом-шестидесятником, в защиту «нигилизма». Сам того не подозревая, он обозначил исходные точки очень важных черт нового деятеля, сыгравших роковую роль в дальнейших метаморфозах его судьбы. Больная совесть дворянина уступила место больному самолюбию разночинца, значительно повысился уровень «пассионарности», но исчезла терпимость к чужому мнению, пропала широта взглядов, в то же время возросла безапелляционность во мнениях и суждениях. Психическая уравновешенность людей «из хорошего общества», сообщавшая прочность их сословным качествам и привычкам, сменилась экзальтацией, чреватой опасностью психического срыва и социальной деградации. Чувство социальной неполноценности, ущемленности, свойственное типу разночинца, имело еще одно, парадоксальное, на первый взгляд, следствие — оно затрудняло для «выходца из народа» вхождение именно в народную среду. Ссыльный декабрист, как точно подметил Ю. М. Лотман, был в более выгодном положении по сравнению с народником-нигилистом! [25]. «Эта способность быть без наигранности, органически и естественно „своим" и в светском салоне, и с крестьянами на базаре, и с детьми составляет культурную специфику бытового поведения декабриста, родственную поэзии Пушкина и составляющую одно из вершинных проявлений русской культуры» [26]. Не в утрате ли разночинской средой этой культурной особенности лежат корни антинародной и антинациональной политики победивших революционеров 1917 года?

Но вернемся к теме сакральности. Что нового дал тип нигилиста в «религиозном» смысле? В данном случае налицо еще один парадокс. Последовательные атеисты и материалисты, выросшие на идеях Бюхнера, Фохта и Молешотта, нигилисты сильно преуспели на «стезе сакральности». Психологическое объяснение этого, как нам кажется, близко тому, о чем писал Е. Н. Трубецкой: «Чем больше человек удовлетворен здешним, тем меньше он ощущает влечение к запредельному. Вот почему для пробуждения бывают нужны те страдания и бедствия, которые разрушают иллюзию достигнутого смысла. Благополучие всего чаще приводит к грубому житейскому материализму. Наоборот, духовный и в особенности религиозный подъем обыкновенно зарождается среди тяжких испытаний» [27].

Ущербное самосознание среднего разночинца, формировавшееся в борьбе за кусок хлеба, за «человеческие права» в семье, университете и обществе, плюс

опыт тюрем и ссылок этого поколения как нельзя лучше способствовали сакрализации сознания «борцов за идею». А подчеркнуто «материалистичная» вера новых «взыскующих Града» не меняла кардинально их психологического склада.

Салонный атеизм вольтерианского типа у людей 1840-х гг. или же свойственная этому поколению «теплая» религиозность и гуманизм сменились в разночинце-нигилисте обжигающей сакральностью и свойственным раннему христианству фанатизмом в нетерпеливом стремлении к идеалу.

Впрочем, будучи атеистом, разночинец исповедовал высокую идею равноапостольного служения человечеству. «Религиозная» терминология была в ходу среди участников движения. И сами они, и многие их историографы охотно отыскивали черты «святости» и «подвижничества», «аскетизма» и «учительства», «жертвенности» и «чистого фанатизма» в характерах и судьбах генерации народников. Уместно вспомнить в этой связи меткое наблюдение В. В. Набокова из его романа «Дар»: «...известно, что чем левее комментатор, тем питает большую слабость к выражениям вроде „Голгофа революции“» [28]. Революционное же подполье так оценивало самое себя: «Когда страсти улягутся, когда события очистятся от той коры, которою покрыли их злоба, зависть и честолюбие, когда дела предстанут в надлежащем свете — перед этими людьми будут преклоняться, их будут считать за святых» [29].

Кстати, жанр революционной агиографии, столь широко развившийся в советское время, не есть изобретение победителей-большевиков. Он зародился в народническую эпоху в недрах историографии революционного движения. «Духовным отцом» новой «житийной» литературы можно считать А. И. Герцена в его оценке декабристов. Одним из первых «классических» опытов такого рода стала известная книга С. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». Внимательный и непредвзятый исследователь народнического движения не станет отрицать, что психологический тонус той действительно героической, действительно жертвенной, действительно бескорыстной и трагической борьбы по своему накалу родствен истовости христианских мучеников за веру. Постоянная игра со смертью, добровольное обречение на почти неизбежную виселицу этих молодых, в большинстве своем не достигших и тридцатилетнего возраста людей делало патетику неотъемлемой чертой их жизни.

Однако нельзя не видеть тот разительный контраст между смиренным самоуничижением христианских подвижников прошлого и экзальтированным самосознанием «борцов за народ». И это далеко не самое важное. Последовательный антропоцентризм революционеров-народников неизбежно переводил человеколюбие из плана «любви к ближнему» в план «любви к дальнему». Сострадание и забота о конкретном мужике стремительно перерастали в любовь к «идее мужика» — идее народа.

Свое теоретическое обоснование эта метаморфоза получила в известной в свое время полемике об «интересах и мнениях народа». Видные демократические публицисты, в первую очередь Н. К. Михайловский, доказывали, что действие в интересах народа совсем не обязательно предполагает согласие с народом по части мнений. Идеолог, высказывающий какой-либо новый тезис, как правило, сам не доводит его до «последних пределов». Вряд ли гуманист Михайловский мог предполагать, как отзовется его мысль в реальной борьбе с народными «мнениями».

Логика же этой борьбы вскоре привела к тому, что знание действительных нужд реального, а не метафизического народа, понимание его мировоззрения и попытки спрогнозировать его действия, становились ненужными. Более того — лишними и вредными. Ведь главным признавалось правильное понимание «интересов народа». Далее следовало действовать от его имени. Все, что в реальном, конкретном народе противоречило групповым (партийным) представлениям о «народных интересах», отодвигалось в сторону. Сакрализация понятия «народ» шла тем успешнее и глубже, чем больше оно освобождалось от конкретных черт конкретной этнической субстанции.

Настоящего знания народа, впрочем, у большей части «формулирующего» слоя российского общества никогда и не было. Достаточно вспомнить К. С. Аксакова в костюме «персиянина» или такие, например, утверждения революционного подполья 1870-х, уже после «хождения в народ»: «Наша социалистическая пропаганда не насилует религиозных верований народа; да их и нет». «Крестьянин или равнодушен к религии, или сектант... Социальное значение раскола очевидно... политическая будущность его, при развитии социалистической пропаганды, несомненна» [30]. Подобных нелепостей писалось и говорилось о народе множество. Революционные идеологи все меньше интересовались реальным народом. Его место в их теориях прочно занял некий умозрительный суррогат, удобный и послушный на страницах программ и уставов, но бесконечно далекий от своего прототипа.

Главную причину такого положения вещей Ф. А. Степун объяснял следующим образом: «Революционное движение в России никогда не было низовым явлением. Русская революционная интеллигенция никогда не была... точной исполнительницей воли народных масс. Интеллигентское революционное движение всегда было не столько восхождением народной нужды к идее свободы, сколько нисхождением идеи свободы к народной нужде. На протяжении всей своей жизни русская интеллигенция защищала не столько ближайшие, насущные интересы народа, сколько свои представления о них. Эти представления о реальных интересах народа были не всегда реальны, что в достаточной степени объясняется тем, что интеллигенция народную нужду всегда видела издали...» [31].

Вторым узловым моментом в выработке нового способа общественной практики стало принципиальное, возведенное в систему и достигшее крайних степеней отрицание «базового» христианского тезиса — «не исцеляйте зла злом». Библейское «не убий» оказалось в первом ряду заповедей, забытых и отринутых новыми прогрессистами.

Когда мы говорим о возведении в систему принципа насилия, мы имеем в виду его доминирование в качестве универсального средства в общественной теории и практике, а не просто неизбежное его допущение, как это было, скажем, у декабристов. Бунт 1825 г., картечь на Сенатской и пять казненных на кронверке Петропавловской крепости были лишь бледным прологом той историко-революционной драмы, апофеозом которой стал многомиллионный ГУЛАГ, а затянувшимся эпилогом — события сегодняшнего дня в так называемых «горячих точках» бывшего СССР.

Известная формула Бакунина «страсть к разрушению есть творческая страсть» в сочетании с метафорой Е. Дюринга «насилие есть повивальная бабка истории» теоретически подкрепляли и оформляли силовые импульсы нового поколения в их истовой жажде служения народу и прогрессу. Конечно, насилие в истории есть элемент непременный у всех народов и во все времена. И русская история не составляет в этом смысле исключения. Усобицы князей и татарские погромы, опричнина Грозного и стрелецкие казни, казацкая вольница Разина и истребление дворян Пугачевым — все это и многое другое в нашей истории есть, безусловно, воплощенное насилие. Но существует насилие и насилие.

Никогда вплоть до 70-х гг. XIX в. насилие в русской общественной мысли не возводилось в ранг «двигателя истории». Наиболее последовательной и яркой в этом плане фигурой русского подполья стал С. Г. Нечаев и печально известная деятельность созданной им «Народной расправы».

Вышедший из-под пера Нечаева так называемый «Катехизис революционера» — едва ли не самый яркий в «религиозном» смысле памятник революционной мысли. Текст его достаточно известен историкам общественного движения. Вот лишь некоторые его фрагменты:

«Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым, исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией.

... Он знает только одну науку — науку разрушения.

... Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

... Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение.

... Революционер вступает в государственный, сословный, так называемый образованный мир и живет в нем только с верою в его полнейшее скорейшее разрушение. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Он не должен останавливаться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру» [32].

Даже стремление к освобождению и счастью «чернорабочего люда» как единственная цель организации, по Нечаеву, обретает на практике черты, диаметрально противоположные требованиям гуманизма и сострадания: «... убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможны только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию» [33]. К принципу, впервые сформулированному в XVII в. испанским иезуитом Эскобаром-и-Мендосой,— «цель оправдывает средства» и привнесенному Нечаевым в русскую революцию, прибавляется еще один: «чем хуже — тем лучше».

Впрочем, отечественная историографическая традиция, как правило, отказывает «нечаевщине» в типологическом родстве с остальным революционным движением. Причины этого ясны. Нарочитая и шокирующая откровенность нечаевской программы, аморализм, возведенный в принцип, а также мрачные подробности практической деятельности его организации, став достоянием гласности на процессе 1871 г., оказали «медвежью услугу» освободительному движению. Отторжение методов Нечаева от «здоровой основы революционного дела» началось тогда же в среде самих революционеров, показав некоторую преждевременность его появления на исторической сцене. В неотвратимо сползающей к насилию стране еще сильны были нравственные нормы, дегуманизация социально активного слоя в русском обществе не достигла в целом степени восприятия «новой морали» в ее столь откровенной форме.

Наиболее значительной защитной реакцией на «нечаевщину» в среде прогрессивной молодежи стало, как известно, появление так называемого «кружка чайковцев». Демонстративно противоположными нечаевским у «чайковцев» стали принципы нравственного самосовершенствования, доверия и равенства, осуждения и недопущения никакого «генеральства» в своей среде. Однако «золотой век» сообщества, основанного на принципах высокой нравственности, пришелся на тот его период, когда, по свидетельству П. А. Кропоткина (тоже «чайковца») «кружок не имел в себе ничего революционного» [34]. Последующая же логика революционной борьбы привела многих его бывших членов (например, С. Л. Перовскую, С. М. Степняка-Кравчинского и др.) к насилию и террору.

Говоря об осуждении частью подполья методов Нечаева, не стоит преувеличивать степень этого осуждения. Известный революционер, современник тех событий В. К. Дебогорий-Мокриевич, например, свидетельствовал, что «в вопросе об убийстве Иванова после размышлений... мы признали справедливым принципом «цель оправдывает средство» [35]. Известно также, что Исполнительный комитет Народной воли накануне убийства Александра II находился в сношениях с заключенным в Петропавловской крепости Нечаевым и прислушивался к его советам. Наибольшее осуждение «нечаевщина» получила в околореволюционной

среде, но не в самом подполье. Множество фактов конкретной революционной истории 70—80-х гг. XIX в. подтверждают это.

Может возникнуть вопрос, зачем столь подробно останавливаться на этом мрачном эпизоде русского революционного движения? Формулы нечаевского «Катехизиса» стали, конечно, лишь «идеальной матрицей», а не практической программой самовоспитания и внешнего действия. В реальной жизни едва ли существовали, может быть, за исключением самого автора «Катехизиса», личности, отвечавшие всем требованиям этого изуверского документа. Но как всякий идеал, он формировал и направлял душевные импульсы будущих революционеров. Аскетическая черта, которая отличала «настоящих борцов», появилась не без влияния того самого «Катехизиса», шокирующие формулы которого отталкивали столь многих. Ведь, если вдуматься, нечаевский «революционер» стоит в одном ряду со спавшим на гвоздях Рахметовым и Павлом Корчагиным, ставшими образцом для разных поколений русских людей.

В «соревновании идеалов» победила не гармонически развитая личность Лаврова и Михайловского, не чеховский человек, в котором «должно быть все прекрасно», а суровый аскет, требовательный к себе и своим соратникам, безжалостный к врагам.

Г. П. Федотов, анализируя специфику восприятия русским народом образа Христа, пришел к заключению о предпочтительности для народного сознания Христа-Пантократора, Христа-Царя, Грозного Судии в ущерб образу евангельского Христа-Спасителя, милостивого заступника и искупителя. Видя в этом «варваризацию» и «потускнение богочеловеческого смысла христианства», исследователь констатирует «тяжкое искажение христологии» [36]. Не это ли «потемнение веры в Христа-Спасителя», сохранившееся в «генетической памяти», парализовало естественный протест рядового человека против навязывания ему новых идеалов — будь то подросток, вершащий суд над собственным отцом, или чекист с «холодной головой и горячим сердцем»? Как бы то ни было, но дегуманизация образа человека-деятеля, человека-созидателя, человека-борца есть факт, самым существенным образом отразившийся на складывании новой духовности нового общества.

До сих пор мы рассматривали черты, формировавшиеся в сознании новых деятелей применительно к идее будущего, а также реальные проявления нового психологического типа революционера — их носителя. И в первом, и во втором случае речь идет об общественном явлении скорее концептуального, чем практического плана, ибо по-настоящему реален лишь победивший революционер, осуществивший собственную идею. Принципиально иной этап в воплощении новой сакральности наступает в процессе революции. И претворять его в жизнь будет революционер нового (по сравнению с народниками) психического склада, хотя и производный от предыдущего.

Опора на реальный, в известном смысле, класс пролетариев в отличие от «мифического народа» утопистов давала русским марксистам ощущение превосходства над своими предшественниками, убеждение в «научности» собственной позиции по сравнению с «мелкобуржуазным романтизмом» народников. Ведь действительно были стачки на заводах и фабриках, многотысячные митинги и демонстрации, а во время вооруженного восстания реальные рабочие встали на реальные баррикады. Казалось бы, наконец-то мечта поколений начала воплощаться, подтверждая земную, материальную научную правду марксизма и не оставляя места абстракциям «идеалов» и прочим метафизическим утопиям.

Однако практическая деятельность в рамках реальных экономических требований пролетариата своей «ограниченностью», заземленностью не могла насытить «взыскующих Града». Надо отдать должное реализму вождей русского марксизма — опыт народников не остался неучтенным. В итоге революционная теория обогатилась новым тезисом: сам рабочий класс на основе собственного опыта способен выработать лишь реформистскую по форме, экономическую по содержанию тред-юнионистскую программу действия. «Научно-коммунистичес-

кое» мировоззрение привносит в головы рабочих социалистически мыслящая интеллигенция. Опять — «интересы и мнения».

На этот раз задача для революционного меньшинства в своей конкретике сужается — не абстрактно работать «на почве народных интересов», а формировать в определенном направлении «классовое сознание» рабочих. Социалистическая логика неумолима: от идеи воплощения народной мечты о царстве справедливости и правды мысль неминуемо стремится к желанию приобщить человечество к определенным образом понятому и выстроенному идеалу. Круг «русского социализма» замкнулся — спустя полвека в иной редакции, но столь же безапелляционно прозвучала старая мысль Белинского: «Люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью».

Понятно, что одно дело — выдвинуть тезис о внесении в сознание масс определенных идей, и совсем иное — преуспеть на этом поприще. «Идеи овладевают массами» — такое явление хорошо известно человечеству в XX в.— веке массового сознания и массовых коммуникаций.

Помимо «коммунистической идеи», современный мир помнит зловещие перипетии утверждения в реальность еще одной «великой» идеи. Стремительное восхождение нацизма, сумевшего овладеть в краткие сроки целым поколением немцев, так же, если не больше, чем идея русского коммунизма, «обеспечивалось» мощным сакрально-идеологическим импульсом, начиная от самой мечты возрождения Священной Римской империи в контурах «тысячелетнего Третьего рейха» и кончая мечом Грааля, свастикой и прочими священными атрибутами кельтских и арийских культов. Для нацизма и его идеологов эксплуатация культовых символов и вообще религии, включая институализированную Церковь, облегчалась отсутствием в идейной обойме германского фашизма материализма как обязательной философской подоплеки.

Не вдаваясь в лежащие на поверхности параллели и сопоставления двух сосуществовавших во времени тоталитарных режимов, поставим лишь один вопрос. Насколько обязательна «сакральная» составляющая для идеи, способной «овладевать массами»?

Прежде чем пытаться ответить на него, следует заметить, что в самом выражении «идея овладела массами», заложен некий повышенный темп, характерный лишь для нового времени. Действительно, трудно без смысловой натяжки употреблять это выражение применительно, скажем, к событиям античных времен или даже средневековья. Возможно, именно в проблеме темпа и лежит ответ на наш вопрос. Видимо, не только национально-«религиозная» специфика идеи как таковой, но и конкретно-исторические условия ее внедрения в сознание людей — форсированные темпы, взятые исполнителями, способствовали активной эксплуатации ее сакральной составляющей.

И в нацистской Германии, и в коммунистической России «новый порядок» утверждался в сжатые исторические сроки. Этому в каждом случае находились свои, «субъективные» причины. Признав невозможность органического появления в пролетарском сознании идеала социализма, большевики тем самым поставили перед собой задачу его внедрения в рабочие массы путем их идеологического воспитания. Сроки же, отведенные историей на выполнение этой задачи, ввиду неожиданно грянувшей революции оказались явно «недостаточными».

Однако революция началась, и логика политической борьбы заставила большевиков взять государственную власть. Далее в сознании победителей совместились две исторические задачи: необходимость удержания власти и форсированного государственного строительства и вторая, доставшаяся еще с дореволюционных времен — внесение коммунистического идеала в «отсталое» сознание пролетарской массы. Последняя после октябрьской победы трансформировалась в задачу «воспитания нового человека», для которого господствующим мировоззрением станет «марксизм-ленинизм».

Восстановление лежавшей в руинах страны, новое государственное строитель-

ство требовали предельного напряжения сил, обусловленного перманентным для всей эпохи, дефицитом времени. Пятилетка индустриализации, пятилетка коллективизации, перевыполнение планов, ускорение темпов, подстегивание производительности труда — стали постоянными лозунгами, авралы и чрезвычайщина — стилем государственной жизни. К этому прибавлялись реальные и мнимые угрозы со стороны «империалистического окружения», которые стократно усилили элементы «оборонного сознания». Оно стало едва ли не доминантой новой идеологической обоймы. Таков исторический контекст, в котором закладывались и вызревали духовные основы нового режима.

Совмещение в одном историческом пространстве задач «воспитания нового человека» и форсированного государственно-экономического строительства создавало такое напряжение и требовало таких усилий, что для эффективного результата власть неизбежно должна была постоянно прибегать к наиболее действенным «раздражителям» и средствам. Во внутренней политике ими стали выведение практически всех слоев населения на предельную грань существования человека — между жизнью и смертью, в идеологии — эксплуатация наиболее глубоких, интимных струн человеческой души — ее сакральных пластов.

Сказанное, однако, не умаляет того объективного «религиозного» содержания коммунистической идеи как таковой, которое неизбежно проявилось бы при любом варианте ее практического воплощения. Серьезным аргументом в пользу исторической неизбежности «религиозных одежд» для ее осуществления может служить тот характерный факт, что в центре нового культа оказались не только учение и идеи, но и сам образ столь, казалось бы, последовательного материалиста, неутомимого борца с «идеализмом и поповщиной», человека, действительно совершенно чуждого религии, классического прагматика в жизни и политике, каковым был В. И. Ленин.

Впрочем, идейный субстрат ленинизма, несмотря на его последовательно материалистический характер, в полной мере включал все те сакральные элементы, которые были выше предметом рассмотрения. В психическом облике будущего лидера русских большевиков отчетливо проступают и катехизисно-аскетическая черта революционеров-семидесятников, и, как родовой знак всякого последовательного революционера, духовная жажда обретения «Нового Града». В этом смысле Ленин как революционер-профессионал не отличался и не мог отличаться от любого своего предшественника, соратника или последователя. Догматизм в следовании идеалу мирно уживался у них с диалектикой применительно к конкретным средствам борьбы за его воплощение.

Вероятно, это имел в виду Ф. А. Степун, когда, говоря о Ленине, отмечал: «В формальной структуре и эмоциональном тембре его сознания было, как ни странно сказать, нечто определенно религиозное. Он весь был нелепым марксистским негативом национально-религиозной России» [37].

Высокая степень сакрализации идеологического каркаса нового «пролетарского» государства придала всему его облику ряд ярких по своей специфике черт. Запрограммированная безнравственность («нравственно все, что способствует торжеству революции»), волюнтаризм в экономической и юридической сферах фактически упразднили в обществе объективные общечеловеческие критерии для оценки как действий власти, так и «массовых» реакций. Неудивительно, что мечты «всего прогрессивного человечества», воплощаясь в конкретно-исторических формах, стремительно вели новое государство к самоизоляции от всего остального мира. Международная информационная и культурная блокада советской страны стала лишь естественным следствием этой изоляции.

Общеизвестно, к каким последствиям это привело: попытки скрыть от мира и самих себя то, что не вписывалось в круг «свершений и побед»; поиски виновных в том, что скрыть невозможно, вне «сакрального поля»; ореол таинственности верховных носителей «священной» идеи; многослойность индивидуального и общественного сознания и морали; дефицит самокритики на всех уровнях госу-

дарственного организма. Общим итогом стала стагнация в экономике, катастрофическое падение нравов, упадок культуры и науки.

Конкретный анализ сакральных реалий нового общества в его культурно-социологическом аспекте, на наш взгляд, задача отдельного исследования. Настоящая же статья содержит лишь некоторые наблюдения историко-типологического характера.

Историк византийского искусства В. Н. Лазарев, характеризуя духовно-идеологическую атмосферу того классически теократического государства, которое представляла собой Византия в период расцвета, писал: «Здесь вся духовная жизнь находилась под строжайшим контролем государства, которое беспощадно пресекало всякую оппозиционную мысль, всякое новшество, всякое либеральное богословское течение. Патриархи не допускали свободного истолкования догматов, они не терпели даже отступлений от обрядов. Поэтому время от времени созывались под председательством императора соборы, обсуждавшие так называемые „ереси". Максимально централизованный государственный аппарат зорко следил за тем, чтобы в господствующее мировоззрение не просачивались какие-либо посторонние влияния. Особенно внимательно наблюдали за ездившими на Запад, дабы они не заражались еретическими идеями. Инакомыслящих отправляли в ссылку либо приговаривали к смертной казни. Деятельность большинства подданных регламентировалась точнейшими правилами, определявшими круг их обязанностей. Все нити управления и контроля сходились в руках василевса и его придворных, устанавливавших законы, монополии, запреты, догматы, стили. Гордая своей силой власть в корне пресекала всякую попытку подвергнуть демократической критике ее действия» [38].

Едва ли уместно, на наш взгляд, говорить о простых совпадениях в нарисованной Лазаревым картине с тем, что представлял собой сталинский вариант советского режима. Налицо один и тот же механизм функционирования государственно-политической идеи. И если христианская Византия создала государственные формы, механизм действия которых столь разительно схож с тем, что спустя пятнадцать веков выросло на «научно-материалистическом» базисе Октябрьской революции в России, то, очевидно, сходство государственно-политических феноменов не в христианской основе как таковой, а в общем идеократическом характере обоих режимов. Первый из них был теократией как частным случаем идеократического типа государства, а второй — идеократией сакрально-антирелигиозного характера.

Понятно, что наиболее сильные деформации в «советских» условиях претерпела духовная сфера, но их анализ, повторяем, особая тема. Она включает такие проблемы, как изменения в области культуры и искусства, специфика «остаточной» церковной религиозности, существовавшей в условиях государственного атеизма, феномен «гомо советикус» как особый социально-психологический тип современного человека и др.

Примечания

[1] См. напр.: Burke T. P. The Reluctant Vision; An Essay in the Philosophy of Religion. Philadelphia: Fortress Press, 1974; Crosby D. Interpretive Theories of Religion. Den Haag; P.: Mouton, 1981.
[2] Smart N. Religion and the Western Mind — Besingstake. L.: Macmillan, 1987.
[3] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 15.
[4] См., напр.: Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество//Вехи. М., 1909.
[5] 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 262.
[6] Там же. С. 263.
[7] См. цикл статей, опубликованных в «Современных записках» (Париж, 1923—1928).
[8] См.: Новый мир. 1991. № 6. С. 236.
[9] Там же.
[10] Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2, Л., 1991. С. 64.
[11] Новый мир. 1991. № 6. С. 235.
[12] Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 126.
[13] Подробнее об этом см.: Франк С. Л. Ересь утопизма. Квинтэссенция//Философский альманах. 1991. М., 1992. С. 378—395.

[14] Новый мир. 1991. № 6. С. 234.
[15] Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 90.
[16] О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 218.
[17] Герцен А. И. Полное собр. соч. Т. VI. М., 1955. С. 110.
[18] Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов н/Д [Б. г.]. С. 73. Автор-аноним цитируемой передовицы — С. М. Степняк-Кравчинский.
[19] Зеньковский В. В. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 60.
[20] Революционная журналистика... С. 147.
[21] Там же. С. 41.
[22] Там же. С. 72.
[23] См.: Тун А. История революционного движения в России. Ростов н/Д [Б. г.]. С. 71.
[24] Там же. С. 74.
[25] Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 203.
[26] Там же. С. 204.
[27] Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Париж, 1979. С. 80.
[28] Набоков В. В. Дар. М., 1990. С. 210.
[29] Революционная журналистика... С. 283—284.
[30] Там же. С. 46, 56.
[31] Новый мир. 1991. № 6. С. 229.
[32] Цит. по: Дюкло Жак. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975. С. 215—217.
[33] Там же. С. 218.
[34] Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 289.
[35] Дебогорий-Мокриевич В. От бунтарства к терроризму. Кн. 1. М.; Л., 1930. С. 89.
[36] Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 120—121.
[37] Новый мир. 1991. № 6. С. 233.
[38] Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 12.

© 1995 г. В. А. КУЧКИН *

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ КНЯЗЬ ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Четыре сына Александра Невского — Василий, Дмитрий, Андрей и Даниил — многократно упоминаются в летописях и актах [1], но только относительно одного из них известно, когда он родился. Единственный сын великого князя Александра Ярославича, рождение которого указано в летописи, это самый младший из его сыновей, Даниил. Почему не отмечены в летописи годы рождения трех старших братьев Даниила, остается загадкой. Возможно, потому, что в послебатыево лихолетье просто прекратилось составление летописных записей, и только к моменту появления на свет Даниила такие записи возобновились. Как бы там ни было, но рождение четвертого сына у Александра Невского зафиксировано одной из самых древних русских летописей — Лаврентьевской. Под 6769 годом в ней сообщается, что «родися Олександру сынъ, и наре[ко]ша имя ему Данилъ» [2]. 6769 год летописи — мартовский [3], следовательно, Даниил родился между 1 марта 1261 и 28 февраля 1262 г. Рассказ о Даниловом монастыре, помещенный в Книге Степенной царского родословия, упоминает о построении в этом монастыре князем Даниилом Александровичем церкви «во имя преподобнаго Данила Столпьника» [4]. Обычно ктиторы основывали церкви в честь тех святых, по имени которых они сами были наречены. Поэтому можно было бы считать, что последний сын Александра Невского назван в честь Даниила Столпника. Однако Степенная книга составлялась в 60-е гг. XVI в., и ее известие о событиях более чем двухсотпятидесятилетней давности может быть заподозрено в своей достоверности. К счастью, имеется источник куда более ранний, чем Степенная книга. В 1979 г. в Новгороде была найдена свинцовая печать XIII в. с четко различимыми рисунками и подписями. На одной стороне буллы был изображен столпник, по сторонам которого читались вертикальные надписи «Столпникъ» и «Данилъ», а на другой стороне — скачущий вправо всадник в короне и с мечом и надпись: «[Ал] ек[са] ндр». Четкость изображений и букв на новонайденной печати позволила отождествить с ней еще несколько печатей, плохо атрибутируемых из-за их неважной сохранности. По именам патрональных святых на лицевой и оборотной сторонах этих булл твердо устанавливается их принадлежность последнему сыну Александра Невского — Даниилу Александровичу [5]. До нашего времени сохранилось и несколько печатей старшего сына Даниила Александровича — Юрия. На лицевой стороне этих печатей изображен всадник и читается надпись: «[Г]е[р]гиос», а на другой — святой столпник и надпись: «Данилъ Столпн[ик]» [6], что точно соответствует имени и отчеству князя — Юрий (Георгий) Данилович. Таким образом, и печати Даниила Александровича, и печати Юрия Даниловича свидетельствуют о том, что патрональным святым князя Даниила был Даниил Столпник: последний сын Александра Невского был назван в честь этого святого. Память Даниила Столпника отмечается 11 декабря. Следовательно, князь Даниил появился на свет примерно в ноябре — декабре 1261 г.

Даниилу едва ли исполнилось 2 года, когда 14 ноября 1263 г. на пути из Орды в стольный Владимир в Городце Радилове на Волге скончался его отец, великий князь владимирский Александр Невский [7]. Поскольку летописные известия 80—90-х гг. XIII в. рисуют Даниила московским князем, надо полагать, что Москва с

* Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

относившимися к ней волостями была выделена ему из состава территории великого княжества Владимирского по завещанию отца. Однако двухлетний Даниил не мог стать самостоятельным князем. В лучшем случае он мог признаваться номинальным главой Московского княжества, но реально править за маленького ребенка должны были взрослые люди. Обычно в княжеской семье за малолетних детей правили мать или старший из братьев, если он был уже человеком взрослым. К моменту смерти отца у Даниила оставались в живых два старших брата — Дмитрий, получивший от отца Переяславское княжество, и Андрей, которому Александр Невский завещал стоявший на левом волжском берегу Городец Радилов. Андрей Александрович в летописях впервые упоминается через 14 лет после кончины отца. Тогда, в 1277 г., он был уже самостоятельным князем, ездил в Орду и во главе своего войска участвовал в походе хана Менгу-Тимура на осетинский город Дедеяков (Дедяков) [8]. Но в 1263 г. Андрей, видимо, был еще малолетним и едва ли был способен править за брата Даниила в Москве. Старше Андрея был Дмитрий. Впервые он упоминается в летописях значительно раньше Андрея — в 1260 г. В том году Александр Невский оставил его княжить вместо себя в Новгороде Великом [9]. В 1262 г. Дмитрий вместе с новгородцами и другими князьями предпринял успешный поход против немцев на Юрьев (Тарту) [10]. Его имя после имени отца было внесено в текст договора о мире и торговле, который был заключен Новгородом Великим с Готским берегом, Любеком и другими немецкими городами в 1262—1263 гг. [11]. Очевидно, что в начале 60-х гг. XIII в. Дмитрий был если не юношей, то подростком, которому уже доверялось ведение важных государственных дел. Тем не менее, когда после смерти отца Дмитрий попытался закрепиться в Новгороде, новгородцы во главе с посадником Михаилом выгнали его из города, мотивируя свои действия тем, что «князь еще малъ бяше»[12], т. е. Дмитрий, видимо, был еще не вполне взрослым человеком. Но все-таки Дмитрий был старшим из оставшихся после Александра Невского трех его сыновей, и он мог управлять Москвой во время малолетства Даниила. Однако этого не случилось. Права семьи Александра Ярославича на владение Московским княжеством оказались нарушенными.

Судьба Москвы и судьба ее наследного правителя — малолетнего князя Даниила в годы, последовавшие за смертью Александра Невского, несколько неожиданно проясняются благодаря одному свидетельству XV в. В 1408 г. тогдашний московский великий князь Василий Дмитриевич выступил с войском против Литвы, поскольку летом 1407 г. литовцы напали на союзное Москве Новосильское княжество и пытались сжечь его столицу — Одоев [13]. Василий Дмитриевич пригласил участвовать в антилитовском походе тверского великого князя Ивана Михайловича, но получил отказ. Дело в том, что за два года до этого, в 1406 г., тверской князь помог московскому в его противоборстве с Литвой, хотя до решительных действий дело тогда не дошло. На р. Плаве, притоке впадающей в Оку р. Упы, москвичи и литовцы заключили между собой перемирие. Но в договорной грамоте при перечислении князей, помогавших московскому великому князю, имя его тверского союзника было упомянуто одним из последних. Тверской великий князь счел такое оформление перемирной грамоты для себя оскорбительным, и в 1408 г. уже не помог Василию Дмитриевичу. Иван Михайлович Тверской даже обратился с особым посланием к московскому великому князю, в котором подчеркивал свое более высокое происхождение: «По роду есми тебѣ дядя мой пращуръ великий князь Ярославъ Ярославичь, княжилъ на великомъ княжении на Володимерскомъ и на Новогородцкомъ; а князя Данила воскормилъ мой пращуръ Александровича, сѣ(дѣ)ли на Москвѣ 7 лѣтъ тивона моего пращура Ярослава. И по томъ князь великий Михайло Ярославичь, и по немѣ Дмитрей и Александрѣ, вси сии дръжаша Новогородское и Володимерское великое княжение. Что ради братство дрьжа и крестное цѣлование измѣни, князь, тии же ны бѣ миръ взяша на Плавѣ?» [14]. Тверской князь упрекал московского в том, что, поклявшись в братстве, т. е. признав тверского князя равным себе, Василий Дмитриевич не написал его имени в перемирной грамоте сразу после

своего. Ссылками на прошлое Иван Михайлович пытался доказать, что он высокого происхождения, его предки раньше, чем предки московского князя, правили и великим княжеством Владимирским, и в Новгороде. А пращур великого князя Ивана, Ярослав Ярославич (он приходился прапрадедом Ивану Михайловичу), был дядей пращуру великого князя Василия Даниилу Александровичу («по роду...дядя» — по началу рода московских князей, а род этот начинался с Даниила Александровича), т. е. по родовому счету был выше первого московского князя.

Это указание тверских грамотеев, составлявших в 1408 г. послание князя Ивана Михайловича московскому правителю, было совершенно точным. Великий князь Ярослав Ярославич, родоначальник тверских князей, был младшим братом Александра Невского и, соответственно, приходился дядей всем сыновьям последнего, в том числе и Даниилу. Факт этот можно было установить, читая летописи. Но последующие сообщения тверской грамоты 1408 г. о воспитании Ярославом Ярославичем маленького Даниила и об управлении в течение семи лет предназначенной Даниилу Москвой тиунами великого князя Ярослава являются уникальными, сохранившиеся до наших дней источники более раннего времени этих фактов не знают. Можно было бы думать, что сведения начала XV в. о событиях почти полуторавековой давности являются недостоверными, они просто сочинены тверичами, чтобы посильнее уязвить московского князя и доказать более высокое родовое происхождение Ивана Тверского. Однако тверская грамота носила вполне официальный характер и должна была основываться не на изобретенных, а на действительных фактах. Не следует забывать, что в начале XV в. московский великий князь был много сильнее тверского и нарочитое умаление его чести могло вызвать со стороны Москвы более решительные действия, чем действия Твери, не откликнувшейся осенью 1408 г. на призыв Василия Дмитриевича вновь выступить в совместный поход против Литвы. Укоры Москве следовало строго обосновывать и дозировать, что прекрасно понимали в Твери. Поэтому свидетельства начала XV в. о воспитании Даниила великим князем Ярославом Ярославичем и управлении им Москвой представляются вполне надежными. К тому же в грамоте 1408 г. совершенно верно определен срок этого управления — 7 лет. В течение именно 7 лет тверской князь Ярослав Ярославич занимал великокняжеский стол во Владимире: с 1264 г. до своей смерти в 1271 г. [15] Таким образом, устанавливается, что маленького Даниила, оставшегося сиротой после смерти отца, воспитывали не старшие родные братья, а дядя, великий князь владимирский Ярослав Ярославич. Его же наместники (тиуны) управляли выделенным Даниилу Московским княжеством. Так продолжалось до 1271 г., когда умер Ярослав Ярославич.

Что было с Даниилом и Москвой после 1271 г., остается неизвестным. Можно только думать, что по достижении совершеннолетия (а в средневековье человек признавался совершеннолетним и дееспособным в 12—14 лет [16]) Даниил стал самостоятельно княжить в Московском княжестве. Произошло это не ранее 1273 г. Но в источниках имя Даниила как независимого московского князя появляется гораздо позднее — впервые в 1282 г.

Под этим годом Новгородская I летопись сообщает, что «идоша новгородци на Дмитриа к Переяславлю, и Святославъ со тфѣрици, и Данило Олександрович с москвици; Дмитрии же изиде противу плъкомъ со всею силою своею и ста въ Дмитровѣ» [17]. Летопись фиксирует один из эпизодов долголетней междоусобной борьбы, в которую оказались втянутыми княжества Северо-Восточной Руси и Новгород Великий. В 1280 г. переяславский князь Дмитрий Александрович, ставший в 1277 г. великим князем владимирским, начал войну с Новгородом. Полки Дмитрия и его союзников — других русских князей опустошили новгородские волости. Новгородцы вынуждены были пойти на ущербный для себя мир [18]. Обострением отношений Дмитрия с новгородцами воспользовался другой сын Александра Невского — правивший в Городецком княжестве Андрей. Он отправился в Сарай и там нажаловался только что вступившему на престол хану Туда-Менгу на старшего брата. Жалобы Андрея возымели действие. Ему была

оказана военная поддержка, и с татарской ратью городецкий князь вернулся на Русь. Подойдя к Мурому и не вступая в пределы княжеств собственно Северо-Восточной Руси, которыми владели потомки Всеволода Большое Гнездо, Андрей послал вестников к ярославскому, стародубскому, ростовскому и другим князьям, призывая их присоединиться к нему и выступить против Дмитрия. По-видимому, когда такое согласие было получено, Андрей начал военные действия. С помощью татар он захватил Муром, опустошил окрестности Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля (Залесского), подступил к самому Переяславлю и 19 декабря 1281 г. овладел городом. Дмитрий с семьей и двором вынужден был бежать из отчинного Переяславского княжества в Новгород. Видимо, преследуя его, татары опустошили тверскую округу «и до Торжьку», а заодно и селения «около Ростова» [19]. Все это случилось накануне рождественских праздников, и летописец записал: «Въ Рождество же Христово пѣниа не было по всѣмъ церквамъ, но в пѣниа мѣсто плачь и рыдание...» [20]. Держа путь в новгородские земли, Дмитрий помнил о том, что с Новгородом у него отношения хотя и мирные, но отнюдь не дружелюбные; новгородцы, конечно, не забыли его разорений в 1280 г. Поэтому Дмитрий решил обойти собственно Новгород стороной, а переждать обрушившиеся на него невзгоды в Копорье. Этот город в Новгородской земле Дмитрий вновь отстроил и укрепил в 1278—1279 гг. [21] Но новгородцы, узнав о намерениях Дмитрия, преградили ему путь у озера Ильменя. Взяв в качестве заложников двух дочерей князя Дмитрия и нескольких его бояр с семьями, они выставили неудачливого великого князя из своих владений. Править они пригласили к себе победителя — князя Андрея Александровича. В начале февраля 1282 г. Андрей уже был в Новгороде, и 8 февраля, в сыропустную неделю, новгородцы его «посадиша на столѣ честно». Однако вскоре князь Андрей покинул Новгород, отправился во Владимир, а из Владимира уехал в свой Городец [22]. Отъезды Андрея из Новгорода и Владимира и возвращение в собственное княжество едва ли были добровольными. Дело в том, что Дмитрий, не найдя приюта у новгородцев, «съ своею дружиною отъѣха въ Орду къ царю татарскому Ногою» [23]. «Царями», или «цесарями», русские летописцы второй половины XIII—XV вв. титуловали ордынских ханов. Правда, Ногай ханом не был. Он не являлся чингизидом, а только потомки Чингизхана имели право на ханский титул. Ногай был лишь темником, т. е. начальником «тьмы» — 10-тысячного войска, но темником могущественным, реальное положение которого далеко не соответствовало его формальному званию. Фактически Ногай являлся независимым правителем западной части Орды, простиравшейся от низовьев Дуная на восток примерно до низовьев Северского Донца [24]. Он самостоятельно, без санкции столичного Сарая обменивался посольствами с египетским султаном Калавуном [25], а византийский император Михаил Палеолог даже выдал за него свою дочь Евфросинию, правда, рожденную вне брака [26]. Так что русский летописец, отдававший, по-видимому, большую дань реалиям, а не отвлеченным юридическим титульным нормам, по-своему был прав, называя Ногая царем. Дипломатическая и военная поддержка Ногаем князя Дмитрия Александровича и привела к тому, что Андрей Городецкий вынужден был оставить завоеванные им земли и удалиться в столицу своего отчинного княжества на Волге [27].

Вернув себе в 1282 г. Переяславль и Владимир, Дмитрий, по-видимому, решил наказать строптивый Новгород. Судя по некоторым намекам новгородского летописца, Дмитрий попытался помешать подвозу хлеба из черноземного владимиро-суздальского ополья в новгородские земли [28]. Это и побудило новгородцев организовать в 1282 г. поход против Дмитрия на Переяславль.

Приведенное выше новгородское летописное описание этого похода не называет главного противника новгородцев — Дмитрия — великим князем владимирским или, на худой конец, переяславским князем по его отчине. Нет даже титула «князь». Но из контекста описания следует, что Дмитрий в 1282 г. правил по меньшей мере в собственном Переяславле. Верный своей манере новгородский летописец не называет прямо и союзников Новгорода Святослава и Даниила соответственно тверским князем и московским князем. Однако сделан-

ные летописцем пояснения, что Святослав был «со тфѣрици», а Даниил «с москвици», не оставляют сомнений в том, что речь идет о правителях Твери и Москвы.

Что же побудило московского и тверского князей выступить в 1282 г. вместе с новгородцами против Дмитрия Александровича? Если Новгород в 1282 г. страдал из-за хлебной дороговизны, то относительно Твери и Москвы таких сведений нет. Можно, конечно, предположить, что Святослав Тверской и Даниил Московский поддержали Новгород как бывшие союзники, сторонники Андрея Городецкого, враждовавшего со старшим братом Дмитрием. Но тогда непонятна будет позиция иных князей, в частности, ростовского князя Константина Борисовича и ярославского князя Федора Ростиславича, о которых точно известно, что в 1281 г. они были союзниками князя Андрея Александровича, но в 1282 г. почему-то предпочли не выступать против Дмитрия, хотя с ним боролись могущественные Новгород, Тверь и Москва. Думается, князья Даниил и Святослав, поддерживая новгородцев в их борьбе с Дмитрием Александровичем, преследовали свои собственные цели. Следует обратить внимание на то, что своих противников переяславский князь поджидал в Дмитрове. Дмитров в те времена был центром самостоятельного княжества, где правили потомки брата Александра Невского Константина. То, что в 1282 г. Дмитрий из Переяславля с дружиной пришел в столицу независимого княжества и закрепился в ней, готовый вести войну с Новгородом, Тверью и Москвой, свидетельствует о том, что или дмитровский князь был верным и послушным союзником переяславского князя, причем настолько, что готов был сделать свой стольный город и земли своего княжества ареной опустошительных военных действий, или переяславский князь, возможно, в качестве великого князя владимирского, установил свой контроль над Дмитровским княжеством. Последнее представляется более вероятным, поскольку в 1280 г. умер местный князь Давыд Константинович [29] и при смене в Дмитрове правителя там мог упрочить свои позиции великий князь. Дмитровское княжество лежало между Тверским, Переяславским и Московским [30]. Укрепление в Дмитрове позиций одного из правителей этих княжеств должно было вызывать опасения и ответную реакцию двух других. Этим, по-видимому, и следует объяснять участие тверского князя Святослава Ярославича и московского князя Даниила Александровича в военной акции новгородцев против переяславского и великого владимирского князя Дмитрия Александровича.

К счастью, до кровопролития дело не дошло. Подойдя на пять верст к Дмитрову, новгородцы начали переговоры с Дмитрием Александровичем и сумели заключить с ним мир на выгодных для себя условиях [31]. Так закончился один из напряженных эпизодов русской истории последних двух десятилетий XIII в., в котором впервые проявил себя московский князь Даниил Александрович.

Надо полагать, что союз с Тверью Даниил Александрович поддерживал и в последующие годы. Во всяком случае летописная запись о нападении в 1285 г. литовцев на волость тверского владыки Олешню, располагавшуюся южнее города Зубцова, между реками Шешмой и Вазузой [32], сообщает, что его отразили собравшиеся вместе «тфѣричи, москвичи, волочане, новоторжьци, зубчане, рожевичи» [33]. Совместные действия тверичей и москвичей ясно указывают на продолжавшийся союз Даниила Московского с Тверью, где незадолго до литовского нападения на Олешню вокняжился Михаил Ярославич [34]. В то же время выступление москвичей вместе с волочанами (жителями Волока Ламского) и новоторжцами, подчинявшимися как Новгороду, так и великому князю владимирскому (им в 1285 г. оставался Дмитрий Александрович) может свидетельствовать о том, что между братьями Дмитрием и Даниилом произошло примирение, они стали координировать свои действия против общего противника.

Такое заключение прямо подтверждается редким известием Рогожского летописца, согласно которому в 1288 г. великий князь Дмитрий, узнав о нежелании тверского князя Михаила Ярославича подчиниться ему, «созва братью свою Андреа Александровича и Данила и Дмитриа Борисовича и вся князи, яже суть

подъ нимъ, и поиде съ ними ко Тфѣри». Объединенная рать под предводительством Дмитрия Александровича опустошила окрестности Кашина, сожгла другой тверской город — Кснятин, подступила к самой Твери, но здесь великий князь заключил мир с Михаилом Тверским «и распусти братью свою въсвояси, а самъ възвратися въ Переяславль» [35]. Брат Дмитрия, Даниил, помогавший ему в борьбе против тверского князя, — это Даниил Александрович Московский. Очевидно, в 1288 г. он встал на сторону более могущественного владимирского великого князя и нарушил прежний союз с Тверью, приняв участие в опустошении Тверского княжества. В дальнейшем отношения Даниила Александровича с Тверью то вновь становились дружественными, то снова охладевали. А вот отношения со старшим братом, великим князем владимирским Дмитрием Александровичем, делались все прочнее и прочнее. Это особенно ярко проявилось в 1293 г., когда Андрей Александрович Городецкий, в очередной раз отправившись в Сарай, получил поддержку от незадолго до этого ставшего ханом Золотой Орды Тохты и с большим татарским войском, возглавлявшимся братом Тохты, Туданом, начал новую войну с Дмитрием [36]. Рать Дюденя (как назвали на Руси Тудана) должна была прежде всего напасть на Переяславль, где пребывал Дмитрий. Переяславцы заблаговременно бежали из города. Сам Дмитрий с дружиной отъехал на Волок Ламский, а оттуда направился в Псков. Татары же с Андреем Александровичем и его верным союзником ярославским князем Федором Ростиславичем взяли Суздаль, разграбили Владимир, выдрав даже узорчатые медные напольные плиты в Успенском соборе, захватили Юрьев Польский и двинулись к Переяславлю. Простояв много дней у обезлюдевшего города, татары и русские князья «поидоша къ Москвѣ, и московскаго Данила обольстиша, и тако въѣхаша въ Москву, и сътвориша такоже, якоже и Суждалю, и Володимерю, и прочимъ городомъ, и взяша Москву всю и волости, и села» [37]. Это было второе за XIII столетие взятие Москвы монголо-татарами (первое имело место во время нашествия Батыя). Совершенно очевидно, что в 1293 г. в отличие от событий одиннадцатилетней давности Даниил Александрович был противником не Дмитрия, а Андрея и союзником великого князя. Можно полагать, что московский князь был заодно и с тверским князем, поскольку Андрей Александрович и Дюдень вознамерились воевать и Тверь, однако, узнав о возвращении туда пришедшего из Орды (очевидно, от Ногая) Михаила Ярославича, отказались от своего замысла. Михаил же Тверской хотел попасть в свой город через Москву, но близ Москвы его встретил «нѣкии попинъ», который предупредил его о захвате Москвы татарами и проводил князя «на путь миренъ» [38]. Судя по приведенным данным, к 1293 г. московский и тверской князья вновь стали союзниками. Оба они поддерживали великого князя владимирского Дмитрия Александровича и все вместе ориентировались на распоряжавшегося в западных землях Золотой Орды Ногая. Боровшийся с Дмитрием Андрей и союзные ему князья были связаны с сарайскими ханами. Благодаря помощи хана Тохты в 1293 г. владимирский великокняжеский стол перешел к городецкому князю. Андрей постоянно преследовал Дмитрия. В 1294 г. Дмитрий умер [39]. К тому времени он сумел сохранить за собой только наследственное Переяславское княжество, которое после смерти старшего Александровича перешло к его сыну Ивану. События последующих лет показывают, что и в новых условиях московско-переяславско-тверской союз представлял собой грозную силу.

В 1296 г. в русские земли был послан большой военный отряд татар во главе с Неврюем, видимо, для того, чтобы решить в пользу Орды существовавшие межкняжеские споры. Во Владимире состоялся съезд русских князей и знати. Участники съезда разделились на две партии. Во главе одной встал великий князь Андрей Александрович. Его поддержали давние приспешники — ярославский князь Федор Ростиславич и ростовский князь Константин Борисович. Оппозицию составили Даниил Московский, Михаил Тверской и переяславцы. Распри на съезде оказались столь сильны, что противоборствовавшие стороны готовы были взяться за оружие, но все-таки сумели договориться о разделе княжений и разъехались восвояси [40].

Известия о последующих событиях сохранила не летопись, а запись исторического содержания в пергаментной служебной минее XII в. на ноябрь: «В лѣто 6804 индикта 10 при владыцѣ Климентѣ, при посадницѣ Андръе съгониша новгородци намъстниковъ Андрѣевыхъ съ Городища, не хотяще князя Андрѣя. И послаша новгородци по князя Данилья на Мъсквоу, зовуще его на столъ в Новъгородъ на свою отциноу. И присла князь переже себе сына своего въ свое мѣсто именемъ Ивана. А сам князь Данилии. Того же лѣта поставиша мостъ великыи чересъ Вълхово. А псал Скорень дьяконъ святыя Софии» [41].

Хотя в последние годы было высказано мнение, будто приведенный текст состоит из двух записей, сделанных разными лицами [42], на самом деле весь текст написан одним почерком, рукою дьякона новгородского Софийского собора Скореня [43]. Он отметил строительство в Новгороде моста через р. Волхов, а главное — описал политическую ситуацию, сложившуюся в Новгороде в 6804 г. Приведенную Скоренем дату можно уточнить.

Сочетание данного года и указанного в записи индикта (10) указывает на время между 1 сентября 1296 г. и 28 февраля 1297 г. [44] Поскольку запись сделана на ноябрьской минее, надо полагать, что Скорень описывал события ноября 1296 г.

Согласно записи, новгородцы во время архиепископства Климента (занимал новгородскую кафедру с 2 августа 1276 г. до своей смерти 22 мая 1299 г. [45]) и посадничества Андрея (именно Андрея Климовича, который исполнял должность новгородского посадника с перерывами с 1286 по 1316 г. [46]) изгнали из Городища наместников князя Андрея Александровича. Совершенно очевидно, что, пойдя на решительный разрыв с великим князем владимирским, новгородцы должны были ожидать и столь же решительного противодействия со стороны великокняжеской власти, а если так, то обязаны были заручиться поддержкой противников Андрея Александровича. Их выбор пал на московского князя Даниила, который был приглашен княжить в Новгород. Выбор новгородцев весьма показателен. Он свидетельствует о том, что именно Даниил Московский признавался наиболее влиятельным противником великого князя. Иными словами, в сохранявшемся московско-переяславско-тверском союзе руководящая роль после смерти Дмитрия Александровича перешла, очевидно, к московскому князю, и с ним как главой антивеликокняжеской лиги вступили в переговоры новгородцы. При этом приглашение Даниила на новгородский стол мотивировалось ссылками на старину: «на столъ в Новъгородъ на свою отциноу». Отец Даниила, Александр Невский, действительно долгое время занимал новгородский стол. Но утверждение, что Новгород — «отчина» только московского князя, явно затушевывало истинные причины приглашения новгородцами Даниила как одного из самых могущественных князей Северо-Восточной Руси того времени, поскольку Новгород мог считаться «отчиной» и другого сына Александра Невского — великого князя Андрея, и Михаила Тверского, отец которого, Ярослав Ярославич, также длительное время сидел на новгородском столе.

Даниил Александрович принял приглашение Новгорода, но сам в силу не известных нам причин туда не поехал, а послал своего сына Ивана. Это самое раннее известие о политической деятельности Ивана — будущего Ивана Даниловича Калиты. Следует отметить, что в Новгород был отправлен не старший сын Даниила Юрий, а его второй сын — Иван. По-видимому, важные обстоятельства заставляли Даниила оставаться в Северо-Восточной Руси, не ехать в Новгород и не отпускать туда старшего сына. Возможно, эти обстоятельства знал Скорень и хотел их изложить. После слов: «А сам князь Данилии» он оставил чистое место в две строки, но так и не заполнил его.

То, чего не дописал Скорень, отчасти раскрывает одна договорная грамота, заключенная между Тверью и Новгородом. Обращаясь к новгородскому архиепископу Клименту, тверской князь Михаил Ярославич писал в этой грамоте: «То ти, отьче, повѣдаю: съ братомь своимь съ старѣишимь съ Даниломь одинъ есмь и съ Иваномь; а дѣти твои, посадникъ, и тысяцьскыи, и весь Новъгородъ на томь цѣловали ко мнѣ крѣстъ: аже будеть тягота мнѣ от Андрья, или от татарина, или

от иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни вѣ которое же веремя».[47]. Из текста новгородско-тверского докончания следует, что к моменту его заключения уже существовал союз Твери и Москвы, причем тверской князь признавал московского князя «братомь... старъишимь». Это прямое свидетельство грамоты о политическом старшинстве Даниила подтверждает вывод, сделанный на основании записи Скореня о главенствующей роли московского князя по меньшей мере в московско-тверском союзе. Союз этот был направлен против великого князя Андрея Александровича, причем союзники (не только Тверь с Москвой, но и Новгород Великий) опасались военных действий как со стороны владимирского князя, так и со стороны татар, очевидно, поддерживавших Андрея.

К какому времени относится заключение рассматриваемого договора между Тверью и Новгородом? Ясно, что соглашение было составлено до лета — осени 1300 г., когда на съезде князей в Дмитрове Михаил Тверской поссорился с Иваном Переяславским и вступил в союз с великим князем Андреем Александровичем. С другой стороны, упоминание в новгородско-тверской грамоте московского князя следует объяснять тем, что Даниил Александрович был признан новгородцами своим князем. А это произошло, как засвидетельствовал дьякон Скорень, в 1296 г. Еще одна деталь новгородско-тверского докончания позволяет сузить его датировку до нескольких месяцев. Тверской князь утверждал в грамоте, что он «одинъ есмь» не только с московским князем, но «и съ Иваномь». Все исследователи, анализировавшие данную грамоту, считали, что упомянутый в ней Иван — это князь Иван Дмитриевич Переяславский [48]. Однако правивший в Переяславле Иван был суверенным князем, а потому должен был бы как-то титуловаться в грамоте, если речь шла о нем. Но в новгородско-тверском соглашении Иван не назван ни «князем», ни «старшим братом» тверского князя, ни просто «братом», даже не «молодшим братом». Очевидно, Иван, с которым был «одинъ» Михаил Тверской, не являлся суверенным князем. В таком случае в Иване рассматриваемого докончания нельзя видеть самостоятельного князя Ивана Переяславского. Заявляя в договоре с Новгородом о своем единстве с Даниилом Московским и Иваном, тверской князь под последним разумел, очевидно, княжившего в Новгороде сына Даниила, малолетнего княжича Ивана, правителя несамостоятельного, целиком зависевшего от своего отца, а потому никак и не титулованного в официальном новгородско-тверском соглашении. Как было выяснено при рассмотрении записи Скореня, маленький Иван Калита прибыл в Новгород между 1 сентября 1296 г. и 27 февраля 1297 г., возможно, к ноябрю 1296 г. Очевидно, соглашение между Михаилом Ярославичем Тверским и Новгородом Великим было заключено или в это же время, или несколько позднее. Высказанное в соглашении опасение относительно возможных военных действий против Твери, Москвы и Новгорода великого князя Андрея и татар подсказывает, что или Андрей Александрович, недовольный результатами общекняжеского съезда летом 1296 г. во Владимире, отправился в Орду за военной помощью, чтобы смирить строптивых князей, или, узнав о враждебных действиях новгородцев и о поддержке, оказанной им Даниилом Московским и Михаилом Тверским, поспешил в Сарай, чтобы посредством ордынской силы восстановить прежний порядок вещей. Во всяком случае Лаврентьевская летопись сохранила известие о том, что «приде Андрѣи князь ис Тотаръ и совокупи вои, и хотѣ ити на Переяславль ратью, да от Переяславля к Москвѣ и ко Тфѣри. Слышав же князь Михаило Тфѣрьскии и Данило Московьскии князь и совокупивъ вои, и пришедше и стаста близь Юрьева на полчищи, Андрѣи в Володимери. И тако не даста поити Андрѣю на Переяславль, бяшеть Иоан князь сынъ Дмитриевъ ида в Ворду, приказалъ Михаилу князю блюсти отчины своее и Переяславля. И замало бою не бысть промежи ими, и взяша миръ и поидоша во своя си» [49]. Возвращение великого князя Андрея Александровича из Орды датируется Лаврентьевской летописью временем с 1 марта 1296 г. по 28 февраля 1297 г. Лаврентьевская летопись сообщает о некоторых фактах, имевших место в отсутствие Андрея. Выясняется, что в Орду отправился и переяславский князь Иван Дмитриевич. Летопись не говорит, в

какую именно Орду поехал князь Иван, но, если судить по предыдущим поездкам его отца и ориентации союзников Ивана, эта Орда была ордою Ногая. Направляясь туда, Иван Дмитриевич поручил блюсти свое княжество тверскому князю. Переяславль был расположен ближе к Москве, чем к Твери, и его правителю уместнее было просить Даниила Александровича позаботиться о безопасности Переяславля. Возможно, Иван Дмитриевич не сделал этого потому, что московского князя отвлекли новгородские дела. Во всяком случае надо отметить, что противники великого князя Андрея Александровича действовали весьма энергично. Они упрочили свой союз новыми договорными грамотами; двусторонними соглашениями скрепили связи с Новгородом Великим; один из князей отправился в Орду; можно предположить, что туда же был послан старший сын Даниила, Юрий, потому и не попавший в Новгород; усиленно готовились к войне. Приход «ис Тотаръ» Андрея (он должен датироваться концом 1296 г. — началом 1297 г.), его намерение напасть на Переяславль, Москву и Тверь не застали союзников врасплох. Московский и тверской князья вовремя сосредоточили свои силы у города Юрьева Польского, лежавшего на пути из Владимира на Переяславль. Тем самым устранялась возможность неожиданного удара по Переяславлю владимирского великого князя и выполнялись союзнические обязательства перед Иваном Переяславским. Встретив противодействие Даниила Александровича и Михаила Ярославича, великий князь Андрей вынужден был пойти на переговоры с ними. Стороны заключили мир, и, судя по тому, что в Новгороде в мае 1299 г. уже действовал сын Андрея Александровича, Борис [50], соглашение это было небезвыгодным для великого князя, добившегося отказа Даниила Московского от новгородского стола. Тем не менее Даниил, пусть короткое время, но правил в Новгороде Великом. О реальности его княжения свидетельствуют находки в Новгороде свинцовых печатей с именем Даниила, о которых речь шла выше.

Последующие три года в жизни Даниила Александровича прошли мирно. Но в 699 г. хиджры (между 28 сентября 1299 и 15 сентября 1300 г.) сарайский хан Тохта одержал решительную победу над темником Ногаем. Сам Ногай был убит. Период двоевластия в Орде кончился [51]. Теперь московскому князю и его союзникам не на кого стало опираться извне, великий же князь владимирский Андрей Александрович мог еще в большей степени, чем раньше, рассчитывать на поддержку Тохты. Своеобразным откликом на бурные события в южной степи и изменение в политической ситуации в Орде явился уже упоминавшийся съезд русских князей в Дмитрове в 1300 г. [52]. Съезд продемонстрировал рост влияния великого князя Андрея Александровича. Противостоявшая ему коалиция князей раскололась. Своих бывших союзников оставил тверской князь Михаил, из-за чего-то не договорившийся с Иваном Переяславским. Любопытно отметить, что в сохранившемся в составе Лаврентьевской летописи тверском летописном материале, идущем с 1285 г., именно со статьи 1300 г. Андрей Александрович начинает титуловаться великим князем. До этого он назывался просто князем или даже только по имени, без всякого титула, хотя в действительности был великим князем владимирским. Смена идеологической ориентации тверских летописателей — результат сближения тверского князя с великим князем владимирским. В 1301 г. Михаил Тверской даже ходил на помощь Андрею Александровичу, предпринявшему совместно с новгородцами поход на шведов к устью Невы [53]. Но если тверской князь переориентировался на союз с великим князем владимирским, то московский князь Даниил Александрович остался на прежних позициях. Заодно с ним выступал и Иван Переяславский. Однако изменение ситуации на русском Северо-Востоке, усиление влияния великого князя владимирского не позволяли князю Даниилу вести активную политику в этом регионе.

Его внимание переключилось на Рязань — соседнее с Московским княжество, не входившее в систему княжеств Северо-Восточной Руси. Осенью 1300 г. Даниил напал на Рязанское княжество, подошел к его столице — городу Переяславлю Рязанскому (современная Рязань; старая Рязань, уничтоженная Батыем в 1237 г., лежала много ниже по р. Оке) и здесь одержал победу над рязанцами. Рязанский

князь Константин Романович «нѣкакою хитростью» был взят в плен и приведен Даниилом в Москву [54]. С этой акцией Даниила Александровича некоторые историки связывают присоединение к Москве Коломны [55], но, возможно, Коломна стала частью московской территории уже по смерти Даниила, при его сыне Юрии, который в 1306 г. казнил пленного князя Константина [56], завладев, вероятно, при этом Коломной. Во всяком случае, к 1336 г. Коломна была уже московской [57].

Успех под Переяславлем Рязанским придал смелости Даниилу Александровичу. Когда 15 мая 1302 г. скончался союзник Даниила переяславский князь Иван Дмитриевич [58], возник вопрос о будущем Переяславского княжества. Князь Иван не оставил наследника. Переяславское княжество оказалось выморочным и как таковое по норме тех времен должно было быть присоединено к территории великого княжества Владимирского. Поэтому великий князь Андрей Александрович послал в Переяславль своих наместников. Но, умирая, князь Иван Дмитриевич «благослови въ свое мѣсто Данила Московскаго въ Переяславли княжити; того бо любляше паче инѣхъ» [59]. Хотя это известие есть только в московском летописании и отсутствует, например, в тверском [60], вряд ли можно сомневаться в его достоверности. Как показывает разобранный выше материал, московского и переяславского князей связывали тесные союзнические узы, Даниил Александрович неоднократно поддерживал и защищал переяславцев и их князя. Такие отношения вполне могли способствовать составлению благожелательного для Даниила завещательного распоряжения переяславского князя. Однако волеизъявление Ивана Дмитриевича нарушало права великого князя владимирского на выморочное княжество. Между Даниилом и Андреем Александровичем назревал новый серьезный конфликт. Видимо, не надеясь на собственные силы и успешную реализацию своих прав, осенью 1302 г. великий князь Андрей в очередной раз отправился в Орду [61]. После его отъезда Даниил Московский действовал решительно и быстро. По свидетельству Лаврентьевской летописи, «того же лѣта на зиму Данило князь Олександровичъ сѣде в Переяславли» [62], а согласно Симеоновской, — «сѣде Данило княжити на Переяславли, а намѣстници князя великаго Андрѣевы збѣжали» [63]. Речь шла не о присоединении Переяславского княжества к Москве, как это часто трактуется в научной и учебной литературе [64], а о переходе этого княжества под власть князей из московской династии. Недаром в последующие годы мы видим на переяславском столе старшего сына Даниила, Юрия, а затем, когда Юрий стал московским князем, второго сына Даниила, Ивана Калиту [65]. Овладение переяславским столом было большим успехом политики Даниила Московского, но успехом последним. Во вторник 5 марта 1303 г. первый московский князь скончался «на Москвѣ в своеи отчинѣ, в черньцѣх и в скимѣ» [66]. О месте его захоронения существуют две версии. Одна из них восходит к сгоревшей в 1812 г. в занятой французами Москве пергаментной Троицкой летописи. В свое время эту летопись видел Н. М. Карамзин, который сделал из нее выписку о смерти Даниила Александровича. Эта выписка завершалась словами: «положенъ бысть въ церкви св. Михаила на Москвѣ» [67]. Таким образом, местом погребения Даниила послужил, согласно Троицкой летописи, Архангельский собор в московском Кремле.

Другая версия изложена в уже упоминавшейся выше Степенной книге. Там утверждается, что Даниил был захоронен на братском кладбище Данилова монастыря [68]. Из двух противоречащих друг другу указаний источников предпочтение следует отдать свидетельству Троицкой летописи как более древнему. Троицкая летопись была составлена, а возможно, даже и переписана в первой четверти XV в., тогда как Степенная книга — памятник эпохи Ивана Грозного. Но говорить приходится лишь о большем правдоподобии уточнения Троицкой летописи, поскольку в ее источнике — летописи типа Лаврентьевской, как можно судить по последней, место погребения князя Даниила не называлось. Поэтому возможно, что приведенное свидетельство Троицкой летописи является пояснением редакторов XV в., когда уже существовала прочная традиция захоронения московских великих князей и их ближайших родичей в кремлевском Архангельском соборе и

казалось более чем естественным погребение там и родоначальника династии этих князей.

Сам характер сохранившихся до нашего времени источников позволяет обрисовать только военную и дипломатическую деятельность первого московского князя. О личной, семейной жизни Даниила, о его гражданских акциях данных нет. Единственное исключение — основание московского Данилова монастыря. Современные князю Даниилу источники об этом факте его биографии ничего не говорят. Он известен из рассказов более позднего времени, не отличающихся большой определенностью.

Это обстоятельство заставляло многих писавших об основанном Даниилом Александровичем монастыре называть самые разные даты его строительства. В конце XVIII в. полагали, что первый московский князь основал свой монастырь «около 13 столетия» [69]. Эту же дату привел и известный историк Русской Церкви Амвросий [70], но в другой части своего труда назвал еще одну — 1272 г. [71] Автор «Списков иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви» П. М. Строев считал, что Данилов монастырь был основан в начале XIV в. [72], а по мнению составителя наиболее авторитетного справочника по истории русских монастырей В. В. Зверинского, — во второй половине XIII в. [73] Дионисий в одном месте своей специальной работы, посвященной московскому Данилову монастырю, почему-то остановился на дате «не позднее 1282 г.» [74], а в другом — «не ранее 1272 г., но и едва ли позднее 1282 г.» [75] Уже само число вариантов дат показывает, что все они лишены серьезного обоснования. Тем не менее многие из них фигурируют в путеводителях по Москве, включая и новейшие [76], что создает изрядную путаницу в представлениях о времени строительства Данилова монастыря. Для того, чтобы определить последнее, необходимо обратиться не к литературе о Даниловом монастыре, а к первоисточникам, где фигурирует этот монастырь.

Нужно сказать, что и в тех памятниках письменности, которые были созданы уже после смерти Даниила Александровича, московский Данилов монастырь упоминается довольно редко. Относительно подробный рассказ о нем содержит Степенная книга. Из него можно узнать, что в XIV—XV вв. монастырь оскудел, а затем и исчез, «яко ни следу монастыря познаватися», осталась только церковь Даниила Столпника да рядом с ней сельцо Даниловское [77]. Лишь при Иване Грозном монастырь был возобновлен [78]. Начало же монастыря описано в Степенной книге по более ранним летописным сводам, о чем свидетельствует прямая ссылка: «яко же пишетъ въ лѣтописаниихъ» [79]. Действительно, в ряде летописей XV — первой половины XVI в. под 1330 годом приводится рассказ, содержащий сведения об основании Данилова монастыря. Наиболее древней из этих летописей была Троицкая. До того, как летопись сгорела, Н. М. Карамзин успел сделать из статьи 1330 г. этой летописи три выписки [80]. Они весьма существенны для доказательства древности известий о Даниловом монастыре, но полностью содержания статьи 1330 г. не передают. Поэтому приходится обращаться к статье 1330 г. Рогожского летописца, дошедшего также в весьма древнем списке — 40-х гг. XV в.

В этом летописце сообщается, что 10 мая 1330 г. Иван Калита в московском Кремле близ своего двора заложил каменную церковь Спаса Преображения. Далее рассказывается, что он учредил здесь монастырь и «приведе ту пръваго архимандрита Иоана», который «послѣди поставленъ бысть епископомъ Ростову» и «въ старости глубоцѣ къ Господу отиде» [81]. Летописец не только отметил факт учреждения архимандритии в кремлевском Спасо-Преображенском монастыре, но и прокомментировал его. В этом комментарии и содержатся сведения о Даниловом монастыре. «Глаголють же нѣции отъ древнихъ старець, — записал летописец, — яко пръвии бѣ князь Данило Александровичь сиа архимандритию имѣяше оу святаго Данила за рѣкою, яко въ свое ему имя церкви тои поставленъи сущи, послѣди же нѣ по колицъхъ лѣтехъ сынъ его князь великии Иоанъ боголюбивъ сыи, паче же рещи, мнихолюбивъ и страннолюбивъ и топлѣе сыи вѣрою, и приведе отътуду архимандритию ту и близь себе оучини ю, хотя всегда въ дозорѣ

видѣти ю...» [82]. Таков древнейший рассказ о московском Даниловом монастыре. Поскольку аналогичный рассказ читался в Троицкой летописи, его можно по меньшей мере возвести к ее источнику — своду 1408 г. митрополита Киприана. Сама запись 1330 г. об основании Спасо-Преображенского монастыря и переводе туда архимандритии из Данилова монастыря сделана не ранее 1356 г. Дело в том, что запись знает о поставлении в ростовские епископы спасского архимандрита Иоанна и его кончине, а умер Иоанн в 1356 г. [83] Составитель записи трудился в московском Кремле, потому Данилов монастырь, расположенный на правом берегу р. Москвы, был для него «за рѣкою».

Из летописного рассказа следует, что каких-либо письменных источников, отдельных заметок, записей, документов о Даниловом монастыре у летописца не было, хотя он и стремился узнать подробности о первой московской обители. Летописец вынужден был ограничиться расспросами знающих людей («глаголють же нѣции отъ древнихъ старець...»), возможно, живших в Кремле своих соседей. Если информаторы летописца были свидетелями того, как князь Даниил возводил на берегу р. Москвы монастырь, то они действительно должны были быть древними старцами. С момента смерти князя Даниила (1303 г.) прошло уже более полустолетия. Очевидцам возведения Данилова монастыря должно было быть в конце 50-х гг. XIV в. по 70—80 лет.

Степень достоверности их свидетельств установить трудно. Но, если они правдивы, даже из сверхсжатого изложения этих воспоминаний летописцем можно извлечь определенные данные относительно древнейшей истории Данилова монастыря.

Во-первых, следует отметить, что монастырь был построен первым московским князем Даниилом, а не кем-нибудь из его сыновей в память отца, что в средневековой Руси было делом нередким. Поэтому основание монастыря можно датировать годами жизни Даниила, т. е. временем между 1261 и 1303 г.

Во-вторых, определяется место монастыря — на правом берегу р. Москвы, что в принципе соответствует положению позднейшего Данилова монастыря и сельца Даниловского.

В-третьих, весьма важен факт учреждения в Даниловом монастыре архимандритии. Это знак особого внимания к монастырю его ктитора — князя Даниила, не только основавшего монастырь, но и сделавшего его главным монастырем своего княжества. Не будет, видимо, большой натяжкой утверждать, что в ранний период существования Московского княжества настоятель Данилова монастыря был самым высоким духовным лицом в княжестве [84].

Если пытаться уточнить время постройки Данилова монастыря, то следует принять во внимание три момента. Даниил Александрович ставил монастырь скорее всего в конце жизни, когда надо было думать о собственном пострижении. Он и умер, по уже приводившемуся выражению летописи, «в черньцѣх и в скимѣ». Санкцию на возведение настоятеля монастыря в ранг архимандрита или право выбирать архимандрита Даниил мог получить от главы Русской Церкви в период определенного сближения с митрополитом и при отсутствии давления на последнего политических противников Москвы, в частности, великого князя владимирского. Наконец, само местоположение Данилова монастыря (по пути на юг от Кремля через Нижние Котлы, Коломенское и далее к Коломне) указывает, что ему отводилась или роль военного форпоста, или роль оповестительного пункта при нападениях с юга на Москву монголо-татар или рязанцев. Поэтому сооружение такого оборонительного заслона по времени должно быть соотнесено с реальными угрозами Москве главным образом со стороны Орды.

Какой же период правления Даниила более всего отвечал этим условиям? Из обзора деятельности Даниила Московского видно, что наиболее подходящим временем для строительства им Данилова монастыря были 1297—1300 гг. То был период, когда на время прекратились междоусобицы русских князей и вражда Даниила с великим князем владимирским Андреем Александровичем, когда после нападения 1293 г. Дюденя Даниилу стала ясна необходимость защиты Москвы от

внезапных вторжений Орды, когда глава Русской церкви митрополит Максим перенес свою резиденцию из Киева во Владимир на Клязьме (лето 1299 г.) и должен был охотнее откликаться на просьбы северо-восточных князей о церковном устроении их княжеств, в частности, об учреждении архимандритий, когда самому Даниилу было под сорок — возраст почтенный для средневекового человека. Принимая во внимание, что в Древней Руси строительные сезоны начинались, как правило, летом, в рамках отмеченного периода наиболее вероятным временем основания первого в Москве Данилова монастыря надо признать 1298—1299 гг. Возможно, что строительство этого монастыря было частью общих мер князя Даниила по укреплению южных границ Московского княжества, осуществление которых и привело к резкому столкновению в 1300 г. с Рязанью.

Примечания

[1] Основные свидетельства источников о Василии, Дмитрии, Андрее и Даниле Александровичах собраны А. В. Экземплярским в биографических очерках об этих князьях: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I. СПб., 1889. С. 44—58, 284—286; Т. II. СПб., 1891. С. 273—275.

[2] ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926—1928. Стб. 475.

[3] Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 114.

[4] ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 298.

[5] Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в.//Летописи и хроники. 1980. М., 1984. С. 154.

[6] Там же. С. 155; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. II. М., 1970. С. 258. № 402.

[7] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НІЛ). С. 83.

[8] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 75, под 6785 годом мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 351.

[9] НІЛ. С. 83, под 6767 годом мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 271.

[10] НІЛ. С. 83.

[11] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНиП). № 29. С. 56.

[12] НІЛ. С. 84, под 6772 годом мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 272.

[13] ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 477, 478, 482.

[14] Там же. Стб. 474. По сравнению с публикацией 1863 г. знаки препинания несколько изменены.

[15] ПСРЛ. Т. 18. С. 72, 74; НІЛ. С. 313, 321.

[16] Кормчая М., 1650. Л. 408 об., 445.

[17] НІЛ. С. 325, под 6791 годом ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 289.

[18] НІЛ. С. 324, под 6789 годом ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 289.

[19] ПСРЛ. Т. 18. С. 78, под 6789 годом мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 289, 351.

[20] ПСРЛ. Т. 18. С. 78.

[21] НІЛ. С. 323.

[22] Там же. С. 324—325, под 6790 годом ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 289.

[23] ПСРЛ. Т. 18. С. 78.

[24] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 199—201.

[25] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884., С. 67—68 (известие о подарках Ногаю от послов египетского султана, отправленных в Орду до получения в Каире известия о смерти ордынского хана Менгу-Тимура, последовавшей в июле 1280г.), 362 (известие о прибытии в Каир летом 1282 г. посольства от Ногая).

[26] Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 44.

[27] НІЛ, С. 324—325, под 6790 годом ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 289.

[28] НІЛ. С. 325, под 6790 годом ультрамартовским.

[29] ПСРЛ. Т. 18. С. 77, под 6788 годом мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 351.

[30] Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 123 (карта).

[31] НІЛ. С. 325, под 6791 годом ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 289.

[32] Кучкин В. А. Указ. соч. С. 149.

[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483.

[34] Там же.

[35] Там же. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 34.

[36] НІЛ. С. 327, под 6801 годом; Насонов А. Н. Указ. соч. С. 76.

[37] ПСРЛ. Т. 18. С. 82, под 6801 годом мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 351.

[38] ПСРЛ. Т. 18. С. 83.

[39] НІЛ. С. 328, под 6802 годом мартовским; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484, под 6803 годом ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 121, 291 и примеч. 154 на с. 322.

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484, под 6805 годом ультрамартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 121.

[41] ГИМ ОР, Синод, № 161, л. 260 об. Запись неоднократно издавалась: См.: Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. III. М., 1917. С. 33; Щ е п к и н а М. В., П р о т а с ь е в а Т. Н., К о с т ю х и н а Л. М., Г о л ы ш е н к о В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи//Археографический ежегодник за 1964 год. М. 1965. С. 146.

[42] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. № 81. С. 120.

[43] Пользуюсь случаем выразить признательность Л. М. Костюхиной за проведенный анализ почерка записи.

[44] Ч е р е п н и н Л. В. Русская хронология. М., 1944. С. 33—36; К а м е н ц е в а Е. И. Хронология. М., 1967. С. 82.

[45] НІЛ. С. 323, 329—330.

[46] Я н и н В. Л. Новгородские посадники. М., 1960. С. 156, 168, 177.

[47] ГВНиП. № 4. С. 14. Перед словом «аже» лучше ставить двоеточие, а не запятую, как в указанном издании.

[48] С о л о в ь е в С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 193; П р е с н я к о в А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 88, примеч. 3; Ч е р е п н и н Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 267; З и м и н А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв.//Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956. С. 306—307.

[49] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484, под 6805 годом ультрамартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 121.

[50] НІЛ. С. 330, под 6807 годом мартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 287, 291.

[51] Н а с о н о в А. Н. Указ. соч. С. 78 и примеч. 2.

[52] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485—486, под годом 6809 ультрамартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 122—123. Известие о съезде в Дмитрове помещено в Лаврентьевской летописи между записями от 29 июня и 7 октября.

[53] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486, под 6810 годом ультрамартовским; НІЛ. С. 331, под 6809 годом мартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 123.

[54] ПСРЛ. Т. 18. С. 85, под 6809 годом ультрамартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 351.

[55] К л ю ч е в с к и й В. О. Сочинения в 9 т. Т. 2. С. 13; Л ю б а в с к и й М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 40; Ч е р е п н и н Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 459.

[56] ПСРЛ. Т. 18. С. 87, под 6815 годом ультрамартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 351.

[57] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 1. С. 7. О датировке духовных грамот Ивана Калиты см.: К у ч к и н В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты?//Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 221—222.

[58] ПСРЛ. Т. 18. С. 85, под 6811 годом ультрамартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 351.

[59] ПСРЛ. Т. 18. С. 85.

[60] Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486.

[61] Там же; НІЛ. С. 331, под 6810 годом мартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 123.

[62] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486.

[63] Там же. Т. 18. С. 85.

[64] Обзор мнений по этому вопросу см.: К у ч к и н В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 127—139.

[65] ПСРЛ. Т. 18. С. 86.

[66] Там же. Т. 1. Стб. 486, под 6812 годом ультрамартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 120, 123.

[67] П р и с е л к о в М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 351, примеч. 1.

[68] ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 298.

[69] Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы. М., 1796. С. 64.

[70] А м в р о с и й, архим. История российской иерархии. Ч. IV. М., 1812. С. 5.

[71] Там же. Ч. VI, 2-я половина. М., 1815. С. 1104.

[72] С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 198.

[73] З в е р и н с к и й В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. II. СПб., 1892. С. 122.

[74] Д и о н и с и й, архим. Даниловский мужской монастырь... в Москве. М., 1898. С. 4.

[75] Там же. С. 132.

[76] Например, в книге Ф. Л. Курлата и Ю. Е. Соколовского «Познакомьтесь — наша Москва» (М., 1968) временем основания Данилова монастыря назван 1282 г. (с. 367), а в книге тех же авторов «С путеводителем по Москве» (М., 1980) — конец XIII в. (с. 357).

[77] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 298. Село Даниловское упоминается в Уставной губной московской записи о душегубстве конца 50-х гг. XV в.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. III. М., 1964. № 12. С. 27.

[78] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 300.

[79] Там же. С. 319. Эта прямая ссылка показывает, что Степенная книга не может считаться наиболее достоверным источником по истории московского Данилова монастыря, как в свое время полагал Амфилохий (А м ф и л о х и й, архим. Летописные и другие сказания о св. благоверном великом князе Даниле Александровиче. М., 1873. С. 7).

[80] П р и с е л к о в М. Д. Троицкая летопись. С. 360, примеч. 2.

[81] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 46.

[82] Там же.

[83] Там же. Стб. 64.

[84] Существование в Москве в XIV в. церковной должности московского архимандрита, которую в 70-х гг. XIV в. исполнял игумен Высокопетровского монастыря (ДДГ. № 2. С. 13; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 129, 130; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. 1. № 79. С. 82), наталкивает на мысль, что Данилов монастырь, как позднее кремлевский Спасский и Высокопетровский, был резиденцией архимандритов московских, т. е. выборных глав московских настоятелей монастырей, выполнявших функции митрополичьих наместников. К сожалению, чрезвычайная ограниченность сведений о Даниловом монастыре не позволяет с определенностью решить вопрос: носил ли сан архимандрита собственно настоятель Данилова монастыря или лицо, избранное московским архимандритом, хотя и не имевшее сан архимандрита, получало в управление Данилов монастырь. В Новгороде, например, Юрьев монастырь получал в управление игумен того монастыря, который избирался новгородским архимандритом. См.: Я н и н В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде//Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

© 1995 г. Г. Н. УЛЬЯНОВА *

НОВЕЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ (обзор)

Феномен российской благотворительности XIX — начала XX в. совсем не исследовался в советский период, ибо противоречил идеологическим установкам отечественной историографии. В подтверждение приведем, например, такие определения толковых словарей: «Филантропия — одно из средств буржуазии маскировать свой паразитизм и свое эксплуататорское лицо посредством лицемерной, унизительной „помощи бедным" в целях отвлечения их от классовой борьбы» (1951 г.); «Благотворительность — в буржуазном обществе: оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости. Благотворитель — в условиях буржуазного общества: человек, занимающийся благотворительностью» (1987 г.) [1]. И хотя в оценке явления благотворительности в 1950—1980-х гг. происходил определенный сдвиг — от резко негативной к подчеркиванию объективно буржуазной сути благотворительности (что, по нашему мнению, логически верно), тем не менее был сделан вывод об идеологической неприемлемости изучения отечественной модели дооктябрьской благотворительности. В этом причина того парадокса, что почти вся научная литература по проблеме за небольшим исключением [2] принадлежит перу американских коллег и создана в 1980—1990-е гг.

Но прежде чем перейти к анализу конкретных исследований, следует сказать о предпосылках изучения русской благотворительности в американской гуманитарной науке.

Исследование этой проблемы как предмета социальной истории в западной историографии было связано с предложением в конце 1950-х гг. «Фонда Форда» финансировать соответствующие исследования. Вскоре появились монографии профессора Гарвардского университета Уилбура К. Джордана, впоследствии признанного основоположника нового исторического направления.

Цикл этого исследования включил три книги: «Благотворительность в Англии. 1480—1660», «Благотворительные заведения Лондона. 1480—1660» и «Благотворительные заведения сельской Англии. 1480—1660» [3]. Маститый историк-медиевист в этих работах не только подтвердил на богатом массовом материале местных архивов тюдоровского и стюартовского периодов выдвинутую им точку зрения об английских корнях современной благотворительности [4], но, самое главное, разработал методы изучения феномена благотворительности.

Предложенный Джорданом прием определил степень формализации отдельных пластов явления и выделения нескольких структурных единиц, приемлемых для изучения. Назовем их: «нужда» (автор рассматривает источники пополнения неимущих слоев населения вследствие бурных социально-экономических преобразований в период позднего средневековья); «механизм» (исследуется приходская помощь бедным и процесс перехода ответственности за нищих и бродяг к

* Ульянова Галина Николаевна, младший научный сотрудник Института российской истории РАН.

светской администрации); «импульсы» (особо выделена «секуляризация» благотворительных побуждений); «достижения» (где впервые выделены пять основных сфер, в которые направлялись пожертвования, а именно: помощь бедным (нетрудоспособным), социальная реабилитация (трудоспособных), улучшения в муниципальной сфере, образование, религия); «законоположения и их реализация».

Корреляция этих, а также целого ряда второстепенных параметров, проанализированных Джорданом, дала ему возможность поставить задачу шире, и основным выводом его трехтомника стал тезис о становлении английской нации, ибо вызревание целостности мотивов, поступков, достижения в деле помощи бедным свидетельствовали, по мнению Джордана, о завершении процесса формирования английского национального самосознания.

Мы не случайно столь подробно остановились на сочинениях У. К. Джордана, ибо все последующие региональные исследования (а на их основе, по нашим неполным подсчетам, издано более 100 книг) используют оказавшуюся весьма перспективной методику Джордана.

Помимо конкретных исследований феномена благотворительности другой предпосылкой изучения русских его форм стало существенное развитие проблемных исследований в американской советологии.

В качестве примера рассмотрим монографию Бернис К. Мэдисон «Социальное обеспечение в Советском Союзе», подготовленную в Стэнфордском университете и вышедшую в 1968 г. [5] Эта работа была посвящена формированию советской социальной политики в период 1917—1966 гг. и реализации социальных программ в СССР в постсталинское десятилетие, однако содержала в качестве первого раздела («Дореволюционное наследие»), по словам автора, «конденсированный анализ главнейших черт развития благотворительности за десять веков, предшествовавших Октябрьской революции 1917 г.» (с. XIX—XX). Этот анализ основывался на работах дореволюционных исследователей русской благотворительности. Достоинство работы Б. Мэдисон — в серьезном освещении ключевых проблем русской благотворительности XIX — начала XX в., в проработке статистики благотворительности (даны показатели деятельности приказов общественного призрения на 1852 г., губернских земств на 1912 г., распределение разных типов благотворительных заведений на территории Российской империи на 1899 г.).

Особый упор Б. Мэдисон сделал на освещении слабых сторон дореволюционной благотворительности. По мнению автора, это, во-первых, полное игнорирование в царской России «возможности перемены в концепции общественной ответственности: от „благотворения“, даваемого „заслужившим“ из жалости, к договорным отношениям, при которых общество обязывает себя помогать отдельному нуждающемуся, коли он удовлетворяет приемлемым требованиям» (с. 23). Во-вторых, «благотворительная помощь в России была не более чем паллиативом... Хотя многие из руководителей благотворительности были людьми высоких принципов и благородными гуманистами, система в целом характеризовалась оцепенелостью, апатией, снисходительностью и нехваткой профессионализма» (с. 24). Эти оценки автора вполне гармоничны, если рассматривать уровень российской благотворительности в контексте дальнейших достижений российской цивилизации. В этом смысле незавершенность процесса формирования всероссийской системы благотворительности, прекратившегося в 1917 г., выглядит весьма невыигрышно на фоне реализуемой в XX в. в Европе и Северной Америке концепции «государства всеобщего благоденствия».

Итак, эти два исследования подготовили почву для дальнейшего изучения проблемы.

Монография профессора Индианского университета, а в последующие годы также главного редактора «American Historical Review» Дэвида Л. Рэнсела «Матери нищеты. Брошенные дети в России» [6] вышла в 1988 г. Структура и содержание ее достаточно полно освещены в рецензии, опубликованной в журнале «Вопросы истории» [7].

Будучи известным специалистом по истории России XVIII в., Д. Л. Рэнсел скрупулезно исследует социально-политические возможности для возникновения такого типа заведений общественного призрения, как воспитательные дома в период «просвещенного абсолютизма» императрицы Екатерины II. Представляет интерес рассмотрение автором института воспитательных домов в системе ценностей, являвшихся опорными для российского самодержавия. «Близко соприкоснувшись с деятельностью домов,— пишет Д. Л. Рэнсел,— официальные лица и лидеры царизма ясно осознавали, что они приносят больше вреда, чем пользы» (с. 297). Однако благодаря широкому развитию системы питомничества, когда тысячи детей отдавались на вскормление в крестьянские семьи, «в России воспитательные дома играли даже более важную роль в поддержании веры во всевластие правителя и заботу царской семьи о простых русских» (с. 296), чем законодательные меры XVIII в., направленные на укрепление семьи (в частности, экономические прерогативы власти отцов семейств и правовая дискриминация жен и детей).

Соглашаясь с выявленной Рэнселом парадигмой благотворительности, добавим, что особое покровительство царской семьи именно учреждениям помощи детям наблюдалось в течение конца XVIII — начала XIX в. Хотя общественное призрение находилось в ведении Министерства внутренних дел [8], однако традиция патронажа лиц Императорского дома над благотворительными организациями всероссийского масштаба укреплялась. В частности, Высочайшим указом от 31 мая 1913 г. было учреждено попечительство по охране материнства и младенчества под покровительством императрицы Александры Федоровны, на нужды которого выделялся капитал в размере 1 млн. 10 тыс. руб. из пожертвований московских и петербургских частных коммерческих банков в адрес царской семьи и по случаю 300-летия воцарения Дома Романовых [9]. Личному участию монарха и его супруги в делах благотворительности не случайно придавалось серьезное значение — это была демонстрация и реализация бесспорно положительных качеств правителя и его семьи как с христианской, так и с гражданской точек зрения.

На колоссальном материале архивных и опубликованных источников Д. Л. Рэнсел всесторонне осветил деятельность воспитательных домов на протяжении 150 лет их существования. Созданные по французской модели, они стали первым фактическим шагом государства в деле помощи несчастным. Насколько остро в обществе стояла проблема незамужних матерей, брошенных детей (нередкими были случаи убийства детей), показывает обширная статистика, впервые систематизированная и опубликованная автором. Даже в последней четверти XIX в., когда в России уже существовали и другие типы благотворительных заведений, ежегодно в Московский и Петербургский воспитательные дома поступало до 25 тыс. подкидышей, 70—80 тыс. питомцев роздано в крестьянские семьи, проживавшие в близлежащих сельских районах.

Хотя исследование Д. Л. Рэнсела рассматривает историю лишь одного типа благотворительных заведений, безусловная ценность его в том, что оно намечает плодотворные подходы к анализу специфического российского материала, и прежде всего в рассмотрении социально-психологических, медицинских и демографических аспектов этой благотворительной помощи.

Другой тип благотворительного заведения рассмотрен в статье преподавателя университета Тулса (штат Оклахома) Джозефа Брэдли «Московский работный дом и реформа городского призрения в России» [10]. Показывая историю первого работного дома в России, возникшего в Москве в 1782 г. и являвшегося одним из крупнейших благотворительных заведений в Центральном Промышленном районе, автор скрупулезно проследил трансформацию этого заведения: из полутюремного — в заведение трудовой помощи, что произошло после передачи его из казенного управления в ведение города в 1892 г.

Обращение автора к истории возникновения института работных домов теоретически обосновано [11]. Дж. Брэдли напоминает, что «происхождение работ-

ного дома может быть отнесено к законам о бедных елизаветинской Англии. Этот институт был замыслен как метод наказания за бродяжничество и нищенство в то время, когда сельский пауперизм начал рассматриваться как социальная проблема, а отсутствие работы — как моральное оскорбление» (с. 429). Автор отмечает, что во всех странах в истории работных домов были более или менее репрессивные методы. Думается, что утверждение о том, что «помощь бедным в целом и работный дом в частности были барометрами, отражающими обширные перемены в социальном и культурном климате» (с. 430), справедливо и в отношении Англии, и в отношении России, что и прослежено автором на значительном материале Московского работного дома.

После передачи заведения в 1836 г. в ведение Комитета по разбору и призрению просящих милостыни помимо карательной функции (принудительный труд) оно стало выполнять благотворительную — предоставление приюта и работы для ищущих прибежища. И в этих изменениях (как и в возникновении в этот период близкой формы благотворительных заведений — домов трудолюбия) более отразились, как подмечает Дж. Брэдли, «благотворительные идеалы Александровской эпохи и бюрократических преобразований раннего Николаевского времени, нежели некие существенные перемены в природе этого заведения» (с. 430).

Очень интересны данные Дж. Брэдли о контингенте подопечных этого работного дома. Ежегодно в 1840—1890 гг. через него проходило от 2 до 5 тыс. выловленных на улицах бродяг и нищих. На рубеже веков это количество ежегодно составляло 15—20 тыс. человек. Большинство было сельского происхождения, однако три четверти жило в Москве не менее 2 лет. Более 50% призреваемых поступало с Хитрова рынка. Эти и другие подсчеты сделаны автором как по литературе, так и по данным Исторического архива г. Москвы, и впервые введены в научный оборот.

Автор описывает и работу, и досуг клиентов Работного дома. Сделать яркой и живой характеристику повседневной жизни призреваемых Дж. Брэдли удалось благодаря привлечению в качестве художественной иллюстрации очерка «Мытарство» Семена Подъячева. Кстати, этот очерк, появившись в «Русском богатстве», произвел впечатление не только на читающую публику, но и, как нам удалось установить, на городские власти, так что смотрителю Работного дома пришлось давать объяснения в городской управе по поводу своей деятельности [12].

Заслугой автора статьи является постановка широкой задачи исследования, особенно в связи с проблемой безработицы в Москве в целом и нехватки работы для многочисленного пришлого крестьянского элемента (в частности, эти проблемы были неотделимы от аграрного кризиса 1880—1890-х гг. и стремительной урбанизации России в конце XIX — начале XX в.). Более обстоятельно эти проблемы представлены автором в монографии «Мужик и москвич: урбанизация в поздний период Российской империи» [13].

Наиболее ценной для разработки темы является серия статей, написанных Адель Линденмайер, преподавателем университета Вилланова в Филадельфии. Это, в первую очередь, вышедшая в виде отдельной 64-страничной брошюры работа «Добровольные общества и российское самодержавие: аспект частной благотворительности» [14], где на примере благотворительных обществ и заведений раскрыта политика самодержавия в отношении самодеятельных объединений. Исследования А. Линденмайер отличает детальная проработка весьма трудоемкого материала. Подобно Д. Рэнселу и Дж. Брэдли, А. Линденмайер рассматривает проблему на длительном, но логически цельном историческом отрезке — от Екатерининского времени (а именно, введения Устава Благочиния в 1782 г., допустившего возможность возникновения самодеятельных объединений) до начала Первой мировой войны. Привлекательным моментом является то, что, будучи знакомой с большим числом опубликованных в России материалов по истории благотворительности, автор предпочитает выносить окончательное суждение только после обращения к первоисточнику, а именно к архивам Комитета министров и ряда отделов МВД из ГИА в Петербурге.

В работе «Добровольные общества и российское самодержавие» А. Линденмайер закономерно выделила несколько периодов во взаимоотношениях государства и все возраставшего числа добровольных организаций: правительственное регулирование благотворительности в дореформенный период; ослабление жесткого контроля и одновременно настороженность в отношении нового «духа самодеятельности» в 1860-е гг.; попытка модернизации законодательства о благотворительности в 1890-е гг., особенно в комиссии К. К. Грота.

Однако значительная часть работы (и это закономерно вытекает из материала) посвящена началу XX в., когда Манифестом 17 октября 1905 г. было даровано право свободы союзов, а Временные правила 4 марта 1906 г. об обществах, союзах и собраниях дали новые обоснования для деятельности добровольных объединений. В результате число их между 1906 и 1909 гг. достигло 4801 (с. 39).

Положительным моментом является синтез хронологического и проблемного подходов. Особо выделен автором аспект государственного контроля за частной благотворительностью. Новаторским является рассмотрение благотворительных объединений национальных меньшинств. По наблюдению А. Линденмайер, «спонтанное движение в деле организации благотворительных заведений и других самодеятельных объединений было столь сильным среди других этнических групп по сравнению с православными русскими, что оно быстро выскользнуло из-под правительственного контроля, а меньшинства пользовались бóльшими, чем русские, привилегиями и автономией в своей общественной жизни» (с. 28). Это и другие обстоятельства выражали тенденцию необратимости процесса национальной самоидентификации, что показано на примерах еврейской, польской и армянской общин. Деятельность национальных благотворительных союзов в известной степени маскировала сепаратистскую деятельность, только усиливавшуюся под влиянием политики русификации.

В заключение работы А. Линденмайер к месту приводит цитату из «Русской политики» Джорджа Кеннана, который писал в 1889 г.: «Вероятно, нет страны в мире, где политическая власть занимала бы более широкую область, играла бы бóльшую роль или затрагивала бы уединенную частную жизнь граждан во всех отношениях настолько, насколько это делается в России». Комментируя эту фразу, А. Линденмайер остроумно замечает, что «в течение ста лет этот образ вездесущего и всемогущего самодержавия был непременным» (с. 44). Тем не менее воссоздание истории организованной благотворительности показывает, что существовали сферы общественной инициативы, стоявшие в значительной степени особняком.

В статье «Русский эксперимент самодеятельности: городские попечительства о бедных. 1894—1914» [15] представлена история еще одного благотворительного института — участковых попечительств о бедных. Автор на московском материале освещает вопросы организации, деятельности и финансирования попечительств как органического российского учреждения, успешно заимствовавшего принципы немецкой эльберфельдской системы.

А. Линденмайер в начале статьи отмечает, что участковые попечительства о бедных представляли собой больше, чем просто эпизод в истории благотворительности (с. 429). Поддерживаемые местным самоуправлением, попечительства имели в своем штате исключительно добровольцев, и финансовые их средства составлялись из пожертвований. Важность изучения этого явления также в том, что оно дает возможность понять «до сих пор неясную проблему основы отношений образованного русского общества к бедности» (там же).

Возникновение попечительств о бедных было результатом «замеченного роста городской бедноты и нищеты, несоответствия существующей муниципальной помощи и неудовлетворенности благотворительностью», что «побуждало к поискам эффективного способа организации муниципального общественного содействия» (с. 431).

В свете приведенных высказываний интересны размышления автора о том, почему именно в Москве впервые возник этот тип благотворительных учреж-

дений. Линденмайер подробно восстановила ход дебатов в Московской городской думе и показала, почему первая попытка ввести в 1880-х гг. попечительства о бедных не дала результата. Только после усиления муниципального начала в управлении городом стало возможным устройство попечительств в 1894 г. Немалую роль сыграло то обстоятельство, что попечительства не представляли угрозы для ограниченного городского бюджета, поскольку в значительной степени обходились пожертвованиями состоятельных лиц, проживавших в пределах каждого попечительства.

Преимущество данной формы благотворительной помощи, как выяснила А. Линденмайер, было в том, что право на помощь имели только те, кто жил в Москве не менее двух лет, и таким образом, деятели попечительств надеялись, что «это предотвратит приток в Москву заслуженно и незаслуженно нуждающихся, как только весть о новой системе помощи достигнет соседних районов и губерний» (с. 435). Другой важной чертой механизма помощи было то, что каждое попечительство обязано было составлять список своих клиентов для последующей рассылки во все прочие попечительства и благотворительные заведения, чтобы исключить получение помощи бедняком в других местах и достичь справедливости в распределении благотворительных средств.

Для истории становления попечительства интересна позиция думской «Комиссии о пользах и нуждах общественных», возглавляемой профессором В. И. Герье, в вопросе о налоге на бедных. Комиссия Герье отклонила высказанную некоторыми гласными идею особого налога на бедных (что было наиболее гибким ходом в ситуации значительного роста населения Москвы за счет пауперизованного слоя пришлых) и оставила финансирование попечительств в большей части на пожертвования и членские взносы.

Удачный опыт московских попечительств о бедных вызвал появление их в других городах России. В основу этой деятельности были положены принципы, плодотворно реализованные в Москве. Попечительства о бедных имели свои удачи и промахи, однако их значение как инструмента помощи просвещенных горожан малоимущим и даже возникновения «чувства „единства“ среди людей всех слоев общества» (с. 449—450) было несомненным.

Следующая (по времени появления) статья А. Линденмайер «Благотворительность и проблема безработицы: дома трудолюбия в поздний период Российской империи» [16] тематически примыкает к указанному выше исследованию Дж. Брэдли. В контексте реализации в России идеи трудовой помощи как действенного средства борьбы с безработицей автор рассматривает модернизированную форму работных заведений — домов трудолюбия — в период с 1882 по 1917 г. Интересны параллели с аналогичными заведениями в западных странах.

В этой работе переплетаются теоретический и практический аспекты проблемы. Автор начинает свое исследование с вопроса об употреблении самого слова «безработица» в лексиконе образованного русского общества и пишет о том, что термин, впервые появившийся в академическом словаре только в 1891 г., активно стал применяться лишь к концу XIX в. Это запоздание объяснялось и тем, что «некоторые русские продолжали верить, что главным образом крестьянский характер страны защитит их от недугов, подобных безработице, от которой страдает капиталистический и урбанизированный Запад» (с. 1). Однако ситуация на рынке труда и занятости в России менялась очень стремительно.

Первые дома трудолюбия, тем не менее, возникли в России раньше, чем угроза безработицы общественному спокойствию стала очевидной. Эти учреждения были основаны по инициативе отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского) и видного чиновника Военно-морского министерства барона О. Буксгевдена. На 27-м году своего пребывания в Кронштадте о. Иоанн пришел к мысли, что в традиционной российской «привычке» к нищенству мало хорошего. «Его усилия по замене милостыни организованной приходской благотворительностью увенчались в 1882 г. созданием первого дома трудолюбия, посвященного памяти Александра II» (с. 7). Причиной веры барона Буксгевдена в эффективность трудовой помощи

было более непримиримое (чем у о. Иоанна), даже страстное неприятие нищенства и милостыни. Буксгевден оказал содействие о. Иоанну при создании дома трудолюбия в Кронштадте, а в 1886 г. стал инициатором открытия «Евангелического дома трудолюбия» при лютеранском храме в Петербурге.

Интересно раскрыты в статье психологические мотивы участия обоих деятелей в движении трудовой помощи. Различие в этих мотивах повлияло на возникновение двух отличных друг от друга моделей домов трудолюбия. Отец Иоанн по стилю поведения в своей деятельности был близок к традиционной русской благотворительности, «им двигала прежде всего жалость к несчастным». Хотя новое заведение по эффективности и целесообразности устройства (в нем были школа, столовая, ночлежный дом, детский приют и амбулатория) прославилось на всю Россию и стало одним из богатейших в империи благотворительных учреждений за счет пожертвований множества людей, включая царскую семью, «сам священник никогда не переставал подавать милостыню» (с. 8).

В действиях барона Буксгевдена под влиянием современных европейских идей трудовой помощи возобладало стремление ограничить бродяжничество среди мужчин-протестантов — обитателей дома трудолюбия не только заботой, но также карательными и исправительными способами, в первую очередь чтобы удержать их от пьянства и морального разложения.

Обе эти модели, благодаря организаторским способностям барона Буксгевдена, объехавшего с лекциями о домах трудолюбия провинциальную Россию, а также харизматическому образу отца Иоанна, в котором верующие православные нашли своего кумира, пришлись ко времени, и начиная с 1885 г. стала возникать целая сеть домов трудолюбия. В 1895 г. было образовано общероссийское «Попечительство о домах трудолюбия и работных домах (в 1905 г. переименованное в «Попечительство о трудовой помощи»), в 1897 г. начал издаваться журнал «Трудовая помощь».

Освещая практическую деятельность домов трудолюбия, А. Линденмайер приводит множество ярких и интересных фактов, характеризующих положительные и отрицательные стороны этого благотворительного института. Всесторонне раскрыты причины низкой эффективности заведений — большинство их обитателей (что отражено в годовых отчетах) «не имели интереса к труду, зато ощущали, что общество обязано кормить их и давать им кров» (с. 13). Серьезной проблемой был алкоголизм.

Среди выводов важен следующий: «возможности домов трудолюбия в деле улучшения работоспособности бедняков путем обучения их ремеслам и трудовым навыкам были сильно ограничены» (с. 20). Оказалась также иллюзорной поставленная цель изменения морали клиентов этих благотворительных заведений. Короче говоря, идея трудовой помощи столкнулась в России с теми же сложностями, через которые прошли аналогичные институты в Европе и Соединенных Штатах.

Цели и психологические мотивы благотворения рассмотрены в вышедшей в 1990 г. статье «Этос благотворительности в царской России» [17].

На обширном теоретическом и фактическом материале А. Линденмайер показывает, что этическими основами русской благотворительности явились, во-первых, православные идеалы, во-вторых, увлечение гуманистическими идеями, в-третьих, идея служения народу, осознанная русской интеллигенцией в пореформенный период. Именно накопление и синтез всех этих моральных качеств и вдобавок к ним восприятие западных принципов «научно организованной благотворительности» привели, как справедливо утверждается в статье, к взлету русской благотворительности на рубеже XIX—XX вв.

При рассмотрении православных корней благотворительности автор закономерно фокусирует внимание на вопросе о милостыне и использует метод сопоставления православия с западными ветвями христианства.

Христианская церковь рассматривала благотворительность как средство достижения морального обновления общества и личности. Однако, если «проте-

стантская и католическая церкви главенствующую роль играли в организации и улучшении механизма благотворительности, Русская Православная Церковь продолжала выделять личный, моральный характер подаяния» (с. 680). Подающий бедняку милостыню прихожанин имел перед собой достойные исторические примеры: от православных святых и благочестивых русских князей киевского периода до проповедников XVIII—XIX вв. Тихона Задонского и Иоанна Кронштадтского. Щедрая милостыня накануне Рождества и Пасхи была непременным атрибутом подготовки к празднику. А. Линденмайер отмечает, что и сами русские церковные лидеры «стремились противостоять или, по крайней мере, подвергнуть сомнению заимствование с Запада «научной филантропии» с ее акцентом на обследовании личности просителя и рациональной помощи» (с. 681).

Однако с конца XVIII в. наступает время бурных изменений в обществе, экономике и культуре. Влияние на благотворительность секуляризации русской культуры выразилось в том, что место патриархальных религиозных идеалов на протяжении XIX в. постепенно захватывают идеалы европейского гуманизма с его идеями общественной и моральной обязанности личности делать добро для других.

Влияние гуманизма доминировало в умонастроениях русского образованного общества дважды в течение полутора веков: первый раз в царствование Екатерины II и Александра I и второй — в эпоху Великих реформ, а точнее, в десятилетие, последовавшее за Крымской войной.

В первый период, как пишет А. Линденмайер, «масонское движение играло решающую роль в секуляризации и видоизменении благотворительности по отношению к низшим классам» (с. 683), и здесь велико было значение личности Н. Новикова, устроившего одно из первых благотворительных обществ в Москве еще в конце XVIII в. Идеалы братской любви и филантропии в целях улучшения общественного благоденствия стимулировали масонскую деятельность и в эпоху Александра I. Логически закономерна версия автора о взаимосвязи масонских благотворительных учреждений с образованием Императорского Человеколюбивого общества в 1816 г. Но, на наш взгляд, вопрос этот очень запутан, почти не изучен на современном уровне представлений и ждет исследователей.

Характеризуя второй период «увлечения гуманизмом», А. Линденмайер отмечает, что климат преобразований в эпоху реформ вдохновлял на служение обществу целое поколение молодых русских, так называемых «шестидесятников». В качестве представителя этого поколения в работе охарактеризована видная деятельница А. П. Философова с ее убеждением, что «помощь страждущим есть обязанность» образованного слоя.

Пореформенный период породил в русской публицистике целое направление, вышло множество сочинений по проблеме бедности, в том числе статистических, и постепенно «образованное общество начало воспринимать бедных, особенно городских, как особую субкультуру» (с. 686).

Конечно, в разных слоях общества психологические мотивы благотворения и понимания смысла благотворительности были разными, поскольку сама идея благотворительности была очень гибкой и «чувствительной к основополагающим ценностям...» Доводом для этого тезиса служит меткое замечание автора о том, что противоречия между смыслом и целью благотворительности в России отражали «одно из главных последствий современной урбанизации: столкновение между сельской точкой зрения, которая рассматривала бедных как привычную, не грозящую опасностью часть пейзажа, и городской точкой зрения, которая усматривала значительный повод для тревоги в скоплении большого числа лишенных средств к существованию, непредсказуемых (в поступках) скитальцев» (с. 689).

В статье «Этос благотворительности» А. Линденмайер, по нашему мнению, удалось всесторонне охарактеризовать с психологической и моральной точки зрения национальный стереотип благотворительности и доказать (даже в статье

небольшого объема), что благотворительность стала частью процесса русской национальной самоидентификации.

Эпоха 60-х гг., особое поколение молодых интеллигентов, заявивших о себе в этот период, стала темой следующей статьи А. Линденмайер — «Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ». Статья, написанная превосходным русским языком, вошла в книгу «Великие реформы в России. 1856—1874», выпущенную не так давно Московским университетом [18].

В этой работе показано появление независимого общественного мнения, нового гражданского сознания, воплотившегося в сфере благотворительности. Основываясь на документах Хозяйственного департамента МВД из ГИА в Петербурге, автор дает обильную статистику, показывающую динамику возникновения и распространения обществ в России в 1855—1880 гг. и делает вывод о колоссальном росте их числа в указанный период. Эти цифровые показатели отражали новые тенденции в политике самодержавия по отношению к частным обществам.

Однако до конца николаевского правления положение было совсем иным. А. Линденмайер удалось обнаружить факты о существовании необнародованного Высочайшего указа, которым царь налагал «запрет на все новые благотворительные общества. Официально он был отменен только в 1859 г.» (с. 286).

Немало стимулировал общественную активность в сфере благотворительности закон 1862 г., по которому обязательность Высочайшего разрешения при открытии каждого нового благотворительного общества была сменена правом утверждения уставов обществ министром внутренних дел. Комментируя движения и перепады правительственной политики, автор замечает, что «царский режим терпимо относился к общественным акциям и инициативам, иногда даже поощрял их, но лишь постольку, поскольку это облегчало бремя государственных расходов в такой относительно второстепенной, по мнению правительства, области, как помощь нуждающимся и нищим» (с. 289).

На наш взгляд, чрезвычайно интересны разделы статьи А. Линденмайер, содержание которых отражено в подзаголовках: «Дух филантропии: поколение шестидесятников» и «Благотворительность и полемика 60-х годов». Здесь даны живые характеристики деятелей благотворительности, вышедших из поколения «шестидесятников»: А. П. Философовой, юриста П. Н. Обнинского и историка В. И. Герье. На конкретных эпизодах из жизни этих замечательных личностей автор попытался определить место филантропии в либеральных и радикальных концепциях.

А. Линденмайер также выделяет главные черты журнальной полемики 60-х гг., в которой участвовали «защитники как личной, так и организованной филантропии; одни на первый план выдвигали ее моральное значение, другие — утилитарное» (с. 294). К чести автора следует сказать, что А. Линденмайер удалось проникнуть в суть споров и в обобщающем выводе отметить: «Если принять во внимание состав участников всех этих дискуссий, то нетрудно предположить, что по существу речь в них шла о гораздо более широких и принципиальных проблемах. Прыжов, Чернышевский, Ткачев и другие радикалы, осуждавшие подаяние, считали, что для устранения бедности необходимы коренные социально-политические перемены, а не устроение благотворительных обществ. В то же время Страхов и Достоевский, отталкиваясь от проблемы раздачи милостыни, развивали идеи о природе добра, о русском характере» (с. 296).

И дискуссии, и практика благотворительности в конечном счете способствовали появлению более зрелых форм самоорганизации общества.

От отдельных эпизодов, характеризующих роль женщин в истории благотворительности. А. Линденмайер перешла к более широкому исследованию темы. Работая в столь плодотворном историческом направлении, каким в последние десятилетия является «women history» (история женщин), Линденмайер рассмотрела актуальный аспект включения женщин в общественную жизнь через деятельность в традиционной для них сфере помощи бедным в статье «Общественная

жизнь и личная добродетель: женщины в русской благотворительности. 1762—1914» [19].

Проблема эта, несмотря на ее научную и общественную значимость, до сих пор не получила должного освещения в современной русистике, предпочитающей, как отмечает автор, изучение радикальных женских — феминистских и революционных — организаций. Примечательно, что автор исследует тему шире, чем она заявлена в названии, обращая внимание на деятельность женщин не только саму по себе, но и как на индикатор процессов, происходящих в политической и общественной сферах. Линденмайер пишет, что цель статьи — доказать, что «благотворительная работа давала женщинам возможность играть ключевую... роль в развитии гражданского общества в самодержавной России» (с. 563).

В данной статье автор, не отходя от академического стиля, создает галерею историко-психологических портретов русских женщин, ставших образцами благочестия и самоотверженности в деле выхаживания больных, посещения тюрем и поддержки бедняков: блаженной Ксении Петербургской, княжны Марии Дондуковой-Корсаковой, вел. княгини Елизаветы Федоровны, Александры Стрекаловой, купчихи М. А. Гарелиной, графини С. В. Паниной и др. В некоторых семьях, как пишет автор, существовала традиция устраивать и опекать собственные благотворительные заведения. Например, Софья Щербатова была организатором Московского дамского попечительства о бедных, а ее дочь, княгиня Ольга Голицына, основала в 1866 г. в Москве Убежище Св. Марии Магдалины. При создании образов женщин-благотворительниц автор корректно привлекает материал из классической литературы и сюжетов русской реалистической живописи.

В один ряд с упомянутыми выше деятельницами А. Линденмайер ставит жен декабристов, которые «посвятили себя не только уходу за своими осужденными мужьями, но также широкой благотворительной работе среди каторжников и местного населения» (с. 566). По мнению автора, заслуга «декабристок» в том, что они «навели моральный мост для женщин между традиционным религиозным служением и прочими независимыми общественными поступками для того, чтобы изменить общество» (с. 567).

Русские женщины основали множество благотворительных обществ и заведений. Важным фундаментом женской благотворительности А. Линденмайер считает законодательно подтвержденное право на владение собственным имуществом независимо от брачного статуса и несмотря на то, что русские законы ограничивали личную свободу женщин во многих отношениях (требовалось, чтобы жены не жили отдельно от мужей; женщины могли работать или путешествовать только с разрешения мужа). Однако, как отмечено автором, вопрос о том, как женщины использовали свои имущественные права, принимая решения о пожертвовании денег или земельного владения на нужды благотворительности, надлежит еще серьезно исследовать.

Прослеживая тенденции становления гражданского общества в России, автор характеризует этот процесс в рамках исследуемой проблемы как выход на общественную арену, где прежде царила аристократическая элита, так называемых «эмансипированных» женщин. Этот процесс определялся развитием высшего женского образования в стране. К тому же, и сами женские благотворительные заведения «создавали новые возможности для карьеры и профессиональной подготовки женщин» (с. 575). Уже к концу XIX в. женские организации начали сочетать благотворительность с взаимопомощью. Если в Германии и Франции женские благотворительные учреждения сосредоточивались на том, чтобы научить женщин из рабочей среды быть хорошими женами, матерями и домохозяйками, то своеобразие подобных российских институтов заключалось в том, что женщины решали путем взаимопомощи свои собственные проблемы: девочкам давали образование и профессиональное обучение, работающим матерям — помощь в уходе за детьми, пожилым бездомным вдовам, самостоятельным женщинам и женщинам-служащим предоставляли рабочее место или приют на выходные дни.

Широкое участие женщин в разных областях благотворительного движения было ярким и позитивным моментом в формировании гражданского общества, однако, как пишет автор, в контроле над благотворительным движением доминировали мужчины.

Проявленные профессиональные навыки и организаторские способности женщин не были востребованы за пределами узкой сферы благотворительности. Даже после революции 1905 г. «женщины продолжали быть отлученными от участия в политике на местном и национальном уровнях» (с. 586—587).

Анализ имеющейся литературы свидетельствует о глубокой проработке американскими коллегами некоторых частных аспектов истории русской благотворительности. В целом их можно сгруппировать по трем направлениям: история отдельных заведений; социально-психологические особенности практики благотворительности; роль женщин в филантропии. Фрагментарность же этих исследований очевидна и закономерна, поскольку изучение проблемы находится на начальной стадии.

Примечания

[1] Краткий словарь иностранных слов. М., 1951. С. 419—420; О ж е г о в С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 45.

[2] Б о х а н о в А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; Щ а п о в Я. Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию//Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. См также серию статей автора данного обзора.

[3] J o r d a n W. K. Philanthropy in England. 1480—1660. A study of the changing pattern of English social aspirations. L; & N. Y., 1959; 2nd ed. Westport, 1978; l d e m. The Charities of London. 1480—1660; L.; N. Y., 1960; l d e m. The Charities of Rural England. 1480—1660. L.; N. Y., 1961.

[4] Эта точка зрения конспективно изложена в статье: J o r d a n W. K. The English Background of Modern Philanthropy//American Historical Review. Vol. 66. № 2 (January 1961). P. 401—408.

[5] M a d i s o n Bernice Q. Social Welfare in the Soviet Union. Stanford: Stanford University Press, 1968.

[6] R a n s e l David L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988.

[7] См. рец. И. В. Карацуба и О. Б. Мельникова: Вопросы истории. 1990. № 9. С. 178—180.

[8] Это было подтверждено законом от 22 марта 1904 г. См.: ПСЗ III. Т. XXIV. № 24253 «Высочайше утвержденные положения о Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства в составе МВД».

[9] ПСЗ III. Т. XXXIII. № 39446.

[10] B r a d l e y Joseph. The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia//Russian Review. Vol. 41. № 4 (October 1982). P. 427—444.

[11] В отечественной историографии на эту тему статья Мещеряковой Н. М. «Работные дома в Англии первой пол. XVIII в.//Проблемы британской истории. 1972. М., 1972. С. 224—251. Из обобщающих работ следует назвать монографию М. А. Кроузера «The Workhouse System. 1834—1929. The History of an English Social Institution» (Cambridge: Methuen, 1981).

[12] ЦИА г. Москвы, ф. 179, оп. 57, д. 1167.

[13] B r a d l e y Joseph. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; L., 1985.

[14] L i n d e n m e y r Adele. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh: University of Pittsburgh Center for Russian and East European Studies. 1990.

[15] I d e m. A Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894—1914//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Band 30. Wiesbaden, 1982. S. 429—451.

[16] I d e m. Charity and the Problem of Unemployment: Industrial Homes in Late Imperial Russia//Russian Review. Vol. 45. (1986). P. 1—22.

[17] I d e m. The Ethos of Charity in Imperial Russia//Journal of Social History. Vol. 23. № 4 (Summer 1990). P. 679—694.

[18] Л и н д е н м а й е р А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ//Великие реформы в России. 1856—1874/Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 283—300.

[19] I d e m. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762—1914.//Signs: Journal of Women in Culture and Society. 1993. Vol. 18. № 3 (University of Chicago). P. 562—591.

© 1995 г. ДОН К. РОУНИ*

УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ В РОССИИ. АВТОНОМНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

«Пути общественного развития страны, — пишет американский исследователь К. Дуглас, — связаны в значительной степени с особенностями ее истории. Мы не можем понять разнообразия сегодняшних альтернатив (и определить их при моделировании экономики на основе теории игр) без изучения поступательного развития общественных заведений»[1].

Предмет и проблематика статьи. Темой этого исследования является вопрос о существовании опосредованной Российским государством фундаментальной преемственности между дореволюционным и послереволюционным периодами истории промышленной администрации. Постановка вопроса предполагает принципиальное согласие с тем, что после 1917 г. роль государства в национальной экономике возросла по сравнению с дореволюционным периодом. Установлена внушительная и все расширявшаяся роль государства в экономической политике в периоды Первой мировой, Гражданской войн и в ходе сталинских пятилеток. Главный вопрос, поставленный в предлагаемой работе, сосредоточен на государстве и его институтах власти как инициаторов и контролеров промышленного развития перед 1914 г. Изменила ли революция 1917 г. и ее политические программы роль государства, или поведение государственных организаций перед 1914 г. было сохранено и послужило основой послереволюционных процессов?

Поставленная проблема подразумевает в своем решении наличие альтернативы: или особый «русский» путь, или побежденная военным временем и радикальными крайностями роль государства в индустриализации, отличная от большевистской программы государственного капитализма. Если так, то предлагаемая читателю работа подразумевает наличие момента поиска и ответа на этот вопрос в ходе первой стремительной индустриализации России непосредственно перед Первой мировой войной.

Подход западных ученых к этому вопросу наиболее полно представлен работами Александра Гершенкрона и его критиков. Рассмотрим проблему роли государства и его влияния на экономическое развитие России, опираясь на данные о национальном доходе дореволюционной России и другие материалы. Главной целью этого раздела является рассмотрение того, насколько велико участие Российского государства в промышленном развитии дореволюционной России по сравнению с послереволюционным периодом.

Зарождение государственно-экономического контроля: аргумент. Взгляды Гершенкрона и других экономистов на связь государственной администрации и российской промышленности способствовали осознанию уникальных и постоянно повторяющихся явлений российского варианта развития. Используя уже известные данные, я постараюсь продемонстрировать синтезированный подход ко взглядам на роль государства в индустриализации России. Я разделяю положение Гершенкрона о важной роли государственных организаций в индустриализации России. Вместе с тем меня интересует степень влияния государства на экономику.

Я использую слово «автономное» (государство) для того, чтобы подчеркнуть, что во второй половине XIX в. были «силы» (индивидуумы, официальные группы, организации) внутри государственного аппарата, которые стремились расширить роль государства в промышленном развитии. Гершенкрон трактует государство как промежуточную переменную, которая зависит от некоторых макроэко-

* Роуни Дон К., профессор университета Боулин Грин (США).

номических и макрополитических сил, направлявших Россию на экономическую модернизацию, и вместе с тем влияет на них. Литература, на которую я ссылаюсь и которую анализирую ниже, напротив, рассматривает государство как политическое учреждение, лишь частично и часто поверхностно реагировавшее на названные переменные, прежде всего на свою собственную внутреннюю политическую, социальную и экономическую динамику.[2]

Таким образом, вывод Гершенкрона о «великих переменах взглядов» на роль государства в период после революции 1905 г. в результате роста частного предпринимательства представляется нам неверным[3]. Второе важное заключение состоит в том, что, рассматривая модели развития России перед 1914 г., мы легче можем экстраполировать выводы на организацию государственного экономического контроля после революции 1917 г.

Перспективы русской индустриальной администрации. Как показывает опыт по крайней мере одного поколения исследователей, специализирующихся по истории России, проблема преемственности неизбежно вызывает пересмотр научного наследия одного из крупных теоретиков XX в. в области исторических катаклизмов — А. Гершенкрона. Два его очерка, посвященных вопросам преемственности и прерывистости, не говоря о его выдающемся вкладе в разработку эмпирических источников проблемы, утвердили его авторитет в изучении частностей и длинных циклов российской истории[4]. Критика и попытки переоценки его исследований и эмпирических открытий, предпринятые после смерти ученого, далеки от преуменьшения важности его вклада в разработку проблемы[5]. Фактически его труды одинаково используются как специалистами по истории политики и общества, так и исследователями экономической истории. Хотя его исследования и примеры касаются в основном аспектов экономической истории, тем не менее выводы ученого отличаются глубиной и в области политической, социологической и других областей научного знания[6].

Для Гершенкрона вопрос преемственности в российской действительности дореволюционного и послереволюционного развития решен. Доказательством являются его замечания о том, что «советская эволюция могла бы быть рассмотрена как специальный случай внутри основной модели европейского экономического развития»[7]. Он сравнивает две основные официальные сельскохозяйственные реформы XX в., связывая их с опытом индустриализации. Он замечает, что «целью советской коллективизации... было приспособить российское сельское хозяйство к обслуживанию рывка индустриального развития, беспрецедентного как по длительности, так и по напряженности. Напротив, столыпинские реформы появились после рывка индустриализации, который уже подошел к концу. Именно эта последовательность предопределяет фокус столыпинских реформ»[8].

Три важных следствия вытекают из подхода Гершенкрона к периодизации и уяснению связи между Российским государством и русским общественно-политическим развитием. Во-первых, он был склонен трактовать советскую политику индустриализации как следствие по сути тех же социально-экономических сил, которые вызвали появление в XIX в. программ царских министров Вышнеградского и Витте. Во-вторых, эта интерпретация позволяет Гершенкрону понять роль государства: оно формирует экономическую политику и создает экономические организации, реагирует на экономические, политические и социальные потребности общества, оно и зависит от них. Гершенкрон даже усматривает связь между аграрной политикой Столыпина и Сталина. В-третьих, несмотря на тенденцию расценивать российскую и советскую индустриализацию как части более общей модели экономического развития, Гершенкрон не трактует роль государства как систематически расширяющуюся. Напротив, он считает, что в период 1907—1914 гг. государственное вмешательство в промышленное производство было минимальным[9].

Характеризуя советскую индустриализацию как особый случай в европейском развитии, Гершенкрон отмечал, что по сравнению с европейской она отличалась

в темпах и характере промышленного развития, которые «были в значительной степени результатом использования институциональных инструментов, у которых почти или совсем не было аналогии в развитой индустриальной стране...» [10]. Он обратил внимание на факт уникального использования институциональных инструментов в российском варианте еще в эпоху Петра I [11]. Более того, не приводя доказательств в подтверждение этого положения, он заявлял, что в 80-е и 90-е гг. XIX в. «роль государства достаточно ясно определяет различия между типом российской индустриализации и ее аналогий в Германии и Австрии» [12].

Многоаспектное осмысление Гершенкроном особой роли государства и его устройства в России включает примеры основных событий в административной и юридической сферах, предшествовавших индустриализации, среди которых: освобождение крестьян (событие, нацеленное на устранение препятствий, которые ранее были созданы самим же государством) и великие реформы 60-х гг. — судебная и административная (скорее, позитивная попытка создать основу, необходимую для промышленного развития, чем прямое ему содействие) [13]. Величайший рывок в промышленном развитии России, по мнению Гершенкрона, непосредственно связан с беспрецедентным размахом строительства железных дорог. Возмещение капитала требовало создания правительственного аппарата и особой налоговой политики. «Все внимание государства было сосредоточено на производстве основных промышленных материалов и машинного оборудования... заинтересованность правительства в индустриализации была предопределена его военной политикой. Эта политика лишь усиливала и подчеркивала основные тенденции индустриализации в условиях экономической отсталости» [14]. Гершенкрон ссылается на «основные закономерности» («basic uniformities») в этой ситуации и на «зависимость существующих институционных инструментов, используемых в условиях отсталой страны в сравнении, скажем, с Венгрией и Австрией» [15]. Не завися от типа политического режима (а в российском варианте сохранялась отсталость), «основные закономерности» заявили бы о себе: «Советское правительство могло бы поддерживать свои силы лишь в случае успешного убеждения людей в том, что оно выполняет важную социальную функцию, которая не могла бы быть осуществлена без него. Индустриализация и обеспечивала такую функцию советскому правительству...» [16]. «Если бы все силы народа могли быть включены в процесс индустриализации и если бы эта индустриализация могла быть оправдана обещаниями счастья и достатка для будущих поколений и, что важнее всего, угрозой военной агрессии... власть диктаторского государства оказалась бы непоколебима» [17].

Теория Гершенкрона: критика и дополнения. Основная критика понимания Гершенкроном непрерывности экономического развития России была сведена в западной историографии к его пониманию дореволюционной программы индустриализации Витте и Вышнеградского и правительственной политики с ее экономическими последствиями. Советские критики сосредоточили внимание на проблемах т. н. «государственного капитализма», игнорируя частное предпринимательство [18].

Позиции Гершенкрона по вопросу о роли государства в индустриализации наиболее явно противостоит точка зрения Аркадиуса Кагана. Хотя Каган соглашался, что «индустриализация в России была постоянной целью государственной политики начиная с 1880-х гг. и являлась одним из сравнительно важных приоритетов», он полагал, что, «если бы некоторых недостатков государственной политики удалось избежать, процесс индустриализации в России пошел бы гораздо более высокими темпами, и она обошлась бы российскому обществу значительно дешевле» [19]. По его мнению, в целом роль государства в этих процессах была более чем мала [20]. Вместе с тем важным для нас является то, что Каган признает заинтересованность правительства в банках, контролируемых государством, сокращение инвестиций («государство выступало как конкурент по отношению к

инвестиционным фондам») и плохое управление золотым запасом, но не оставляет в своем анализе места для государства как института [21].

Другие авторы оценивают взгляды Гершенкрона на роль государства с различной степенью критичности. Питер Гатрелл, например, поддерживает его идею о «крутом повороте» («volte face») в процессе зарождения частных российских фирм, когда по окончании русско-японской войны начался процесс перевооружения. В своем исследовании он значительно корректирует концепцию Гершенкрона, документально иллюстрируя роль Морского министерства [22]. Большое место отводит роли государства в России Ольга Крисп в своей «Модели индустриализации в России». Однако она во многом возражает Гершенкрону в вопросе о последствиях государственной политики, включая и его характеристику масштабов и структуры частной промышленности, уменьшения роли государства в экономическом развитии после 1908 г. [23] Пол Р. Грегори рассматривает в системе некоторые заявления Гершенкрона по поводу влияния государственной политики на крестьянство и общей оценки экономического развития России в свете впечатляющей совокупности эмпирических данных, которые он собрал. В целом Грегори приходит к выводу, что Гершенкрон переоценил своеобразие российского варианта развития [24]. Он, в частности, замечает, что мысль Гершенкрона о том, что рост инвестирования промышленного развития был «оплачен» крестьянством, не подкреплена фактическим материалом. Данные же, наоборот, показывают, что в то время как инвестиции действительно увеличивались, падение крестьянских доходов не было столь очевидным [25]. Подобным же образом Стивен Л. Хох обнаруживает, что на ранних этапах государственная политика, нацеленная на мобилизацию труда и капитала для индустриализации посредством освобождения крестьян, была серьезно подорвана на практике [26]. Безусловно, этот вывод в огромной степени оспаривает то значение, которое Гершенкрон придает как раскрепощению крестьян, так и роли государственных институтов.

И. Н. Олегина в обзоре работ западных авторов по проблемам российской индустриализации проявляет слишком преувеличенное внимание к независимой роли частного предприятия в условиях развивающегося государственного капитализма [27]. В. Я. Лаверычев также видит непрерывный рост государственно-монополистических тенденций в пореформенное время — взгляд, во многих аспектах созвучный исследованиям Ленина о природе российского капитализма, опубликованным намного раньше [28].

В историографии интенсивно разрабатывается точка зрения о большой роли частного предпринимательства в России XIX в. Альфред Дж. Рибер обращает внимание на постоянное участие государства в делах российского купечества на протяжении всей эпохи индустриализации [29]. В своем большом исследовании развития «национального» аграрного рынка в XIX в. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов постоянно ссылаются на непреходящую роль государства и его институтов [30]. В работе Якоба Метцера, посвященной железнодорожному строительству, государство, выступающее в роли созидателя инфраструктуры и администратора, занимает одно из центральных мест [31]. Э. Р. Голдстайн, Гастон В. Римлингер и Джордж Яни особо подчеркивают влияние государственных чиновников и их организационных структур на масштаб, темп и детальный ход российской индустриализации [32].

Период, непосредственно предшествующий Первой мировой войне и революции 1917 г., Гершенкрон назвал «крутой перелом» («great volte face»), когда государство предположительно сдало свои позиции. Тем не менее в исследованиях Питера Гатрелла, а также в сборнике под редакцией Роберта У. Дэйвиса указывается на то, что роль «рычагов индустриализации» — тарифов, налогов, государственного бюджета и государственных банков — была значительной [33]. Во время Первой мировой войны, гражданской войны в России — новейшей европейской истории, начали бурно расти государственные органы по контролю над экономикой и производством. Так, в России можно указать на Особые совещания

по обороне, Совещание по металлургии, зерновую монополию и другие новые институты.

Эти новейшие критики Гершенкрона привносят много нового в исследуемую проблему. В частности, воспринято положение о том, что государственная экономическая политика в определенном систематическом смысле зависела от социальных, политических и экономических факторов в России и за рубежом: государство ставило своей целью служить интересам развития общества, даже если методы достижения этого были неэффективны.

Альтернативная точка зрения: автономное государство. Одна альтернативная концепция взаимоотношений между Российским государством и развивающейся национальной экономикой до Первой мировой войны зависит от понимания того, как правовые структуры государства, сложные социальные организации могут действовать в своих собственных интересах без всякого служения интересам широкого общества или хотя бы высших органов государства. Такой взгляд на государство не нов. Однако пытаясь кратко определить такую государственную власть, я в большой степени основываюсь на выводах исследователей, не являющихся специалистами по истории России или СССР, но чьи недавние работы внесли значительный вклад в общую историографию. Это — специалисты по исторической социологии Майкл Манн [34] и по экономической истории Дуглас С. Норт [35].

Манн характеризует государство через термины политической географии и власти. Исторически государства заявили о своей власти (суверенитете) через свое конкретное расположение (политическая география) и сделали это с различной силой и произволом (деспотическая власть)[36]. Начало промышленной эры представляется Манну как водораздел в развитии государственной власти, так как из-за «показательного» пути («exponential» way) технология расширяет проекцию этой власти по всему географическому пространству [37]. До индустриализации, пишет он, «инфраструктуры власти с началом промышленной революции двигались вперед большими скачками. Промышленный капитализм разрушал „территориально федеральные“ общества, заменяя их национальными государствами, на всей территории которых мог распространяться единый контроль и органы надзора. Организационное пронизывание территории экспонентно усилилось в последние полтора столетия»[38].

В схеме Манна государственные институты в собственных интересах распространили и углубили свой контроль над географическими зонами, зависящими от имеющейся в распоряжении технологии. С началом индустриализации государственные интересы все более оформлялись в зависимости от того, как технология расширяла свое могущество через международную конкуренцию (например, Англия против Франции или Германии), но и как технология могла бы воздействовать на способность государства осуществлять верховную власть на территории в пределах своих границ.

Эти два аспекта — усиление военной мощи и распространение внутренней верховной власти — не идентичны, особенно в истории Российского государства. По мнению Гершенкрона, в России к нуждам национальной обороны всегда взывали как к оправданию экономического недостатка и политического избытка. Но здесь акцент Гершенкрона частичный. Понятно, что политика, направленная на оборонное могущество, способствовала и мощи государства и, поскольку она увеличивала число и влияние государственных институтов, имела некоторые привлекательные стороны. Однако, как замечает Манн, эта польза не ограничивается одной обороной. Действительно, промышленная технология служит росту силы государства лишь косвенно в случае обороны, что дало основание продолжающимся и сейчас спорам среди политологов: оказывают ли «инвестиции» в оборону прямое влияние на реальный экономический рост. Но в случае развития административной, материальной и информативной инфраструктуры, поддерживающей осуществление контрольных функций верховной власти, государ-

ственные институты могут быть обслужены напрямую. Одним словом, усиление государственного контроля над всеми национальными богатствами и расширение силы государственных институтов одновременно отвечают интересам государственных служащих всех государственных органов, а не только тех, которые связаны с обороной. «Если соединить вместе насущные потребности, сложность их реализации и территориальные масштабы централизованного государства, мы в принципе можем объяснить его автономную власть. Посредством этого государственная элита располагает независимостью от гражданского общества, которое, хотя и не является абсолютным, в принципе не менее абсолютно, чем власть любой другой группы. В результате мы можем относиться к государствам как к актерам, что находит воплощение в государственных элитах, стремящихся к власти...»[39].

Инфраструктура и ресурсы играют ключевую роль в историческом процессе обретения или утраты государством власти. В свете того, что с политической карты мира исчез СССР, любопытно звучат идеи Манна, высказанные еще в начале 80-х гг. по поводу возможного перехода государственной власти от центра к национальным государствам, построенным на капиталистической экономике: «Если государство теряет контроль над ресурсами страны, они растворяются в гражданском обществе, что приводит к децентрализации и распаду территории государства. Действительно ли начинается этот процесс в современном капиталистическом мире (с ростом многонациональных корпораций, когда нарастает увядание двух процветающий стран-гегемонов — Великобритании и США)? — один из наиболее горячо обсуждаемых вопросов в современной политической экономии»[40].

Используя в аргументации самую простую терминологию, Манн заявляет, что необходимо рассмотреть возможность того, что промышленное развитие, наиболее важный фактор развития инфраструктуры, в основном должно было служить внутренним интересам государственного аппарата. Этот аргумент означает, что понимание Гершенкроном государства, использующего оборону для большого политического контроля, несмотря на его недостатки, несколько ближе к истине, чем его другая идея, что при последнем царе государство смогло внезапно изменить свою сущность и вернуть ресурсы гражданскому обществу («крутой поворот»). Такой неожиданный и решительный поворот, по теории Манна, мог быть произведен лишь посредством беспрецедентного официального самоотрицания или насильственного лишения богатств.

Точка зрения, что государство имело своекорыстный интерес в отношении роста и развития экономики, которые до этого были недооценены в России, имеет несколько интерпретаций. Государственные служащие (военные и гражданские) могут быть скорее рассмотрены как рычаги организационного роста, что обусловлено их стремлением сохранить и приумножить свои карьеристские интересы, а также для самовыживания. Равным образом в них можно видеть людей, избранных и социализированных в рамках государственной службы предыдущими поколениями служащих, обладавших опытом и вовлеченных в осуществление карьеры организационным ростом. Если эти характеристики действительно доминировали в среде российского чиновничества, мы легче могли бы понять преемственность взаимоотношений между последним поколением царской России и первым советским поколением. Многие представители старого служилого класса и существенная часть государственных административных структур преодолела революционный барьер и выжила в условиях новой российской бюрократии в 20-е гг. Разумно предположить, что их склонность к решению проблем развития посредством государственных организаций сохранилась вместе с ними.

Нам предстоит оценить макроэкономические и организационные фактические данные периода, предшествовавшего Первой мировой войне, чтобы понять, насколько они подтверждают предположение, что общественное развитие России главным образом обслуживало государство. Было бы полезно расширить этот аргумент в пользу своекорыстности интересов государства в свете исследования

другого специалиста, Дугласа С. Норта. Его точка зрения отлична от мнения Манна. Прежде всего отметим, что в работах Норта главным является вопрос: «Почему различные общества представляют различные типы экономических систем и, в особенности, почему эти системы часто так различаются по продуктивности?» Например, сравнение Мексики и США приводит к заключению, которое выходит за рамки традиционной политэкономии. С точки зрения разума, с позиций классической и неклассической экономической теории, следовало бы ожидать, что обе экономики сблизятся по степени продуктивности, так как свободный рынок и очевидная цена регулируемого рынка заставляют малопродуктивное производство имитировать более высокопродуктивное в течение долгого времени. То, что эти экономики до сих пор не стали одинаково продуктивными, требует объяснения, которое Норт формулирует в терминах групп неэкономических переменных, сплетенных в крепкие сети социального поведения. Норт называет эти связи заведениями.

Институты, по мнению Норта, существуют во времени и представляют решение обществом постоянных проблем обмена: «...Заведения включают все формы принуждения, которые человечество изобрело с тем, чтобы оформить человеческое взаимодействие... они... являются теми границами, внутри которых помещаются человеческие взаимоотношения... они совершенно аналогичны правилам игры в соревновательных командных спортивных играх...» [41]

Влияние заведений на относительную экономическую продуктивность, с точки зрения которой они анализируются, можно рассматривать в нескольких плоскостях, в том числе с позиции обложения общественного обмена, контролируемого этими заведениями, более высокими или более низкими налогами. Норт называет эти налоги деловой стоимостью [42]. Приведенные виды обмена могут быть относительно бесплатными, или они могут увенчаться необычайно высокой деловой стоимостью, зависящей от институционным рамок, в которых они производятся.

Члены общества могут (но необязательно) образовывать организации, чтобы иметь дело со специфическими проблемами или возможностями, предоставленными институционными структурами. «Организации включают политические органы... и органы образования (школы, университеты, центры профессионального обучения)» [43]. Это группы индивидуалов, связанных некоторыми общими целями в достижении глобальных перспектив. С помощью моделирования организаций осуществляется анализ структур управления. Кому бы ни принадлежали организации — государству, частным предприятиям, церкви или группам частных лиц, они должны формироваться так, чтобы действовать в заданных институционных рамках, где едва ли можно ожидать изменений. Структурное взаимодействие между отдельными лицами, организациями и институтами, длящееся во времени, есть нечто, о чем Норт говорит как о «зависимости путей».

Заметим, что высокий уровень производительности не является обязательным компонентом самоподкрепляющего поведения в «зависимости путей». Действительно, Норт отмечает (по всей видимости, верно), что на протяжении всей истории как организационная структура, так и организационный состав существовавшего общества способствовали низкой производительности, выдвигая на первый план распределение относительно ограниченных ресурсов [44]. «Растущая отдача, характерная для первоначального набора заведений, которая не создавала побудительных мотивов для производственной активности, создаст организации и социальные группы, делающие ставку на существующее принуждение. Они сообразуют государственное устройство своим собственным интересам. Субъективные умственные построения действующих лиц будут способствовать развитию идеологии, которая не только рационализирует структуру общества, но и объяснит его недостатки. В итоге экономика будет содействовать политике, которая усиливает существующие побудительные мотивы и организации» [45].

Кроме привлечения многих теорий «зависимости путей» и «стоимости обмена», расширяющих наше понимание государственных организаций, Норт отводит большую роль государству и его организациям в социальном обмене. Хотя институты обеспечивают основу — формальные и неформальные правила игры — для социального обмена, нет никаких гарантий, что эти правила будут соблюдаться. Это создает проблему принуждения (закон, обычай), разрешение которой для более или менее простых обществ или в случаях относительно простого обмена принуждения не представляет особой трудности. Но по мере того, как общества и формы обмена усложняются, нарастает необходимость беспристрастного принуждения, которая все более повышает значение инструмента этого принуждения, третьей стороны — государства [46].

Этот момент возвращает нас вновь к идеям Манна. С его точки зрения, увеличение государством ресурсов, включая физическую инфраструктуру, информационные системы и организации, усиливает его власть соотносительно с другими сегментами общества. Он говорит об этом так: «Инфраструктуры власти осуществили скачок вперед с началом промышленной революции». По мнению Норта, усиление инфраструктуры в процессе экономической модернизации, даже при достижении его посредством независимого частного развития, открывает эгоистичную роль государства. При этом Норт не считает, что эта роль заключается в способах поведения, которые формируют или направляют институты и которые можно значительно изменить в любом пункте.

В каждой из этих теорий мы можем распознать относительно обстоятельные и аргументированные разработки вопросов, задаваемых А. Гершенкроном: какова природа институциональной (т. е. организационной) роли государства? Как сознание военной угрозы содействует государственной власти? Какова преемственность между Российским государством и экономическим развитием в до- и послереволюционный периоды? На чем основывается вывод о том, что государство внезапно ограничивает масштаб своего контроля (крутой поворот после 1905 г.)?

Заведения, государственные организации и экономическое развитие в России: оценка в свете фактов. Сейчас у нас имеются достаточные теоретические основания полагать, что государство могло быть вовлечено в процесс индустриализации до 1917 г. так, как это было после революции. Для анализа исторических фактов предлагаю использовать вышеизложенные концепции Гершенкрона, Манна и Норта. Эти факты резюмируют в общих, но достаточно подходящих терминах ключевые характеристики отношений государства к экономическим переменам в России в эпоху последнего дореволюционного поколения. Используя терминологию Норта, мне хотелось бы задать вопрос, подтверждают ли факты вывод, что организации Российского государства принимали активное участие в индустриализации в ответ на тот контроль, который осуществляли над ними институты бюрократии? Положительный ответ на этот вопрос подразумевает, что традиции и характер российских бюрократических заведений оказывались в процессе индустриализации более важными, чем, скажем, растущая продуктивность, потребление или даже оборона; положительный ответ также склоняет нас к видению роли государства до 1917 г. как господствующей, а это, в общепринятом понимании, является наиболее четко выраженной ролью государства в индустриализации после 1917 г.

Благодаря усилиям Пола Р. Грегори, мы имеем обстоятельное представление не только о деталях реальных темпов внутреннего экономического роста по годам, но и о связи наибольших колебаний национального дохода и трех макроэкономических компонентов национального экономического развития [47]. Это — потребление, инвестиции и государственные расходы, факторы, которыми оперируют не только экономисты, но и специалисты по политической или «стратегической» истории международных отношений и развития [48].

Таблицы 1 и 2 синтезируют данные, представляющие аспекты внутреннего экономического роста за 1885—1913 гг., собранные Грегори. Необходимо за-

Таблица 1

Распределение национального дохода России по основным экономическим показателям (млн. руб.)

Год	Государство	Капиталовложения	Потребление	Чистый национальный продукт
1885	534	525	5316	6286
1890	620	294	5802	6800
1895	749	402	6686	7725
1900	987	978	9265	10962
1905	1171	639	10654	12503
1910	1488	2614	13305	17204
1913	2224	2314	16306	20266

Таблица 2

Распределение национального дохода России по основным экономическим показателям (в %)

Год	Государство	Капиталовложения	Потребление	Чистый национальный продукт
1885	8	8	85	100
1890	9	4	85	100
1895	10	5	87	100
1900	9	9	85	100
1905	9	5	85	100
1910	9	15	77	100
1913	11	11	80	100

метить, что в своих расчетах Грегори отделяет государственные расходы, предназначенные для управления инвестициями и потреблением в частном секторе, с одной стороны, от тех, которые шли исключительно на поддержание государственных организаций (весь административный аппарат, армия, расходы на кардинальные государственные реформы). Их только и включает в данном случае понятие «государство» для всех уровней государственных организаций, от расходов Государственного совета и Сената до местной земской администрации, а также от строительства линейных кораблей до кавказских гарнизонов.

Высшая цель государственной политики, сформулированная Вышнеградским и Витте, состояла в увеличении инвестиций, причем даже в том случае, когда это приводило к некоторому спаду в потреблении. В данной работе я не делаю попытки оценить, насколько эта цель была достигнута [49]. Отметим, что на протяжении всего рассматриваемого периода, как показано в таблицах 1 и 2 и в рисунках 1 и 2, относительная роль государственного бюджета и инвестиций систематически возрастает по схожим направлениям [50]. В текущем денежном обращении или кредите денежные расходы на государственную администрацию в рублях возросли примерно в 4 раза между 1885 и 1913 гг. Рассматриваемые как соотношение национального дохода (чистый национальный продукт), средние государственные расходы за 5 лет выросли на 8,2% (1885—1889 гг.) к приблизительно 9,6% чистого национального продукта (1909—1913 гг.).

Объяснение неуклонного роста расходов на государственную администрацию не может быть должным образом найдено в вариации фактов, лежащих в основе, например, инфляции. Если мы обратимся к данным Грегори, приведенным в соответствие с инфляцией (т. е. твердые рубли 1913 г.), мы, однако же, обнаружим, что расходы императорского (т. е. центрального) правительства возросли за это

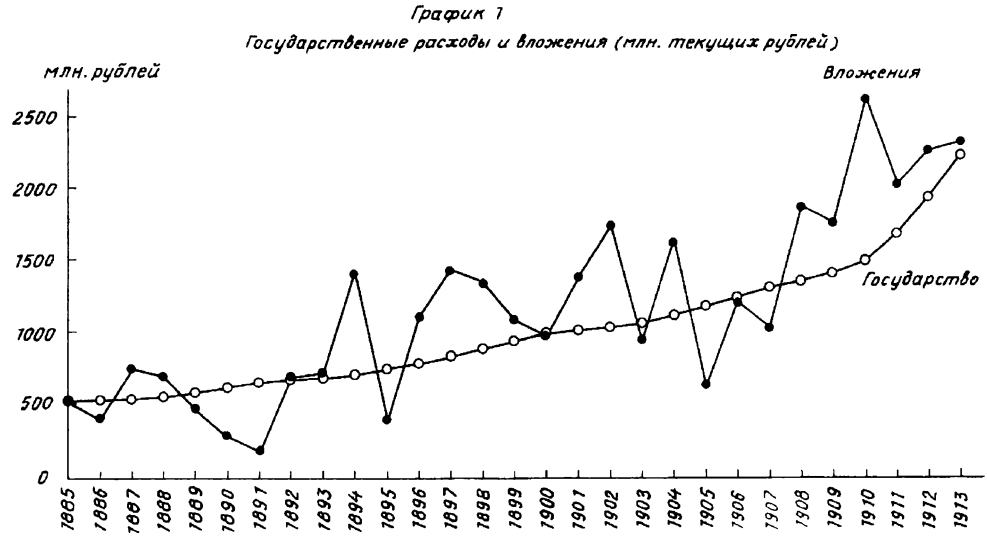

Рис. 1

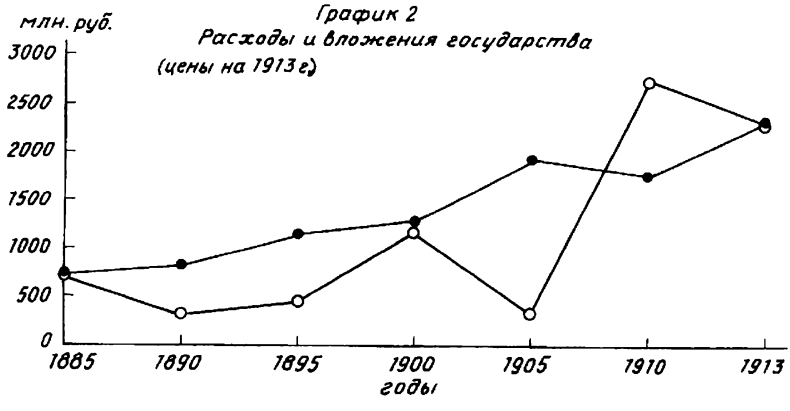

Рис. 2

время примерно в таком размере, который указан выше (т. е. в 4 раза), а местных органов власти — более чем в 5 раз [51].

Рост расходов не был также и простым результатом соответствия росту населения. Если бы дело обстояло так, можно было бы указать на то, что в конце хронологического этапа государство было больше, чем в начале, но лишь «экстенсивно», т. е. просто потому, что оно пыталось идти в ногу с нарастающей потребностью в том же самом объеме услуг. На самом деле таблицы 3 и 4 показывают, что государственные расходы и чистые инвестиции, в данном случае, намного опережали рост населения. Государственные расходы на душу населения выросли с 6 руб. в 1885 г. до более чем 13 руб. в 1913 г., т. е. этот показатель увеличился в 2 раза даже тогда, когда не было устойчивого роста.

Очевидное объяснение этих данных, содержащее и то, что мы знаем об эпохе, и ее интерпретацию Гершенкроном, состоит в том, что увеличение расходов было связано с оплатой подорожавшего военного оборудования [52]. К концу рассматриваемого периода это был не просто вопрос соответствия последним технологическим достижениям. Как показал Гатрелл, после русско-японской войны российское Морское министерство брало обязательства по перевооружению флота, разбитого японцами [53]. Переоснащение армии было также необходимо по многим причинам [54].

Таблица 3

Численность населения Российской империи (млн. чел.) и расходы на государственную администрацию и вложениями (млн. руб., в ценах 1913 г.)

Год	Население	Государственные расходы	Вложения
1885	109	711	693
1890	118	825	306
1895	124	1144	451
1900	133	1285	1165
1905	144	1933	351
1910	161	1768	2758
1913	171	2350	2314

Таблица 4

Расходы России на государственную администрацию и чистые вложения в 1885—1913 гг *.

Год	Государственные расходы	Абсолютные вложения
1885	6,52	6,36
1890	6,99	2,59
1895	9,23	3,64
1900	9,66	8,76
1905	13,42	2,44
1910	10,98	17,13
1913	13,74	13,53

* Млн. руб., в расчете на душу населения в ценах 1913 г.

Таблица 5 резюмирует изменения по основным категориям государственных расходов ча 1885—1913 гг. Сочетая текущие суммарные расходы (the current price totals), приведенные Грегори для центрального правительства, провинциальных и местных властей по семи основным функциональным статьям государственных расходов, мы можем сделать некоторые выводы о характере распределения этих расходов на тот или иной год и об их изменении (табл. 6) в масштабе кардинальных экономических перемен.

Прежде всего надо отметить, что в относительном выражении (около 25% от общих расходов) на протяжении всех 29 лет сохраняли свои позиции затраты на администрацию и военные нужды. Эта государственная и «гражданская» деятельность, которая связывалась с вложениями в социальные инфраструктуры, такие, как медицина и образование, способствовала значительной прибыли, которая в среднем удваивалась как пропорция итогов, и, как и следовало ожидать, показывала наибольший пророст после революции 1905 г. Кроме того, из материалов Грегори по местным и провинциальным расходам следует, что наибольшая часть общей суммы приходилась на провинциальную администрацию, а не на царское правительство [55].

Эти соображения вместе с тем не могут представить счет царского правительства (особенно Министерств финансов и путей сообщения), астрономически повышая роль текущих счетов (the current accounts) национальной экономики. С 1885 по 1913 г., когда расходы на здравоохранение и образование приблизительно удвоились, затраты по текущим счетам, выраженные в текущих ценах на государственных предприятиях, увеличились примерно в 5 раз. Что же касается периода

Таблица 5

Расходы правительства по отдельным статьям в 1885—1913 гг. (млн. руб.) *

Год	Администрация	Предприятия (включая жел. дороги)	Здравоохранение и образование	Оборона	% по займу	Субсидии и переводы	Всего
1885	279	49	48	244	310	50	980
1888	294	64	54	254	288	59	1013
1891	344	101	62	301	257	56	1121
1894	367	150	70	336	264	59	1246
1896	423	361	84	353	269	58	1548
1900	480	570	118	491	317	147	2123
1903	568	818	146	446	287	98	2363
1907	649	827	180	582	449	147	2834
1910	789	899	266	577	412	86	3029
1913	940	1064	410	1000	424	188	4026

* Данные всех уровней: общероссийские, губернские, местные.

Таблица 6

Расходы царского правительства в 1885—1913 гг. (в %)

Год	Администрация	Предприятия (включая жел. дороги)	Здравоохранение и образование	Оборона	% по займу	Субсидии и трансферы	Всего
1885	28	5%	5%	25	32	5	100
1888	29	6	5	25	28	6	100
1891	31	9	6	27	23	5	100
1894	29	12	6	27	21	5	100
1896	27	23	5	23	17	4	100
1900	23	27	6	23	15	7	100
1903	24	35	6	19	12	4	100
1907	23	29	6	21	16	5	100
1910	26	30	9	19	14	3	100
1913	23	26	10	25	11	5	100

после 1905 г., в котором Гершенкрон усмотрел «крутой перелом», или поворот государственной политики в национальной экономике, налицо факты выравнивания степени роста, но не его абсолютного или денежного (в рублях) выражения в рамках неуклонно расширяющегося бюджета. Трудно представить, чтобы кто-нибудь из современных экономистов — специалистов по рынку, имеющих возможность взглянуть на эти данные, мог прийти к выводу, что это правительство «повернуло назад» от прежней политики институциализации (см. графики 1—2).

Таким образом, я полагаю, что организационная роль Российского государства была велика и резко возрастала накануне Первой мировой войны. Этот рост определялся рядом факторов, которые важно выявить для обоснования нашей точки зрения. Наиболее очевидный — увеличивающиеся военные расходы, более резко растущие вложения в социальные инфраструктуры (здравоохранение и образование, особенно на местных уровнях), неуклонный рост населения, а следо-

вательно, потребностей в материальных инфраструктурах и неотъемлемых услугах государства. Но даже когда мы выделяем такие статьи бюджета, как оборона, инвестиции в инфраструктуры (социальные и материальные), выплаты долгов и субсидии, и сосредоточиваемся лишь на государственных организациях, эти «чистые» государственные функции значительно возрастают, как это следует из таблиц 5 и 6. В 1885 г. они составляли около трети всей финансовой деятельности государства; к 1913 г. — около половины (49%) в рублевом выражении. Хотя государственная администрация (в основном оплачивая ведение дел в государственных департаментах), как это следует из таблицы 5, теряет свои позиции, она продолжает играть значительную роль в экономической жизни страны. Какие же организационные составляющие государственной бюрократии пользовались дополнительными средствами и с какими целями?

Безусловно, быстро росла административная поддержка таких сфер, как социальное обслуживание, градостроительство и образование, особенно на провинциальном и местном уровнях. Но читателю следует помнить, что в таблице 5 графа «государственная администрация» не включает эти категории, хотя они являются основной составляющей частью расходов государственной администрации (например, содержание военных не включено, тогда как зарплата некоторых других чиновников присутствует).

Чтобы показать влияние и характер темпов роста государственных организаций на экономическое развитие, обратимся к новым и значительно расширенным центральным организациям государства, созданным вслед за земской реформой 1861 г., особенно к организациям, созданным для надзора или содействия развитию промышленных инфраструктур (создание и распространение государственных организаций в этой сфере охарактеризовано в табл. 4). Исходя из традиционного бюрократического подхода к экономике в прошлом, закономерно ожидать, что значительная часть новых функций коснется координации, надзора, принуждения (лицензии, инспекция), сбора налогов или создания инфраструктур (контроль дорог, гаваней, границ). К ним добавились еще две важные функции — обучение технических рабочих и управляющих (даже в рамках государственных органов), ведение дел в производственной сфере (например, выработка шахт, строительство портов, дорог и железных дорог) и, конечно, услуги (почта и телеграф, финансы, здравоохранение и ветеринария).

Подсчет новых больших организаций, которые оказали влияние на национальную экономику и были созданы в период между отменой крепостного права и революцией 1917 г., а также учет частоты их появления после 1880 г. могут привести нас к выводу, что индустриализация в России свидетельствовала о расширении и наращивании государством собственной организационной структуры, как это и следует из рассуждений Манна.

Создание министерств путей сообщения и торговли и промышленности подчеркнуло усилия высших государственных инстанций по осуществлению контроля над появляющимися материальными (physical) инфраструктурами. К началу XX в., например, в Российской империи почти не было частных гужевых дорог, портов, железных дорог. Но нельзя забывать, что большое число государственных организаций министерского подчинения, созданных в этот период, находилось в ведении двух старых, основательно утвердившихся бюрократических инстанций — Министерства внутренних дел и Министерства финансов — факт, который, по-видимому, отражает соревнование этих министерств [56]. Необходимо отметить, что «министерский империализм» XIX в. сильно контрастирует с тем его вариантом, который возникает в ходе рывка советской индустриализации 1930-х гг., сопровождавшегося резким ростом новых министерств (комиссариатов). Причина этого, видимо, состоит в определенном прорыве, существовавшем в то же самое время как по демографической, так и по политической причинам, в опоре администрации на поколение чиновников, получивших образование до 1917 г. Если говорить о том моменте, когда российская бюрократия могла быть

значительно видоизменена, то это были не 1861-й, не 1917—1921 гг., а 1930-е гг. со всеми их увольнениями и «чистками».

Автономия и зависимость пути развития Российского государства. Не претендуя на окончательность своих выводов [57], все же считаю, что организационная роль государства в экономическом развитии в большей степени определялась бюрократическими императивами.

Мое видение российского опыта совпадает с основными парадигмами Манна и Норта. Конечно, модернизация была императивом, выступая средством достижения национальной безопасности, но лучшее объяснение роли государства в попытке индустриализации может быть найдено в автономной заинтересованности государства (state autonomous self-interest), «зависимостью пути» и маргинальными изменениями основных бюрократических заведений. Российское чиновничество могло желать, чтобы государственные организации играли ведущую и контролирующую роль, по нескольким причинам. Их профессиональная и классовая идеология особо подчеркивала значение государства как третьей стороны, выступающей в роли принудителя в широкомасштабных программах, начиная с проведения земельной реформы и надзора за рабочей силой и кончая выдачей патентов и созданием корпораций. Предшествующий опыт, кроме того, показывал чиновникам, что государство — организующий инициатор, а сами они — бенефициарии новой социальной и экономической политики, факт их профессиональной жизни, который создал путевую зависимость. Именно инфраструктура, созданная в ходе индустриализации, — железные дороги, порты, дороги, каналы, медицинские и технические школы — приносила чиновничеству прямую и последовательную пользу, что заключалось как в росте масштабов государственного контроля, так и в непосредственном повышении уровня их жизни.

В наименьшей степени, следовательно, можно полагать, что Российское государство сохраняло и усиливало свою роль как эксплуататор, менеджер и рычаг национальной экономики в период 1885—1913 гг. Предположение Гершенкрона, что оно при этом зависело от экономических сил, кажется по меньшей мере сомнительным. Более того, предположение, что такая совокупность организаций могла «повернуть в обратную сторону» в ходе развития в России частных промышленных предприятий, по-видимому, вступает в противоречие с той ролью, которую оно исторически играло во время первого этапа ускоренной индустриализации.

В своем исследовании связи экономического развития и национальной безопасности великих держав Пол Кеннеди заключает, что «без примерного баланса между этими соперничающими потребностями в обороне, потреблении и вложениях великие державы вряд ли долго могут сохранять свой статус»[58].

Конечно, Кеннеди имеет в виду «баланс» не в буквальном смысле. Таблица 1 отражает тот факт, что даже в России потребление до Первой мировой войны составляло около $^3/_4$ национального продукта. Как показывает работа Кеннеди, он осознает, что в настоящее время при любом режиме потребления, совокупность экономических ресурсов, которая каждый год превращается в уровень жизни нации, всегда представляет наибольшую часть общего национального дохода [59].

Обращаясь ко времени 1975—1992 гг., можно прийти к выводу, что растущая политическая нестабильность в России, тесно связанная с экономической разлаженностью, иллюстрирует тонко подмеченное замечание Кеннеди: эта страна нарушила закон баланса, уделяя слишком большую часть национального дохода обороне, национальной безопасности и государственной администрации. Но факты, рассмотренные выше, могут привести и к выводу, что применительно к России длительная связь между распределением национального дохода и статусом великой державы опровергают выводы Кеннеди. Можно, наоборот, прийти к заключению, что Россия была великой державой в течение последних двух столетий из-за дисбаланса, а не баланса этих макроэкономических переменных.

В заключение отмечу, что государство было не только основным инициатором промышленного роста в России до и после 1917 г., как полагают Гершенкрон и другие исследователи. Данные показывают, что Российское государство было и в выигрыше (beneficiary) от этого роста.

Примечания

[1] North Douglass C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. N. Y., 1990.
[2] См.: Davies R. W. (ed.) From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. Ithaca, 1990; Idem. Stalinist Planning for Economic Growth. 1933—1952. Chapel Hill, 1980.
[3] Макроэкономический аргумент против гершенкроновской интерпретации был впервые выдвинут, насколько мне известно, Питером Гатреллом в «Industrial Expansion in Tsarist Russia, 1908—1914» (Economic History Review. Second series, XXXV, № 1 (February 1982). P. 99—110).
[4] Gerschenkron A. On the Concept of Continuity in History//Continuity in History and Other Essays. Cambridge, 1968. P. 11—39; Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 5—30.
[5] Наиболее полные примеры см.: Gatrell P. Industrial Expansion...; Idem. The Tsarist Economy. 1850—1917. N. Y., 1986; Gregory Paul R. Russian National Income. 1885—1913. N. Y., 1982; Kahan A. Government Policies and the Industrialization of Russia//Journal of European Economic History. 27, 4 (December, 1967). 460—77; Crisp Olga. Studies in the Russian Economy before 1914. L., 1976. P. 33 etc.
[6] Gerschenkron A. Russian Agrarian Policies and Industrialization. 1861—1917//Continuity in History... Part I — II.
[7] Gerschenkron A. Economic Backwardness... P. 2.
[8] Idem. Russian Agrarian Policies... P. 246.
[9] Ibid. P. 229—246.
[10] Gerschenkron A. Economic Backwardness... P. 7.
[11] Ibid. P. 18.
[12] Ibid.
[13] Ibid. P. 19.
[14] Ibid. P. 20.
[15] Ibid.
[16] Ibid. P. 28—29.
[17] Ibid. P. 29.
[18] Напр.: Гиндин И. Ф. Государственный капитализм в России домонополистического периода//Вопросы истории. 1964. № 9; его же. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий//Об особенностях империализма в России. М., 1963; Лаверычев В. Я. Государственный капитализм в пореформенной России//История СССР. 1982. № 1; Олегина Н. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1989.
[19] Kahan A. Op. cit. P. 460.
[20] Ibid. P. 466.
[21] Ibid. P. 468—469, 474—476.
[22] Gatrell P. Industrial Expansion... P. 99—110.
[23] Crisp O. Op. cit. P. 33—34.
[24] Gregory Paul R. Op. cit. P. 123—179.
[25] Ibid. P. 170—171.
[26] Hoch Steven L. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857—1861//American Historical Review, XCVI. № 3 (June 1991). P. 795—820.
[27] Олегина И. Н. Указ. соч. С. 86—92.
[28] Лаверычев В. Я. Указ. соч.; Ленин В. И. Развитие капитализма в России//ПСС. Т. 3.
[29] Rieber Alfred J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.
[30] Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.
[31] Metzer J. Railroad Development and Market Integration: the Case of Tsarist Russia//Journal of Economic History, XXXIV; № 3 (September 1974). P. 529—550.
[32] Goldstein E. R. Military Aspects of Russian Industriailzation: the Defence Industries, 1890—1917: Doctoral Dissertation. Cleveland, 1971; Gaston V. Rimlinger. Autocracy and Factory Order in Early Russian Industrialization//Journal of Economic History XX. № 1 (1980) P. 67—92; The Expantion of the Labour Market in Capitalist Russia: 1861—1917//Journal of Economic History XXI. № 2 (June 1961). P. 208—215. См. также: Лаверычев В. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972; Yaney G. The Systematization of Russian Government. Urbana, 1973.
[33] Gatrell P. The Tsarist Economy; Davies P. W. (ed.) From Tsarist to the New Economic Policy.
[34] Mann M. Autonomous Power of the State — Its Origins, Mechanisms, and Resalts. Archives Europeenes de Sociologie 25. № 2 (1984), 185—213. Дополнительно о дискуссии о развитии государства см.: Laverichev V., Edelberg I., Gunther R. Staatsmonopolistischer Kapitalism im Vorrevolution aren Russland//Jahrbuch feur Wirtschaftsgeschichte, 44 (1985), 57—67; Argenbright Robert T. The

Russian Railroad System and the Founding of the Communist State. 1917—1922: PhD Dissertation. Berkeley, 1990.

[35] См.: Journal of Theoretical Politics, 2. № 4 (1990). P. 355—367; Journal of Economic Perspectives 5. № 1 (Winter, 1991). P. 97—112.

[36] M a n n M. Autonomous Power... 190.

[37] Ibid. P. 204—205.

[38] Ibid. P. 205.

[39] Ibid. P. 201.

[40] Ibid. P. 210. См. также: M a n n M. The Autonomous Power... Idem (ed). The Rise and Decline of the National State. Oxford, 1990.

[41] N o r t h Douglass C. Institutions... P. 4.

[42] Ibid. P. 27—35.

[43] Ibid. P. 5.

[44] Ibid. P. 9, 80.

[45] Ibid. P. 99—100.

[46] Ibid. P. 58—59.

[47] G r e g o r y Paul R. Op. cit.

[48] См., напр.: K u z n e t s S. Economic Growth and Structure. Selected Essays. N. Y., 1965. P. 1—81, 142—212; I d e m. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven, 1966; R o s e n c r a n c e R. The Rise of the Trading State. N. Y., 1986; K e n n e d y P. Rise and Fall of the Great Power. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y., 1987.

[49] G r e g o r y Poul R. Op. cit P. 153—190.

[50] Линейная регрессия государственного расхода во времени составляет 0,94; инвестиции — 0,82. Две серии, расходы и инвестиции имеют корреляцию 0,82.

[51] G r e g o r y Poul R. Op. cit. P. 56—57, Appendices F and G, 249—264.

[52] M c N e i l l William H. The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since ad 1000. Chicago, 1982; K e n n e d y R. Rise and Fall, 194—346; William C., F u l l e r Jr. Civil Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton, 1985. P. 47—74.

[53] G a t r e l l P. Industrial Expansion...

[54] F u l l e r William G. Jr. Op. cit. P. 47—74.

[55] G r e g o r y Poul R. Op. cit. Table G. 1, 261; Table G. 4, 263.

[56] См.: Rowney D. Transition to Technocracy. The Structural Origins of The Soviet Administration State. Ithaca, 1989.

[57] О дискуссии П. Гатрелла и Р. Дейвиса об «инструментах индустриализации» см.: D a v i e s R. W. (ed.); Tampella. From Tsarism to the New Economic Policy. P. 146—157.

[58] K e n n e d y P. Op. cit. P. 446.

[59] Потребление, в соответствии с одним из определений, есть то, «что потребители делают». Тем самым дискуссия об определении делает ясной сущность конкуренции между потреблением и вложением. Косвенно упоминается уровень, за которым государство и частные потребители потенциально конкурируют в борьбе за национальный доход. Cf., Rupert Pennant-Rea and Bill Emmott, The Pocket Economist. Cambridge, 1983. P. 37.

© 1995 г. Н. А. АРАЛОВЕЦ *

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1930-е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В последнее время в печати появилось немало противоречивых данных о людских потерях советского общества в результате репрессий 30-х гг., военных конфликтов и т. д. Причина тому — различные методики подсчетов потерь, разность профессиональных интересов при освещении этого периода, многообразие источников и многое другое. Так, широко известна цифра потерь населения в 30-е гг.— 13 млн. человек, названная в романе А. Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы». А. И. Солженицын, основываясь на косвенных подсчетах западного исследователя профессора И. Я. Курганова в интервью Испанскому телевидению (1976 г.) упомянул о 66 млн. человек, погибших с 1917-го по 1959 г. от голода, ссылок крестьян в ходе коллективизации, в тюрьмах, лагерях, расстрелянных [1]. Данные авторы не раскрыли источниковую базу и методику своих исчислений, однако верно определили основные слагаемые людских потерь: голод 1932—1933 гг., депортация раскулаченных крестьян в конце 20-х гг., репрессии 20—30-х гг.

Попытаемся сравнить и проанализировать накопленные в отечественной научной литературе материалы относительно людских потерь в 1930-е гг. и охарактеризовать состояние источников, содержащих такие сведения [2].

Первостепенное значение имеет надежность статистических данных. Между тем в большинстве опубликованных в 1960—1970-е гг. статистических справочников нет достаточно обоснованных сведений о численности всего населения СССР 1930-х гг. [3]. Поэтому очень важны материалы Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. как архивные, так и недавно опубликованные. В современной историографии они усиленно разрабатываются [4].

Проделанная в этом направлении работа убедительно доказывает несостоятельность бытовавшего до середины 1980-х гг. утверждения о дефектности данных обеих переписей. Анализ всей совокупности материалов по организации и проведению переписей выявил причины «непризнания» их. Так, согласно переписи населения, проведенной 6 января 1937 г., численность населения была определена в 162 млн. человек, что фактически противоречило заявлениям И. В. Сталина, сделанным на XVI съезде партии (1930 г.), о ежегодном 3-миллионном приросте населения страны и на XVII съезде (1934 г.) — о 168 млн. человек, проживавших якобы в СССР в конце 1933 г. [5]. Не совпали данные Переписи 1937 г. и с исчислениями Госплана СССР по 1936 г.— 170,5 млн. человек [6].

Между тем опубликованные недавно сведения ЦУНХУ о численности населения СССР в границах до 17 сентября 1939 г. подтверждают достоверность данных Переписи 1937 г.: 1927 г.— 147 млн. человек, 1928 г.— 149,6, 1929 г.— 152, 1930 г.— 154,5, 1931 г.— 156,2, 1932 г.— 157,8, 1933 г.— 159,1, 1934 г. — 159,8 млн. человек [7]. Эти цифры явно показывают процесс снижения естественного прироста населения в 30-е гг., особенно в 1933—1934 гг. Совершенно очевидно, что никакого ежегодного 3-миллионного прироста населения не было. Но стремление «обосновать» это заявление вызвало к жизни подтасовки типа: к началу 1937 г. численность населения должна быть равной 177 млн. человек, а к концу — 180 млн. За десятилетний период (после проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г.) население СССР, по официальной версии, должно было вырасти на 23 млн., а по результату проведенной переписи выросло лишь на 15 млн. человек [8].

* **Араловец Наталья Аркадьевна,** кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Возможен ли был недоучет населения в период проведения переписи 1937 г.? Уже современники поставили перед собой такой вопрос, М. В. Курман, после проведения переписи оценивал недоучет в 1 млн. человек, что составляло 0,5—0,6% населения, учтенного переписью. Комиссия по проверке результатов переписи под руководством Я. А. Яковлева предполагала размер недоучета от 4,8 до 8,1 млн. человек, т. е. от 3 до 5%. В 60-е гг. В. Н. Старовский считал недоучет равным 2 млн. человек (1,2%). Общая численность населения при таком недоучете составляла 164 млн. человек [9]. В начале 70-х гг. Ф. Д. Лифшиц оценил недоучет населения в 450 тыс. человек (0,3%). В 90-е гг. группа демографов (Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова) выявили общий недоучет населения в 700 тыс. человек (0,43%) [10]. Таким образом, изучение материалов Переписи 1937 г. показало, что недоучет населения не выходил за рамки возможного переписного недоучета, и поэтому численность населения страны, исчисляемая Переписью 1937 г. в 162 млн. человек, может быть признана соответствующей реальностям [11]. Противоречили данные переписи и официальным заявлениям и по цифрам прироста населения. Так, по данным регистрации рождений и смертей в ЗАГСах, естественный прирост ожидался в 21,3 млн. человек, а не 15 млн., полученных в результате переписи. Исследователи рассмотрели этот факт, используя «Докладную записку о естественном движении населения в период между двумя переписями 17/XII 1926 г. и 6/I 1937 г.» М. В. Курмана, где давались объяснения возникшего противоречия: 2 млн. человек ушли за границу из республик Средней Азии и Казахстана в 1930—1933 гг.; 2,5 млн. незарегистрированных смертей (от голода — 1 млн, в местах заключения — 1,5 млн.); 0,5 млн.— разница между переучетом населения по переписи 1926 г. (1,5 млн.) и недоучетом населения по переписи 1937 г. (1 млн. чел.). Главный вывод В. В. Цаплина: оставшиеся 1,3 млн.— количество незарегистрированных смертей от голода и в местах заключения. Следовательно, суммированное число — 3,8 млн. человек — можно рассматривать как число незарегистрированных смертей в ЗАГСах в 1927—1936 гг. [12] Следовательно, и здесь данные Переписи 1937 г. вполне обоснованы.

Изучение итогов Переписи населения 1939 г., последовавшей сразу после «неудачных» результатов Переписи 1937 г., показало завышение в Переписи 1939 г. общей численности населения. К такому выводу склоняются практически все исследователи. Перепись зафиксировала общую численность населения в 170 млн. человек. Естественно, возникает вопрос о размерах переучета населения. В современной литературе имеются следующие точки зрения. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев считают предварительные итоги Переписи 1939 г. (167,3 млн.) близкими к подлинным итогам общей численности населения СССР на январь 1939 г.; В. Б. Жиромская — 167,6 млн. чел. В. В. Цаплин, демографы Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова определяют численность населения по Переписи 1939 г. равной 168,8 млн. человек [13]. Высказанные точки зрения, несомненно, будут уточнены в связи с изучением естественного и механического движения населения в 1930-е гг., а также отдельных явлений, связанных с потерями населения во время голода, репрессий и т. д. Однако в любом случае недоучет населения не выходил за рамки обычных погрешностей подобного масштаба. Следовательно, сведения обеих переписей достаточно надежны для того, чтобы быть использованными в изучении и другого вопроса, а именно людских потерь в 1930-е гг. В. В. Цаплин, сопоставляя расхождения между полученной численностью населения по переписям 1937 г. и 1939 г. и ожидаемой, пришел к заключению, что за 1927—1938 гг. умерло от голода и погибло в местах заключения около 9,9 млн. человек. Исследователь выделил следующие слагаемые этих потерь: умерло от голода 3,8 млн. (2,8 млн. зарегистрированных смертей, 1 млн — незарегистрированных); 1,5 млн. незарегистрированных смертей в местах заключения; 1,3 млн.— дополнительное число незарегистрированных смертей, 1,3 млн. незарегистрированных смертей в 1937—1938 гг.; 2 млн. человек, покинувших пределы СССР [14]. Подсчеты такого рода носят предварительный характер. Заметим, что одна из первых оценок людских потерь в 30-е гг. принадлежит отече-

ственному ученому Б. Ц. Урланису и исчислена на основе анализа естественного движения населения СССР — 7,6 млн. человек [15].

Западные исследователи называют иную цифру — 9,8 млн. человек, погибших в 1930-е гг. Она была получена с помощью половозрастных данных населения советского общества, известных по Всесоюзной переписи населения 1926 г., и расчета числа доживших до 1927—1939 гг., сделанного с помощью таблиц смертности 1926—1927 гг., а затем сравнения полученных результатов со сведениями Переписи 1939 г. [16]

В литературе называются и другие оценки людских потерь [17]. Расхождение в оценках вполне закономерно, так как основной пласт источников — Всесоюзные переписи населения 1937 г. и 1939 г., документы и материалы, связанные с ними, данные по естественному движению населения 1930-х гг., материалы НКВД до последнего времени не были доступны исследователям.

Обратимся к истории изучения в отечественной литературе голода 1932—1933 гг. как одного из факторов в общей демографической ситуации 30-х гг., составивших одно из слагаемых людских потерь советского общества.

В последние годы это трагическое событие особенно активно изучается отечественными историками и демографами. Однако исследователи столкнулись с трудностями. Дело в том, что сводная статистика смертности отсутствует, материалы текущего учета, если и сохранились, то не являются полными. Такое положение можно объяснить тем, что в 1930-е гг. о голоде не упоминалось в опубликованных официальных документах, выступлениях партийных и государственных деятелей. В докладе «Итоги первой пятилетки», сделанном на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (7 января 1933 г.), И. В. Сталин отметил, что «мы, несомненно, добились того, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается у нас из года в год» [18]. О голоде ничего не сказано [19]. Не было сообщений о нем и в советской печати. Между тем сначала западные журналисты, дипломаты [20], работавшие в это время в Советском Союзе, а впоследствии историки и демографы накопили достаточно фактов по данной проблеме, разработали методы ее изучения [21]. Важен и анализ литературы, посвященной голоду 1932—1933 гг. Историк В. П. Данилов систематизировал полученные цифры потерь, его точку зрения разделяют и зарубежные исследователи Б. Андерсон, Б. Сильвер — (от 2 до 3 млн. чел.), С. Уиткрофт (от 3 до 4 млн. чел.). Подробно рассмотрев оценки Р. Конквеста, В. П. Данилов пришел к выводу о том, что они преувеличены. Критически восприняли их и некоторые западные ученые [22]. Напомним подсчеты Р. Конквеста: от голода погибло 8 млн. человек (Казахстан — 1 млн, Украина — 5 млн., Северный Кавказ — 1 млн, остальные районы — 1 млн). Общие потери в процессе коллективизации, включая жертвы раскулачивания (6,5 млн.), составили, таким образом, 14,5 млн. крестьян [23]. Принимая высказанные по адресу Р. Конквеста замечания отечественных и зарубежных исследователей, в то же время необходимо сказать, что его оценку жертв голода можно принять в качестве предположительной, особенно в период поиска и анализа источников 1930-х гг., связанных с людскими потерями. Рассмотрим подробнее состояние данной проблемы в отечественных исследованиях.

Одним из первых цифру жертв голода 1932—1933 гг. назвал Б. Ц. Урланис. По его расчету, численность населения к январю 1933 г. должна была достигнуть 167,7 млн. человек. Однако действительная цифра, по мнению автора, составила 160,7 млн., а к 1 апреля 1933 г.— 158 млн. человек [24]. Таким образом, по подсчетам ученого, численность населения с января по апрель 1933 г. сократилась на 2,7 млн. человек.

В. В. Цаплин сделал попытку ориентировочно определить общую смертность от голода. В своих расчетах он опирался на статистику ЗАГСов 30-х гг. Ее изучение показало, что в 1927—1931 гг. в среднем ежегодно умирало 2,6 млн. человек. В 1932—1933 гг. смертность увеличилась до 4 млн. человек. Это позволило исследователю сделать заключение, что в 1932—1933 гг. зарегистрировано смертных случаев от голода и его последствий не менее 2,8 млн. (1,4 млн.—

ежегодно) [25]. Если к этой цифре приплюсовать 1 млн незарегистрированных смертей, то общая цифра жертв голода и его последствий, по мнению В. В. Цаплина, составит 3,8 млн. человек. Между тем не всегда четкая работа ЗАГСов в 30-е гг. вызывает сомнения в адекватном отражении уровня смертности, в том числе и от голода [26]. Е. А. Осокина, анализируя архивные материалы УНХУ РСФСР за 30-е гг., показала, что демографические показатели ЦУНХУ за 1933 г. завышены из-за недоучета смертей статистическими органами. По подсчетам ЦУНХУ, зарегистрированная смертность населения в 1933 г. составила 5,7 млн. человек [27]. Однако надо иметь в виду, что люди умирали не только от голода и его последствий, но и от болезней, не связанных с голодом, несчастных случаев, вследствие репрессий и т. д. В связи с этим важно выявить смертность населения именно от голода. Очевидно, для более точных подсчетов необходимо продолжить изучение архивного материала, включая архивы НКВД. Уточнение размеров жертв голода могут внести и региональные исследования.

Наибольшее количество публикаций связано с изучением голода на Украине. Их авторы приводят различные цифры жертв голода 1932—1933 гг. В. В. Цаплин отметил, основываясь на «Конъюнктурном обзоре движения населения СССР за 1930—1934 гг.», что число умерших на Украине составило 2,9 млн. [28]. Между тем с поправкой на естественную смертность, как считает С. В. Кульчицкий, приведенное число жертв уменьшается до 2,4 млн. Анализируя данное положение, он обратил внимание на неубедительность расчетов из-за ограниченности взятой территории для обследования [29]. Украинские историки назвали ориентировочно такие цифры: Ф. Рудич — от 3,5 до 4 млн., Р. Я. Пирог — от 4 до 10 млн. жертв голода [30]. Р. А. Медведев, используя материал Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г., подсчитал численность украинцев за 13 лет, которая уменьшилась на 3,1 млн. человек (в 1926 г.— 31,2 млн., в 1939 г.— 28,1 млн.). Однако снижение численности украинцев объясняется не только последствиями голода, но и этнической переориентацией: украинцы, проживавшие за пределами Украины, по Переписи 1926 г., могли считать себя «украинцами», а в период Переписи 1939 г.— «русскими» [31]. Такой подход, очевидно, не выявляет размеров людских потерь от голода. Подобное разнообразие данных, как отмечалось, объяснимо нехваткой источников, а также фальсифицированными сведениями официальной статистики.

Публикации последних лет показывают, что многие источники сохранились. Б. Хандрос сообщает, что в Государственном архиве Винницкой области имеются тетради за 7 апреля — 6 июня 1933 г. «Книги записей актов гражданского состояния на 1933 г. на смерть» Сосонского сельского Совета Винницкого района Винницкой области. В них приводятся фамилии, имена, социальное положение, причины смерти. В архиве Винницкого партийного архива отложились официальные документы — протоколы заседаний бюро райкомов, обкомов, информация с мест, поступающая в обком партии. Нельзя исключить сведения, поступившие за границу от дипломатов, журналистов и отложившиеся в зарубежных архивах. Можно говорить и о текущих материалах ЗАГСов, которые стали доступными с 1989 г. [32]. Таким образом, поиск источников, сопоставление, анализ могут приблизить нас к более точным цифрам людских потерь от голода 1932—1933 гг.

Источниковые проблемы ставят перед исследователями задачу разработки методов, позволяющих определять размеры людских потерь от голода. В этом смысле интересна методика, предложенная С. В. Кульчицким.

Для выявления численности людских потерь от голода 1932—1933 гг. исследователь оперировал данными о естественном приросте населения за 1933—1936 гг. Располагая отчетными сведениями за 1935 г.— 420 тыс. и за 1936 г.— 534 тыс. (последний квартал этого года — ожидаемый результат), С. В. Кульчицкий реконструирует несостоявшийся прирост населения за 1933 г. и вероятный прирост за 1934 г., используя скорректированные на основе реальных данных 1935 г. прогнозы 1927 г. А. П. Хоменко. В результате естественный прирост для 1933 г. составил 415 тыс., 1934 г.— 418 тыс. человек. Получив величину естественного прироста за

1933—1936 гг. и суммируя данные (1787 тыс.) с дефицитом населения на начало 1933 г. по Переписи 1937 г. (1744 тыс.), исследователь получил демографические потери населения — 3531 тыс. человек (с учетом выселений в ходе репрессий). Используя данные о снижении рождаемости за 1933—1934 гг. вследствие голода, С. В. Кульчицкий примерно подсчитал демографические потери населения: в 1932 г.— 299 тыс., 1933 г.— 460 тыс., 1934 г.— 509 тыс. человек. Таким образом, общие демографические потери населения Украины от голода составили около 5 млн. человек [33], что соответствует подсчетам Р. Конквеста. Между тем число прямых жертв голода — 3,5 млн. человек — вызвало критику со стороны украинских исследователей. А. Л. Перковский, С. И. Пирожков считают ее преуменьшенной, так как С. В. Кульчицкий для своих подсчетов использовал не реальные данные Всесоюзной переписи населения 1937 г., а завышенные оценки ЦСУ [34].

Украинские ученые предложили свой способ определения людских потерь в 1930-е гг. В их основе — численность населения Украины по прогнозу 1932 г. академика АН УССР М. В. Птухи, представленная Институтом демографии АН УССР (34 млн. человек), и реальная численность населения Украины по сведениям Всесоюзной переписи населения 1937 г. (29 млн. человек). Вычтя действительную численность населения республики из прогнозируемой, они получили потери населения, составляющие 4,6 млн. человек (без учета миграций). Однако эти исчисленные людские потери относятся к демографическим потерям Украины 1930-х гг., и жертвы голода не вычленены в них отдельным показателем. В то же время расчеты С. В. Кульчицкого связаны исключительно с потерями населения от голода и его последствий.

Изучение демографической ситуации, сложившейся в республике в 1930-х гг., привело А. Л. Перковского и С. И. Пирожкова к выводу о том, что возрастной состав Украины из-за быстрого его изменения вследствие пополнения его за счет прибытия сюда мигрантов из других регионов страны, в основном русских, не может дать надежных данных для оценки людских потерь [35]. Проведенные исследования, таким образом, показали необходимость использования для подсчетов людских потерь методов, адекватных историческим условиям развития региона.

Привлекает внимание оценка жертв голода на Украине, полученная на основе статистических данных, собранных ОГПУ за период с 1 декабря 1932 г. по 15 апреля 1933 г., т. е. за 4,5 месяца, согласно которым от голода и случаев людоедства погибло 2 420 100 человек. Это число людских жертв экономист П. К. Василевский использовал для своих исчислений. Рассмотрим их.

Сведения о жертвах голода после 15 апреля 1933 г. отсутствуют. В этой связи П. К. Василевский вычислил среднемесячное число жертв за период с 1 декабря 1932 г. по 15 апреля 1933 г.— 537 800 (2 420 100 : 4,5), затем за остальные 3,5 месяца с 15 апреля по 1 августа 1933 г.— 1 882 300. Суммируя полученные данные со сведениями ОГПУ (умноженные на «коэффициент» смертности населения за период с 15 апреля по 1 августа 1933 г., который, по мнению автора, был не менее 2,5), выявил общую величину людских потерь от голода за 1 декабря 1932 — 1 августа 1933 г.— 7 125 850 человек [36]. Принимая во внимание надежность сведений ОГПУ за 4,5 месяца, а также отсутствие необходимых источников за остальные 3,5 месяца, расчеты такого рода логичны и возможны. Полученное число жертв голода на сегодняшний день можно считать наиболее точным по сравнению с данными, основанными на более обобщенных источниках и подсчетах [37].

Близок к методу П. К. Василевского способ определения жертв голода по Среднему и Нижнему Поволжью, предложенный В. В. Кондрашиным. Изучение архивных материалов текущего учета (61 архив ЗАГСов райисполкомов, 4 архива ЗАГСов облисполкомов Волгоградской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской областей), а также отчетных материалов ЦУНХУ Госплана РСФСР и СССР показало, что органы учета сельских районов Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев учитывали в 1932—1933 гг. голодную смерть. Этот вывод опроверг принятую точку зрения об отсутствии регистрации органами текущего

учета населения среди причин смертности — смерть от голода. Подсчеты жертв голода В. В. Кондрашин делал поэтапно. Сначала было определено учтенное ЗАГСами число «избыточных» смертей от голода в 1933 г. (189 817 человек). Затем — потери 1933 г. в районах, не охваченных учетом. Для этого ученый установил средний уровень смертности сельского населения на 1000 человек на учтенной ЗАГСами территории и средний показатель величины изменений уровня смертности 1933 г. по сравнению с 1932 г. на не охваченной учетом территории (142 905 человек). Причем, как считает исследователь, 10% крестьян (33 тыс. человек) Поволжья погибло от голода вне мест своего постоянного проживания, что не было учтено. Общий итог, таким образом, непосредственных жертв голода 1932—1933 гг. в деревне Поволжья — 365 722 (с косвенными потерями, из-за падения рождаемости — 115 665 человек), всего — 481 387 человек [38]. Работа В. В. Кондрашина, несомненно, продвинула изучение проблемы голода. Она продемонстрировала важность разработки таких методов изучения проблемы, которые тесно связаны с источниками по исследуемой территории и отражают специфическое развитие региона в конкретно-исторических условиях 30-х гг.

В этом плане важна работа, начатая В. В. Кондрашиным и Д. Б. Балакиным, по составлению карты голода на территории Нижнего и Среднего Поволжья и Южного Урала. Картографическое изучение голода заслуживает особого внимания, так как полностью пока еще его география не выявлена [39].

Особые трудности возникают при определении численности жертв голода в Казахстане, что обусловлено плохой постановкой в те времена текущего учета населения на этой территории [40]. В связи с этим некоторые источники считают, что, из-за отсутствия точных данных численность людских потерь от голода установить невозможно. Тем не менее исследователи Ж. Б. Абылхожин, М. К. Козыбаев, М. Б. Татимов на основе внесения поправок в материал Всесоюзной переписи населения 1926 г. с учетом диспропорции коренного населения Казахстана в половозрастной структуре и недоучетом жителей отдельных поселений, изучения естественного прироста казахов с 1926 г. по 1939 г. и текущего учета населения в 30-е гг. считают, что численность коренных жителей Казахстана на середину 30-х гг. составляла 4120 тыс. человек. Если невосполнимые потери казахов в годы трагедии составили около 2 млн. человек, то, как полагают исследователи, с учетом сведений текущего учета движения населения в 20-е гг., по которым уровень естественной смертности достигал 25 человек на 1000, численность умерших естественной смертью за 1931—1933 гг. должна была составить не менее 250 тыс. человек, и, следовательно, прямые потери казахов от голода и его последствий — 1750 тыс. человек, или 42% всей численности казахского населения республики [41].

Обращает на себя внимание методика, предложенная А. Н. Алексеенко. В ее основу положены изменения в возрастной структуре коренного населения Казахстана в 1926 г. и 1939 г. Было выявлено число людей из каждой возрастной группы в 1926 г., доживших до 1939 г. В итоге численность погибших от голода и безвозвратно мигрировавших казахов — 1798 тыс., т. е. близка к подсчетам предыдущих исследований. Однако предложенные методики распространяются только на коренное население Казахстана [42]. Между тем Б. Тулепбаев и В. Осипов назвали прямые потери казахов и казахстанцев других национальностей — около 1,3 млн. человек [43].

Появляется материал о голоде в Сибири. Так, В. А. Исупов показал, что основной удар пришелся на сельские местности. В городах региона население умирало в основном от общего ослабления организма, связанного с хроническим недоеданием, инфекционными болезнями. Следствием этого стало падение рождаемости, рост смертности, в том числе детской, увеличились самоубийства и т. д. В 1933 г. было зарегистрировано 287,1 тыс. умерших, против 176 тыс. умерших в 1928 г. [44] Таким образом, В. А. Исупов выявил общие тенденции естественного движения населения в связи с голодом 1932—1933 гг.

Е. Н. Осколков в исследовании, посвященном хлебозаготовкам и голоду на Северном Кавказе в 1932—1933 гг., предпринял попытку установить численность людей, погибших от голода на основе архивных данных ЗАГСов о родившихся и умерших. Однако в Ростовском областном архиве ЗАГСа исследователь обнаружил значительную нехватку необходимых для такого подсчета сведений. Ему удалось выявить материал о людских потерях только по отдельным хуторам, селам, коллективным и индивидуальным хозяйствам [45].

Изучение отдельных регионов, пострадавших от голода 1932—1933 гг., уточнило численность людских потерь. Конечно, эти оценки приблизительны. Кроме того, они охватывают лишь территории Поволжья, Украины, Казахстана. Думается, что именно дальнейшие региональные исследования смогут выявить новые данные о жертвах голода.

Немало проблем сопряжено с установлением численности репрессированных крестьян. В литературе встречаются разные данные. А. И. Солженицын пишет о 15 млн. крестьян — раскулаченных и переселенных [46]. Н. Михайлов и Н. Тепцов считают, что в разряд «ликвидированных как класс» попало более 20 млн. крестьян. Интересен ход их рассуждений. Основываясь на речи И. В. Сталина, произнесенной на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников (19 февраля 1933 г.), где отмечалось, что до коллективизации на каждые 100 дворов в деревне было 4—5 кулацких дворов, 8—10 — зажиточных, 45—50 — середняцких, 35 — бедняцких, они подсчитали: на каждые 100 дворов приходилось от 12 до 16 кулацко-зажиточных и, исходя из общего числа крестьянских хозяйств в начале 30-х гг.— 25 млн., получили более 3 млн. крестьянских хозяйств, попавших под раскулачивание или 20 млн. человек (при условии, что семья кулака в среднем состояла из 7—8 человек) [47]. При всей правомерности такого подхода (с учетом точности слагаемых) в нем явно ощущается ограниченность источниковой базы.

Наиболее полные данные по спецпоселенцам (трудопоселенцам), основанные на документах НКВД СССР, представил В. Н. Земсков. На материале справки Отдела по спецпоселенцам ГУлага ОГПУ «Сведения о выселенном кулачестве в 1930—1931 гг.» исследователь выявил число выселенных семей в эти годы — 388 481, представил динамику движения спецпоселенцев за 1932—1940 гг. [48] Изучение опубликованных В. Н. Земсковым сведений позволило подсчитать численность прибывших в ссылку за 1932—1938 гг. (из республик, краев, областей, организаций, возвращенных из бегов, родившихся) — 1 818 614 человек. Убыло за этот период, включая категории бежавших, освобожденных, осужденных, умерших, переданных в другие организации, на иждивение — 2 205 084 человека. Из них умерло — 356 429 человек, т. е. в среднем 13% из числа прибывших. Смертность среди прибывших увеличилась в 1932 г. на 23,8%, а в 1933 г.— на 32,4%, что, несомненно, было связано с голодом и его последствиями [49]. Однако данные об умерших не учитывают сведения об умерших во время транспортировок. Тем не менее публикация В. Н. Земскова в современной историко-демографической литературе является наиболее полной. Для более углубленного исследования истории, географии выселения, численности спецпоселенцев, прямых и косвенных потерях необходимо выявить и изучить источники регионального характера, немало могут дать и текущая статистика, архивные материалы ГУлага НКВД СССР, а также мемуары репрессированных.

Изучение жертв репрессий 30-х гг. было до последнего времени ограничено из-за невозможности пользоваться архивами НКВД. Между тем именно в них можно найти данные о числе репрессированных, расстрелянных, умерших и т. д. В этом смысле важен ряд публикаций, появившихся в последнее время [50]. Для этих работ характерно обращение к неизвестным архивным сведениям, их анализу, широкое приведение самих источников или извлечений из них. В публикациях содержатся сведения и о потерях населения.

Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, имея суммарные данные по спецконтингентам «Б» (охрана мест заключения) и «В» (заключенные), определили численность заключенных для 1937 г. и 1939 г. Исходя из того, что

инструкция 1939 г. учитывала всех заключенных лагерей, колоний, тюрем, трудпоселенцев, проживающих в зоне, трудпоселках ГУлага НКВД и допуская наличие аналогичной инструкции и до 1937 г., они вычислили контингент «В». При этом, использовав данные 1939 г. о его перераспределении из многочисленных мест прибывания в другие районы, определили процент «перебрасываемого» контингента «В» от 53 до 76% и приняли больший из полученных процентов. Аналогичный способ распространили и на материал переписи 1937 г. (при суммарной численности групп «Б» и «В» — 2 389 570 чел.). В ходе проведенных расчетов авторы получили: 6 января 1937 г. в местах лишения свободы и трудпоселках содержалось не менее 1,8 млн. человек (спецконтингент «В»), 21 февраля 1939 г.— не менее 2,6 млн. [51]

В. Н. Земсков на основе текущей статистики ГУлага НКВД СССР уточнил соотношение между группами «Б» и «В». Рассматривая сведения на 1 марта 1940 г., согласно которым на 1 668 200 заключенных лагерей и колоний ГУлага приходилось около 107 тыс. человек охраны, исследователь пришел к выводу: соотношение между группами «Б» и «В» — 6 и 94%. Такое же соотношение он полагает верным и для периода проведения переписей 1937 г. и 1939 г. Взяв для вычленения группы «В» верхний предел — 94%, В. Н. Земсков предполагает, что по Переписи 1937 г. было учтено свыше 2,2 млн. заключенных, исключая трудпоселенцев (400 тыс.), которых не рассматривали в качестве спецконтингента НКВД. Перепись 1939 г. зафиксировала, как считает исследователь, «почти всех находившихся тогда в наличии заключенных и трудпоселенцев». По сведениям текущей статистики ГУлага, НКВД, опубликованным В. Н. Земсковым, численность заключенных и трудпоселенцев на 1 января 1937 г. составляла 2 658 156, на 1 января 1939 г.— 2 961 528 [52].

Используя материал В. Н. Земскова и исходя из расчета, что охрана не превышала 6% от общего числа заключенных и охраны, В. Б. Жиромская и И. Н. Киселев пришли к выводу о численности заключенных по Переписи 1937 г.— 2300 тыс. (суммарное число охраны и заключенных по материалам Переписи 1937 г.— 2400 тыс. чел.). Если иметь в виду, что 400 тыс. трудпоселенцев не были учтены переписью, то сделанный вывод совпадает с данными текущей статистики на 1 января 1937 г. о 2700 тыс. заключенных [53].

Неизвестную ранее группу архивных источников о численности заключенных ввел в научный оборот В. В. Цаплин. Исследователь выявил в ЦГАНХе СССР и проанализировал сводные бухгалтерские отчеты по исполнению сметы расходов центрального аппарата НКВД СССР, отчеты по основной деятельности и капитальным вложениям, объяснительные записки к отчетам, статформы об использовании труда заключенных, о выполнении плана по труду Главного управления лагерей (ГУлаг), Главного управления железнодорожного строительства, Главного строительства Дальнего Севера НКВД СССР. Он пришел к выводу: общая численность заключенных в 1939 г. составляла 1 615 400 человек. С учетом показателя смертности, ориентировочно определенного исследователем из отчетов по Дальстрою за 1938 и 1939 гг. в 25% и распространенного на лагеря системы чекистско-оперативных управлений, ГУлага, Управления железнодорожного строительства, численность заключенных в 1939 г., прошедших через лагеря, колонии, тюрьмы и другие места заключения, измерялась в 2103 тыс. человек [54]. Однако материал В. В. Цаплина, раскрывающий масштабность репрессий, ограничен одним годом.

Таким образом, анализ данных переписей населения 1937 и 1939 гг., архивов НКВД позволил приступить к изучению численности заключенных в 30-е гг. На первом этапе исследований, очевидно, невозможно сразу получить точные сведения. В ходе дальнейшего выявления нового архивного материала, разработки соответствующих методов расчетов число репрессированных может быть уточнено.

Изучение жертв репрессий, их численности еще не дает сведений о непосредственных людских потерях. Опубликованный материал В. Н. Земскова о

движении лагерного населения ГУлага приближает нас к выявлению цифры потерь. На основании несложных подсчетов получаем: из лагерных заключенных, прибывших из лагерей НКВД, мест заключения, бегов за 1934—1938 гг., насчитывалось 3336 тыс. человек; убыло за этот же период в лагеря НКВД, другие места заключения, освобождено, умерло, бежало — 2859 тыс., из них умерло 191 140 человек (5,7% от всего числа прибывших). Наивысший процент (12,7%) смертности среди прибывших наблюдался в 1938 г., что, очевидно, было связано с увеличением притока заключенных; наименьший — в 1936 г. (3,2%) [55]. Но это только часть прямых потерь, так как опубликованные данные охватывают умерших лагерного блока ГУлага, а были еще колонии, тюрьмы, зоны, стройки, люди погибали во время следствия, транспортировки, расстрелов. Их выявление нуждается в дополнительной работе.

В этом плане представляет значительный интерес подход В. В. Цаплина. Определив показатель смертности в 25%, он уточнил для 1939 г. не только численность заключенных в лагерях, колониях, тюрьмах, составлявшую, напомним, 2103 тыс. человек, но и количество погибших из них — 525 тыс. [56]

Необходимо также отметить, что были выявлены и опубликованы отдельные сведения о людских потерях в результате репрессий 1930-х гг. Г. А. Куманев в беседе с корреспондентом газеты «Красная звезда» назвал 41 679 расстрелянных военнослужащих и моряков за период с 27 февраля 1937 г. по 12 ноября 1938 г. [57] Существуют данные о результатах деятельности Военной коллегии, Коллегии ОГПУ, «троек» НКВД, Особого совещания, судов [58]. Однако обобщающего материала о жертвах репрессий 1930-х гг. не опубликовано. Дальнейшее изучение этих проблем связано с выявлением и источниковедческим анализом архивных материалов НКВД, ОГПУ, Особого совещания, Военной коллегии, военных трибуналов, судов за 1930-е гг.

Публикации, посвященные оценкам потерь населения в 1930-е гг., в настоящее время приоткрыли в той или иной степени численность потерь населения. Между тем важно выявить и качественное измерение — половозрастной, национальный состав, образовательный и культурный уровень репрессированных. Сведений такого рода практически не опубликовано. Однако именно этот материал дает возможность рассмотреть утраченный потенциал общества. Исключением стала работа В. Н. Земскова о лагерном составе ГУлага. Использованные автором архивные данные НКВД, относящиеся к 1 марта 1940 г., показывают, что наибольший процент заключенных ГУлага составляли мужчины, в основном русские, молодого и среднего возрастов, имеющие образование [59]. Отсюда можно предположить, что именно эти категории заключенных несли значительные потери.

Таким образом, опубликованный материал показал, что первоначальное изучение размеров потерь населения в 1930-е гг. связано с выявлением, источниковедческим анализом новых документов. Характерным стало появление разных оценок людских потерь. Очевидно, это закономерный процесс поисков. В то же время он отражает такую сложность в изучении проблемы, как острую нехватку источников. В этом плане важно собрать все имеющиеся источники, проанализировать, сопоставить, показать их репрезентативность, т. е. продолжить кропотливую собирательную и аналитическую работу, которая уже началась с материалами Всесоюзных переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг. Без этого вряд ли возможно уточнить численность потерь населения.

Большое значение в данных условиях имеет разработка новых методов исследования, опирающихся на солидную источниковую базу, знании специфики развития регионов. Представляется важным продолжить изучение размеров потерь населения в отдельных регионах. Как показали опубликованные работы, это дает обширный уточняющий материал. Для выяснения численности людских потерь необходимы также исследования ряда близлежащих проблем: анализа естественного движения населения, динамики рождаемости, смертности, продолжительности жизни.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что систематическая и разнообразная по своим направлениям работа позволит установить более точные сведения о масштабе людских потерь в 1930-е гг. Это даст возможность исследователям судить о характере и взаимовлиянии политических, социально-экономических, демографических процессов, а также людском потенциале общества накануне войны.

Примечания

[1] Комсомольская правда. 1991. 4 июня. Подробную характеристику см.: Ц а п л и н В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы//Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175; Д у г и н А. Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУлага//Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 90—91, 93.

[2] Людские потери в результате военных конфликтов 1930-х годов и депортации народов не рассматриваются.

[3] См.: Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М. 1936. С. 542; Народное хозяйство в 1961 г.: Стат. ежегодник. М., 1962. С. 7—8; То же... в 1962 г. М., 1963. С. 3; То же... в 1963 г. М., 1965. С. 7—8; Население СССР, 1973: Стат. сб. М., 1975. С. 7.

[4] См.: В и ш н е в с к и й А. Г., К у з н е ц о в а Л. Люди или население?//В человеческом измерении. М., 1989. С. 207—225; Ц а п л и н В. В. Указ. соч. С. 175—181; Ж и р о м с к а я В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: История подготовки и проведения//История СССР. 1990. № 4. С. 84—104; П о л я к о в Ю. А., Ж и р о м с к а я В. Б., К и с е л е в И. Н. Полвека молчания: (Всесоюзная перепись населения 1937 г.)//Социологические исследования. 1990. № 6—8; В о л к о в А. Г. Из истории Переписи населения 1937 года//Вестник статистики. 1990. № 8. С. 45—56; е г о ж е. Шаг к правде: (О статье Ф. Д. Лившица)//Демографические процессы в СССР. М., 1990. С. 167—174; Л и в ш и ц Ф. Д. Перепись населения 1937 г.//Демографические процессы в СССР. С. 175—208; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; Население России в 1920-е — 1950-е годы: численность, потери, миграции. М. 1994.

[5] XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М. 1930. С. 35; XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М. 1934. С. 25.

[6] Социалистическое строительство СССР. С. 542; СССР в цифрах. М., 1935. С. 201; Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, 25 ноября — 5 декабря 1936 г.: Стеногр. отчет. М., 1936. Бюллетень № 10. С. 2. См. также данные: СССР. Государственная плановая комиссия. Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг. М., 1928. С. 40; Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 234; Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.). М., 1934. Т. 1. С. 353—354, 503.

[7] И с у п о в В. А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма//Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 186.

[8] Об этом же см.: П о л я к о в Ю. А., Ж и р о м с к а я В. Б., К и с е л е в И. Н. Указ. соч. 1990. № 6. С. 21.

[9] Народное хозяйство СССР в 1962 г. С. 7.

[10] С т а р о в с к и й В. Н. Методика исследования элементов роста народонаселения//Вестник статистики. 1964. № 11. С. 11; П о л я к о в Ю. А., Ж и р о м с к а я В. Б., К и с е л е в И. Н. Указ. соч. 1990. № 6. С. 24; В о л к о в А. Г. Указ. соч. С. 55; Л и ф ш и ц Ф. Д. Указ. соч. С. 174—207; А н д р е е в Е., Д а р с к и й Л., Х а р ь к о в а Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926—1941 (краткие результаты исследования)//Вестник статистики. 1990. № 7. С. 36.

[11] Всесоюзная перепись населения 1937 г. С. 47.

[12] Ц а п л и н В. В. Указ. соч. С. 178; П о л я к о в Ю. А., Ж и р о м с к а я В. Б., К и с е л е в И. Н. Указ. соч. № 6. С. 23—24; В о л к о в А. Г. Указ. соч. С. 55.

[13] Социологические исследования. 1990. № 8. С. 51; Ц а п л и н В. В. Указ. соч. С. 180; Вестник статистики. 1990. № 7. С. 38; Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 8.

[14] Ц а п л и н В. В. Указ. соч. С. 178, 180.

[15] См.: У р л а н и с Б. Ц. Динамика населения СССР за 50 лет: Население и народное благосостояние. М., 1968. С. 23—24.

[16] См. подробнее: М а к с у д о в С. Потери населения СССР. Benson, 1989. С. 148.

[17] Там же. С. 123—124 и др.

[18] С т а л и н И. В. Соч. Т. 13. С. 200.

[19] Между тем У. Черчилль в своих воспоминаниях приводит высказывание И. В. Сталина относительно 10 млн. крестьян, высланных и умерших от голода (Ч е р ч и л л ь У. Вторая мировая война. М., 1955. Т. 4. С. 493).

[20] См.: Х а н д р о с Б. Смертные листы//Юность. 1990. № 2. С. 54; К о н к в е с т Р. Жатва скорби//Вопросы истории. 1990. № 4. С. 89—100; Международная жизнь. 1990. № 5. С. 99.

[21] См.: М а к с у д о в С. Указ. соч. С. 170—173; Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции с. 51, 65.

[22] Д а н и л о в В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографическая катастрофа» 30—40-х годов в СССР//Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116—121; М а к с у д о в С. Указ. соч. С. 228—229.

[23] Конквест Р. Жатва скорби//Новый мир. 1989. № 10. С. 179—200; Вопросы истории. 1990. № 4. С. 83—88.

[24] Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С. 310.

[25] Цаплин В. В. Указ. соч. С. 178.

[26] О состоянии источников по учету населения и оценки динамики рождаемости и смертности населения за 1927—1933 гг. см.: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993. С. 36—50.

[27] Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года. Сколько их?: (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР)//История СССР. 1991. № 5. С. 21—25. См. также: Тольц М. Репрессированная перепись//Родина. 1989. № 11. С. 60.

[28] Цаплин В. В. Указ. соч. С. 178.

[29] См.: Кульчицкий С. В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине//Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14—16 мая 1991 г. М., 1991. Ч. 1. С. 38.

[30] Советская культура. 1990. 31 марта.

[31] Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме: Исторический очерк//Знамя. 1989. № 2. С. 176. См. также: Козлов В. И. Динамика национального состава населения СССР и проблемы демографической политики//История СССР. 1983. № 4 С. 20, 22.

[32] Хандрос Б. Указ. соч. С. 52—53, 55; Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии... С. 38. О свидетельствах голодной смерти см. также: Конквест Р. Указ. Соч. С. 195; 33-й: голод. Народна книга — меморіал. Київ, 1991; Известия. 1993. 3 июля.

[33] Кульчицкий С. В. Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине//История СССР. 1989. № 5. С. 33; его же. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине//Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. С. 39.

[34] См.: Перковский А. Л., Пирожков С. И. К истории демографического развития 30—40-х годов (на примере Украинской ССР)//Экономика. Демография. Статистика. М., 1990. С. 183.

[35] См.: Перковский А. Л., Пирожков С. И. Указ. соч. С. 183.

[36] 33-й: голод... С. 579—580; Капелюшный Л. Голодомор//Известия. 1993. 3 июля.

[37] В этой связи напомним, что цифра Р. Конквеста — 5 млн. погибших от голода на Украине — была получена путем подсчета разницы между численностью населения, зафиксированной Всесоюзной переписью населения 1937 г. (163,7 млн. человек), и предполагаемой численностью, определенной Управлением по делам переписи незадолго до проведения Переписи 1937 г. (168,9 млн. человек). В итоге исследователь пришел к выводу, что разница — 5,2 млн. человек — число незарегистрированных смертей на Украине с конца октября 1932 г. Причем эта цифра, по его мнению, подтверждается и другим способом определения жертв голода, а именно — анализом численности населения республики по материалам Всесоюзных переписей населения 1926-го и 1939 гг., с учетом естественного прироста, а также числа украинцев, проживающих за пределами Украины. Общее число умерших в этом случае составляет 7 млн. чел. Опубликованная численность населения по данным Всесоюзной переписи населения 1937 г.— 162 млн.— «сблизила» результаты, поскольку незарегистрированная смертность от голода составила 6,9 млн., а не 5 млн. чел.

[38] Кондрашин В. В. Общие демографические потери деревни Поволжья во время голода 1932—1933 гг.//Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. С. 51—52; его же. Голод 1932—1933 годов в деревне Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 19—22.

[39] См.: Историческая демография: новые подходы, методы, источники: Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13—14 мая 1992 г. М., 1992. С. 78—79.

[40] См.: Осокина Е. А. Указ. соч. С. 18.

[41] Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия//Вопросы истории. 1989. № 7. С. 65—67.

[42] Алексеенко А. Н. Голод начала 30-х гг. в Казахстане (методика определения числа пострадавших)//Историческая демография: новые подходы, методы, источники... С. 76—78.

[43] Эти данные приводятся без указания источников и методов работы в кн.: Михайлов В. Ф. Хроника Великого Джута: Документальная повесть. Алма-Ата, 1990. С. 201—202.

[44] Исупов В. А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма//Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 182—184; его же. Демографические последствия голода 1932—1933 гг. в Западной Сибири//Демографическое развитие Сибири, 30-е — 80-е гг.: (Исторический опыт и современные проблемы): Сборник научных трудов. Новосибирск, 1991. С. 11—19; его же. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — начало 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 81—83.

[45] См.: Осколков Е. Н. Голод 1932—1933: Хлебозаготовки и голод 1932—1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991. С. 72—74, 80.

[46] См. подробнее: Дугин А. Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУлага//Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 100.

[47] Родина. 1989. № 8. С. 35.

[48] См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД/МВД СССР)//Социологические исследования. 1990. № 11. Табл. 2; его же. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг.//Там же. 1991. № 2. С. 75.

[49] Земсков В. Н. Спецпоселенцы... Табл. 2. (подсчеты автора). См. также: Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы//Социологические исследования. 1991. № 10. С. 4—10.

[50] См.: Аргументы и факты. 1989. № 45. С. 7; Дугин А. Н. Указ. соч. С. 90—91; Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Указ. соч.; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги: Сб. док. и материалов. М., 1991; Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Население СССР по переписям 1937 и 1939 гг.//Комплексный подход к изучению социальной структуры: Источники и методы: Сборник научных трудов. М., 1991. С. 28—48; Земсков В. Н. Об учете спецконтингента НКВД... С. 74—75; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992.

[51] Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания... 1990, № 8. С. 44—45; Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Население СССР по переписям 1937 и 1939 гг. С. 37—38; Всесоюзная перепись населения 1937 г. ... С. 173.

[52] Земсков В. Н. Об учете спецконтингента НКВД... С. 74—75.

[53] Всесоюзная перепись населения 1937 г. ... С. 17. По приводимым А. Н. Дугиным данным архивных документов ГУлага, численность заключенных, содержавшихся в лагерях, тюрьмах и колониях НКВД (без трудпоселенцев), на 1 февраля 1937 г. равнялась 2 012 000 чел., см.: Дугин А. Н. Указ. Соч. С. 97. См. также: Земсков В. Н. ГУлаг: историко-социологический аспект//Социологические исследования. 1991. № 6. С. 12, 14—15, 19.

[54] Цаплин В. В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов//Вопросы истории. 1991. № 4—5. С. 157, 160, 161.

[55] Аргументы и факты. 1989. № 45. С. 7 (подсчеты автора).

[56] Цаплин В. В. Архивные материалы... С. 160, 161.

[57] Красная звезда. 1993. 14 января.

[58] См.: Правда. 1988. 16 сентября; Вопросы истории. 1990. № 6. С. 162 и др.

[59] См.: Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14.

© 1995 г. Я. С. ЛУРЬЕ*

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ ПРИСЕЛКОВ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Хорошо помню мое первое впечатление от этого человека. Шел «неудобозабываемый» 1937 год, я был студентом, только что поступившим на 1-й курс исторического факультета Ленинградского университета. Незадолго до этого было восстановлено преподавание истории в университете и в школах; историки требовались всюду. Общие курсы истории для первокурсников тогда читались в большом колонном зале главного здания Ленинградского университета. Лекции по истории СССР читал Б. Д. Греков.

Однажды Б. Д. Греков заболел, и его заменил другой, совершенно не знакомый нам профессор. Крупный, коренастый, плотного сложения, с коротко остриженной головой и совсем необычной в те времена эспаньолкой. Говорил он несколько «в нос» напомнив мне, любившему театр, артиста «Александринки» Б. А. Горин-Горяйнова. Он не продолжал курса Б. Д. Грекова, а прочел специальную лекцию о древнерусском алфавите.

После лекции я спросил отца, также работавшего на историческом факультете, о неизвестном мне профессоре, и отец объяснил, что это Михаил Дмитриевич Приселков, знаменитый ученый, лишь недавно вернувшийся из ссылки и только что принятый на работу в университет.

Но настоящее знакомство с Михаилом Дмитриевичем состоялось позже — на первом заседании студенческого научного кружка, одним из руководителей которого (вместе с Иваном Ивановичем Смирновым) он был назначен. Его первое выступление (кажется, оно было посвящено исторической основе «Слова о полку Игореве») было необычайно интересным. Историческая тема становилась настоящим детективным расследованием, где ничего не было известно заранее, кроме показаний источников, и выводы были непредсказуемы. Так же строился и курс истории летописания, который М. Д. Приселков читал нам

* Лурье Яков Соломонович, доктор филологических наук.

в 1940 г. Для меня эта встреча стала одним из переломных моментов жизни. Увлеченный до этого XIX веком, я решил заниматься историей Древней Руси и остался верен этой теме.

Каким же был Михаил Дмитриевич Приселков? Сейчас, спустя полвека после его смерти, трудно ответить на этот вопрос. Мне было 16 лет, когда я впервые стал заниматься под его руководством в научном кружке, и время ученичества было очень коротким — всего четыре года. Он казался мне тогда старым человеком — патриархом, и трудно даже осознать, что сейчас, когда я пишу эти строки, я значительно старше, чем был он в последний год своей жизни. Как и подобает шестнадцатилетнему мальчишке, я благоговел перед ним и вместе с тем очень стеснялся и не мог найти ровного тона в разговорах — несмотря на его поразительную приветливость и вежливость (именование первокурсника по имени-отчеству, неизменное предпочтение ободряющих слов каким-либо упрекам). Совершенно отсутствовала в нем та отеческая грубоватость, которой отличался, например, Александр Сергеевич Орлов. Возможно, в сугубой вежливости М. Д. Приселкова была и некоторая доля отчуждения от собеседника (подобная той, которая была свойственна К. Чуковскому или М. Булгакову). Жизнь М. Д. Приселкова, как видно из архивных материалов, была далеко не безоблачной. Еще задолго до обрушившихся на него бед, еще в дореволюционных письмах нередко звучат нотки отчаяния, вызванные не только личными мотивами (проблемы со здоровьем), но и общими — политическими [1].

Не был он вполне счастлив и в своей научной деятельности. Работа преподавателя средних учебных заведений отнимала у него в молодости много времени и не давала возможности всецело отдаться науке. Первые послереволюционные годы также были мало благоприятны для научной работы. По-настоящему своим главным призванием — историей летописания — М. Д. Приселков занялся в 20-е гг., но арест и шестилетняя ссылка разрушили его планы. Погибли библиотека и едва ли не весь архив ученого.

На 1936—1940 гг. приходится поразительный взлет научной и преподавательской деятельности М. Д. Приселкова. Внезапно обнаружившаяся болезнь и скорая смерть в начале 1941 г. оборвали его работу — целый ряд исследований издавался и издается посмертно. М. Д. Приселков оставил нам свой классический, в основной своей части не устаревший труд по истории русского летописания. Ему же принадлежит постановка грандиозных задач будущих исследований — задач, которые еще придется решать исследователям в конце XX и в XXI столетии.

* * *

Михаил Дмитриевич Приселков родился 7 сентября 1881 г. в Петербурге в семье протоиерея Пантелеймоновской и Владимирской церквей. Юность М. Д. Приселкова была нелегкой. «Имущественное положение семьи было таково, что я начал работать („давать уроки“) с пятого класса гимназии, т. е. с 14 лет»,— отметил М. Д. Приселков в своей автобиографии, написанной в 1935—1936 гг. [2]

В 1899 г. М. Д. Приселков окончил 3-ю гимназию и в том же году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета; в 1903 г. был «оставлен по кафедре русской истории» (т. е., по современным понятиям, принят в аспирантуру). Довольно рано он начал преподавать в среднем учебном заведении (1-м кадетском корпусе), а с 1907 г. стал читать лекции и вести практические занятия в качестве приват-доцента университета.

Но путь ученого к кафедре русской истории оказался довольно сложным. На кафедре мог быть всего один профессор (он же заведующий кафедрой) — академик С. Ф. Платонов; все остальные члены кафедры числились приват-доцентами, т. е. работали на почасовой оплате. Будучи академиком, С. Ф. Платонов имел возможность перейти в экстраординарные профессора (как обычно и делали), уступив профессорское место преемнику. Но С. Ф. Платонов не торопился, и даже виднейшие из его коллег оставались приват-доцентами.

При таких обстоятельствах М. Д. Приселков счел в 1907 г. более разумным готовить свою магистерскую диссертацию не при кафедре русской истории, а при кафедре истории Русской Церкви: И. Д. Андреев, возглавлявший кафедру, относился к молодым коллегам менее ревниво. Одновременно М. Д. Приселков стал преподавателем Психоневрологического института, основанного В. М. Бехтеревым, и Высших женских курсов — двух наиболее либеральных учебных заведений Петербурга.

Этому выбору места работы, по-видимому, соответствовали политические взгляды молодого историка. Уже в 1905 г. он сблизился с ученым, который официально никогда не считался его научным руководителем, но фактически стал на всю жизнь его учителем и наставником,— Алексеем Александровичем Шахматовым. Переписка между ними велась в течение всех предреволюционных лет, но была не очень обширной: ведь они жили в одном городе. М. Д. Приселков писал А. А. Шахматову в тех случаях, когда не решался беспокоить его лично (ряд писем был как раз связан с договоренностью о визитах). Но из писем видно, что их обоих сближали не только научные интересы. В 1906 г. Михаил Дмитриевич писал своему старшему коллеге: «Я только что узнал о том, что П. Н. Милюков не имеет ценза, чтобы пройти в Думу (речь идет о II Государственной думе.— *Я. Л.*), и нахожусь весь день под живым впечатлением этого невеселого сообщения. Как это можно было просмотреть?! П. Н. вывез бы один на себе весь к.-д. список по Петербургу; теперь же этот вопрос, по-моему, значительно осложнен. Я не говорю о том, что для Думы это будет потеря, т. к. П. Н. все равно будет привлечен к ее работе, но список много проиграет. Если даже по последнему списку одним из кандидатов выставлен А. К. Бороздин, то это, конечно, не к успеху партии. А. К. я знаю и, конечно, не с худой стороны, но разве это политическая фигура, способная дать голоса? Верите, я прямо опечален этой новостью ⟨...⟩ Положение и общий учет наступающего, ведь, и так не весел» [3]. Партия названа лишь сокращенно, но ясно, что речь идет о партии конституционных демократов, которой сочувствовала либеральная академическая интеллигенция и членом центрального комитета которой был А. А. Шахматов.

Политическая позиция М. Д. Приселкова в те годы еще сильнее обнаруживается в письме сверстнику и другу Л. В. Щербе от 17 февраля 1907 г.: «Времена такие, что самым подлым образом падаешь духом и хочешь поддержки ⟨...⟩ Реакция — омерзительная, т. к. развращает и дух человека, и жизнь общества. Кто подленько виляет хвостом, кому благо родины и народа — сладенькие слова,— тому только и жить у нас в России ⟨...⟩ Послезавтра собирается 2 Дума. Измученная родина не ждет скорого в ней исцеления. Думу разгонят — вот общий голос. И если еще есть вопрос, то только: когда? Что же будет дальше? Я стараюсь не думать. Худо все, что сейчас, что будет в ближайшем будущем...» [4]

В начале 1911 г. разразились студенческие волнения, связанные с отменой университетской автономии. По распоряжению управляющего Министерством народного просвещения Л. А. Кассо 5 февраля был исключен из числа студентов университета младший брат М. Д. Приселкова, Николай, учившийся на естественном отделении; 22—23 ноября того же года он подвергся аресту и обыску. В связи с этими событиями М. Д. Приселков обращался к А. А. Шахматову, в письмах к которому он, как и прежде, обсуждал не только научные, но и общественные вопросы: «В ночь с 22 на 23 ноября с. г. по ордеру охранного отделения в моей квартире, в комнате моего брата Николая Приселкова был произведен безрезультатный обыск, сопровождавшийся арестом брата и конфискацией непрочитанной при обыске переписки. С утра 23 ноября и до сих пор брат находится в Спасской части, числясь за охранным отделением. В охранном отделении нам сообщили, что обыск и арест вызван подозрением участия брата в подготовке сходки, имевшей место 23 ноября в стенах нашего университета, что никаких прямых улик, однако, нет, кроме подозрения, что он знал о подготовляемой сходке, но не предпринял ничего против нее; что отягчающим обстоятельством во всех подозрениях является факт увольнения брата из числа студентов нашего

университета в январе текущего года. По всем „подозрениям" охраны могу с совершенной уверенностью говорить о полной картине какого-то досадного недоразумения. Последнее обстоятельство — увольнение из университета,— как едва ли не самое главное в глазах охраны,— для Вас не требует каких-либо пояснений, т. к. случайность и несправедливость его по отношению к брату Вам известна, а мне памятно Ваше участие и содействие в деле возвращения брата в число студентов, до сих пор, к сожалению, бесплодное. По сведениям от самого брата знаю, что его за эту неделю допрашивали один раз, предъявив ему обвинение в подготовке сходки 23 ноября, в участии в с[оциал]-д[емократической] фракции университета и в посещении университета после удаления из числа студентов. Никаких оснований к этим пунктам, однако, не давали, кроме ссылки на „агентские сведения"...» [5].

Из письма от 11 ноября 1912 г. видно, что А. А. Шахматов, хотя и был главой одного из отделений Академии наук и директором ее библиотеки (по тогдашней табели о рангах — штатский генерал), не смог помочь М. Д. Приселкову восстановить брата в университете: «Дело моего брата в безнадежно плохом положении. Узнав от Вас о секретном полицейском veto на его обратный прием, я через Г. Ад. Фальборха узнал еще, что сделать что-либо для снятия этого veto можно не в градоначальстве, а в охранном отделении ⟨...⟩ Директор 1 (кадетского.— *Я. Л.*) корпуса (генерал-лейтенант Григорьев) предложил мне свое содействие. Конечно, его приняли там, он видел полковника Коттена и выяснил, что охранное отделение ни в коем случае не может допустить обратного приема брата, т. к. у них имеются будто бы непреложные данные, что он размножал прокламации в январе 1911 г. по поводу академической забастовки. По моей просьбе генерал еще раз виделся с Коттеном, выяснял им ошибочность их данных ⟨...⟩ То, что мне рассказал о правах охранного отделения возмущенный генерал, настолько потрясающе подействовало на меня, что думаю и тоскую, как мне быть: уходить ли из университета самому или нет? (NB. Например, Коттен жаловался, что нет отбоя от желающих продаться охранному отделению, и есть немало служащих студентов за 5 руб. в месяц). Все это так постыдно и противно вспоминать, когда входишь в аудиторию ⟨...⟩ Поведение наших „старших товарищей" таково, что стыдишься перед студентами, а студенты получают отказ в их порывах служить царю и родине за 5 р. в месяц! Бывали хуже времена, но не было подлей!» [6]

Лишь год спустя, в ноябре 1913 г., Николай Приселков был восстановлен в университете.

Письма А. А. Шахматову за последующие годы посвящены преимущественно академическим темам или договоренностям о визитах к наставнику — обычно не в одиночку, а вместе с еще двумя из «трех мушкетеров», как они себя именовали,— В. Н. Бенешевичем и М. Р. Фасмером [7].

Готовилась публикация книги, которая должна была стать магистерской диссертацией М. Д. Приселкова: «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПб., 1913), но автор чувствовал себя далеко не спокойно. «История моей книги — моя история в университете. Кто я? Русские историки считают меня историком Русской Церкви (как будто это что-то совсем особое!), историки Церкви — русским историком. Я не хочу судить, кто прав, кто ошибается, но я хочу надеяться, что среди членов факультета я в Вашем лице найду поддержку своей смелости — заниматься наукой, против которой поставлены рогатки университетского Устава...»,— писал он в 1913 г. А. А. Шахматову [8].

19 января 1914 г. состоялась защита. Она оказалась чрезвычайно бурной. На диспуте выступили семь человек — все они оспаривали многие тезисы исследования, указывая на их спорность, что, впрочем, не помешало единогласному присуждению ученой степени и аплодисментам: в те времена спорность исследования считалась его достоинством. Основным предметом дискуссии было высказанное М. Д. Приселковым предположение, что до назначения первого русского митрополита в 1037 г. Русская Церковь подчинялась Охридской Церкви, а не Греческой. Диссертант настаивал на том, что присущая его работе

гипотетичность построений не является ее специфической особенностью, «так как и прежде исследования в этой области должны были прибегать к помощи гипотез» [9]. В сущности, основным предметом спора был вопрос о том, должен ли ученый при установлении исторических фактов основываться всецело на изучении источников, или же ему следует в равной мере опираться на труды своих предшественников.

Бурные дебаты в ходе диспута не изменили основного направления работ М. Д. Приселкова. После защиты диссертации он обратился к теме, заняться которой ему посоветовал А. А. Шахматов: ханские ярлыки русским митрополитам. Работу эту он посвятил учителю «в знак глубокого уважения и живой благодарности» [10].

В 1915 г. М. Д. Приселков, в течение ряда лет преподававший в средних учебных заведениях, издал учебное пособие по русской истории для VII—VIII классов мужских гимназий и VII классов реальных училищ [11]. Среди рукописей М. Д. Приселкова сохранилось и введение к этому учебнику, предназначавшееся, очевидно, для нового издания, но неопубликованное. Введение это весьма характерно для определения позиции автора: «Что такое история? Наша родина — Россия — раскинулась по всей Восточной Европе и всей Северной Азии до берегов Тихого океана. Население России многочисленно и разноплеменно... Вся эта большая земля и все это большое население составляют единое свободное государство. Т. е. население нашей земли — и мужчины и женщины — подчиняются общим законам (или правилам). Законы эти составляют сами граждане через своих выборных. Выборные решают законы по большинству голосов, и эти решения считаются волей всего народа...» [12] Формула «свободное государство», указание на «выборных» представителей народа как на единую форму власти, полное отсутствие упоминания о царе дают основание предполагать, что введение это было составлено, скорее всего, после Февральской революции и отражало настроения весны — лета 1917 г., характерные для той левой интеллигенции, к которой принадлежал М. Д. Приселков.

Революция привела к восстановлению университетской автономии, существовавшей в 1905—1911 гг. С 1917 г. М. Д. Приселков — доцент, с 1919 г.— профессор университета, в последующие годы при существовавшей еще (до середины 20-х гг.) выборности университетской администрации он стал секретарем, а потом деканом факультета общественных наук, в состав которого вошли прежние историко-филологический и юридический факультеты Петроградского университета и Психоневрологического института [13].

Но жизнь в Петрограде, где Михаил Дмитриевич (в отличие от ряда профессоров Петроградского университета, переехавших в Самару) оставался все эти годы, отнюдь не была благополучной. Свирепствовал голод. В 1920 г., в возрасте 56 лет, скоропостижно скончался А. А. Шахматов. На заседании, посвященном его памяти, М. Д. Приселков как декан факультета общественных наук произнес вступительное слово; он же сделал доклад о русском летописании в трудах А. А. Шахматова [14].

К началу 20-х гг. относятся первые печатные работы М. Д. Приселкова по истории летописания. В 1922 г. наряду с публикациями в «Известиях Отделения русского языка и словесности Российской академии наук» (ИОРЯС), посвященными памяти учителя, он издал и собственную работу, непосредственно связанную с вопросами изучения русских летописей [15]. В 1923 г. вышла в свет научно-популярная книга М. Д. Приселкова «Нестор-летописец», а в 1924 и 1927 гг.— его статьи о Летописце 1305 г. (оригинале Лаврентьевской летописи) и об отражении южнорусского летописания в суздальском летописании XII—XIII вв. [16] Уже в статье 1922 г. ученый заявлял о поставленной им задаче — реконструировать текст сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи — и отмечал «ряд положительных результатов», полученных при решении этой задачи. Работа о Троицкой летописи упоминалась как подготовленная к печати в 1924 г. в списке работ исследователя, составленном им в 1927 г. В этом же списке и в отзыве на неопубликованную статью М. Н. Тихомирова о летописце начала XVI в. из Уваровского собрания

(изданном впоследствии как «Московский свод конца XV в.») М. Д. Приселков упоминал также о подготовленном им труде «История русского летописания XI—XV вв.» (о нем же он докладывал 23—30 апреля 1925 г. в Обществе древней письменности и искусства) и о предполагавшейся публикации (совместно с А. Е. Пресняковым) неизданного труда А. А. Шахматова «Обзор русских летописных сводов XIV—XVI вв.» и Радзивиловской летописи [17].

Однако все эти планы оставались неосуществленными. Материальное положение М. Д. Приселкова, как и других представителей университетской профессуры, было очень трудным. Еще в 1921 г., в связи с болезнью жены, он просил Комиссию по улучшению быта ученых о вспомоществовании, предлагая в обеспечение помощи продать имевшуюся у него мебель; однако в просьбе было отказано [18].

Новое руководство университета явно не доверяло ученому. Ему могли ставить в вину и участие в конце 1917 — начале 1918 г. в Соборе Русской Православной Церкви, избравшем патриарха Тихона (М. Д. Приселков присутствовал на нем в качестве представителя от кафедры истории Церкви [19]), и кадетское прошлое. По воспоминаниям Д. С. Лихачева, при выборах университетской администрации в 1922 г. М. Д. Приселков проходил по кадетскому списку [20]. В 1927 г. он был исключен из состава преподавателей факультета языка и материальной культуры (ямфака, как стал тогда называться факультет общественных наук). Он обратился с жалобой в Наркомпрос, но на запрос министерства руководство ямфака (Н. С. Державин, Я. Пальвадре) ответило, что учебный план выполняется «утвержденным штатным составом преподавателей, и профессор Приселков М. Д. остался без поручений» [21]. «Меня с 1-го ноября уволили из ямфака»,— писал ученый в начале следующего года академику Н. К. Никольскому. При вновь начавшейся в конце 20-х гг. инфляции существовала система перевода части ученых на так называемое «золотое обеспечение», но М. Д. Приселков не надеялся его получить, ибо «из историков дают охотно только марксистам» [22]: представитель «академической профессуры» к марксистам заведомо не причислялся. В 1929 г. в связи с двадцатипятилетним юбилеем работы в университете М. Д. Приселков получил небольшую пенсию и совсем ушел из alma mater, перейдя на работу в историко-этнографический отдел Русского музея [23].

Но впереди его ждали еще более тяжелые испытания. В конце 1929 — первой половине 1930 г. полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО) по подозрению в проведении «активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации» была арестована большая группа ведущих ученых-историков различных научных и учебных заведений Ленинграда (так называемое «дело Платонова — Тарле») и в их числе М. Д. Приселков. Он был включен следователями во «вторую группу» обвиняемых (86 человек), дело которых разбиралось отдельно от первой, «руководящей группы» (С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, Н. В. Измайлов, М. К. Любавский). Вместе с А. И. Заозерским, А. Н. Шебуниным и др. он обвинялся в том, что по поручению не существовавшего в действительности «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» «создавал нелегальные кружки, в которых подготовлялись кадры антисоветских научных работников и будущих членов» этой организации.

Постановлением «тройки» ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 г. М. Д. Приселков был осужден к 10 годам лишения свободы в ИТЛ. Речь идет о наиболее известном тогда «исправительно-трудовом лагере» — «Соловецком лагере особого назначения» (СЛОН). О пребывании там вспоминал и сам М. Д. Приселков, и люди, встретившиеся с ним в заключении. Более молодые ученые-ленинградцы советовали ему работать в существовавшем тогда на Соловках музее, но М. Д. Приселков предпочел работу счетовода. «Я попал за занятия историей и больше ею заниматься не буду»,— вспоминает Д. С. Лихачев его ответ на предложение работать в музее [24].

Постановлением «тройки» ПП ОГПУ в ЛВО от 15 декабря 1931 г. заключение в ИТЛ было заменено высылкой в Западно-Сибирский край сроком на пять лет с определением на жительство в Новосибирске.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 21 августа 1932 г. на основании постановлений Президиума ЦИК СССР от 14 августа 1932 г. (ходатайство прокурора РСФСР Н. В. Крыленко) эта мера была заменена лишением права проживания в двенадцати крупных промышленных городах на оставшийся срок. М. Д. Приселков выбрал город Галич, где и работал бухгалтером [25]. 11 октября 1934 г. В. Н. Бенешевич, его давнишний друг, один из «трех мушкетеров» 1910-х гг., обратился к директору Литературного музея, старому большевику В. Д. Бонч-Бруевичу с ходатайством: «Обращаюсь к Вам с просьбой за давно и хорошо мне знакомого человека проф. Мих. Дмитр. Приселкова не потому только, что питаю к нему дружеские чувства, а потому, что в лице его погибает для науки человек в своем роде единственный. Значение его можно кратко и лучше всего выразить так: он продолжает работу А. А. Шахматова над летописями и он же единственный, кто мог бы подготовить к изданию оставшееся после Шахматова в рукописи грандиозное исследование о летописях. Не говорю уже о том, что М. Д. талантливейший и исследователь и излагатель своих исследований и человек, беззаветно преданный научной работе. Преступлений за ним столько же, сколько и за мной, и такие же, но он уже отбыл наказание и находится теперь на вольной ссылке в Галиче Костр[омской] губ. Сердечно прошу Вас ради интересов возрождающейся историч[еской] науки не отказать в Вашем ходатайстве о разрешении М. Д. Приселкову вернуться в Л[енин]гр[ад]» [26]. Возможно, что это ходатайство возымело действие. Постановлением ЦИК СССР от 17 декабря 1935 г. ученый был освобожден от ссылки [27].

После возвращения в родной город Михаил Дмитриевич оказался в еще более трудном положении, чем до ареста. Об этом он снова писал Н. К. Никольскому: «После долгих лет испытаний я вернулся в Ленинград, получил паспорт, и Президиум ЦИКа дал мне реабилитацию. Думал, что по приезде я смогу получить себе какую-нибудь работу для заработка и вернуться к своей исследовательской работе. Но не тут-то было!... Сейчас я сижу на выборках слов и за написанием карточек для Словаря для И[нститута] я[зыка] и м[ышления] (картотека, легшая в основу ныне публикуемого Словаря русского языка XI—XVII вв.— *Я. Л.*). Но заработок определяется столь ничтожной суммой, что не оправдывает даже личного моего существования. Суровая у меня вышла старость!...» [28]

Неожиданно ситуация изменилась. В 1934—1935 гг. в связи с восстановлением преподавания истории в вузах — в университете открылся исторический факультет. «Патентованные марксисты», о которых в 1928 г. писал М. Д. Приселков и которые работали главным образом в таких учреждениях, как Ленинградское отделение Коммунистической академии (ЛОКА) и Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), потеряли теперь свое монопольное положение. Ограничить преподавательский состав кадрами конца 20-х — начала 30-х гг. было невозможно. Наряду с профессорами, работавшими в предшествовавшие годы в ГАИМКе и ЛОКА — Б. Д. Грековым, С. И. Ковалевым, В. В. Струве и их учениками — К. М. Колобовой, В. В. Мавродиным, И. И. Смирновым и др.— к преподаванию были привлечены те, кто до недавнего времени находился в опале. Это были И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, Е. В. Тарле (вернувшийся из ссылки), а также вынужденные еще недавно работать не по своей основной специальности С. Н. Валк, Н. Ф. Лавров, С. Я. Лурье, С. Н. Чернов. М. Д. Приселков оказался среди тех, кто был возвращен в историческую науку.

В какой-то мере положение этих прежде опальных ученых оказалось более прочным, чем положение той профессуры, которая считалась сугубо «марксистской». Деятели ЛОКА и ГАИМКа в ряде случаев оказывались под подозрением как старые партийцы, связанные с оппозицией или подозреваемые в связях с ней. За короткое время были арестованы три сменивших друг друга декана исторического факультета Ленинградского университета — Г. Зайдель, А. Дрезен и С. М. Дубровский, ряд профессоров ГАИМКа. Представителям старой профессуры еще недавно (сразу после убийства С. М. Кирова в 1934 г.) грозили репрессии, которым подвергались дворяне и прочие «классово чуждые элементы»,

но в 1937—1938 гг. эта кампания отошла на второй план. Что касается М. Д. Приселкова, то помощник декана исторического факультета некий Черницкий, игравший при бесконечно сменявшихся деканах едва ли не важнейшую роль на истфаке, попытался во время одного из политзанятий (посвященных главным образом разговорам о разоблачениях «врагов народа») «прощупать» его. Он спросил его, за что тот был репрессирован. «Вы знаете,— сказал со своей обычной учтивостью Михаил Дмитриевич,— я и сам этим интересовался, когда меня освобождали из ссылки. Но мне ответили: „А вам, профессор, этого и знать не нужно...“» Почти швейковский ответ совершенно ошеломил помощника декана, но заняться дальнейшим расследованием дела ему не пришлось: некоторое время спустя он сам был арестован, да еще весьма эффектно — пришедшие за ним чекисты провели его через вестибюль истфака под дулом револьвера, направленного в спину.

М. Д. Приселков вел практические занятия по истории СССР у первокурсников, занятия по палеографии и спецкурс по истории русского летописания — спецкурс, которого до него никто не читал [29]. Прирожденный педагог, он был весьма популярен среди студентов. 17 июня 1939 г. М. Д. Приселков представил в качестве докторской диссертации «Историю русского летописания XI—XV вв.» Защита прошла блестяще. «Был 17-го на диспуте Приселкова 〈...〉 Прекрасный диспут!,— писал С. А. Жебелев своему собрату по Академии наук Д. М. Петрушевскому.— Настоящее торжество науки, какого давно не был свидетелем. Вот кого — Приселкова — нужно продвигать в академики. Но, конечно, не продвинут» [30].

Еще более восторженной была реакция студентов, устроивших Михаилу Дмитриевичу настоящую овацию. Издав год спустя текст диссертации, М. Д. Приселков посвятил ее студенчеству исторического факультета Ленинградского университета [31]. Однако бурное выражение чувств студентов далеко не всем понравилось. Почти в те же дни проходила защита докторской диссертации Н. А. Корнатовского, читавшего — очень скучно, в манере диктовки — курс истории СССР с 1917 г., и лектор, читавший курс марксизма-ленинизма, обратился с заявлением в партком, отметив нездоровые настроения в студенческой среде — восторженное отношение к бывшему репрессированному и прохладное — к несгибаемому большевику (т. е. Н. А. Корнатовскому).

Вообще, и теперь считать свое положение вполне благополучным М. Д. Приселков никак не мог. Вопреки формулировке, употребленной им в письме к Н. К. Никольскому, официально реабилитирован он не был. Никакой гарантии от арестов представители старой профессуры не имели. Именно тогда был репрессирован, а в начале 1938 г. расстрелян В. Н. Бенешевич.

Как вел себя Михаил Дмитриевич в эти годы? Конечно, он был очень осторожен и на острые темы старался не говорить. Но при этом он не притворялся и в частных разговорах не произносил никаких официальных фраз. В автобиографии 1936 г., вынужденный как-то ответить на обязательный тогда (особенно для репрессированных) вопрос об отношении к революции, он написал: «Революционного прошлого никакого не имею. Царский строй считал всегда анахронизмом, буржуазный строй — величайшей несправедливостью, но не видел сил, способных их изменить, преувеличивая (как теперь вижу) инерцию русского крестьянства. Со времени Октября я старался безусловно ни в чем не помешать рабочей власти, но в прочность нового строя поверил только после сталинской перестройки деревни» [32]. Конечно, найденная им формула выражения лояльности сегодня не представляется привлекательной, но в ней, видимо, был и реальный смысл: именно после всеобщей коллективизации (и собственной ссылки) он поверил в силу и неотвратимость сталинской диктатуры.

В связи с этим вспоминается один эпизод. Я был активным членом студенческого научного кружка, и М. Д. Приселков предложил мне организовать исторический научный кружок для школьников под эгидой университета: «Пусть они займутся историей своего времени — ну, например, школьники из деревни

опишут историю своего колхоза». Чтобы объяснить мою реакцию, укажу, что, хотя в 1929 г. мне было только восемь лет, а в 1933 — двенадцать, я не стану уверять, как многие мои сверстники-горожане, что не имел понятия о судьбе деревни в те годы. Я помню толпы умиравших от голода украинцев, пробиравшихся через Белоруссию, где мы жили летом. Помню юношу, появившегося в нашем доме в 1933 г., который казался мне (да и был) настоящим героем. Родители его были раскулачены и сосланы на Север, где умирали с голоду; парень, которого звали Витей, поехал на место ссылки и помог им бежать, в результате чего сам перешел на нелегальное положение и вынужден был жить по чужому паспорту (паспортизация тогда еще только вводилась) и под чужим именем. Мой отец в разговорах со мной никогда не «оберегал детскую душу» от жизненной правды, и отношение к коллективизации у нас с ним было вполне однозначным. В более зрелом возрасте я, вероятно, как-нибудь уклонился бы от предложения М. Д. Приселкова, но тогда лгать учителю я не мог. «Михаил Дмитриевич, а что, если они напишут, как это в п р а в д у происходило?» — спросил я. Конечно, это была чудовищная и совершенно мальчишеская бестактность: если бы М. Д. Приселков поддержал разговор, это могло бы стоить ему головы, тем более что беседа происходила не дома и не на улице, а в кабинете истории СССР истфака. Рядом с нами никого не было, но кабинет был разгорожен шкафами, и ручаться за то, что там не скрывается кто-либо посторонний, было невозможно. Михаил Дмитриевич явно испугался. «Я, конечно, не согласен с Вами, но решайте, как хотите»,— пробормотал он.

Лояльная фраза в автобиографии о «перестройке деревни» была выражением свойственного тогда почти всем интеллигентам чувства страха: он ни на минуту не мог чувствовать себя в безопасности. Но сломлен он не был. С ним не случилось того, что произошло, по всей видимости, с его учеником и ближайшим последователем — Арсением Николаевичем Насоновым, который также был репрессирован в 1930 г., хотя и не надолго. А. Н. Насонов пережил учителя на целую четверть века (умер в 1965 г.) и больше кого бы то ни было сделал для продолжения основного дела М. Д. Приселкова — изучения летописания. Но те, кто с ним соприкасался, не могли не ощущать необычности его поведения: как бы навсегда сохранившийся постоянный испуг и желание замкнуться. Михаил Дмитриевич, напротив, был веселым, оживленным и охотно общался с коллегами и учениками. Энергия и работоспособность его были поразительными: казалось, что пружина, насильственно сжатая в 1930 г., теперь распрямилась, и он спешил продолжить все начатое и наверстать все упущенное за даром пропавшие годы. Мы не можем знать, что представляла собой «История русского летописания», о которой М. Д. Приселков упоминал в 1927 г., и в какой степени была завершена к 1930 г. реконструкция Троицкой летописи. Никаких следов этих работ не сохранилось, очевидно, они погибли при аресте. Во всяком случае, те рукописи обеих работ, которые дошли до нас (многое пропало во время блокады Ленинграда), относятся к 1936—1940 гг. Издательская же деятельность ученого охватывает всего три года — с 1938 по 1940 г. За это время он издал, кроме «Истории русского летописания XI—XV вв.» и ряда статей об отдельных летописях, важнейшие труды А. А. Шахматова: «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (М; Л., 1938; публикация этой книги, как мы знаем, планировалась еще в 1927 г.) и продолжение другого шахматовского труда — о Повести временных лет (ТОДРЛ. Т. 4. 1940), завершил реконструкцию Троицкой летописи (опубликована под ред. К. Н. Сербиной в 1950 г.) и в основном подготовил к печати текст Радзивиловской летописи (см.: ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989), напечатал более десятка статей. В 1940 г., несмотря на огромную занятость наукой и преподаванием, он согласился взять на себя обязанности заведующего кафедрой истории СССР (Б. Д. Греков переехал в Москву) и декана исторического факультета Ленинградского университета.

Но внезапно все оборвалось. В конце 1940 г. у него образовалась огромная опухоль на шее, оказавшаяся злокачественной. Пришлось лечь в больницу. По странной иронии судьбы именно тогда, 18 января 1941 г., университет обратился

в Комиссию по частным амнистиям ЦИК СССР с ходатайством о снятии судимости с профессора М. Д. Приселкова. Но рассмотреть дело не успели — 19 января 1941 г. ученый умер. Реабилитирован он был посмертно — в 1958 г.

* * *

Едва ли в рамках одной статьи можно охарактеризовать основные научные труды М. Д. Приселкова. В молодости он считал основной темой своих занятий церковно-политическую историю Древней Руси, с самого начала основывая ее изучение на анализе летописных текстов. Истории Церкви и связанным с нею русско-византийским отношениям был посвящен целый ряд работ — особенно в 1910-х гг. С этой же темой связана и его статья «Борьба двух мировоззрений», опубликованная в 1923 г. [33] и посвященная двум тенденциям в религиозной истории Древней Руси — радостно-оптимистической и сурово-аскетической. Своеобразным итогом изучения этой темы, но уже в ином, источниковедческом плане была последняя опубликованная при жизни статья М. Д. Приселкова — «Киевское государство X в. по византийским источникам» [34]. Интересовали М. Д. Приселкова и вопросы изучения Русской Правды, взаимоотношения Киевской Руси со степными народами. В период работы в этнографическом отделе Русского музея он написал ряд работ, посвященных русскому быту XIII—XIX вв. [35]

Но главной темой, в значительной степени определяющей место ученого в отечественной науке, стала (после смерти А. А. Шахматова в 1920 г.) история русского летописания.

В сборнике, посвященном памяти А. А. Шахматова, Д. М. Приселков (как и А. Е. Пресняков) подчеркивал, что фундаментом исследований учителя было сравнительное изучение «всех списков русских лет[описных] сводов (их около 200)», с которыми он познакомился не через их издания (далеко не полные и неудовлетворительные), а «через непосредственное знакомство с рукописями: знание, клавшее в основу мысль о том, что летописные своды есть сложная многовековая сеть сплетающихся и переплетающихся памятников, где каждое новое звено строилось не на одном, а чаще всего на комбинации предшествующих сводов...» Именно поэтому ученому «предстояла тесная дорога распутывания всех предшествующих узлов этой сети, медленного восхождения от позднейших к начальным моментам нашего летописания». М. Д. Приселков упомянул все основные работы А. А. Шахматова по летописанию, включая изданный значительно позже труд, названный М. Д. Приселковым «Обозрением русских летописных сводов XIV—XVI вв.» Эта работа писалась А. А. Шахматовым в течение многих лет, но, очевидно, не предназначалась автором для скорого опубликования. Однако именно она давала наиболее полное представление о научном методе исследователя: здесь предлагался «анализ всех русских летописных сводов, где за характеристикою каждого свода следует особая глава: Повесть вр[еменных] лет в данном своде» [36]. М. Д. Приселков показал, что благодаря трудам А. А. Шахматова уже в конце 1890-х гг. «перед изумленным читателем лежала... полная схема истории рус[ского] летописания». Однако схема эта не была приведена А. А. Шахматовым в определенную систему — создать последовательную историю летописания XI—XV вв. пришлось самому М. Д. Приселкову.

«История русского летописания...» М. Д. Приселкова оказала большое влияние на последующие труды, посвященные летописям как литературным и историческим памятникам. Но в какой степени научный метод А. А. Шахматова, воспринятый и развитый М. Д. Приселковым, был понят и учтен другими исследователями?

В основу книги М. Д. Приселкова лег курс лекций, поэтому она, естественно, строилась по хронологическому принципу — от начала русского летописания в XI в. и первых киевских сводов к южнорусскому, ростово-суздальскому и владимирскому летописанию XII—XIII вв. и далее к московскому и общерусскому летописанию XIV и XV вв. Отдельные параграфы книги были посвящены

гипотетически выделенным сводам — киевским — 1073, 1093, 1200-го и последующих годов, владимирским — 1147, 1193, 1212 гг. и т. д. Эти своды заняли свое место в общих литературоведческих и исторических курсах наряду с дошедшими до нас памятниками. Авторы, принимавшие или отвергавшие датировку и атрибуцию сводов, предложенные А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, часто даже не задумывались над вопросом, на чем основывается само установление существования этих сводов, насколько доказательным оно является в тех или иных случаях.

Гипотезы о существовании летописных сводов, составленных в определенное время в каком-либо княжестве, строились у А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова в основном на сравнении дошедших до нас летописей. Именно этим шахматовский метод исследования летописания отличался от метода его предшественников — П. М. Строева и К. И. Бестужева-Рюмина. Эти ученые также понимали, что летописи представляют собой соединения разновременных памятников. Однако источники сохранившихся летописей они выявляли путем простой их «расшивки», выделения частей, предположительно связываемых с конкретным временем, местом и княжением. А. А. Шахматов предложил иной метод: сравнивая между собой дошедшие до нас памятники летописания в целом, он выделял общие для них части. Существование сходных текстов можно было объяснить либо тем, что одна из летописей влияла на другую (что бывает редко и легко может быть установлено), либо тем, что у них имелись общие протографы — «основные своды», как именовал их А. А. Шахматов. М. Д. Приселков отмечал: «от XI до конца XV в. ... ни один летописный свод в своем подлинном виде не сохранился» [37], все выявленные своды — это протографы дошедших до нас летописей, восстанавливаемые путем сравнения летописей и определения сходных текстов. Путем сравнения сохранившихся летописей были выделены такие гипотетические своды, как Новгородско-Софийский свод первой половины XV в., владимирские своды XII—XIII вв., Начальный свод XI в. и т. д. Но общность обнаруживается не только между дошедшими до нас памятниками. Одни гипотетические протографы при сравнении с другими гипотетическими протографами тоже обнаруживают совпадения. Тем самым встает вопрос об источниках второй степени — протографах гипотетических протографов. «Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов,— писал М. Д. Приселков,— Шахматову приходилось прибегать к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые ... умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом» [38].

Но проблема «больших скобок» — не единственная, с которой надо считаться ученому, пытающемуся продолжить работу над летописными памятниками после А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова. Обнаруживая существование сводов разных степеней, легших в основу исследуемых летописей, они, естественно, стремились предположительно определить время и место написания этих сводов, их характер и происхождение. Но если выводы о существовании общих протографов дошедших до нас памятников и их объеме были достаточно обоснованы (и требовали в случае отказа от них альтернативных объяснений обнаруженных совпадений), то атрибуция этих протографов была гораздо более шаткой. Свод мог быть составлен и позднее той даты, которой ограничивалось сходство текстов двух летописей. Связывая гипотетические своды с теми или иными землями и князьями, А. А. Шахматов и М. Д. Приселков делали то же, что и их предшественники, объяснявшие интерес сводчика к какому-либо княжеству и князю тем, что сам он является летописцем данного княжества. Однако отличие метода А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова от метода их предшественников заключалось в том, что

такого рода догадки были для них лишь завершением и дополнением основной текстологической работы.

М. Д. Приселков, как и его учитель, хорошо осознавал разную степень доказательности своих построений по истории летописания. Заново пересматривая весь огромный материал, уже введенный в науку, он в ряде случаев отказывался от шахматовских гипотез, предлагая иное объяснение отношений между дошедшими до нас летописями. Так, он убедительно доказал ненужность одной из «больших скобок», предложенных А. А. Шахматовым,— общерусского митрополичьего свода («Полихрона») начала XIV в. как источника Лаврентьевской, Ипатьевской и даже Новгородской I летописи. Соотношения между этими летописями, как показал ученый, могли быть иными, а свод начала XIV в., воспроизведенный в Лаврентьевской летописи, был не митрополичьим, а великокняжеским сводом Михаила Ярославича Тверского [39]. Но такая смена шахматовских построений «на новые, более взвешенные», основывалась не на догадках, а на более убедительном объяснении соотношения сравниваемых текстов.

М. Д. Приселков излагал историю летописания в хронологическом порядке, но доказательства основных положений его книги основывались на эмпирическом материале: он шел от более поздних, дошедших до нашего времени памятников к их более древним протографам. Так, в его книге глава о начале русского летописания открывалась описанием не сводов XI в., а Повести временных лет XII в., глава о южнорусском летописании — Ипатьевской летописи, глава о ростово-суздальском и владимирском летописании — Лаврентьевской и Радзивиловской летописи и т. д.

Этот метод был усвоен далеко не всеми исследователями истории летописания после М. Д. Приселкова. Лишь некоторые из них занимались сравнительным изучением летописных текстов, поисками новых списков летописей. В числе их в первую очередь следует назвать А. Н. Насонова, введшего в науку целый ряд новых текстов, осуществившего подлинно научные издания новгородских и псковских летописей. Но последний труд А. Н. Насонова, призванный подвести итоги его многолетним исследованиям — «История русского летописания XI — начала XVIII вв.» — остался незавершенным (издан посмертно).

Некоторые исследователи пересматривали не сравнительно-текстологические наблюдения А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, а предложенные ими датировки и атрибуции гипотетических сводов. Особое внимание уделялось древнейшему летописанию — до середины XI в., от которого фактически не дошло до нас параллельных текстов и где все построения могут быть лишь сугубо условными. Гипотезы о сводах XII—XV вв. основывались зачастую не на сплошном сравнении текстов, а на догадках о том, кто и когда мог составить те или иные своды [40]. В результате возрождалась методика «расшивки» летописных текстов, которую еще в конце XIX в. подверг уничтожающей критике А. А. Шахматов [41]. Делались также попытки теоретически и идеологически обосновать метод «расшивки», противопоставить его сравнительно-текстологическому исследованию летописей. А. Г. Кузьмин, выступивший в 70-х гг. против «формально-текстологического» метода Шахматова — Приселкова, ссылаясь на «гносеологию диалектического материализма», предлагал вернуться к методике предшественников А. А. Шахматова: к разложению сводов на отдельные элементы, к изучению их как сочинений, составленных «из разных источников» [42]. Выступления А. Г. Кузьмина вызвали возражения ряда авторов [43]. Но на практике метод «расшивки», выделения «разных источников» на основе догадок об их происхождении, оказывается достаточно стойким. Вместо систематического сравнения между собой летописных памятников для установления их протографов многие авторы предпочитают выделять из летописей отдельные «своды» и летописные «традиции», опираясь не на параллельные тексты (которых не обнаруживается), а на возможную связь тех или иных известий с определенным местом, временем, князем.

Недостаточное разграничение конкретных летописных памятников и гипотетических сводов сказывается в другой области — в археографии. Конечно,

большинство дошедших до нас летописей представляют собой своды — соединения ряда предшествовавших памятников. Но со времени А. А. Шахматова понятие «свод» закрепилось за гипотетическими протографами сохранившихся летописей. Уже при разработке плана нового издания ПСРЛ (так и не осуществившегося) М. Д. Приселков настаивал на том, что дошедшие до нас памятники следует называть при их издании не сводами, а летописями, что «дало бы возможность в изучении делать различие между летописными сводами как учеными построениями и летописными сводами, сохранившимися в действительности» [44]. Издание летописей под именем «сводов» приводит ко множеству недоразумений. Мало кто различает, например, московскую летопись, доведенную до 7000 (конца 1495) г. и изданную М. Н. Тихомировым под названием «Московский свод конца XV в.» и Московский свод 1479 (1480) г.— протограф Архивской (так называемой Ростовской) летописи и Эрмитажного списка XVIII в., текст которого, обнаруженный А. А. Шахматовым (РНБ ОР, Эрмитажное собр., № 416 б) до сих пор не издан. Как различить свод 1518 г.— протограф Софийской II и Львовской летописей — и «Летописный свод 1518 г.» — доведенную до 1518 г. редакцию совсем иной по своему составу летописи, изданную под таким названием в 28 томе ПСРЛ? К. Н. Сербина в 1982 г. переименовала изданный ею в 1950 г.«Устюжский летописный свод» в «Устюжскую летопись» (ПСРЛ. Т. 37), и этому примеру не худо было бы последовать и другим археографам.

Работа М. Д. Приселкова над русским летописанием должна быть продолжена. Поиски и находки новых летописных памятников продолжаются, но возможности их дальнейшего исследования далеко не исчерпаны. Перед исследователями стоят необъятные задачи сравнения имеющихся памятников и получения на этой основе новых наблюдений над их протографами. И вместе с тем существует настоятельная необходимость завершить гипотетические построения по истории летописания наиболее убедительным образом — через создание и публикацию реконструированных гипотетических сводов. Задача реконструкции не дошедших до нас сводов-протографов сохранившихся летописей была поставлена А. А. Шахматовым, давшим образец такой реконструкции в своих «Разысканиях о древнейших сводах» и «Повести временных лет». Аналогичную работу осуществил М. Д. Приселков, реконструировав Троицкую летопись. Подобные реконструкции дадут наглядное представление о характере и степени убедительности предлагаемых исследователями построений.

Жизнь Михаила Дмитриевича Приселкова была нелегкой, и трудиться ему приходилось в таких условиях, которых не знали его предшественники. Труд этот был прерван преждевременной смертью ученого. Тем более велик наш долг перед его памятью и обязанность продолжить то, что он не успел сделать.

Примечания

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 726, оп. 2, д. 280 (письмо от 9 августа 1916 г.).
[2] Там же, ф. 133, оп. 1, д. 554, л. 38—40 об.
[3] Там же, ф. 134. оп. 3, д. 1237, л. 10 об.— 11.
[4] Там же, ф. 770, оп. 2, д. 109.
[5] ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3. д. 52487, л. 4, 41.
[6] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 134, оп. 3, д. 1237.
[7] Плодом совместного труда «трех мушкетеров» была статья М. Д. Приселкова и М. Р. Фасмера «Отрывки В. Н. Бенешевича по истории Русской Церкви XIV в.», посвященная В. Н. Бенешевичу (ИОРЯС. 1916. Т. 21. Кн. 1).
[8] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 134, оп. 3, д. 1237 (письмо от 5 января 1913 г.).
[9] Отчет о магистерском диспуте М. Д. Приселкова//Научный исторический журнал. Т. II. Вып. I (№ 3). СПб., 1914. С. 133—137.
[10] Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
[11] Его же. Русская история: Учебная книга для VII—VIII классов мужских гимназий и VII классов реальных училищ. М., 1915; Изд. 2. М., 1917.
[12] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 1060, оп. 1, д. 17.
[13] ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 9788, № 39, л. 76, 105, 109, 111—111 об.
[14] ИОРЯС. Т. 25. Пг., 1922. С. 91—93, 128—135.

[15] Приселков М. Д. Летописание XIV в.//Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 24—39.

[16] Его же. Летописец 1305 года//Века. Исторический сборник. Т. 1. Пг., 1924. С. 28—35; его же. Південно-руське літописанія в стародавньому суздальському літописанні XII—XIII вв.//Збірник Історично-філологічного віддіялу Укр. АН. № 51. Київ. 1927. С. 447—461.

[17] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1а, д. 54, л. 8—8 об.; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 9788, № 39, л. 88—88 об., 112—117 об.

[18] ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 9788, № 39, л. 79—81.

[19] Там же, л. 62—69; Священный собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. М., 1918. С. 84, 116, 469.

[20] Лихачев Д. С. Беседы прежних лет//Наше наследие. 1993. № 26. С. 45.

[21] ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 9788, № 39, л. 91—93.

[22] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 247, оп. 1, д. 329.

[23] ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 9788, № 39, л. 106—107, 127. О работе в музее — л. 101, 109—110.

[24] Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 58. Ср.: Наше наследие. 1993. № 27. С. 45.

[25] Сведения о датах ареста и постановлений «тройки» ПП ОГПУ содержатся в справке, выданной Управлением КГБ СССР по Ленинградской области 4 октября 1989 г. № 10/28-Л-2924 в ответ на запрос Ленинградского отделения Археографической комиссии. Ср.: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993. С. VII—VIII.

[26] РГБ ОР, ф. 369, картон № 239, д. 9, л. 32. Благодарю И. П. Медведева, сообщившего мне об этом письме.

[27] Ср.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1, д. 554, л. 40—40 об.

[28] Там же, ф. 247, оп. 3, д. 329 (письмо от 6 февраля 1936 г.).

[29] В 1929 г., уже после перехода из университета в Русский музей, М. Д. Приселков писал декану ямфака, что лишен возможности выполнять возложенное на него поручение по чтению курса истории русского летописания «в текущем учебном году» (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 9788, № 39, л. 120). Однако не известно, читал ли ученый этот курс в предшествовавшие годы или только предполагал его читать.

[30] Архив РАН, ф. 493, оп. 3, д. 78, л. 67 (письмо от 20 июня 1939 г.). Сведениями об этом письме я обязан любезности Б. С. Кагановича.

[31] Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

[32] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1, д. 554.

[33] Россия и Запад. Исторический сборник. Т. 1/Под ред. А. И. Заозерского. Пг., 1923.

[34] Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1941.

[35] См.: Казачкова Д. А. Хронологический список трудов М. Д. Приселкова//ТОДРЛ. Т. 18. 1962. С. 476—480. Две неопубликованные рукописи М. Д. Приселкова — «С. М. Соловьев и народное самопознание» и «Русь и Степь в IX—XIII вв.» имеются в архиве автора настоящей статьи; копия последней из этих статей, а также неизданные статьи «Народы южных степей: печенеги, торки и половцы» и предисловие к «Истории Русской Церкви» хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 1060, оп. 1, д. 8, 9, 18).

[36] Приселков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова//ИОРЯС. Т. 25. С. 128—135.

[37] Его же. История русского летописания XI—XV вв. С. 14.

[38] Там же. С. 13.

[39] Там же. С. 60—61. Этот вывод был принят последующими исследователями: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 432 (примеч. 1); Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 150 (примеч. 56), 179, 260.

[40] См., напр.: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965; Муравьева Л. Л. Летописи Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М., 1983.

[41] Шахматов А. А. «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной» И. А. Тихомирова. Критический отзыв//Записки Академии наук. Сер. 8. Историко-филологическая. Т. 4. № 2.

[42] Кузьмин А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей//Вопросы истории. 1973. № 2. С. 34; его же. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 6—25.

[43] Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х гг.//История СССР. 1972. № 4. С. 46—64; Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей//Вопросы истории. 1973, № 8. С. 194—203; Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания//Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 33, № 5. 1974. С. 454—464.

[44] Приселков М. Д. Пояснительные примечания к плану издания «Полного собрания русских летописей» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, разряд IV, оп. 42, № 26, л. 17; ср.: л. 5).

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© 1995 г.

ССЫЛКА КРЕСТЬЯН НА УРАЛ В 1930-е ГОДЫ

Документы из архивов

Урал был главным районом ссылки крестьян. Сюда везли «кулаков» со всей страны: с Украины, из Белоруссии, Поволжья, Северного Кавказа, Татарии, Нижегородского края, Московской области и других регионов страны. В 1930—1931 гг., по данным ОГПУ, в Уральскую область было ввезено 123 547 семей (571 355 человек) [1]. К февралю 1932 г. здесь насчитывалось около 500 тыс. спецпереселенцев, которые были закреплены за леспромхозами, предприятиями разных отраслей промышленности (в ведении Уралугля их насчитывалось 47 666, Магнитостроя — 40 тыс., Востокоруды — 26 845, предприятий цветной металлургии — 18 341, Уралстройматериала — 16 145, Востокостали — 16 тыс., Союзрыбы — 15 172, Уралторфа — 8517, Уралстройиндустрии — 7515, Пермьтранслеса — 7221, Уралталька — 3764, Уралмашстроя — 3604, Химстроя — 2773, Уралсоли — 2336, в лесной промышленности — 27 415 и т. д.). Кроме того, 17 634 человека были использованы в сельхозколонизации.

В докладной записке начальника Комендантского отдела Уральской области Н. Д. Баранова [2] «О расселении и использовании кулацкой ссылки в Уральской области» председателю Уралоблисполкома М. К. Ошвинцеву от 8 марта 1931 г. (№ 1) наиболее полно охарактеризована крестьянская ссылка на Урале в целом. Приведенные в документе сведения основываются на актах обследования и донесениях должностных лиц. Они дополняются материалами о положении спецпереселенцев в отдельных районах (Таборинском, Тавдинском, Челябинских угольных копях), содержащимися в сводке Главного управления лагерей ОГПУ «О политико-экономическом состоянии спецпереселенцев» (на 20 июля 1931 г.) [3], «Меморандуме № 1 Уральского областного комендантского отдела по снабжению спецпереселенцев продуктами питания и промтоварами» от 1 апреля 1931 г., письме Уралоблисполкома председателям райисполкомов и директорам леспромхозов «О расселении, хозоборудовании и использовании спецпереселенцев» от 9 мая 1931 г.

Сводка Уралоблздравотдела «О медико-санитарном обслуживании спецпереселенцев в Уральской области» дает представление о жилищных условиях и питании спецпереселенцев, санитарном состоянии их жилища.

Особо следует выделить докладную записку оперуполномоченного ПП ОГПУ по Уралу А. С. Кирюхина и уже упоминавшегося Н. Д. Баранова (№ 3), которые по поручению начальника ПП ОГПУ по Уралу Раппопорта занимались расследованием «группового выступления спецпереселенцев» в Надеждинском районе, произошедшего в апреле 1931 г. Помимо сведений о материальном и правовом положении спецпереселенцев, их хозяйственном обустройстве, трудоиспользовании она свидетельствует о диком произволе спецпереселенческого начальства и местных партийных органов, присвоивших себе функции карателей по отношению к ссыльным, приведших к попытке коллективного бегства из района переселения [4].

Все документы шли под грифом «совершенно секретно» и предназначались для служебного пользования.

Публикацию подготовил **И. Е. Плотников**

Примечания

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 59, л. 59, 59 об; см. также: П л о т н и к о в И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале//Отечественная история. 1993. № 4. С. 162.

[2] 8 февраля 1931 г. Президиум Уралоблисполкома постановил: «Организовать при Секретариате Уралсовета Комендантский отдел, руководство которым возложить на ПП ОГПУ по Уралу». Начальником отдела был утвержден Н. Д. Баранов. В постановлении указывалось, что на Комендантский отдел и его органы на местах возлагается «вся ответственность за состояние спецпереселенцев» (ГАСО, ф. 88, оп. 21, д. 63, л. 11). Ранее спецссылка на Урале находилась в ведении областного административного управления.

[3] Некоторые данные, содержащиеся в этом документе, приведены в статье Н. Михайлова и Н. Тепцова «Чрезвычайщина» (Родина, 1989. № 8. С. 34). Возможно, они взяты из копии, хранящейся в РЦХИДНИ (ф. 17, оп. 120, д. 26), — в статье нет ссылки на архив. В публикуемой ниже подборке документов приводится текст подлинника, хранящегося в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Публикуется и препроводительная записка к нему начальника ПП ОГПУ по Уралу Раппопорта.

[4] Два последних документа с сокращениями опубликованы в кн.: «Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (19301936 гг.)». Екатеринбург, 1993.

№ 1

Совершенно секретно

Председателю Уральского областного
исполнительного комитета т. Ошвинцеву

Копия: Московскому представительству
Уралсовета т. Дворкину

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О расселении и использовании кулацкой ссылки в Уральской области

Администрирование расселения высылаемых кулацких семей и надзор за последними в местах поселения на территории Уральской области до 1 июля 1930 года полностью осуществлялись органами ОГПУ. После 1 июля кулацкая ссылка постановлением Уралсовета была передана Областному административному управлению, которое и ведало ею до расформирования в связи с реорганизацией аппарата НКВД.

Расформирование Областного административного управления, с одной стороны, и лишь только формальное регулирование им спецпереселения через аппарат районных административных отделений без проведения мероприятий к улучшению вопросов спецпереселения и рационального использования трудоспособного контингента из сосланного кулачества — с другой стороны, при весьма большом числе ссыльных, поставили перед Уралсоветом вопрос о создании особого аппарата, регулирующего все вопросы спецссылки. В настоящее время такой аппарат создан при Секретариате Президиума Уралсовета в виде Областного комендантского отдела, находящегося под руководством ПП ОГПУ по Уралу. Местными органами Областного комендантского отдела являются окружные комендантские отделы в Тобольском и Коми-Пермяцком округах, районные и городские комендантские отделения в районах спецссылки, состоящие при РИКах и руководимые местными органами ОГПУ, поселковые и производственные комендатуры.

Штат Комендантского отдела и его органов в целом по области определен в 328 человек, которые содержатся за средства, поступающие в порядке постановления СНК от 6/V 1930 года. Этот штат крайне недостаточен и требует значительного увеличения.

Проведенная распоряжением Уралсовета и силами аппарата Комендантского отдела в феврале м-це 1931 года поголовная перепись спецпереселенцев по всем районам ссылки Уральской области дает следующие данные о численном составе спецссылки: всего семей 31 851, всего спецпереселенцев — 134 421 чел. Из них взрослых — 85 930, детей до 16 лет — 48 491. Из числа взрослых от 16 лет:

трудоспособных — 56 685, нетрудоспособных — 29 245, грамотных — 23 640, неграмотных — 19 780, малограмотных — 20 548. Из числа 20 955 [детей] от 8 до 16 лет охвачено обучением 3239, или 15%.

Названные спецпереселенцы размещены в 31 районе области, преимущественно в северных. Исключение составляют 8 районов, которые имеют 1967 семей III категории.

План районного расселения был построен исходя из необходимости использовать основную массу спецпереселенцев на лесозаготовках, а в Тобольском округе — и на рыбных промыслах, в связи с чем хозобустраивание было поручено заинтересованным хозорганизациям Уралесу и Уралрыбтресту, для чего последним были выделены специальные ссуды.

В качестве основного типа возводимых построек была установлена зырянская изба и поселки на 80—100 дворов с сооружением необходимых социально-культурных зданий. В целях удовлетворения первичных потребностей в жилищах план строительства был построен из расчета изба на 2 семьи, что давало бы возможность сносных жилищных условий. Однако, несмотря на ряд совершенно твердых распоряжений Президиума Уралсовета об окончании строительства не позднее 1 января 1931 года и концентрации спецпереселенцев исключительно в спецпоселках, таковое на 10/II выполнено только на 65%, по Тобольскому округу по Рыбтресту — на 13%, при весьма низких качественных показателях. Задержка в строительстве объясняется Уралесом, Рыбтрестом недостатком квалифицированных кадров рабочих, технического персонала, подсобных строительных материалов, нечеткой расстановкой рабсилы низовыми органами ЛПХ, перебоями в денежном и продуктовом снабжении. Однако данное объяснение основательным в полной мере признано быть не может.

Фактическое положение с жилищами таково, что оно внушает ряд серьезных опасений в санитарно-гигиеническом отношении и требует уже на сегодня капитальных ремонтов, так как жилища выстроены без достаточного отопления, очень сыры и распланированы внутри таким образом, что почти не имеют площади, свободной от нар.

Всего выстроено по состоянию на 10 февраля 115 поселков, 6213 изб, в них размещено 18 639 семей, 74 556 человек, что дает на душу заселенных спецпереселенцев 0,91 кв. м. Остальные спецпереселенцы в количестве 13 212 семей или 59 865 человек размещены по ближайшим к местам работ деревням вместе с коренным населением. Число пунктов размещения спецпереселенцев совместно с коренным населением составляет 508 точек, причем количество семей в каждой колеблется от 4 до 150. Таким образом, общее число точек размещения спецпереселенцев по Уральской области без Тобольского округа равно 623 ⟨...⟩

В условиях настоящего скученного содержания спецпереселенцев с концентрацией их расселения преимущественно в верховьях рек, выходящих к заводским поселкам Урала, они представляют значительную угрозу распространения эпидемических заболеваний. Существующая скученность и плохое снабжение уже дали вспышки сыпного и брюшного тифа, кори, высокий процент детской смертности, скарлатины и цинги... Профилактические мероприятия в спецпоселках почти не проводятся, не во всех из них имеются бани, вошебойки, как правило, отсутствуют. Медицинская помощь осуществляется главным образом из имеющихся медучреждений нормальной сети, что при ее общей недостаточности и значительной отдаленности от спецпоселков, по существу, сводится к отсутствию таковой. Исключение из этого имеется в тех спецпоселках, где в среде спецпереселенцев оказались медработники — фельдшера, сестры милосердия, на которых и была возложена обязанность по оказанию первоначальной медпомощи...

Наряду с медико-санитарным состоянием в спецссылке остро стоит и вопрос с постановкой начального обучения и соответствующего перевоспитания молодежи.

Общее число детей школьного возраста, находящихся в спецссылке, составляет, как сообщено выше, 20 955 человек, из них охвачено обучением 3239 человек, или 15,55%, и не охвачено 17 716, или 84,45%. Приведенное число охваченных начальным обучением детей относится исключительно к тем из них, которые совместно с семьями проживают вместе с коренным населением. Дети семей, находящихся в спецпоселках, вследствие отсутствия школьных зданий, учителей (имеющиеся из числа спецпереселенцев [быть] использованы для этой цели не могут), дальности расстояния от поселений коренного населения и, наконец, из-за отсутствия теплой одежды и обуви, как правило, начальным обучением не охвачены. Это же правило действительно и для молодежи, с которой также не ведется никакой культурной работы...

Вопросы снабжения спецпереселенцев обрисовываются следующими данными.

Снабжение их шло по двум каналам — из фондов хозорганизаций, занявших спецпереселенцев на своих работах, и из спецфонда, выделенного для снабжения нетрудоспособных.

Все отпуска продовольствия и промтоваров сопровождались многочисленными перебоями,

происходившими по вине в одинаковой степени как центральных и областных организаций, так и местной кооперативной сети. В качестве характерных случаев перебоев следует отметить совершенное отсутствие в ряде районов в течение нескольких месяцев керосина, соли, спичек, неснабжение мылом и растительным маслом и лишь случайную забросу овощей.

Указанные перебои при крайне ограниченных нормах снабжения вообще повлекли за собой развитие отеков, цинги, повышенную смертность детского населения, многочисленные случаи чесотки и т. д., в частности, широкое применение добавления в муку при выпечке хлеба древесных опилок и коры.

Положение со снабжением спецпереселенцев, непосредственно занятых на работах хозорганов, значительно лучше, но также не избавлено от перебоев, которые отмечались выше для нетрудоспособного контингента. Основная система снабжения данной группы — выдача продовольствия из расчета нормы на заработанный рубль. Однако последняя построена таким образом, что даже при двойной выработке нормы работающий не может выделить части пайка для довольствия семьи, чему отчасти способствует и отдаленность мест непосредственной работы от места жительства семьи.

Особо остро, за исключением районов Тобольского Севера, стоит вопрос о снабжении спецпереселенцев промтоварами, каковое положение усугубляется отсутствием в местах работ спецодежды. При работах в лесу одежда подвергается быстрому износу, замены же ее не производится, и она не восстанавливается и не ремонтируется вследствие отсутствия починочного материала, а главным образом ниток. Далее следует отметить, что значительная часть спецпереселенцев вывезена на Север Урала из местностей с более мягким климатом и вообще не имела приспособленной для нового района жительства одежды.

Из ряда обследований и имеющихся с мест донесений устанавливается значительное число серьезных обмораживаний и широкое распространение различных простудных заболеваний, что при отсутствии медпомощи влечет совершенно нерациональную трату крайне необходимой рабочей силы.

Тем не менее положение работающих значительно лучше нетрудоспособного контингента и детей, что происходит за счет случайных выдач этой группе промтоваров, правда, в самых минимальных количествах, и изъятия отправляющимися на работу из семьи всей так или иначе теплой одежды.

Нетрудоспособный контингент и особенно дети в преобладающем большинстве обношены вовсе. Почти, как правило, дети теплой либо кожаной обуви не имеют и одеты исключительно в лапти собственного производства. В качестве же верхней одежды употребляется все хоть сколько-нибудь возможное для использования старье.

Особенно тяжело положение новорожденных и грудных детей, которые укрываются в ремки, почти не подвергающиеся мытью за отсутствием мыла, и находятся в весьма низкой температуре сырых изб...

Согласно постановлению Наркомснаба СССР от 11/II—31 года, спецпереселенцы с 1 апреля с. г. будут сняты с централизованного снабжения. Таким образом, последние должны будут снабжаться из местных фондов по установленным для них нормам.

Приведенное постановление Наркомснаба положение со снабжением спецпереселенцев еще более обострит...

Как было сказано выше, расселение производилось в перспективе использования спецпереселенцев как массовой рабочей силы на работах в лесу и в рыбных промыслах. Фактическое расселение 2-й категории так и осуществлено. Исключение составляет третья категория спецпереселенцев, которая помимо использования на лесозаготовках занята также в промстроительстве и добыче нерудных ископаемых.

Из общего числа населения спецссылки в количестве 134 421 имеется трудоспособных 56 685, или 42,1%, нетрудоспособных — 29 245, или 21,7%. Остальные — дети, что составляет 36,2%.

Из числа первых занято на работах в лесу 26 905, в рыбных промыслах — 6204, в прочих производствах — 23 576.

Общее число спецпереселенцев, занятых на лесозаготовительных работах, к числу всех лесозаготовительных рабочих дает 53,8%.

Общее число привлеченных на работы спецпереселенцев составляет ко всей взрослой спецссылке 66%.

Условия труда работающих равны в основном условиям, принятым для прочих категорий работающих. Изъятие сделано лишь в части повышения норм выработки против вольнонаемных рабочих на

50% и выдачи зарплаты в размере 75% от нормальных ставок, что проведено на основании постановления СНК от 6/V—30 года. Средний заработок работающего за удержанием ориентировочно составляет 32 р. 18 к. в месяц.

Приведенные нормы выработки в основном выполняются, особенно за последнее время, что обусловливается введением системы премирования, выдачей продовольствия на заработанный рубль, приспособлением работающих к ранее неизвестным трудовым процессам, усилением административного надзора за работающими...

Но наряду с отмеченными фактами положительного свойства нельзя умолчать и о случаях саботажа, симуляции, злостного нарушения трудовой дисциплины, побегов с мест работ и т. д., каковые случаи имели широкое место главным образом в начале лесозаготовительного сезона, сейчас же идут на убыль, благодаря принятым административным мерам по заданиям Уралсовета, в частности организации штрафных команд...

Что касается использования труда спецпереселенцев в сельском хозяйстве, то таковое представляется в следующем виде. Согласно постановлению облисполкома от апреля м-ца 1930 года, земельным органам было предложено произвести своими силами всем спецпереселенцам землеотводы, полностью увязывая размещение поселков с потребностями, хозпланами лесо-рыбопромышленных организаций. Отвод произвести по норме на семью: усадьбы и огорода — 0,35 га, сенокоса — 2,00 га и на едока пашни — 0,30 га.

В дальнейшем по постановлению облисполкома было предложено для группы спецпереселенцев, занятых в промышленных организациях, отводить лишь огород и сенокос, полное хозустройство производить лишь для группы с/хозяйственной, при этом не был указан контингент этой группы. Поэтому это постановление было применимо лишь для Тобольского округа, где было указано о порядке устройства с/х группы — ее состав и место. И лишь декабрьским постановлением облисполкома был точно установлен контингент, подлежащий к устройству как с/х группа, нетрудоспособные и др. С этой целью Комендантским отделом производились обследования и отбор этой категории.

На основании этого распоряжения и постановления облисполкома, в б[ывшем] Тагильском, Ирбитском и Тобольском округах были организованы землеустроительные партии...

Общее количество устроенных спецпереселенцев промышленной группы составляет 9983 семейства на площади удобной 51 465 га, всего — 69 461 га. Осталось доотвести для этой группы для 10 389 семейств или на площади удобной 20 975 га, всего — 28 330 га (с неудобной). Ввиду того, что контингент спецпереселенцев, подлежащий устройству как с/х группа, установлен постановлением облисполкома лишь в декабре м-це, то фактически в течение лета и осени производились лишь изыскания земель, годных для с/х использования и их отвод, вселения же на участки не производилось, кроме Тобольского округа, где устройство с/хоз. групп проходило по приказу — в южных и средних районах, где можно заниматься с/хозяйством и где находятся подходящие участки для с/хоз. группы.

Таким образом, там было устроено 2691 семейство из 7117 находящихся в округе на площади 18 855 га удобной, и всего с неудобной — 28 131 га. На месте отводов частично произведено строительство и незначительный посев.

Всего по области с тобольскими районами отвод произведен 51 с/хоз. спецпоселка для 3694 семейств, на площади 32 481 га и всего с неудобной — 40 000 га...

Из 20 районов, где в настоящее время находятся спецпереселенцы, подлежат устройству, как с/х группы, в 13 районах, не считая Тобольского округа ⟨...⟩

Начальник Комендантского отдела
Уралобласти Б а р а н о в

НС № 251/и 8/III 1931 г.

Государственный архив Свердловской области, ф. 88, оп. 1 а, д. 74 а, л. 92—101 об. — Подлинник.

№ 2

Совершенно секретно

МЕМОРАНДУМ № 1
УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМЕНДАНТСКОГО ОТДЕЛА

1 апреля 1931 г.

По снабжению спецпереселенцев Уральской области продуктами питания и промтоварами

№ п/п	Источники получения сведений	Содержание
		I. КИЗЕЛОВСКИЙ РАЙОН
1.	Акт обследования от 11/I—1931 г. Областного комендантского отдела	При обследовании спецпоселка при штольне им. Крупской в Губахе инспектором Областного комендантского отдела было установлено, что около 50 спецпереселенцев не получают в течение 2-х недель продуктов питания. Расследованием установлено, что означенное имело место по вине завмага Кислицына, на которого наложено дисциплинарное взыскание.
2.	Акт обследования от 5—11/I—1931 г. Областного комендантского отдела	При обследовании состояния кулацкой ссылки в Кизеловском р-не установлено, что спецпереселенцы промтоварами не снабжаются, вследствие чего отмечен ряд случаев невыхода переселенцев на работу за неимением обуви.
3.	Донесение коменданта от 7/III с. г. № 3/С	По причине необеспеченности продуктами питания в поселках Усьвенского участка отмечено 7 случаев заболевания брюшным тифом.
		II. НАДЕЖДИНСКИЙ РАЙОН
4.	Донесение инспекторского отдела от 21/II—31 г.	По распоряжению Надеждинского ЦРК в январе м-це 1931 г. были сняты со снабжения все нетрудоспособные спецпереселенцы поселка Красный Яр Коптяковского участка ⟨...⟩ 17/II материал для расследования передан Надеждинскому ОГПУ.
5.	Донесения инспекторского отдела от 21/II—31 г.	Распоряжением уполномоченного ЦРК г. Надеждинска завмагу ЦРК поселка Красный Яр было предложено удерживать со спецпереселенцев за продукты и промтовары свыше их стоимости еще 15%, на основании такого распоряжения завмаг с октября м-ца и до 17/II—31 г., т. е. до момента обнаружения этого случая представителем Областного комендантского отдела, со всех без исключения спецпереселенцев, как трудоспособных, так и нетрудоспособных, производил 15% наценку на отпускаемые продукты и даже коммерческие, нигде об этом не делая пометок ⟨...⟩
6.	Акт обследования Областного комендантского отдела от 23/XII—1930 г.	Обследованием спецпоселков Надеждинского района установлено, что в большинстве поселков наблюдаются перебои [в снабжении] спецпереселенцев продуктами питания и зачастую на длительные периоды, оставляя семьи спецпереселенцев без продуктов питания. По всему р-ну промтовары для спецпереселенцев не выдаются.
7.	Донесения Надеждинского коменданта за март м-ц 1931 г.	В связи с изданием Облсоюзом директивы о снятии нетрудоспособных спецпереселенцев с пайка за счет содержания их из пайка работающих членов семьи участились случаи заболеваемости на почве недоедания и побеги спецпереселенцев.
8.	То же	На почве необеспеченности продуктами питания в р-не появились эпидемии сыпного и брюшного тифа. Отсутствие завоза продуктов питания в глубинные пункты ставит под угрозу срыва снабжение спецпереселенцев с наступлением распутицы.

(Продолжение таблицы)

№ п/п	Источники получения сведений	Содержание
		III. СОСЬВИНСКИЙ И ГАРИНСКИЙ РАЙОНЫ
9.	Акт обследования от 23/XII—30 г. и донесения коменданта от 10/V—1931 г.	Большинство спецпоселков снабжаются продуктами питания с перебоями. За отсутствием в отдельных поселках ларьков и магазинов переселенцы вынуждены ходить за продуктами из поселка за 10—13 километров. В связи с необеспечением переселенцев промтоварами и продуктами питания повсеместно отмечены случаи резкого понижения трудоспособности и увеличение случаев заболеваемости тифом и цингой.
		IV. ИВДЕЛЬСКИЙ РАЙОН
10.	Акт обследования от 23/XII—1930 г.	В районе отмечены перебои в снабжении переселенцев продуктами питания и отсутствие вовсе промтоваров. На почве материальной необеспеченности участились случаи побегов спецпереселенцев и заболеваемость цингой и тифом.
		V. КЫТЛЫМСКИЙ РАЙОН
11.	Донесение инспекторского отдела от 21/II—31 г.	При обследовании спецпоселка «Каменка» установлено, что распоряжением правления Кытлымского ЦРК за февраль м-ц нетрудоспособным спецпереселенцам выдавалось крупы по 6 грамм[ов] на м-ц и сахару 18 грамм[ов] на м-ц 〈...〉
		VI. БЕРЕЗНИКОВСКИЙ РАЙОН
12.	Докладная записка Березниковского райкома ВКП(б) от 17/III—1931 г.	Вследствие снятия со снабжения членов семей спецпереселенцев обнаружен ряд случаев, когда глава семьи не в состоянии обеспечить продуктами питания свою семью 〈...〉
13.	Донесение облздравотдела от 24/III с. г. № 97/с	По причине отсутствия для снабжения спецпереселенцев овощей в Березниковском р-не заболеваемость цингой спецпереселенцев приняла угрожающие размеры 〈...〉
		VII. ЧУСОВСКОЙ РАЙОН
14.	Донесения коменданта № 138 и 148 от 9 и 17/II с. г.	При обследовании спецпоселков установлено, что ЦРК вовсе не имеет твердых норм для снабжения нетрудоспособных и детей спецпереселенцев продуктами питания, вследствие чего отмечаются перебои в снабжении таковыми. В особенности положение катастрофическое в Кыновском пункте — одном из дальних от райцентра. По причине недостаточности питания обнаруживается массовость случаев заболеваемости спецпереселенцев, и в особенности среди детей.
		VIII. НЫРОБСКИЙ РАЙОН
15.	Донесение коменданта от 15/XII—1930 г.	Обследованием спецпоселков установлено, что райпо с перебоями снабжало переселенцев продуктами питания. Обнаружен ряд случаев, когда спецпереселенцы в морозы были совершенно разуты. Даже не былолаптей. На этой почве отмечена массовость заболеваний спецпереселенцев.
16.	Сообщение санитарного врача облздравотдела от 31/III с. г.	В районе за отсутствием муки спецпереселенцам выдается хлеб с примесью до 90% опилок.

(Окончание таблицы)

№ п/п	Источники получения сведений	Содержание
		IX. ЧЕРДЫНСКИЙ РАЙОН
17.	Сообщение Чердынского РИКа от 26/III с. г. № 26/с	До настоящего времени не выделено спецфонда для снабжения продуктами питания спецпереселенцев. Глубинные пункты в весеннее время, будучи отрезаны сообщением с ними, не обеспечены продуктами.
		X. ТОБОЛЬСКИЙ ОКРУГ
18.	Информационная сводка Тобольского окружного коменданта 16/II—31 г.	При обследовании спецпоселков Уватского р-на обнаружено, что райпо не дало на периферию никаких распоряжений о нормах снабжения нетрудоспособных, вследствие чего в феврале м-це спецпереселенцам пайка не выдавалось, и часть семей голодала. Отмечено, что никакой системы снабжения овощами районов не существовало, следствием чего в Самарский р-н было завезено неограниченное количество овощей, тогда как в Сургутский и Обдорский незначительное 〈...〉
19.	Телеграфное извещение комендатуры	На почве необеспеченности продовольствием в отдельных пунктах расселения Уватского и Сургутского р-нов среди спецпереселенцев обнаружены заболевания тифом.
		XI. ТАВДИНСКИЙ И ТАБОРИНСКИЙ РАЙОНЫ
20.	Информационная сводка за март 1931 г.	В течение 3-х месяцев ноябрь—январь в районах не было вовсе соли, хлеб выдавался на месяц сразу и в результате, черствея, был вовсе не пригоден как продукт питания. Отсутствовала выдача жиров и мыла, в результате чего возникла эпидемия чесотки, локализовать каковую вследствие отсутствия медикаментов представляется затруднительным.

Выводы

Указанное свидетельствует [о] крайне неудовлетворительном состоянии снабжения спецпереселенцев продуктами питания и промтоварами, которое вследствие неизжитого обезличения фонда, неналаженности заброски продовольствия в глубинные пункты и наступающей распутицы еще более обострится.

Необходимо срочное принятие мер к обеспечению завоза продовольствия во все глубинные пункты расселения спецпереселенцев и выполнения спецфондов 〈...〉

Начальник областного комендантского отдела Б а р а н о в

ГАСО, ф. 88, оп. 1а, д. 74, л. 98—100.

№ 3

Совершенно секретно

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

ПП ОГПУ ПО УРАЛУ тов. Раппопорт от оперуполномоченного ОО ППОГПУ по Уралу Кирюхина А. С. и начальника Областного комендантского отдела Баранова Н. Д.

На основании распоряжения Вашего, 25-го апреля с. г., выбыв в Надеждинский район для расследования состоявшегося организованного выступления 20-го апреля с. г. спецпереселенцев-кулаков, расселенных в территориальных границах Петропавловского леспромхоза, равным образом выявления

возможных перегибов со стороны работников леспромхоза и комендатур, нами были взяты на выборку ряд спецпоселков и других мест расселения кулачества, а в частности, Самский, Денежкинский и Марсятский лесоучастки, причем при ознакомлении на местах с бытом переселенцев, их материальным и правовым положением, хозяйственным обустраиванием, трудиспользованием и т. д. мы обнаружили нижеследующее:

1. Снабжение продовольствием

Снабжение продовольствием спецпереселенцев, занятых на работах Петропавлоского леспромхоза, а равно их семей и вовсе нетрудоспособных проводилось местным райпо через подведомственные ему на периферии сельпо из фондов спец[иального] назначения; однако расследованием установлено, что все эти фонды Надеждинским ЦРК по заявлению зав. снабжением Васильева обезличивались, и учета: когда, куда, сколько именно и каких продуктов заслано в спецпоселки,— проследить так и не удалось.

Такая постановка работы при наличии вообще продовольственного кризиса в условиях Надеждинского р-на, вследствие перерасходования местным ЦРК прод[овольственных] фондов за целый квартал (снабжались лишние 20 000 едоков), в конечном итоге уже в первых числах апреля м-ца с. г. сказалось на материальном благополучии переселенцев и вскоре же почти повсеместно переселенцы стали голодать, тем более, что местные сельпо, главным же образом склады последних в спецпоселках, не руководимые райпо, произвольно расходовали поступающее продовольствие, не разделяя контингента спецпереселенцев, устанавливая самые разнообразные нормы снабжения.

Начиная с января м-ца с. г. в связи с объявлением ударного месячника на лесозаготовках, фактически продлившегося до 1-го апреля с. г., т. е. до момента окончания лесозаготовок, по директиве Уралеса нормы вырубки леса для переселенцев против вольных рабочих были увеличины на 50% ⟨...⟩, причем при проведении в жизнь этой директивы лесоучастками никакие особенности сложности лесозаготовок по породам и лесонасаждениям не учитывались, а вместе с этим выдача продовольствия производилась в полной мере вольного рабочего только выполнившим эту норму. а так как спецпереселенцы, не обеспеченные вовсе прозодеждой и не имеющие лично таковой, не могли выполнить этих норм выработки, последним продовольствие выдавалось неполностью, с уменьшением его дневной нормы на 50 и даже 75%.

Наступивший продовольственный кризис окончательно ослабил мускульную силу спецпереселенцев, в особенности же в дальних поселках, в связи с наступлением весны и бездорожья оторванных от какого-либо общения с ближайшими населенными пунктами, вследствие чего переселенцы этих поселков буквально голодали, употребляя в пищу: мясо павших животных, мох, березовые листья и другие лиственные суррогаты, не имея возможности приобрести продукты питания за личные средства не только потому, что леспромхоз зарплату установил по низким ставкам и не уплачивал таковую свыше 6-ти месяцев, так что переселенцы оставались постоянными его должниками, но были созданы и такие условия: зам. секретаря Надеждинского райкома ВКП(б) Маслов своей директивой в феврале м-це с. г. категорически запретил торгующим организациям продажу переселенцам продовольствия и промтоваров (см. п. 2-й его директивы). Из приложенной к докладу ведомости Денежкинского лесоучастка видно, что за время нахождения на работах в лесоучастках спецпереселенцев, последние заработали за полгода 83 968 рублей 57 коп., а забор их выразился в 132 927 р. 65 коп., причем оказалось, что в этот забор включено: удержание за строительство избушек, их оборудование, инвентарь и имущество, за облигации займа, паек, безвозвратные взносы в ЦРК (паевые), на содержание яслей (детских), процентные отчисления от зарплаты и т. д., не включая в этот перечень взысканий 25% отчислений.

2. Трудиспользование спецпереселенцев

За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнения плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев, без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-тилетнего возраста и стариков по 2—$2^1/_2$ кубометра в день, когда как по показанию завед[ующих] продовольственными участками и других работников леспромхоза, по описанию этих лесосек средняя норма выработки для взрослого рабочего устанавливалась 3 кубометра в день. По этой причине спецпереселенцы, дабы выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмораживались, подвергались массовым заболеваниям, тогда как с наступлением весны на складах сельпо остались неизрасходованными в значительном количестве промтовары —

телогрейки, полушубки и т. п., которые нами были обнаружены на складах, а не получая медицинской помощи, надлежащего питания и нормальных жилищных условий, к концу лесозаготовок [люди] окончательно стали нетрудоспособны и в большинстве своем инвалиды.

В будущем эта рабочая сила может быть использована лишь только при условии длительного отдыха, усиленного питания и проведения ряда надлежащих профилактических мероприятий.

3. Меры взыскания для спецпереселенцев

В силу указанных выше причин выполнение спецпереселенцами норм выработки было, естественно, невозможным, однако местные партийные и лесозаготовительные организации, не осознав возможности утраты в будущем мускульной силы спецпереселенцев, фактически составляющих кадры постоянной рабсилы на лесозаготовках, вместо создания для них надлежащих условий, гарантирующих хотя бы повышение производительности труда спецпереселенцев, стали на путь резких репрессий.

Для этой цели тот же заместитель секретаря райкома партии Маслов и той же директивой, игнорируя деятельность и права поставщика рабсилы спецпереселенцев — комендатуру, предоставил карательные функции в отношении спецпереселенцев даже хозорганам (десятникам и куренным мастерам), как, например: производство ими арестов, уменьшение прод[овольственного] пайка и т. п., в силу чего завед[ующий] Денежкинским производственным участком Воронцов Константин Андреевич, член ВКП(б) в свою очередь издал распоряжение подчиненному ему аппарату о применении к спецпереселенцам арестов, наложения штрафов и других взысканий.

Все это вместе взятое создало обстановку и условия произвола и издевательств над спецпереселенцами со стороны работников низового аппарата леспромхоза (десятников и куренных мастеров) и командированных райкомом партии бригадиров, а также поселковых комендантов. Повсеместно в каждом спецпоселке были созданы арестные помещения «каталажки», куда десятниками леспромхоза, бригадирами и комендантами беспричинно, а зачастую из личных корыстных побуждений заключались переселенцы всех возрастов, содержались там в неотопленных помещениях раздетыми по нескольку суток и без пищи, там же систематически избивались и подвергались всевозможным истязаниям, что приводило к полному упадку физической деятельности спецпереселенцев и смертным случаям.

Издевательства указанных лиц над переселенцами по своей дерзости не находили себе границ. В этих ар[естантских] помещениях, в домах переселенцев, на улице, в лесу на работах и даже во время отдыха переселенцев последние избивались, женщины и девицы подвергались также избиениям, принуждались и использовались в половом отношении, у переселенцев бесконтрольно отбирались вещи, деньги и продукты. Были случаи вымогательства взяток.

Все эти беспричинные издевательства в основном сводились к физическому истреблению переселенцев, что бесспорно подтвердилось показаниями десятников, некоторых комендантов и других лиц. Так, например, старший бригадир Ратушняк, член ВКП(б), избивая переселенцев, кричал: «Вас всех надо убить и уничтожить, а вместо вас скоро новых 80 000 пришлют». Поселковый комендант Деев дал установку десятникам — бросать в воду работающих на сплаве переселенцев. По установке того же бригадира райкома Ратушняка и десятников, для спецпереселенцев заранее изготовлялись гробы, стоящие на виду у спецпереселенцев, и были случаи, что в гробы клали для погребения живых переселенцев. Такой случай имел место в апреле м-це с. г. на Самском лесоучастке, когда в гроб была положена обессиленная от истощения спецпереселенка. Был случай, когда был брошен в костер переселенец.

Особенными жестокостями отличались:

1. Бригадир Ратушняк, избивший всевозможными способами ряд спецпереселенцев, в результате чего переселенец Мартыненко умер в ар[естантском] помещении; насиловал женщин и девушек; произвел ряд ограблений переселенцев на дороге. Был вдохновителем десятников и бригадиров по избиению спецпереселенцев и говорил: «Переселенцев надо всех уничтожить».

2. Бригадир Калугин Иван, член ВКП(б). Избил ряд переселенцев, в результате чего переселенец Луговой умер. Среди переселенцев слыл за палача под кличкой «Ванька Каин». Вместе с десятниками издевался над переселенцами, а, в частности, переселенку Харченко избивал ложкой по половым органам.

3. Бригадир Кучин, член ВКП(б). Участник избиений целого ряда переселенцев, в результате избиения переселенец Горевой умер.

4. Бригадир Чернов, член ВКП(б). Избил ряд спецпереселенцев, был соучастником преступлений Калугина.

5. Бригадир Суетнов, член ВКП(б). Избил ряд переселенцев в соучастии с бригадиром Мерзляковым, в результате чего переселенцы Терпугов и Дудников умерли от избиений.

6. Мерзляков (бригадир), член ВКП(б) — соучастник и пособник в преступлениях Суетнова.

7. Старший десятник Кривощеков, кандидат ВКП(б) с 1931 года. Избил целый ряд спецпереселенцев, в результате чего от побоев умерли Самойленко и Деомид Сидоренко. Последнего Кривощеков толкнул в горевший костер дров. Был одним из дерзких исполнителей расправ над спецпереселенцами. По делу арестован.

8. Старший десятник Ярославцев, кандидат ВКП(б) с 1931 года. Избил несколько спецпереселенцев. Отбирал вещи у них. Соучастник преступлений Кривощекова. Совершил ряд подлогов при выплате зарплаты спецпереселенцам в корыстных целях. По делу арестован.

9. Старший десятник Бердюгин, беспартийный, избил целых ряд спецпереселенцев, а в частности, совместно с бригадиром избил Дудникова, который впоследствии умер. Склонял к половой связи девушек. Получал взятки от спецпереселенцев. Арестован.

10. Десятник Шелагин, член ВКП(б). Избивал переселенцев. Положил в гроб для похорон живую спецпереселенку.

11. Десятник Смышляев. Избил прутом железным Харченко Ивана на глазах переселенцев за то, что последний употребил в пищу мясо павшей лошади. Избивал переселенцев.

12. Десятник Медведев, беспартийный. Избивал спецпереселенцев. По установке коменданта Деева бросал в воду работавших на сплаве спецпереселенцев.

13. Старший рабочий сплава Кузеванов — соучастник Медведева в избиении спецпереселенцев.

14. Поселковый комендант Деев, беспартийный, был главной фигурой избиений и убийств спецпереселенцев. Избил ряд спецпереселенцев, из коих Мирошниченко от его побоев умер. Отбирал вещи у переселенцев, вымогал взятки, был вдохновителем десятника в избиении спецпереселенцев. Арестован.

15. Его помощник Новоселов, кандидат ВКП(б) с 31 г. — соучастник преступлений Деева.

16. Комендант Смирнов, беспартийный, избил целый ряд спецпереселенцев. Отбирал вещи и продукты у них, частично их присваивал. Избиения спецпереселенцев отличались особой жестокостью. По делу арестован.

17. Комендант Рудеев — соучастник преступлений десятника Кривощекова в избиении переселенцев. Отбирал вещи у них и частично присваивал. По делу арестован.

18. Конвоир штрафного участка Болотов Иван. Систематически избивал спецпереселенцев, от чего умерли: Саледин Мустафа и Борда Феодосия. Отличался особой жестокостью. Среди переселенцев известен под кличкой «Ванька-палач». По делу арестован.

19. Конвоир штрафного участка Замятин — соучастник преступлений Болотова. Арестован.

20. Комендант Масягин — соучастник преступлений Болотова. Избил переселенцев братьев Беккер, умерших после побоев.

21. Кладовщик Бессонов и сторож Целищев. Систематически пьянствовали, расхищая продукты. Обвешивали спецпереселенцев. Обменивали продукты на их вещи. Среди переселенцев агитировали так: «Мы кубанцев уничтожим, живым никто не вернется».

При попытке районных комендантов Ласкина и Новгородова заострить внимание на означенных ненормальностях последних райком ВКП(б) в лице зам[естителя] секретаря Маслова обвинил в оппортунизме и даже Ласкин по решению райкома подлежал снятию с должности.

Указанным выше произволу, издевательствам, голоду и изнурительному труду были подвергнуты спецпереселенцы прежнего подъема, находившиеся на лесоразработках с начала 1930 года и в своей массе происходящие с Кубани.

В конце марта и начале апреля 1931 года в этот район были водворены на жительство спецпереселенцы Западной области, преимущественно из бывших Смоленской, Брянской губерний, расселенные по поселкам на различных лесоучастках: Усть-Калье, 25-й, 80-й кварталы, Усть-Канда, участок № 2, Атюс № 3, Петропавловского и Марсятского участков леспромхоза. По ознакомлении их с условиями жизни спецпереселенцев — кубанцев со стороны спецпереселенцев Западной области в их среде стала проводится организационная работа с целью склонить эту часть на открытое выступление, для чего велась соответствующая обработка: «Зачем вы, кубанцы, переносите голод, холод и издевательства, нужно выступить открыто против этого с наступлением весеннего и летнего периода. Мы рассчитывали, что кубанские казаки народ смелый и решительный, а они на деле оказались трусами. Вот мы этого произвола терпеть не будем».

С 12-го апреля 1931 года между расселенными по разным участкам спецпереселенцами Западной области начала проводится работа по установлению связей и подготовке к выступлению, прикрываемая особенно обострившимся продовольственным кризисом в этот период, когда в среде части этого контингента спецпереселенцев были израсходованы привезенные из дома запасы продовольствия и в

таковом ощущался недостаток. Отсутствие какой-либо разъяснительной работы со стороны работников поселков и комендатур, продолжавшийся произвол со стороны десятников леспромхоза озлоблял эту часть спецпереселенцев, среди них распространялись слухи, что «их привезли сюда также на физическое уничтожение», а все это вместе взятое порождало в их среде повстанческие настроения.

20-го апреля 1931 года на 80-м квартале лесоучастка был убит десятник Прокопьев К. С., замеченный ранее в избиении спецпереселенцев и вновь произведший избиение спецпереселенца Повесьма Никифора и его матери, вследствие чего Прокопьев получил смертельное ножевое ранение со стороны спецпереселенца Повесьмы Николая. Это обстоятельство послужило поводом к распространению также в среде спецпереселенцев-кубанцев мысли о необходимости решительного реагирования таким же образом на злоупотребления работников леспромхоза.

Наконец, 20-го апреля 1931 года состоялось организованное выступление спецпереселенцев Западной области в количестве 300 семей с участка Усть-Калье, заранее подготовленное крупными кулаками-спецпереселенцами: Щепачевым В. Д., Щепачевым М. Н., Анциферовым В. В., Тезиковым Н. М., Тезиковым П. М., Смоляниновым П. И., Парфеновым А. И., Дикановым К. И. и другими. Эти руководы выступления с участка Усть-Калье заранее организовали связь со спецпереселенцами участка Усть-Канда через руковода этого участка крупного кулака Коробова К. С. и Борисова П. П., на этот счет имели [место] неоднократные совещания. С поселком спецпереселенцев 80-го участка также имелась связь через крупного кулака Филимонова Г. К. Таким образом, подготовляемое еще с 12-го апреля с. г. выступление и состоялось в указанный выше срок с конечной целью намерения продвижения выступивших по железной дороге до ст. Сама и города Надеждинска, но принятыми мерами продвижение было приостановлено и выступившие были водворены на участки прежнего расселения.

На станции Сама〈...〉 выступавшей массе спецпереселенцев-кулаков имелся случай оказания содействия со стороны работников железнодорожного транспорта, в частности, некто Окунев И. М. (спекулянт и агитатор против налоговой политики), влившись в массу переселенцев, повел агитацию среди них за необходимость захвата подвижного железнодорожного состава с целью продвижения по железнодорожной линии до гор. Надеждинска: «Бросьте, ребята, идти пешком, через 20 минут здесь должен быть состав поезда, необходимо его захватить и заставить бригаду перевезти вас до Надеждинска. Захватите еще 150 человек спецпереселенцев из казармы при ст. Сама».

После состоявшегося указанного выступления в других переселенческих поселках спецпереселенцами-западниками также велась подготовительная работа по организации вторичного выступления под лозунгом: «Если не удовлетворят продовольствием, то обязательно уйдем с мест расселения».

Примерно в спецпоселке «Новая Деревня» участка № 2 Денежкинского учлесхоза спецпереселенцами Ковалевым Иваном и Хлестуновым Степаном активно велась подобная подготовка к выступлению с вербовкой для этой цели спецпереселенцев-кубанцев〈...〉 то же и на спецпоселке Аткюс № 3 Марсятского участка леспромхоза.

Из числа выступивших спецпереселенцев арестовано 53 активных участника и организатора, кроме того арестованы: десятники ЛПХ — 4 чел., работники поселковых комендатур — 8 чел., кооперации — 2 чел. — всего 67 человек.

Подлежат аресту: работники ЛПХ — 5 человек, бригадиры — 8 человек.

Следствие по данному делу еще не закончено. В силу того, что по делу имеются указания на перегибы со стороны представителей райкома ВКП(б), а также на даваемые аналогичные установки членами бюро райкома, мы вынуждены были выехать для личного доклада Вам на предмет разрешения этого вопроса.

Приложение: директива т. Маслова и ведомость расчетов Денежкинского УЛПХ. — Нормы выработки.

Опер. уполномоченный ОО ПП К и р ю х и н
Начальник Областного комендантского отдела Б а р а н о в

13 мая 1931 г. г. Свердловск

ЦДООСО, ф. 4, оп. 9, д. 218, л. 34—45.—Подлинник.

№ 4

Сов[ершенно] секретно

О ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Сводка Главного управления лагерей ОГПУ на 20 июля 1931 г.

Комиссии, производившие обследование районов расселения спецпереселенцев по Уральской области, зафиксировали в своих актах ряд возмутительных явлений со стороны хозорганов, использующих спецпереселенцев, и со стороны комендантов спецпоселков по отношению к спецпереселенцам.

В Тавдинском и Таборинском леспромхозах (акт обследования на 17 июня 31 г.), входящих в систему Уралleса, где спецпереселенцы составляют 98% к общему числу рабочих, администрация ЛПХозов в целях поднятия производительности труда и сохранения трудовой дисциплины среди спецпереселенцев пользуется следующими методами:

а) Наличие штрафной команды и барака используется некоторой частью руководящего и технического персонала ЛПХозов как застращивание и угроза для нетрудоспособных и подростков.

При проверке из 273 заключенных основную массу составили нетрудоспособные ⟨...⟩

Большинство из них отказывались идти на тяжелые работы по лесозаготовкам и сплаву. Многие заключались в бараки просто по бессодержательным запискам милиционеров, а затем оказывались невиновными и освобождались.

2-го апреля милиционером Акуловым (ныне арестованным по обвинению в мошенничестве) были препровождены в барак 7 человек, из которых четыре шестнадцатилетних девушек по обвинению в халатном отношении к лесозаготовкам ⟨...⟩ обвиняемые просидели 1 $^{1}/_{2}$ месяца. При отправлении в барак завпроизводственным участком Котельников применял физическое насилие (привлечен к ответственности).

б) Норма выработки, действующая для спецпереселенцев в Таборинском районе, по отношению к прочим категориям рабочих была выше на 50%. Различия в нормах выработки для мужчин, женщин и подростков не делались. В Тавдинском районе в настоящее время норма выработки для спецпереселенцев повышена на 30% против вербованных рабочих. Кроме того, директор Тавдинского леспромхоза Коютких дал непосредственно указания о снижении расценок за валку леса в сравнении с вербовочными рабочими до 38 копеек за 1 куб. м против 51 коп., получаемых вербовочными рабочими. Нормы и расценки не везде одинаковы и часть зависит от усмотрения заведующего участком.

в) Производственных заданий спецпереселенцы не получают ⟨...⟩

г) Расчетные книжки, выданные спецпереселенцам, отражают лишь забор хлеба, крупы и селедок, фактический же заработок не заносится. Отчетность не ведется, поэтому установить сумму месячного заработка каждого спецпереселенца невозможно.

Задолженность по зарплате спецпереселенцам дошла до 3-х месяцев. Есть случаи, когда спецпереселенцы, работая второй год, не получали зарплаты.

По Лосовскому производственному участку удерживается с зарплаты спецпереселенцев на содержание комендатуры не 25%, а 27%.

Жилстроительство. Жилищами спецпереселенцы не все обеспечены. В некоторых поселках уплотнение доходит до 150% сверх установленной нормы. Помещений общего пользования не имеется.

Снабжение. В Таборинском леспромхозе со снабжением самыми необходимыми продуктами питания неудовлетворительно. Имеются массовые случаи, когда хлеб не выдавался 3—4 дня, не говоря о других продуктах питания... Особенно плохо обстоит с заброской продуктов в глубинные пункты. Комиссии пришлось столкнуться с фактами, когда дети, распухшие, недвижимые умирали с голода. На почве голода имеют место самоубийства. Вся трава, находящаяся возле бараков, поедалась вместе с древесной корой ⟨...⟩

В Тавдинском районе более благополучно, но все же [есть] случаи, когда спецпереселенцы голодают до 2—3 дней из-за нехватки хлеба.

Медобслуживание. Заболеваемость среди детей спецпереселенцев составляет 70—75%. Фактический паек детского питания состоит из 1 кг ржаной муки, и больше никаких добавочных продуктов не выдается. Среди взрослого населения заболеваемость равна 20%. Медпункты не оборудованы и не обеспечены медикаментами. По Носовскому участку смертность от скарлатины составляет 50% к общему числу заболевающих. Состояние поселков спецпереселенцев антисанитарное. В бараках при нормальной нагрузке должно размещаться 100—120 человек, живут 260—400 человек.

Культобслуживание. Для культурно-бытового обслуживания со стороны леспромхозов ничего не предпринято. Ни школ, ни детплощадок, ни красных уголков не построено и в строительстве 1931 г. не предусматривается. Из 4511 детей школьного возраста школу общего пользования посещало 26 человек. Никакой литературы не выписывается〈...〉

Работа среди молодежи не ведется. Последние заявляют, если мы приходим в клуб, кино, то нас выгоняют〈...〉

Надеждинский леспромхоз (Акт обследования на 26 июня 1931 г.)〈...〉 Расчетных книжек нет. Директор ЛПХоза Арефьев приказом № 303 предлагает: «Сделать все, но заставить спецпереселенцев», «не выпускать спецпереселенцев из делянок до тех пор, пока не выполнят нормы». Такие приказы способствовали проявлению ряда прямых издевательств, совершаемых десятниками, куренными мастерами и комендантами. Помимо наложения штрафа на спецпереселенцев и арестов, их били, присваивали [их] вещи. Зав[едующий] Богословским производственным участком, требуя выполнения нормы выработки, бил спецпереселенцев по голове револьвером. Комендант Исаковского поселка того же производственного участка Черепанин систематически избивал спецпереселенцев: одному спецпереселенцу сломал руку, спецпереселенку ранил выстрелом из револьвера, сажал больных в холодную каталажку. Коменданты поселков: Волчанского, Исковского и Устия присваивали деньги и ценности спецпереселенцев〈...〉

Жилстроительство. Выстроенные жилища не полностью обеспечивают спецпереселенцев и требуют немедленной переделки. Поселки выстроены на болотистой местности, передвижение внутри коих возможно по жердевым настилам. В подполье многих изб постоянно стоит вода. Поселок б. Ивонинский выстроен вблизи ручья, который в летнее время пересыхает, а зимой вымерзает. Зимой спецпереселенцы вынуждены пользоваться снегом, а летом ходить по воду на расстояние $1\ ^1/_2$ километра〈...〉

В Надеждинский леспромхоз в июне — июле прибывают еще 8000 семей спецпереселенцев, но к строительству для них еще леспромхоз не приступил〈...〉

Снабжение. Налицо имеется систематическое недоедание спецпереселенцев [и их] семей из-за того, что из месяца в месяц установленная норма [продовольствия] полностью не выдается. Во всех поселках многие спецпереселенцы, а в особенности нетрудоспособные [члены] семьи, употребляют в пищу гнилую древесину, разный хлебный суррогат, траву, несъедобные грибы, в результате чего болеют и совершенно теряют трудоспособность〈...〉

Культурное и медицинское обслуживание. Никакой культурно-просветительской работы среди спецпереселенцев не ведется. Из числа 2619 детей школьного возраста обучались 118 детей. Имеющиеся школы недостаточно оборудованы. В поселке Устья дети учатся в квартире учительницы, которая является спецпереселенкой.

Больничных коек недостаточно. Медпункты не обеспечены медикаментами. Больные спецпереселенцы вынуждены за отпусками по болезни ходить на расстояние 10 км〈...〉

Челябинские копи (Акт обследования 10 июля 31 г.). При ознакомлении на месте с расселением кулаков в поселках на территории Челябкопий и Потанинского завода установлен ряд грубых нарушений, заключенных между хозорганами и спецпереселенческим Отделом ПП ОГПУ по Уралу договоров, а именно:

Шахтострой:

1) Несмотря на обещание управляющего т. Фролова предоставить временно для части прибывшего эшелона свободные помещения промышленного типа и построить временные помещения для остальной части кулаков в двухнедельный срок, до сих пор все без исключения кулаки помещаются в устроенных ими из березняка шалашах, на изготовление которых уничтожено молодняка березняка около 5 га. Шалаши защищают только от солнца, но не от ночного холода и дождя.

2) При прибытии кулаков вырыт вблизи поселка колодец, пригодность к употреблению воды не исследована, что сделать было необходимо, т. к. вода имеет неприятный вкус и цвет (при варке чая получается не желтый, а синий цвет).

3) Кипяченая вода совершенно не приготовляется〈...〉 как следствие недопустимо скверных жилых условий, сильно развиты заболевания, главное — желудочные〈...〉 Например, за 9 июля было 10 случаев заболеваний.

Постоянной медицинской помощи в поселке нет〈...〉 Заболевших кулаков обыкновенно направляют на Злоказовский участок (4 км), где имеется один фельдшер, который, естественно, справиться [с лечением] всех больных не в состоянии. Поэтому значительная часть больных остается вообще без медпомощи 〈...〉 Нет бани〈...〉

В данное время для постоянного жилья приступлено к постройке стандартных односкатных землянок размером 6×3,7 метра, рассчитанных на вселение по 3 семьи. Стены и пол землянок — земляные, снаружи и внутри землянки предполагается обмазать глиной. Место, отведенное для постройки землянок, болотистое〈...〉

25/VII—31 г. Зам. нач. Гл. упр. лаг. ОГПУ [Б е р м а н]

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 26, л. 203—207. — Копия.

№ 4

Препроводительная записка

Сов[ершенно] секретно

Уралобком ВКП(б) тов. Кабакову
ОБЛКК ВКП(б) тов. Назаретян
Облисполком тов. Ошвинцеву
14 мая 1931 г.

При сем прилагаю записку т. т. Кирюхина и Баранова, посланных мной для расследования группового выступления спецпереселенцев Петропавловского леспромхоза Надеждинского района.

Моим распоряжением дополнительно арестованы бригадиры Ратушняк, Калугин и Чернов. Указанные бригадиры помимо избиений спецпереселенцев, присваивания их имущества прибегали к таким издевательствам, как обнажение женщин и битие ложками по половым органам.

Установлено по материалам, что руководители Надеждинского райкома ВКП(б) не только не приняли мер к предотвращению таких возмутительных фактов издевательств над спецпереселенцами, но и потворствовали [им].

Положение со снабжением спецпереселенцев до сих пор остается весьма плохое. Уралес израсходовал все свои ресурсы на лесозаготовках и он не в состоянии обеспечить нормальным пайком спецпереселенцев на лесоразработках. Распоряжение Наркомснаба о выделении [ресурсов] из рабочего фонда Облснаб якобы не может выполнить.

Полагаю, что нужно было бы послать письмо обкома районам в свете этих фактов, дав им установку партии. Поведение секретаря Надеждинского райкома т. Крайнова и особенно заворга т. Маслова требует также вмешательства обкома.

ПП ОГПУ Урала Р а п п о п о р т

ЦДООСО, ф. 4, оп. 9, д. 218, л. 33-33 об. — Подлинник.

№ 5

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Из докладной записки Уральского облздравотдела в Наркомздрав

На 10 февраля 1932 г.

Спецпереселенцев в Уральской области всего около 500 тыс. человек, расселенных в спецпоселках, расположенных в 69 районах, в том числе в 3 округах: Коми-Пермяцком, Остяко-Вогульском и Ямальском.

Все спецпереселенцы закреплены за промышленными организациями, за исключением незначительного количества, оставленного для сельхозколонизации — около 15 000 чел.〈...〉

Медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев по отдельным районам характеризуется в следующем виде:

Примечание: взяты районы:

1. Ведущей промышленности	— Магнитогорск (новостройки), Калатинский (медь)
2. Ведущей промышленности и лесной	— Кизеловский (уголь, лес), Надеждинск (металл, уголь, лес)
3. Лесная промышленность	— Верхотурский, Гаринский, К[оми-] Пермяцкий округ, Кыновский, Мехонский, Юргамышский, Добрянский, Ныробский, Лялинский, Тобольский, Ивдельский, Остяко-Вогульский округ (лес, рыба)
4. Мелкая промышленность	— Троицкий (кирпич)
5. Сельсхозколонизация	— Белозерский

Магнитогорский район. Споцпереселенцев — 40 426 ⟨...⟩ В центральном поселке имеется 87 бараков и 89 10-тиквартирных блок-дома. Землянок 108. Имеется 1 столовая, 1 магазин, ЦРК, 4 хлебных ларька. Строится баня на 130 человек. Имеется 5-ть вошебоек. Из них работает четыре. Пропускная способность вошебоек 90 комплектов белья. Водопровод проводится. Вода привозится бочками или приносится только для приготовления пищи. Спецпереселенцев приблизительно в Центральном поселке 28 тыс. человек. Северный поселок — имеется 24 барака. Баня заканчивается. Вошебоек 2, жителей 5500 человек. Туковский поселок. Имеется 12-ть бараков. Землянок 70, 1 примитивно устроенная баня. Вошебойка строится. Население — 4 тыс. человек. Известковый поселок. Имеется 8 больших бараков и несколько землянок. Население — 1900 человек. Площадь поселка очищается, но вследствие скученности быстро загрязняется. Питание спецпереселенцев удовлетворительное. Санитарное состояние жилищ неудовлетворительное. Пол во всех блок-домах и большей частью бараков земляной. Семьи в бараках не отделены. Находятся на общих нарах и полнарах. Отопление бараков плохое. В бараках сырость. Печей недостаточно.

Кизеловский район. Всего спецпереселенцев — 48 656 чел. ⟨...⟩ Жилплощадью спецпереселенцы обеспечены во многих местах неудовлетворительно, особенно на медучастке и шахтах № 2 и № 4, где жилплощадь достигает от 0,5 до 1,25 кв. м на человека. В части водоснабжения дело обстоит более или менее благополучно, но есть места, где воды не хватает и приходится употреблять снег.

Надеждинский район. ⟨...⟩ Количество спецпереселенцев занимает 80—90 [%] всей рабочей силы... Поселки сильно загрязнены. На лесозаготовках жилищные условия удовлетворительнее в смысле [меньшей] скученности, чем в промышленных центрах. Водоснабжение неудовлетворительное, нет колодцев, пользуются водой в болотных речках. Банями в основном удовлетворены, но не везде в достаточном количестве. Имеются случаи наличия бани за 2—3 версты от поселка ⟨...⟩

Коми-Пермяцкий округ. ⟨...⟩ Санитарное состояние в большинстве поселков неудовлетворительное. Уборных нет, нет помойных ям и отбросы выбрасываются у помещения, или на улицу. Колодцев нет. Пользуются речной водой, в результате — вспышка брюшного тифа (239 человек). Живут спецпереселенцы во вновь выстроенных домах, но нередко и на поселках в землянках, утепленных шалашах ввиду того, что много из домов недостроенных, в них отсутствуют печи. Общий недостаток: крайне мало овощей; есть единичные случаи цинги в поселке Ельдор. Констатируются факты обнаружения больных с отеками, с изъязвлениями роговой оболочки с последующим выпадением радужной оболочки и слепоты, часто встречаются аменорея (отсутствие месячных у женщин). Изложенное квалифицируется как недостаток питания. Столовые в поселках встречаются редко. Отмечена только одна столовая в поселке Керос. В отношении бань и вошебоек в количественном выражении в окрздраве данных нет. В каждом поселке вошебойка выстроена, но не работает, ссылаются на отсутствие печи и железа для обивки. Бани в поселках вполне обеспечивают нужды спецпереселенцев. В новых поселках строятся, но медленно за отсутствием котлов и кирпича для печей.

Добрянский район. Поселков имеется 10-ть, фельдшерских пунктов 8. На каждом медпункте — по 2 койки. Обслуживание разъездной медпомощью проводится местными работниками ⟨...⟩ Общее санитарное состояние неудовлетворительное. Жилища на 80% сырые, вместо одной семьи помещены по 2 и более. Помещения содержатся в грязном виде ⟨...⟩ Водоснабжение. На каждом поселке достаточное количество баков для кипячения воды и поставлено специальное лицо, которое все время кипятит.

Продуктов питания было заброшено недостаточно, мясо не выдавалось, рыба выдавалась с перебоями. Молоко для детей не выдавалось.

На 1-е декабря переселенцев числилось 7667, родилось 47 человек, умерло — 62. Количество выстроенных бань 10〈...〉 функционирует 3, в остальных не сделаны печки.

Гаринский район. Организовано 7 медпунктов, по намеченному плану должно быть 11 пунктов, которые не открыты за отсутствием медперсонала. Специальных отстроенных помещений под медпункты не имеется. Приспособлены домики зырянского типа в поселках. Акушерской помощи не существует. Нет ни одной акушерки. Акушерская помощь оказывается в исключительных случаях фельдшерами. Ясли организованы в 11-ти поселках, но функционируют только в 8-ми. Средств на содержание ясель не имеется. Для яслей использованы старые бараки. Бельем ясли обеспечены крайне недостаточно. Одеял вовсе нет. Столовой посуды и проч. инвентаря очень мало〈...〉 Характерным отличием всех поселков является скученность населения. В одной комнате помещается 2—3 семьи. Печи железные или мазаные, никаких кладовок нет. Продукты хранятся в избе. Вода берется из вырытых колодцев, но ее зимой не хватает и берут из речки. Бань 16-ть, но только 2 соответствуют своему назначению. Питание спецпереселенцев недостаточное. Родилось за этот год 87 человек. Умерло 347.

Калатинский район. В районе Левихи имеется пункт 1-й помощи, при котором один врач и 2 фельдшера. Они обслуживают кадровиков и спецпереселенцев〈...〉 На Карпушке имеется 2 фельдшера, врача нет. На Таловой нет фельдшера и нет пункта. Ясли имеются только на Карпушке. На Левихе открытие ясель задерживается отсутствием одеял, посуды. Санитарно-профилактическое состояние в отвратительном положении ввиду перегрузки жилой площади. Имеется большинство таких казарм, где койка от койки на расстоянии одной четверти, нет бака, умывальников. Просьба прислать глазника ввиду заболевания трахомой на 43% среди всех спецпереселенцев〈...〉

При каждом руднике имеются вошебойки, бани, прачечные, хотя в недостаточном количестве. В среднем бани пропускают в каждой пятидневке 75%.

Верхотурский район. ЛПХ совершенно не выполняет санитарных требований в отношении построек на поселках бань, прачечных, сушилок, вошебоек, постройки уборных, выгребных ям и проч.〈...〉 ЛПХ дает очень плохие средства для обслуживания медперсонала. Дают бракованных лошадей, одного кучера на 4—5 подвод. На участках фельдшера не имеют квалификации. Оторваны совершенно от райздравов. Не получают зарплату служащие с июня — июля м-ца 1931 года〈...〉

Кыновский район. 〈...〉К основным недостаткам надо отнести — холод в помещениях за отсутствием зимних рам. Наличие щелей в стенах и дверях. Сгущенность людей: в доме 8,5×5,5 м помещается до 25-ти человек. Отсутствие надлежащей чистоты, нет уборных, выгребных ям, недостаток бань, прачечных нет〈...〉 Для обслуживания по району имеется один врач и 2 фельдшера〈...〉

Мехонский леспромхоз. Барак 402〈...〉42 семьи, 54 взрослых, 69 детей. Барак не приспособлен для жилья. Трудоспособных — 41 человек. Нет колодца, бани, мыла не дают, несмотря на его наличие (6-ть ящиков). Барак 405. Скученность, печи неисправны, масса паразитов, нет мужских и женских помещений〈...〉 Барак 359—33 семьи спецпереселенцев. Санитарное состояние удовлетворительное. Есть баня, прачечная, колодец〈...〉 Барак 360: печи не устроены, воды не хватает, нет бани〈...〉 Живет 111 человек, трудоспособных — 30 человек〈...〉

Юргамышский район. Спецпереселенцы в количестве 1911 человек прибыли в Окуневский ЛПХ Юргамышского района в октябре 1931 года. Расселены по баракам. Среди спецпереселенцев обнаружено было в первую декаду 16 случаев брюшного тифа. Медпомощью обслуживает фельдшер, в помощь которому по прибытии спецпереселенцев выделено 2 фельдшера. Больницы и акушерского пункта в ЛПХ нет. Имеется фельдшерский пункт с удовлетворительным обеспечением инструментарием, медикаментами и помещениями〈...〉 Открыт заразный барак на территории ЛПХ, куда госпитализированы все больные брюшным тифом. Вакцинация в январе месяце не проведена из-за отсутствия дивакцины. Больные сифилисом изолированы, в январе выявлено 4 случая сыпного тифа〈...〉 Бараки очень перегружены. При каждом бараке имеется колодец с доброкачественной водой. Баня с пропускной способностью 3 раза в месяц, 9 вошебоек простого типа, действующих при помощи

горячей серы, 4 прачечных. Территория вокруг бараков содержится удовлетворительно. Уборных в достаточном количестве. Питание как рабочих, так и детей плохое — хлеб и картофель. Вследствие сгущенности и скверного питания наблюдается повышение смертности детей ⟨...⟩

Ныробский район. В 1931 году спецпереселенцы в 14-ти поселках в количестве 12 375 человек обслуживались больницей на 25 коек в Ныробе и 5 коек в Тулпане ⟨...⟩ Питание недостаточное. Количество бань 45, по сведениям ЛПХ, вошебоек 21, но это требует проверки. Сведения неверны. По материалам оказывается [, что] в некоторых участках бань вовсе нет, хотя они, по данным ЛПХ, показаны, но общее правило, почти бани все курные, без предбанника, плохо оборудованы, с слабой пропускной способностью, редко используются для прямого назначения, места заселяются рабочими. Из обследованных вошебоек ни одна не действует, непригодна, или их не оказывается.

Ново-Лялинский район. Спецпереселенцы — 5783 человек... Размещены спецпереселенцы удовлетворительно, в значительном количестве домов нет русских печей за отсутствием кирпича. Водоснабжение из рек и в отдельных поселках колодцы, которые в удовлетворительном состоянии. Необходимо к весеннему периоду с речного перейти на колодезное водоснабжение, т. к. с пуском Ново-Лялинского целлюлозного завода речная вода к употреблению будет непригодна. Спецпереселенцы на лесозаготовках пользуются из столовой горячей пищей. Дети и нетрудоспособные члены семьи удовлетворяются питанием наравне с членами семей рабочих лесной промышленности. В целом вопрос с питанием находится в неудовлетворительном состоянии, снабжающие организации несвоевременно выполняют наряды, а иногда и совершенно не выполняют... С августа 31 года по 1-е декабря с. г. родилось 32 человека, умерло в этот период 73 человека.

Тобольский район. Поселок «Соколовка» 26 жилых помещений и один барак, 600 семей. Под жилье приспособлены здание школы и крестьянские конюшни, на каждого жильца приходится не более 1 кв. метра. Грязно. Для выпечки хлеба выделена кухня с пропускной способностью не более 20 семейств, остальные вынуждены стряпать на тех же нарах, на которых спят. Помещение столовой мало и плохо оборудовано. Воду приходится возить за 2—5 километров от поселка. Население часто употребляет в пищу недоброкачественную воду из озерков, расположенных на территории поселка, которые загрязняются самими жителями и скотом. В настоящее время приступили к копке колодца. Бань — 4, прачечной и вошебойки нет. Плохо снабжаются продуктами, что отражается на детях и перенесших цингу, которых имеется до 50-ти человек. Медпункт в поселке открыт с 1-го октября 31 года... Выделена отдельная кухня для печения хлеба. Поставлены кипятильники в кухне и столовой ⟨...⟩ Поселок Ростош, имеется 35 парных изб и 2 барака. 175 семей, в каждой квартире 16 кв. метров. Помещаются от 9-ти до 12-ти человек. Помещения очень сырые. Имеется баня, для обслуживания всего поселка недостаточна ⟨...⟩ Белье стирается у себя в квартире. Водой снабжаются из небольшого прудка, расположенного в середине поселка, в овраге. Вода обладает затхлым запахом. Весной все нечистоты поселка будут стекать в него, поселок останется без воды. Предложено административно-хозяйственным организациям приступить к копке колодца. Мусорных ям для нечистот нет ⟨...⟩ Поселок Ингаир. 30 домов и 1 барак. 100 семей. На жителя — 3 кв. метра, есть квартиры в 18 кв. метров, где помещается по 16 человек. Помещения сырые, много насекомых. Имеется баня с вошебойкой. Поселок снабжается доброкачественной водой из речки Ингаир. Уборные имеются у каждого дома. Медпункты организованы с 1-го декабря 31 года. Штаты: фельдшер, сестра и сторожиха. Медпункт временно расположен в избе ⟨...⟩

Ивдельский район. Брюшным тифом за год заболело 138 человек. Причины эпидемии — антисанитарные условия во временных бараках, куда были помещены спецпереселенцы до отправки их на участки. Чрезвычайная скученность. Неприспособленность некоторых временных бараков к жизни в них (холод), невозможность их отопления, загрязнение источников питьевой воды, недостаток снабжения продуктами питания. Сыпным тифом за год заболело 253 [человека]. Причины эпидемии — скученность, антисанитарное состояние, вшивость, недоедание, плохая обеспеченность мылом. Имеются две основные группы населения: местные жители и спецпереселенцы. Условия жизни последних плохие, ютятся во временных бараках, грязь, скученность, санитарные навыки у населения привиты слабо, особенно у переселенцев Украины и Белоруссии ⟨...⟩ В отношении снабжения продуктами питания дело обстоит плохо и семьи рабочих спецпереселенцев определенно недоедают. Снабжение

мылом абсолютно недостаточно, что способствует развитию эпидемии. Мануфактурой и бельем центр района и основные производства снабжаются лучше〈...〉

Остяко-Вогульский округ. Самый большой поселок — Зарям Рыботреста с населением 1340 человек, [медпункт] в смысле помещения находится в самых нетерпимых условиях. Стационар втиснут в небольшое низкое помещение〈...〉 Ожидалка отсутствует, больные ожидают в небольшом темном коридоре, сидя на полу, тут же за перегородкой комната врача и фельдшера〈...〉

Белозерский район. Для медобслуживания спецпереселенцев работают 2 фельдшерских пункта〈...〉 Нуждающихся в стационарном лечении помещают в райбольнице〈...〉 ясель нет из-за отсутствия помещений... Санитарное состояние бараков〈...〉 удовлетворительное. Бараки к жилью вполне пригодны, только перегружены. Водоснабжение колодезное. Питание сравнительно хорошее. Бань достаточное количество. На 18-ть бараков 15-ть бань, вошебоек 11. Нет мыла и вошебойки приспособлены для серной дезинфекции, а серы получить не могут, несмотря на ряд запросов. При зерносовхозе 3 земляных барака очень перегружены, темные, сырые, без полов, вообще мало пригодные для жилья. Питание недостаточное, в особенности для детей. Вошебойки нет〈...〉

Троицкий район. Спецпереселенцы на кирпичных заводах Ильинка и Пятилетка обслуживаются через фельдшерские пункты〈...〉 Санитарное состояние бараков неудовлетворительное. Баня имеется и удовлетворяет. Вошебойки нет, водоснабжением бараки обеспечены, имеется общественная столовая, качество питания неудовлетворительное.

Из приведенного выше материала, а также и по другим имеющимся в распоряжении Облздравотдела материалам и сведениям, санитарно-бытовые условия спецпереселенцев и медико-санитарное их обслуживание представляется в следующем виде:

1. Ж и л и щ е. Следует подразделить на жилища в тяжелой промышленности, новостройках и в лесной промышленности. В первых преимущественно бараки обычного стандартного типа, принятого в данной организации, во вторых (лесной [промышленности]) — большей частью поселки, состоящие из двухпарных изб, в каждой из которых в дальнейшем будут селить только одну семью.

Жилища все строились наспех, из сырого леса, совершенно недостаточно утеплены, значительные щели, как правило, отсутствие вторых зимних рам. Встречаются места, где спецпереселенцы живут в землянках (Магнитогорск)〈...〉

2. В о д о с н а б ж е н и е. В промышленности и на новостройках водоснабжение более или менее удовлетворительное. Обычно вода доставляется в бочках. Имеются кипятильники и баки для остуживания воды. В лесных поселках обычно водоснабжение осуществляется из речек, зачастую болотных, нередко промерзающих зимой, и потому спецпереселенцы вынуждены пользоваться там талым снегом (особенно в северных районах). В некоторых поселках вырыты колодцы. По понятным причинам в основной массе источников водоснабжения, расположенных в лесной зоне, производить химико-бактериологическое исследование воды не представляется в настоящий момент возможным, да и фактически это нецелесообразно; переносить поселки было бы некуда и невозможно, почему принимаются все меры к строительству в каждом поселке достаточного количества колодцев и кипячения питьевой воды, установка баков в бараках, местах работ и приучения (санитарными работниками) спецпереселенцев к пользованию кипяченой водой для питья.

3. П и т а н и е. Питание, как правило, неудовлетворительное и в подавляющем большинстве носит характер индивидуальный〈...〉

Особенно скверно с питанием спецпереселенцев на лесозаготовках, где оно недостаточно и по количеству, и по качеству. Полное отсутствие жиров и мяса, дети получают те же продукты, что и взрослые, молока для детей не имеется. В Верхотурском районе (из доклада инспектора здравоохранения) много больных, страдающих от голода, в больнице нередки больные с головными отеками (недостаточность питания отмечал и особоуполномоченный НКЗ т. Бахмутский).

Совершенно не разрешен вопрос со снабжением северных районов противоцинготными продуктами питания, следствием чего мы имели и имеем в настоящее время в районах Гаинском (по реке Веслянке), Тобольском, Остяко-Вогульском округе и ряде других районов заболевания цингой. Наличие уже в настоящее время значительного количества заболеваний цингой в ряде районов, учитывая ее инкубационный период〈...〉 в апреле — мае месяце следует ожидать значительного распространения цинги на Севере среди спецпереселенцев〈...〉

4. О д е ж д а и б е л ь е. Одежда, хотя и имеется у спецпереселенцев, однако ввиду ее недостаточ-

ности, а главным образом отсутствия спецодежды и постельных принадлежностей, спецпереселенцы работают в своей одежде, подстилают ее во время сна, ею же и укрываются, что привело одежду в чрезвычайно изношенный вид и одежда значительного количества спецпереселенцев, особенно из завезенных в первое время спецссылки, имеет вид лохмотьев. Особенно тяжело с теплой обувью, вследствие чего нередки обморожения. Указанное в отношении одежды будет верно по отношению к белью.

5. Санитарное состояние жилищ и поселков. Как указывалось выше, все жилстроительство строилось поспешно, небрежно, из сырого леса. Полное отсутствие кладовок как при бараках, так и при избах, заставляет спецпереселенцев все свои вещи и одежду, нужную и ненужную в настоящее время, держать возле себя. Часто барак производит впечатление огромной кладовой, набитой хламом.

Семьи в бараках не отделены. Значительное количество недостроенной жилплощади создало чрезвычайную скученность в бараках и избах, где, как правило, сплошные нары. Нередки случаи спанья под нарами за отсутствием места на последних. Все же скученность на лесных поселках меньше, чем в бараках остальной промышленности. В некоторых (редкие исключительно случаи) случаях, как, например, в одном из леспромхозов Надеждинского района, имеется даже свободная жилая площадь. Как правило, в настоящее время количество жилой площади для спецпереселенцев колеблется от 0,5 до 1,5 кв. метров [на одного человека], редко подымаясь до более высокой обеспеченности. Значительное количество детей в бараках обусловливает в них постоянный шум, отчего страдает отдых рабочих. Несмотря на значительную борьбу с насекомыми и паразитами в бараках〈...〉 дезинфекция серная за отсутствием серы не производится, влажная же не достигает цели, кроме того, резкая недостаточность вошебоек оставляет одежду постоянно завшивленной. Как правило, полное отсутствие уборных и помойных ям (за исключением новостроек, где они постоянно переполнены за недостатком ассенизационного обоза).

Площадь вокруг жилищ загажена и если зимой это представляет лишь некрасивое зрелище, то весной, с начала таяния, это составит реальную эпидемическую опасность〈...〉

6. Банный и прачечный вопросы. Всех поселков около 650 (точно не учтено). Кажущееся достаточное количество бань — 672, на самом деле оказывается совершенно недостаточным. Значительное количество бань для индивидуального пользования, так называемые семейные или групповые с совершенно недостаточной пропускной способностью имеются часто по несколько в одном поселке и совершенно по одной бане — в других поселках. Точно количество поселков, не имеющих бань, неизвестно, но из информаций это * подтверждается.

Полное отсутствие прачечных, резкий недостаток в белье, а стало быть и потребность в частой стирке, стирка в жилых помещениях увеличивает в последних их собственную сырость. В бараках и избах нередко вследствие указанного тяжелая испарина и зловоние.

7. Вошебойки. Указанные выше моменты общего санитарно-гигиенического порядка, диктуют уделения особенного внимания вошебойкам, а между тем последние составляют лишь $^1/_4$ часть к количеству бань (165—672), к тому же построенные небрежно, с большими щелями, часто не обеспечивают поддержание в них необходимой для дезинфекции температуры. Следует отметить также недостаток для них термометров〈...〉

13. Патронирование детей. В особенно тяжелом положении находится детское население. Приведенные выше данные о жилищных условиях, питании, одежде буквально пагубно отражаются на детях и смертность среди них огромная, так, на комбинате «К» в г. Перми за два месяца август — сентябрь умерло около 30% всех детей, в Н. Лялинском районе за год родилось 87, а умерло 347, в Гаринском районе родилось за 2 месяца 32, а умерло 73 и вся эта смертность в подавляющем большинстве за счет детей. Казалось бы, что вопросу о сокращении детского населения, как будущей рабочей силе районов спецссылки, следовало бы уделить особое внимание. Необходимо организовать ясли, а между тем в этом вопросе на фоне общей недостаточной ясности, особенно неясно. Ни Облздрав, ни органы ГПУ здесь не имеют не только указаний по поводу яслей, но и ответа на свои запросы по данному вопросу не получают〈...〉

18. Все вопросы и мероприятия по медико-санитарному обслуживанию спецпереселенцев разрешаются в полной согласованности с ОСП ППГПУ по Уралу〈...〉

п/п Зав. Облздравотделом [Коновалов]
п/п Врач спец. лечпрофа [Серб ин]

ЦДООСО, ф. 4, оп. 10, д. 238, л. 137—155. — Копия.

---

* их недостаток. — *И. П.*

© 1995 г. Ю. П. ШАБАЕВ *

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

История национально-государственного строительства, этнического развития различных народов России в последнее время стала объектом пристального внимания не только ученых, но и политиков, активистов общественных движений, широкой читательской аудитории. Многие стремятся проанализировать или заново осмыслить пройденный в советское время путь с тем, чтобы разобраться в допущенных тогда ошибках и найти возможности для национально-культурного возрождения народов, переживающих ныне сложное время.

Особый интерес в этом плане представляет история коми-пермяцкого этноса, поскольку должного внимания ее изучению в последние несколько десятилетий не уделялось.

Этнографическое изучение коми-пермяков началось еще в первой половине XIX в. Среди исследователей их культуры и быта следует назвать Ф. Волегова, Н. Хлопина, В. Берха и В. Хлопова [1]. Особого внимания заслуживает работа В. Хлопова «Хозяйственный и нравственный быт пермяков», в которой впервые рассмотрены процесс этнического развития этого народа, характер его культурного взаимодействия с русскими.

В конце 50-х гг. XIX в. вышло в свет исследование Н. А. Рогова, где дано обстоятельное описание материального быта, обрядов и мировоззрения пермяков, показана специфика этнических процессов в группах этого народа, живущих на разных территориях [2]. Оно широко использовалось в дальнейшем многими этнографами.

К концу XIX — началу XX в. относятся труды Н. Добротворского, И. Н. Смирнова и В. М. Яновича [3]. В 20-х гг. XX в. серьезно изучал коми-пермяков А. Ф. Теплоухов. Наиболее содержательными являются его статьи «Пермяки и зыряне» и «Обзор данных о географическом распространении пермяков», опубликованные в уральских краеведческих сборниках [4].

Затем в изучении истории наступает довольно длительный перерыв и только во второй половине 40-х гг. ситуация несколько изменилась. В Коми-Пермяцком округе были проведены этнографические экспедиции под руководством В. Н. Белицер. В 1947 г. вышла книга Н. И. Шишкина [5], построенная на опубликованных работах. Исследования В. Н. Белицер были обобщены в ее монографии [6] — классическом этнографическом описании материальной и духовной культуры коми-пермяков с большим количеством иллюстративного материала, детальным рассмотрением жилища, одежды, пищи, утвари и т. д. Слабой стороной работы явилось то, что автор опирается лишь на наблюдения предшественников, сделанные еще в XIX в., относительно характера этнического развития коми-пермяков, специфики их этнического самосознания.

В 70—80-х гг. тематика исследований сузилась до изучения народного искусства пермяков [7] по его образцам, собранным в музейных коллекциях.

В целом с начала XX в. глубокого анализа этнических процессов, происходящих в среде коми-пермяков, не проводилось, не была сделана и оценка национально-культурного строительства, если не считать стандартных для своего времени деклараций о «расцвете» коми-пермяцкого народа в годы советской власти [8].

Между тем коми-пермяки, как и все народы, проживавшие на территории СССР, после революции попали в условия, по-разному сказавшиеся на их судьбе. Проводившаяся в стране национальная политика дала свои положительные результаты (хотя больше всего это коснулось коренного населения национально-государственных образований). Однако установление в стране тоталитарного режима, политика ускоренной индустриализации любыми средствами, включая рабский насильственный труд заключенных, коллективизация сельского хозяйства привели к тяжелым потерям для всех народов СССР, в том числе коми-пермяков.

* **Шабаев Юрий Петрович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Мною была разработана программа изучения современных этнических процессов, национального самосознания и изменений в них на территориях традиционного проживания коми-пермяков и его диаспоры. Первый этап программы завершился в 1992 г. проведением на территории Коми-Пермяцкого автономного округа массового опроса взрослого (старше 18 лет) коренного населения. Данная публикация построена в первую очередь именно на результатах этих исследований.

Коми-пермяков, которые являются финно-угорским народом и принадлежат к так называемым пермским финнам, нередко отождествляют с коми (зырянами). Однако уже в XIV—XV вв. эти народы сформировались в два разных этнотерриториальных объединения — Пермь Вычегодскую и Пермь Великую. В дальнейшем сложились специфические особенности их культуры и быта, хотя культурная близость между ними действительно была и остается значительной. Последнее обстоятельство играло важную роль в процессе национально-государственного строительства в первые годы советской власти.

Уже на Первом Всезырянском съезде коммунистов в Усть-Сысольске (8—13 января 1921 г.), где обсуждались проблемы образования административно-территориальной автономии коми народа, было высказано мнение о необходимости включения в состав будущей автономной области Коми и районов, заселенных коми-пермяками [9]. В мае 1921 г. в Кудымкарском районе уполномоченные облревкома и обкома РКП(б) стали организовывать собрания, волостные съезды Советов, партконференции с обсуждением вопроса об образовании Коми автономии и присоединении к ней коми-пермяков, что привело к обострению отношений с Пермским губисполкомом, выступившим против выделения коми-пермяцких земель из состава области [10].

Декрет ВЦИК «Об автономной области коми (зырян)» был принят 22 августа 1921 г. В нем ничего не говорилось о включении в автономию части территорий Пермской и Вятской областей с коми-пермяцким населением. Декрет ВЦИК «Об административном делении области Коми» от 2 мая 1922 г. уже определял районы, входившие в область, и таким образом, исключал из обсуждения вопрос объединения коми и коми-пермяков. Однако и после публикации декрета дискуссии вокруг этой проблемы не утихали. Особенно активно идею объединения поддерживал заведующий Коми отделом при Наркомнаце РСФСР Д. А. Батиев. Он настаивал на присоединении вообще всех коми к образованной автономной области (Батиев имел в виду пермяков Кудымкарского края Пермской губернии и Зюздинского края Вятской губернии), пытался доказать наличие между ними исторически сложившихся экономических связей. Батиев предлагал объединить пермяков Пермской и Вятской губерний в округ с центром в Кудымкаре с последующим включением в состав Коми области [11].

Под влиянием партийных деятелей и советских работников Коми области идея культурно-национального определения постепенно стала дискутироваться и среди коми-пермяков. Особую активность проявлял Ф. Г. Тараканов, который, будучи делегатом XI Всероссийского и II Всесоюзного съезда Советов, добился организации в январе 1924 г. комиссии ВЦИК и посылки ее летом того же года в Кудымкар для рассмотрения вопроса о целесообразности создания Коми-Пермяцкого национального округа.

По материалам этой комиссии 26 февраля 1925 г. состоялось заседание Президиума ВЦИК, где было принято решение об образовании первого национального округа в стране. Создание его проходило в сложных условиях, при явном и скрытом противодействии со стороны областных властей [12].

Характер отношений между округом и областным руководством воспринимался как населением округа, так и властями в течение всех последующих лет как некое противостояние, следствием чего было явно недостаточное внимание к нуждам национального образования со стороны руководства Пермской области. В состав округа были включены две исторически сложившиеся группы коми-пермяков: язьвинцы, проживающие в Красновишерском районе Пермской области, и зюздинцы из Афанасьевского района Кировской области. Поскольку для национально-культурного развития этих групп не было создано специальных условий, язьвинцы последний раз были зафиксированы Переписью 1926 г., а в последующем они определяли себя русскими, сохранив еще, однако, в подавленном состоянии этническое самосознание, чему способствовал этно-конфессиональный фактор: язьвинцы — староверы. По последним оценкам, их численность составляет примерно 2 тыс. человек — вдвое меньше, чем в 60-е гг. [13] Зюздинских коми-пермяков около 40 лет назад насчитывалось примерно 7 тыс. человек и еще в послевоенные годы они как этнографическая группа сохранялись [14]. Но уже Перепись 1970 г. отразила наличие в районе группы коми-пермяков в десять раз меньшей численности, чем в 1926 г., а в 1979 г. коми-пермяки при переписи уже не были зафиксированы. И хотя носители языка и этнического самосознания здесь еще остаются, видимо, следует констатировать, что этнографическая группа зюздинцев прекратила свое существование.

Несомненно, в результате создания Коми-Пермяцкого округа на его территории сложились в целом

гораздо более благоприятные условия для культурно-национального развития аборигенов: открывались школы с преподаванием на родном языке, издавались детские и молодежные альманахи, начал работать драматический театр. Кадры немногочисленной местной интеллигенции активно включились в дело национального строительства. Особая роль принадлежала основоположникам коми-пермяцкой литературы А. Н. Зубову и М. П. Лихачеву. Ими была создана первая грамматика на коми-пермяцком языке, разработаны буквари, учебники по арифметике, литературе, естествознанию. Первоначально вся эта литература публиковалась в Москве, а в 1930 г. было открыто местное книжное издательство, которое за первые десять лет существования издало 385 различных учебников, произведений художественной литературы, научно-популярных работ на родном языке [15].

Успехи в культурном строительстве не сочетались, однако, с развитием экономики округа. Он оставался отсталой аграрной окраиной, где промышленность практически не развивалась. В этих условиях особенно недопустимы были насилие, волюнтаризм и неоправданные эксперименты в главной отрасли местной экономики — сельском хозяйстве.

На большей части территории округа почвы малоплодородные. Издавна хлеба, полученного в этих местах, едва хватало на пропитание и прокорм скота. Но уже в 1931 г. отсюда государством было вывезено 9280 т зерна, а через год план хлебозаготовок увеличили в 4 раза. Население между тем возросло более чем на 30 тыс. человек — привезли раскулаченных белорусов, украинцев, донских казаков.

Страшный голод, выкосивший тысячи переселенцев, охватил в 1933—1934 гг. округ. Поползли слухи, что это специально хотят извести коми-пермяцкую народность. Но задавать вопросы на эту тему было небезопасно. «За такое письмо меня, может быть, повесят,— писал „вождю народов“ в ноябре 1933 г. С. Ф. Тетерлев из Кочевского района,— но я все-таки должен защитить население от гибели. У нас голод, непосильные налоги. Неужели есть такие директивы, чтобы морить с голоду людей» [16].

В 1936—1937 гг. округ вновь пережил страшный голод, в результате которого многие погибли, другие были вынуждены покинуть родные края.

В конце 30-х гг. по существу прекратилось национальное строительство в округе, ибо с этой поры сложности и проблемы в национальном развитии коми-пермяков только усугублялись. В эти же годы не только была свернута политика коренизации, когда руководящие кадры подбирались с таким расчетом, чтобы местные представители преобладали во властных структурах, но под предлогом борьбы с «националистами» многие руководящие работники, а также представители национальной интеллигенции были репрессированы.

Книги репрессированных писателей изымались из библиотек, а в 1937/38 учебном году в школах вообще было прекращено преподавание коми-пермяцкой литературы. По сути, национальная интеллигенция в эти годы либо была уничтожена, либо отстранена от активной культурной жизни, что впоследствии негативно сказалось на характере культурного развития коми-пермяков.

Серьезный урон национальной школе был нанесен переводом алфавита в 1932 г. со славянской графической основы на латинскую. Это повлекло за собой снижение успеваемости, недовольство родителей и учащихся, подорвало основы преподавания родного языка в школе. В 1936 г. постановлением ЦИК СССР алфавит коми-пермяцкого языка снова был переведен на славянскую основу и вновь пришлось переписывать все книги и учебники, переливать типографские шрифты и т. д. Таким образом, непрерывность учебного процесса искусственно нарушалась, создавались дополнительные трудности в освоении литературного коми-пермяцкого языка широкими массами населения и вместе с тем подготавливалась почва для усиления роли русского языка в учебном процессе и в средствах массовых коммуникаций. Более глубокое включение округа в экономическую и культурную жизнь страны, где исторически сложившимся языком межнационального общения являлся русский, поэтапное введение в СССР всеобщего среднего образования, резко расширившиеся возможности получения высшего образования на русском языке усиливали его значение в жизни населения округа. Роль русского языка возрастала и в связи с менявшимся национальным составом населения, поскольку высылка в округ значительного количества спецпереселенцев изменила среду межэтнических контактов. Содействовали этому и размещение в этих районах исправительно-трудовых учреждений, расширение внешней миграции, за счет чего шло освоение лесных ресурсов Севера округа в предвоенные и послевоенные годы, значительно возросшая доля русскоговорящих специалистов в составе технической интеллигенции и управленцев. Сыграли свою роль и утвердившиеся в языкознании и методике преподавания концепции, согласно которым русский язык, служа средством связи и общения, должен был способствовать культурному росту народов СССР. Опираясь на эти концепции, в Коми-Пермяцком округе стали менять учебные планы в сторону резкого усиления роли русского языка в процессе

обучения. Окружным отделом народного образования в 1951 г. был разработан новый учебный план, согласно которому его изучение в национальных школах начиналось вместо третьего с первого класса. Был расширен объем информации и увеличено количество часов, отведенных на этот предмет [17]. К сожалению, совершенствование преподавания русского языка не сочеталось с таким же подходом к изучению родного языка, что шло в ущерб усвоению последнего.

Окончательный удар по национальной школе нанесли так называемая реформа школы 1958 г., когда было принято решение о свободном праве выбора языка обучения родителями учеников, и политика ликвидации «неперспективных» деревень, особенно активно осуществлявшаяся в 60—70-е гг. В результате ликвидации малокомплектных сельских школ в однонациональных коми-пермяцких деревнях исчезла широкая база для функционирования национальной школы, центрами школьного образования стали крупные сельские школы и школы-интернаты, где учебный процесс осуществлялся на русском языке. В 60-е гг. вся учебная и учебно-методическая база была переведена на русский язык, национальные школы были ликвидированы, а коми-пермяцкий язык и литература стали преподаваться как предметы лишь менее чем в половине школ округа (сегодня из 197 школ, имеющихся в округе, преподавание коми-пермяцкого языка и литературы, по данным окружного управления народного образования, ведется в 89 школах).

Существенную роль сыграло и то, что Учительский институт просуществовал в окружном центре — Кудымкаре — только с 1949 по 1956 г. Впоследствии кафедра коми-пермяцкого языка и литературы была открыта при Пермском пединституте, но это означало, что формирование наиболее массового отряда национальной интеллигенции — учительства (особенно учителей словесности) проходило не в собственной этнической среде. К тому же достаточным научным потенциалом кафедра не обладала, а в последующие годы его наращивания не происходило. И ныне она уже не в силах полноценно готовить специалистов в области коми-пермяцкой филологии. Не случайно поэтому многие учителя, особенно молодые, придерживаются того мнения, что сейчас не следует возвращаться к преподаванию в начальной школе полностью на коми-пермяцком языке.

По данным массового опроса, проведенного нами в округе в 1992 г., лишь 67,6% коми-пермяков, проживающих в округе, называют родным коми-пермяцкий язык, русский — 27,1%. В городе эти показатели равны соответственно 43,8 и 48,6%, а на селе — 79,2 и 16%. Наше исследование показывает, что свободно владеют коми-пермяцким языком 62,9% горожан коми-пермяцкой национальности, а на селе — 95%; русским соответственно — 94 и 86%. Но при этом чтением и письмом на родном языке свободно владеют не более половины опрошенных коми-пермяков, причем подавляющее большинство как в городе, так и на селе предпочитают при чтении и письме пользоваться русским. Многие люди среднего и старшего поколения говорили, что прежде они еще могли читать и писать «по-пермяцки», поскольку изучали язык в школе, но ныне эти навыки утратили. Таким образом, коми-пермяцкий язык в наши дни уже не является носителем национальной культуры.

Весьма характерны различия во владении языком в городе и деревне. На селе 59,8% детей в семьях свободно говорят на родном языке, 6,9% — плохо говорят, 17,2% — не говорят, но понимают коми-пермяцкую речь и лишь 16,1% не понимают и не говорят на этом языке. В городе только у 16,6% респондентов дети свободно владеют родным языком, 21,1% — плохо говорят, 35,6% — понимают, но не говорят и 26,7% не понимают и не говорят. Поскольку семья является важнейшим фактором в ретрансляции этнических ценностей, важно отметить, что лишь в десятой части городских коми-пермяцких семей их члены общаются между собой только на коми-пермяцком языке, в сельских семьях аналогичный показатель равен 58,1%.

Современная языковая ситуация в округе определяется не только положением национальной школы, характером языкового общения в быту и на производстве, но и традициями, системой средств массовой информации, ориентациями в сфере культурного потребления, а также рядом других факторов.

Традиционно коми-пермяки развивались под очень сильным русским влиянием. Поэтому их фольклор в весьма значительной мере повторяет русский [18], а язык уже очень давно заимствовал многие русские слова. Современный коми-пермяцкий язык переполнен русизмами, а в бытовой практике, особенно тех, кто не в полной мере его знает, присутствует своеобразное сочетание двух языков. Кроме того, сегодня русский воспринимается коми-пермяками как язык более высокого иерархического порядка, более престижный. Поэтому многие родители сознательно обучают ему детей с малолетства, общаются дома только на русском и не хотят, чтобы дети учились в национальных школах или классах. По словам наших респондентов, еще десять лет тому назад в райцентрах считалось дурным тоном говорить по-коми-пермяцки на людях, этого стыдились.

Все средства массовой информации в округе русскоязычные, книг на коми языке сейчас издается не более десяти в год [19]. Это создает мощное «информационное русскоязычное поле», которое способствует формированию определенных речевых установок, а также культурных ориентаций, смещенных у коми-пермяков, по данным наших исследований, в сторону русской культуры. Современная коми-пермяцкая профессиональная художественная культура очень слаба и не может служить ни делу пропаганды родного языка, ни стать «цементирующим ядром» этноса.

Важно также иметь в виду то обстоятельство, что при низком уровне образования в округе (средний срок обучения в деревне — 4,8 лет при 7,8 — в Пермской области) [20] население ориентировано на пассивные формы культурного потребления. Вторым важным обстоятельством, которое обусловливает торможение культурного развития коми-пермяков, является крайне низкий уровень денежных доходов населения в округе, в несколько раз отстающий от средней заработной платы по стране. Это заставляет все группы населения иметь развитое подсобное хозяйство, где для нужд семьи выращиваются все необходимые овощи, а практически все селяне держат еще и разнообразный домашний скот. Работа в личном подсобном хозяйстве занимает значительную часть свободного от общественного производства времени. Для подавляющего большинства населения единственной формой досуга является просмотр телевизора (по нашим данным, его регулярно смотрят 80% респондентов), где наличествуют только русскоязычные программы. Таким образом, «русская языковая экспансия» год от года усиливается и русский язык занял доминирующее положение в языковой жизни коми-пермяков.

Безусловно, характер национально-культурного развития теснейшим образом связан с этнодемографическими изменениями, изменением в этнической ситуации, поэтому остановимся несколько подробнее на этой стороне вопроса.

Коми-пермяки являются пятым по численности финно-угорским народом России [21]. Их количественный рост был наиболее значительным с середины XIX в. до первой четверти XX в. В середине XIX в. коми-пермяков насчитывалось 59 тыс. При этом в едином этническом массиве, т. е. на территории, близкой к сегодняшним административным границам округа, проживало 41 400 коми-пермяков [22]. Однако на протяжении XX в. численность этноса возрастала очень медленно: с 1897 по 1989 г.— только на 45,2%, в то время как количество коми (зырян) — на 224,6%. При этом с 1926 по 1989 г. прирост коми-пермяков составил только 11,8%, а в последние десятилетия был практически нулевой, что объясняется значительными потерями населения во время голода 30-х гг., в период войны, мощными потоками миграции, ассимиляцией и рядом других факторов. В 1897 г. доля коми-пермяков составляла 0,08% населения Российской империи, а в 1989 г.— 0,05% населения СССР. В Российской Федерации в 1959 г. коми-пермяки составляли 0,12%, в 1979 г.— 0,11%, в 1989 г.— 0,10%; при этом в 1959 г. 99,4% коми-пермяков проживало в России, а в 1989 г.— 96,85% [23].

В населении округа коми-пермяки в 1989 г. составляли 60,1% (табл. 1), что является самым высоким показателем по сравнению с другими финно-угорскими автономиями России, где доля титульных национальностей составляет от 23 до 44% [24]. В Коми-Пермяцком округе эта доля была довольно стабильной, хотя шло ее снижение, связанное в большей мере с изменением административных границ округа в 30-е гг. и отчасти с внешней миграцией, которая была особенно заметной в предвоенные и послевоенные годы, когда шло интенсивное освоение лесных ресурсов севера округа.

В расселении этноса наиболее существенные изменения связаны с постепенным превращением коми-пермяков из сугубо сельского в этнос со значительной долей городского населения и с переменами в сельской поселенческой структуре (табл. 2, 3).

Если в 1926 г. городское население в округе отсутствовало, то в 1989 г. его доля составила 30%, что, конечно, существенно ниже аналогичного показателя по стране в целом. Вместе с тем, по нашим данным, коми-пермяцкая диаспора сегодня на $^4/_5$ состоит из горожан. Первый поселок городского типа появился в округе в 1933 г. Этот статус обрел тогда окружной центр — село Кудымкар, а в 1938 г. он превратился в город. Позднее в округе появилось еще три поселка городского типа.

С момента создания округа серьезные изменения произошли и в поселенческой структуре деревни (табл. 3). В 1926 г. 91,2% коми-пермяков проживало в деревнях, выселках, поселках, хуторах людностью до 500 человек, из них 60% в местах, где насчитывалось до 200 жителей. Однако уже в 1940 г. из учетных данных исчезли хутора (в 1926 г. они составляли 10% поселений), выселки, починки. Многие из них были ликвидированы в ходе коллективизации, сказались также последствия голода и административные преобразования. В 30-е гг. в округе стали появляться поселки лесозаготовителей. Особенно значительным их количество было в северных Гайнском и Косинском районах, достигнув максимума в 50-е гг.: в Гайнском районе — 40 при среднем числе жителей в поселке 406, в Косинском — 14 при средней людности 522 человека [25]. В 1989 г. в Гайнском районе насчитывалось 23 поселка, а в

Косинском — 10. Они с самого начала имели иной национальный состав, нежели села, деревни, хутора. Будучи центрами межэтнической интеграции, они были населены представителями разных национальностей, как правило, с преобладанием русских. В последние два десятилетия в связи с оттоком иноэтничного населения в ряде поселков стали преобладать коми. Роль поселков в межэтнических контактах и в этническом развитии коми-пермяков остается значительной, поскольку они остаются в основном многонациональными и ныне в них сосредоточено 25% сельского населения округа. При этом в Гайнском районе в поселках живет 90,1% жителей, в Косинском — 38,6, а в Кудымкарском — только 9,5%. Значительное влияние на изменение системы расселения и на этническое развитие коми-пермяков оказала политика ликвидации так называемых «неперспективных» деревень, являвшихся основой традиционной системы расселения коми-пермяков. Эта политика особо активно осуществлялась в округе в 60—70-е гг. Теоретической основой для ее проведения явилось положение о необходимости сближения города и деревни. Руководствуясь им, местные власти в административном порядке добивались ликвидации малых деревень: в них закрывали школы, магазины, здравпункты, отключали электроэнергию, телефонную связь, ликвидировали почтовое обслуживание и т. д. В результате традиционная поселенческая структура была еще больше деформирована, в том числе и в национальном отношении (по нашим данным, ныне более половины сельчан — коренные жители), было подорвано материальное благополучие многих семей.

Национальный состав районов как и округа, изменился не очень значительно (табл. 4), исключением являются Гайнский и Юсьвинский районы, причем последний за счет присоединения прикамских земель, где преобладали русские.

В последние два десятилетия практически нет прироста численности коми-пермяцкого этноса, что связано с серьезным нарушением его демографической структуры и значительным оттоком населения за пределы национально-территориального образования. Так, если в 1959 г. население округа составляло 235,9 тыс. человек [26], то в 1989 г. оно сократилось до 159,7 тыс. [27], доля коми-пермяков, проживающих за пределами этой территории, увеличилась за 1959—1989 гг. с 12% до 38% [28]. Миграционный отток стимулировался низким уровнем развития производства и социальной сферы, а также, как отмечалось, активно проводившейся политикой ликвидации «неперспективных» деревень. Экономика региона носит сугубо сырьевой характер. Перерабатывается только 4% получаемого здесь сырья (продукты сельского хозяйства и леса) [29]. Люди, особенно молодые, ориентированные на высокоорганизованные производства, на приобретение высокой квалификации и зарплаты, уезжают в поисках более приемлемых условий труда и быта. Это касается и творческой интеллигенции, поскольку в округе нет крупных городов, являющихся очагами культуры. Уничтожение мелких деревень в 60—70-е гг. сопровождалось отъездом их жителей не в крупные поселения округа, а за его пределы. Миграция носила ярко выраженную половозрастную «окраску», поскольку выезжали в основном молодые женщины. Последнее обстоятельство привело к тому, что ныне, согласно текущим статистическим данным, в сельской местности на 1000 мужчин в возрасте от 18 до 29 лет приходится 812 женщин того же возраста, а в ряде районов этот разрыв еще более значителен. В результате снижается количество заключаемых браков, сокращается рождаемость и все шире распространяется пьянство, социальная апатия среди неженатых мужчин, неблагоприятно воздействующих и на женатых, перенимающих тот же тип поведения и в массе своей очень слабо вовлеченных в семейные дела. Большинство замужних женщин на селе, по наблюдениям петербургского этнографа Е. В. Колчиной, считает: «Лучше всего родить детей, а потом жить одной с ними, без мужа». Внутренняя напряженность в сельских семьях является важным фактором, усиливающим общую нестабильность как социально-экономической, так и этнокультурной ситуации.

Последнее обстоятельство вкупе с целым рядом других (низкая материальная обеспеченность, несбалансированное питание, слабый уровень развития здравоохранения) приводят к тому, что продолжительность жизни в округе на 10—11 лет меньше, чем в среднем по стране [30].

Молодые люди в деревне и поныне в большинстве своем настроены уехать из родных мест. Социальные проблемы коми-пермяцкого села в ближайшее время, видимо, решены не будут.

Интенсивный отток населения из края, который имел место в последние 30 лет, усилил дезинтеграцию коми-пермяцкого этноса, ускорил ассимиляционные процессы, в результате которых в последние два десятилетия численный рост коми-пермяков прекратился. Кроме того, диаспора выступает как проводник инонационального влияния на основной этнический массив коми-пермяков, более 80% которых, по нашим данным, имеют близких родственников за пределами округа и поддерживают с ними самые тесные контакты. О степени культурной ассимиляции диаспоры можно судить хотя бы по тому факту, что, по данным Переписи 1989 г., только 36,7% коми-пермяков, проживающих в Республике

Таблица 1

Изменение численности коми-пермяков в 1897—1989 гг. *

Год	Всего в стране (тыс. чел.)	В составе населения округа	
		тыс. чел.	в % ко всему населению
1897	104,7	—	—
1926	134,0	117,3	73,2
1959	144,0	127,6	54,1
1970	153,0	123,6	58,3
1979	151,0	106,0	61,4
1989	152,0	95,4	—

* Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи. Т. II, табл. XIII. СПб., 1905; Население Коми-Пермяцкого автономного округа. Ч. 1. Пермь, 1981; Справочный материал по Коми-Пермяцкому автономному округу. Кудымкар, 1990.

Таблица 2

Доля городского населения в 1926—1989 гг. в Коми-Пермяцком округе (в %) *

Население	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Городское	—	7	14	19	24	30
Сельское	100	93	86	81	76	70

* Составлено по: Население Коми-Пермяцкого автономного округа. Ч. 1; Вестник статистики. 1990. № 3. С. 74.

Коми назвали свой язык родным [31]. Примерно такая же картина наблюдается и в других регионах России. В Перми имеется самая крупная диаспора коми-пермяков (по данным Переписи 1989 г., свыше 11 тыс. человек), но какой-либо их консолидации здесь не происходит, наоборот, они все более дистанцируются от собственного этноса. То же происходит и в других группах коми-пермяков, дисперсно живущих за пределами округа.

Этническая эрозия вполне очевидна и в среде коми-пермяков, проживающих в округе. Особенно ярко это проявляется при анализе этнического самосознания. По данным массового опроса коренного населения, проведенного в округе в 1992 г., только 30,2% городских респондентов заявили, что они, безусловно, гордятся своей национальной принадлежностью. Имеется явный дефицит национальной идентификации у городских коми-пермяков. Лишь 22,6% ощущают себя стопроцентными коми-пермяками; 17,9% считают себя больше русскими, нежели коми-пермяками; 31,1% чувствуют себя в равной мере и коми-пермяками, и русскими; 23,6% вообще отвергли национальную принадлежность, утверждая, что они ощущают себя просто гражданами России. Таким образом, национальное самосознание большинства является явно маргинальным, и примерно равные доли горожан четко определяют себя либо коми-пермяками, либо русскими. Только пятая часть городских жителей определенно осознает себя коми-пермяками.

Для национальной идентификации значение имеет этноцентризм, закрепленный в массовом сознании, ибо самоопределение происходит в процессе противопоставления «мы — они». Здоровый этноцентризм способствует сплочению этноса, усилению самоценности национальной принадлежности для отдельных его членов. В этом плане очень важным является автостереотип, т. е. представление о собственном народе. Позитивный автостереотип усиливает этноцентризм, а негативный, естественно, снижает. При нормальном ходе этнического развития автостереотип в принципе всегда положительный.

Таблица 3

Распределение крестьян Коми-Пермяцкого АО по поселениям с разным числом жителей в 1926 и 1992 г.*

Среднее число жителей	Доля сельчан (в %)	
	1926 г.	1992 г.
до 50 человек	9,8	7,3
51—100	19,6	9,9
101—200	29,8	16,0
201—500	32,0	22,2
501—1000	6,4	18,7
1001—2000	2,4	14,6
свыше 2000	—	12,2

* Составлено по: Материалы текущей статистики; Список населенных мест Уральской области. Предуралье. Свердловск, 1928.

На вопрос «за что коми-пермяков не уважают соседи?» лишь четверть представителей этого народа ответили, что у коми-пермяков нет дурных качеств и нет оснований их не уважать. Среди качеств, которые, по мнению респондентов, вызывают негативное отношение к коми-пермякам, треть опрошенных на первое место поставила низкий культурный уровень, пьянство, грубость; четверть респондентов указали на отсутствие чувства собственного достоинства и пятая часть — на отсутствие предприимчивости.

Отметим, что у сельских жителей позитивное отношение к собственному этносу значительно выше, нежели у горожан. Видимо, более интенсивный характер межэтнического взаимодействия в условиях города, тесные контакты с представителями других национальностей на межличностном уровне приводят к тому, что при остром дефиците национальной идентификации происходит разрушение позитивного образа собственного этноса, т. е. иными словами, наблюдается явная склонность к негативному автостереотипу. Впрочем, подобное явление не исключительно местный феномен. Еще совсем недавно немецкие исследователи, например, отмечали усиление негативного автостереотипа у западных немцев и даже заявляли о том, что это является отличительной чертой немецкой социальной патологии [32]. Впрочем, ситуацию, которая имеет место в этническом самосознании коми-пермяков, равно как и ряда других финно-угорских народов, порой определяют как ситуацию, при которой активно развивается так называемое колонизированное сознание, когда представители народов, составляющих национальные меньшинства, перенимают пренебрежение к себе большинства и начинают верить, что они действительно хуже других [33].

На фоне усиливавшихся процессов деэтнизации с конца 80-х гг. у народов коми, как и у других восточнофинских народов, зарождается современное национально-культурное движение, быстро политизирующееся. Общество «Коми котыр» инициировало проведение съездов народа коми и создание их рабочего органа — «Комитета возрождения коми народа». В Коми-Пермяцком автономном округе в 1991 г. возникло общество «Югэр», действующее в тесном взаимодействии с «Комитетом возрождения» и под его сильным влиянием.

Одной из первых фундаментальных идей, которую активно проповедовали возникшие движения, было расширение функций языков коми и придание им статуса государственных. В Республике Коми эта идея была реализована: в 1992 г. был принят «Закон о государственных языках». А в Коми-Пермяцком округе решение, формально уравнивавшее русский и коми-пермяцкий языки, в том же году было отвергнуто на съезде депутатов всех уровней, хотя большинство на этом форуме составляли коми-пермяки.

На Первом съезде коми народа, прошедшем в Сыктывкаре в январе 1991 г., вновь было высказано предложение о присоединении к Республике Коми Коми-Пермяцкого автономного округа. Эта идея активно поддерживается обществом «Югэр». Однако любые политические акции должны прежде всего учитывать общественное мнение. Опрос населения 1992 г., проведенный среди коми-пермяков, показал,

Таблица 4

Доля коми-пермяков и русских в сельском населении АО 1926—1989 гг. (в %)

Район	1926 г.		1979 г.		1989 г.	
	коми-пермяки	русские	коми-пермяки	русские	коми-пермяки	русские
Гайнский	61,9	37,9	35,6	49,8	34,9	52,7
Косинский	93,5	6,4	75,5	20,9	73,5	22,9
Кочевский	93,6	6,3	84,2	12,9	81,9	15,4
Юрлинский	2,5	97,3	3,5	94,4	3,8	94,1
Юсьвинский	94,4	5,4	56,0	40,5	54,4	42,3
Кудымкарский	94,6	5,2	88,9	10,4	87,0	12,0
г. Кудымкар	51,9	47,6	64,0	33,5	нет св.	нет св.

что только 5,3% респондентов высказались за объединение, невзирая ни на какие сложности и проблемы, а 16,8% считают, что надо стремиться к этому. Большинство же не поддерживают идею присоединения.

Наличие русскоязычного большинства в парламентах восточнофинских республик вызывает у некоторых представителей титульных национальностей опасения, что их права будут ущемляться. На I Всероссийском съезде финно-угорских народов была принята «Декларация прав коренных народов России», хотя далеко не все коренные народы здесь были представлены. Тем не менее симптоматично, что в декларации заявлено: «Большинство народов Российской Федерации не признается правительственными органами и лишено возможности выражения и проведения в жизнь своих стремлений и прав» [34]. В связи с этим был поставлен вопрос о принятии нормативных актов, определяющих статус коренных народов, а также актов о гражданстве в финно-угорских национально-государственных образованиях.

Но наиболее радикальной была идея о реформировании представительных органов власти в пользу титульных национальностей. В финно-угорских республиках и автономиях предлагается создать двухпалатные парламенты, причем в одну из палат — Палату национальностей — могут быть избраны представители только титульных национальностей, а во вторую депутатов избирают все жители, имеющие право голоса. Естественно, что прямое и равное избирательное право как конституционная норма при реализации этой идеи будет аннулировано, что означает ущемление прав личности. При решении подобных вопросов следует учитывать психологические особенности вызревания межнациональных конфликтов, которые сводятся к тому, что их основные составляющие в сознании людей строятся по принципу противопоставления [35]. И чем больше бинарных позиций (коренной — некоренной, гражданин — негражданин и т. п.) сложится по историческим причинам или в процессе законотворчества и политического нажима, тем выше потенциальная опасность конфликта.

Хотя реально ситуация в Коми-Пермяцком округе позволяет в настоящее время говорить о малой вероятности такого конфликта, следует заметить, что этническое развитие коми-пермяков характеризуется усиливающимися процессами деэтнизации, сопряженными с другими кризисными явлениями, что может изменить национально-культурную ситуацию в округе не в лучшую сторону.

Примечания

[1] Берх В. Н. Путешествие в гор. Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821; Хлопин Н. Несколько слов о пермяках//Географические известия. 1849. Вып. 1; Хлопов В. Хозяйственный и нравственный быт пермяков//Журнал Министерства государственных имуществ (ЖМГИ), июль 1852 года, № 7, часть XIV. СПб., 1852; Волегов Ф. Пермяки//Пермские губернские ведомости. 1845. № 44.

[2] Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков//Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД), 1858, апрель. Т. 29. Отдел III. Кн. 314.

[3] Добротворский Н. Пермяки: Бытовой и этнографический очерк//Вестник Европы. Год

восемнадцатый. Т. II. Кн. 3—4, март — апрель 1883; Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891; Янович В. М. Пермяки. СПб., 1903.

[4] Теплоухов А. Ф. Пермяки и зыряне//Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 113—124; его же. Обзор данных о географическом распространении пермяков//Записки Общества любителей естествознания. Т. XI. Вып. 2. Свердловск, 1927. С. 83—104.

[5] Шишкин Н. И. Коми-пермяки: Историко-географический очерк. Пермь, 1947.

[6] Белицер В. Н. Очерки этнографии народов коми. М., 1958.

[7] Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980; Климова Г. Н. Узорное вязание коми. Сыктывкар, 1978; ее же. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1984.

[8] Коми-Пермяцкий округ: Страницы истории. Кудымкар, 1990; Зубов А. М. В семье единой. Пермь. 1974; Зубов А. М., Минин И. А. [и др.]. Новь Коми края. Пермь, 1986.

[9] Кузиванова О. Ю. Политико-правовые вопросы создания и развития Коми автономии в 1920-х годах//Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. 1 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ Ур ОРАН Вып. 52). Сыктывкар, 1991. С. 37.

[10] Дмитриков М. П. Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20—30-е годы//Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ Уро РАН, Вып. 44). Сыктывкар, 1989. С. 32.

[11] Они любили край родной: Сб. Сыктывкар, 1993. С. 172.

[12] Тараканов Ф. Г. Борьба за округ. Кудымкар, 1990.

[13] Сморгунова Е. М. Старообрядцы Верхней Язьвы//Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. М., 1992. С. 159.

[14] Белицер Б. Н. Указ. соч. С. 6.

[15] Ничиперович А. А. Размытые корни//Миян шог. Кудымкар, 1990. С. 108.

[16] Там же. С. 110—111.

[17] Кривощекова А. Ф. Очерки истории коми-пермяцкой школы. Молотов, 1956. С. 80—81.

[18] Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие сказания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971. С. 4.

[19] Ничиперович А. А. Указ. соч. С. 110.

[20] Еропкина Н. Д., Макарова Г. Г. Демографический потенциал и социально-экономическое развитие Коми-Пермяцкого автономного округа//Проблемы развития производительных сил и охраны природы Коми-Пермяцкого автономного округа: Тезисы докладов научно-практической конференции «Природно-ресурсный потенциал, проблемы развития и охраны природы КПАО». Кудымкар, 1987. С. 15.

[21] Идеологическая работа: проблемы, поиск, опыт. М., 1990. С. 16.

[22] Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков//ЖМВД. 1858, Апрель. Т. 29. Кн. 4. С. 64.

[23] Котов В. И. Этнодемографическая ситуация в РСФСР в 60—80-е годы//Отечественная история. 1992. № 5. С. 33.

[24] Информационный бюллетень Консультативного комитета финно-угорских народов. 1993. № 1. С. 9.

[25] Чепкасов П. Н. География населения и населенных пунктов севера Пермской области//Экономическая география Западного Урала. Вып. 4. Пермь, 1967. С. 66—67.

[26] Население Коми-Пермяцкого автономного округа. Ч. 1. Пермь, 1981. С. 4.

[27] Справочный материал по Коми-Пермяцкому автономному округу. Кудымкар, 1990. С. 1.

[28] Шабаев Ю. П. Коми-пермяки и их диаспора//Традиционное и новое в культуре народов России: Тезисы докладов и выступлений на Всероссийской конференции. Саранск, 1992. С. 177.

[29] Дуговой Ю. Тяжкий крест пармы//Пермские новости. 1992. 4 июля.

[30] Сорокина А. А. Нездоровая экология//Миян шог. Кудымкар, 1990. С. 19.

[31] Коми земля в цифрах. Сыктывкар, 1991. С. 8.

[32] Ренин В. К. Национальное самосознание западных немцев//ФРГ глазами западных социологов. М., 1989. С. 206.

[33] Информационный бюллетень Консультативного комитета финно-угорских народов. 1993. № 1. С. 8.

[34] Документы, принятые первым Всероссийским съездом финно-угорских народов. Ижевск, 1992. С. 2.

[35] Панеш Э. Х., Ермолова Л. Б. О роли этнической психологии в межнациональных конфликтах//Этнокультурные процессы. Традиции и современность. Л., 1991. С. 101.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. ГОРСКИЙ. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ЗАДОНЩИНА»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992. 172 с. Тир. 400

Прошло три десятка лет со времени взбудоражившего советскую интеллигенцию сенсационного выступления А. А. Зимина, вновь возродившего в период хрущевской «оттепели» тезис о подложности «Слова о полку Игореве». Наиболее бурная полемика вокруг «Слова» заняла около 10—15 лет, а в последние примерно полтора десятилетия интерес к этой проблеме подогревался лишь филиппиками по поводу влияния политической власти на судьбы подлинно научных поисков. Вместе с тем ни один из сторонников точки зрения А. А. Зимина не смог поддержать этого ученого сколько-нибудь обстоятельным объективным исследованием, доказывающим подложность «Слова». И, наоборот, время от времени появлялись работы, на основе фактов подтверждавшие подлинность бессмертного творения русской культуры XII в. В их ряду — небольшая по объему работа А. А. Горского.

В качестве предмета исследования А. А. Горский избрал блок текстов героико-эпического характера — «Слово о полку Игореве» и «Задонщину». Проблемы взаимоотношения этих памятников имеют обширнейшую литературу. Причем объектом исследования многочисленных авторов являлись не только предметно-содержательные, идеологические и литературоведческие аспекты, но и вопросы источниковедения. Вместе с тем, несмотря на наличие детальных источниковедческих разработок, до сих пор многие важнейшие аспекты изучения этих текстов находятся в стадии обсуждения, подчас доходящего до острейшего спора. Более того, по некоторым сюжетам споры явно зашли в тупик.

Я имею в виду прежде всего весьма запутанную в литературе проблему соотношения текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Эта тема является ведущей в рецензируемой работе. Ей посвящены две трети объема книги. В последней трети книги автор на основе изучения обоих памятников рассматривает некоторые историко-культурные проблемы. Среди них, в частности, историческая концепция автора «Задонщины», вполне сводимая, по мнению А. А. Горского, к чередованию в истории Руси четырех «славных» и «печальных» эпох. Анализ этой концепции помогает автору рецензируемой книги выдвинуть интересную гипотезу, согласно которой, Софоний Рязанец был автором не «Задонщины» и не «Сказания», а одного из произведений Рязанского цикла о Батыевом нашествии. Однако в центре внимания А. А. Горского — тексты «Слова о полку Игореве» и «Задонщины».

Как известно, с момента публикации «Задонщины» ученые единодушно отмечали сходство этого памятника со «Словом» и подражание ему. Спор о том, как соотносится «Задонщина» и «Слово о полку Игореве», имеет точкой отсчета конец XIX в., когда французский ученый Л. Леже впервые допустил, правда, без аргументации, что «Задонщина» более раннего происхождения. Дискуссия резко обострилась с появлением известной работы другого французского исследователя — А. Мазона, уже конкретно, путем текстологических сопоставлений пытавшегося доказать зависимость «Слова» от пространных списков «Задонщины» и утверждавшего наибольшую близость к оригиналу Кирилло-Белозерского списка, названного В. Ф. Ржигой Краткой редакцией «Задонщины».

В построениях А. А. Зимина наиболее сильные позиции имели как раз текстологические сопоставления «Слова» и «Задонщины» (А. А. Зимин считал «Задонщину» «ахиллесовой пятой» концепции, утверждавшей подлинность «Слова о полку Игореве» как памятника XII в.). И действительно, занявшая несколько десятилетий работа по установлению стеммы списков «Задонщины» и места в ней Кирилло-Белозерского списка (например, схемы Я. Фрчека, Л. Матейки, Р. О. Якобсона, А. А. Зимина, Р. П. Дмитриевой, О. В. Творогова), по сути дела, зашла в тупик (об этом пишет А. А. Горский).

Причины такой ситуации, на наш взгляд, в том, что немногочисленные уцелевшие списки

«Задонщины» — это лишь незначительные фрагменты громадной книжной традиции, насчитывающей, видимо, сотни списков этого памятника. Поэтому на уровне изучения конкретных разночтений восстановить генеалогию списков «Задонщины» даже в первом приближении практически невозможно. Уж слишком отдалены они друг от друга на генеалогическом древе списков этого памятника. Работы А. Данти еще раз убедительно доказали это.

Создалось положение, когда при полной невозможности решить проблему путем привлечения новых фактов (скажем, путем обнаружения новых списков «Задонщины») назрела необходимость применения принципиально иных методов исследования, ибо только такие методы могли бы дать дотоле скрытую от глаз исследователя информацию, т. е. новые факты и новые наблюдения.

С точки зрения гносеологии, единственный плодотворный путь в такой ситуации заключался в применении метода «восхождения от конкретного к абстрактному», метода перехода с уровня «идеографического» на уровень «номотетический». Необходимо было переключить внимание исследователя на более обобщенную форму информации, отвлечься от конкретики разночтений и сосредоточиться на абстрагированных формах свойств и характеристик изучаемых текстов.

В последние десятилетия в текстологии конкретные шаги на этот счет уже предпринимались, хотя относились они к областям, весьма далеким от древнерусской тематики. Впервые в историографии Древней Руси к анализу текстов на уровне исследования логических (абстрактных) структур обратился Б. А. Рыбаков. Он создал мощный инструмент анализа степени близости изучаемых текстов путем построения гистограмм распределения количества информации за сотню лет на материалах так называемых «татищевских известий». Этот блестящий методический прием позволил разрешить двухвековой спор ученых о достоверности «татищевских известий» выводом о несомненном общем происхождении текста Летописи В. Н. Татищева за XII в. и текста Ипатьевской летописи, обнаруженной много лет спустя после смерти В. Н. Татищева. В итоге эксперимента Б. А. Рыбакова был сделан решающий шаг к утверждению в правах метода «корреляции пиков информации», математический аппарат к которому был создан известным математиком А. Т. Фоменко, работавшим с текстами в том же направлении, что и Б. А. Рыбаков, независимо от последнего.

Второй принципиально новый шаг в области анализа формальных структур исторических текстов сделал автор рецензируемой книги. Он создал логические структуры количественного распределения информации, заимствованной автором «Задонщины» из «Слова о полку Игореве». Больше того, автор создал аналогичные гистограммы, следуя даже предположению о наличии обратной ситуации, т. е. исходя из тезиса первичности (!) «Задонщины» и вторичности (!) «Слова о полку Игореве». Созданные формальные структуры были подвергнуты А. А. Горским глубокому анализу, в ходе которого с полной очевидностью стало ясно, что динамика распределения информации, взятой из «Слова», исчерпывающе объясняется логикой развития сюжета «Задонщины». В то же время гистограммы распределения информации, как бы взятой из «Задонщины» в «Слово о полку Игореве», интерпретации не поддаются.

Автор рецензируемой книги проделал эту работу с исчерпывающей скрупулезностью. Оба текста были структурированы на определенные отрезки, или части. По каждой части были выведены средние показатели количества информации. Это создало возможность даже простейших наблюдений над динамикой изменения количества информации. Гистограммы были созданы по всем имеющимся спискам «Задонщины» (КБ, И-1, И-2, У, С). Это позволило автору сделать важное заключение о том, что заимствования из текста «Слова» были сделаны автором «Задонщины» в момент ее создания. Анализ всех гистограмм распределения информации (включая списки КБ и С) полностью подтвердил это. Одновременно А. А. Горским был сделан и другой основополагающий вывод: «Задонщина» в момент ее создания была письменным, а не изустным произведением (а это в корне подрывает концепцию А. А. Зимина).

Нельзя не отметить ряд методических удач А. А. Горского. Главная из них — классификация всех заимствований на две группы: а) крупные текстовые фрагменты и б) так называемые «микропараллели». Разделение позволило выявить в «Задонщине» как бы два слоя работы ее автора. Работая с более или менее крупными заимствованиями, автор «Задонщины» подчинял свою работу логике развития сюжета своего творения. Лишь там, где сюжет «Задонщины» не совпадал с сюжетом «Слова», безвестный творец вынужден был резко сокращать заимствования или повторно обращаться к тем фрагментам, которые заимство-

вались ранее. В то же время «микропараллели» включались в текст как бы непроизвольно, на память. Эти выводы — итог блестящего текстологического анализа А. А. Горского. Убедительность предлагаемой в книге методики многократно возрастает благодаря остроумным текстовым экспериментам с другими памятниками в его докторской диссертации. А. А. Горский формализовал с помощью гистограмм распределения информации хорошо известные в литературе заимствования автором рассказа Лаврентьевской летописи о нашествии Батыя текстового материала из предшествующего изложения той же летописи. Кроме того, аналогичную операцию он проделал с материалами «Сказания о Мамаевом побоище», которые были взяты из текста «Задонщины». Логика распределения информации в этих гистограммах оказалась полностью совпадающей с логикой распределения заимствований «Задонщины» из «Слова о полку Игореве» *.

Наконец, необходимо отметить еще одну особенность разработанной в рецензируемой книге методики. Выделение наиболее глубинных основ логической структуры распределения информации о заимствованиях «Задонщины» из «Слова» позволили определить менее значительные индивидуальные разночтения отдельных списков «Задонщины» как некие трансформации вследствие изустного бытования этих списков. Такой подход, на наш взгляд, позволит снять конкретно-текстологические недоумения.

Изложенное выше позволяет оценить разработку А. А. Горским проблемы соотношения текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» как принципиально важный новаторский вклад в историографию проблемы. Казалось бы, обилие работ, огромное число наблюдений, исчерпанность доказательств лишали автора всякой надежды на успех. И тем не менее успех этот налицо. Эта небольшая, скромно изданная на ротапринте работа является настоящей научной сенсацией.

Наконец, некоторые соображения по поводу способов анализа гистограмм распределения информации заимствований. Автор разбирает их традиционно, хотя вполне мог бы посчитать коэффициенты корреляции («r») между массивами фрагментов заимствований списка И-1 и списка У. Есть все основания считать, что коэффициент «r» был бы близок к единице, т. е. был бы получен сильный аргумент в пользу тезиса автора о том, что работа творца «Задонщины» по заимствованию текстового материала из «Слова» была сделана действительно единожды. Подобные коэффициенты могли быть подсчитаны и по другим спискам.

Оценивая исследование А. А. Горского, следует отметить, что это фундаментальный труд, содержащий принципиально новые методические подходы к изучению и решению труднейших текстологических проблем, касающихся первостепенных по важности памятников древнерусской культуры. Пора мифотворчества вокруг «Слова о полку Игореве» закончилась. Впрочем, значение предложенной методики выходит далеко за рамки данного исследования.

Л. В. Милов

Примечание

* Горский А. А. «Слово о полку Игореве» — «Слово о погибели Русской земли» — «Задонщина»: Источниковедческие проблемы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993. С. 9—17.

А. И. Юхт. РУССКИЕ ДЕНЬГИ ОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО АЛЕКСАНДРА I. М.: Финансы и статистика, 1994. 295 с. 41 рис. Тир. 20 000

Современному российскому читателю, даже далекому от проблем государственного денежного и финансового хозяйства, вполне понятна тесная связь между состоянием экономики, финансов и денежным обращением. Расстройство денежного обращения самым отрицательным образом сказывается на экономике страны и положении народа. И, напротив, состояние экономики, ее ресурсов во многом определяет благополучие денежного хозяйства. Еще одним

мощным фактором, всегда оказывавшим в России огромное влияние на все области финансово-экономической жизни, была политика правительства. Изучение истории денежного обращения в России, выявление его основных тенденций, мер правительства по его стабилизации, а также различий в понимании представителями государственной власти задач денежных реформ приобретает особо актуальное звучание в наши дни.

Новая монография А. И. Юхта обобщает и во многом продолжает сюжеты, намеченные им в ранее опубликованных работах [1]. В ее основу положен обширный комплекс исторических источников, извлеченных из разных фондов РГАДА. Среди них — законодательные акты, делопроизводственные документы государственных учреждений России, статистические материалы, источники личного происхождения и др.

Монография построена по хронологическому принципу: от денежной реформы Петра I до состояния монетного дела при Павле I. В каждой из трех частей книги, соответствующих трем основным этапам развития денежного обращения (конец 90-х гг. XVII в.— 1729 г.; 1730 — начало 1760-х гг. и 1762—1801 гг.), рассматриваются реформы и изменения в монетной системе, политика правительства в отношении денежного обращения, методы извлечения дохода казны от чеканки монет, борьба в правительственных кругах по этим вопросам. Много внимания уделяется истории основания и деятельности монетных дворов в Москве и Петербурге, на Урале и в Сибири, их внутренней организации, численности, составу и положению мастеровых людей. Автор специально останавливается на проблеме обеспечения монетных дворов сырьем, которая в отношении серебра особенно остро стояла в России. Наконец, в работе освещается вопрос о введении бумажных денег — ассигнаций.

Хотя отдельные вопросы денежного обращения в России в XVIII в. уже являлись предметом рассмотрения (в том числе в работах А. И. Юхта), однако столь разносторонняя картина состояния и функционирования денежного хозяйства на протяжении целого столетия представлена впервые.

В ряду преобразований первой четверти XVIII в. денежная реформа до сих пор незаслуженно оставалась в тени. Между тем, как подчеркивает автор, в результате ее была создана «единая для всей территории страны монетная система, отвечавшая уровню экономического развития России, более того, стимулировавшая это развитие» (с. 36), успешно обслуживавшая потребности денежного обращения.

В истории денежной реформы Петра I автор выделяет три этапа. Первый (1698—1704 гг.) характеризуется внедрением в денежное обращение медной и золотой монеты наряду с серебряной, понижением веса серебряной копейки до $^1/_{100}$ веса талера или будущего рубля, открытием новых денежных дворов и постепенным переходом от ручной чеканки к машинной, разработкой денежной системы, основанной на десятичном принципе. На втором этапе (1711—1717 гг.) произошло уменьшение содержания чистого серебра в мелких серебряных монетах, а, следовательно, падение их реальной ценности. На третьем этапе (1718—1724 гг.) ведущее место в чеканке заняли серебряные монеты крупного достоинства 70-й пробы. Чеканка с фискальными целями медной монеты привела к резкому обесценению медных денег и падению вексельного курса, росту цен на отечественные и зарубежные товары. Тем не менее в последующие несколько лет продолжалась чеканка легковесных медных денег. Главная причина заключалась не в нехватке серебра, а в том, что чеканка меди могла принести казне огромные доходы, так как рыночная цена меди была в пять раз ниже цены меди в монетах (с. 43).

С начала 1730-х гг. в истории денежного обращения начался новый этап, который продолжался до середины 50-х гг. В это время правительство выменяло легковесную медную монету. Медная монета выпускалась по цене, близкой к торговой, что исключало условия для производства в стране и привоза из-за рубежа фальшивых медных денег. В политике правительства преобладало стремление к сохранению серебряной монеты в качестве основной в денежном обращении. «С учетом отечественного и европейского опыта соблюдалась экономически целесообразная пропорция между серебряной и медной монетой. Причем первая выполняла свое чисто функциональное назначение — служить размену крупной» (с. 180).

С середины 50-х гг. XVIII в. достигнутая с большим трудом стабилизация денежного обращения в условиях начавшейся Семилетней войны сменилась форсированной эксплуатацией монетной регалии. Введенная по предложению П. И. Шувалова в 1757 г. чеканка легковесных медных денег была продолжена и в годы правления Екатерины II, когда в целях повышения прибыли казны ставка была сделана «на усиленный передел меди, которая играла самостоя-

тельную роль, затем центр тяжести был перенесен на бумажные деньги, и медная монета как бы обеспечивала курс ассигнаций» (с. 181—186).

Приведенные в монографии статистические данные, на основе которых прослеживается динамика и выявляются общие итоги чеканки золотой, серебряной и медной монеты, наглядно раскрывают главную тенденцию сдвигов в денежном балансе России в XVIII в. Она заключалась в неуклонном возрастании роли медной монеты, которая постепенно утрачивала свое функциональное назначение — служить размену крупной — и становилась главным платежным средством внутри страны.

А. И. Юхт показывает, что наращивание выпуска медной монеты было вызвано не только возможностью извлечения казной огромной прибыли от передела меди, но и полной обеспеченностью отечественным сырьем (в отличие от серебра). Засилье в денежном обращении «малоценной, тяжеловесной и громоздкой медной монеты тормозило развитие товарного производства, рост торговли и вовлечение в ее сферу все более обширных территорий» (с. 269). Поиск удобных в обращении денежных знаков, а также чисто фискальный расчет вызвали введение ассигнаций, с появлением которых начался новый этап в истории денежного обращения. С 1787 г. безудержный выпуск ассигнаций перестал обеспечиваться ценностью производимых товаров, торговых сделок и услуг, медной монетой. С тех пор началось неуклонное падение курса ассигнаций, что «вело к расстройству денежного обращения, инфляции, росту цен на товары... отрицательно сказывалось на состоянии экономики, положении народа и доходах самой казны». В конце XVIII в. серебряный рубль обменивался на ассигнации с наддачей в 40 коп., и в денежном обращении появились две единицы: рубль серебряный и рубль ассигнационный (с. 266—267).

Экономика России, с трудом обеспечивавшая финансовые потребности государства в мирное время, не справлялась с резко возраставшей нуждой в деньгах во время многочисленных войн XVIII столетия. В военное время перед правительством всякий раз возникала дилемма: либо увеличить давление прямых и косвенных налогов на основную массу населения, что не всегда могло дать реальный результат и к тому же было сопряжено с угрозой социальных потрясений, либо усиленно эксплуатировать монетную регалию, что неминуемо вело к отрицательным последствиям в сфере экономики.

На наш взгляд, вряд ли справедлива предложенная А. И. Юхтом характеристика проектов П. И. Шувалова в области денежного обращения — их суть в финансовой части сводилась к дополнительной чеканке легковесной медной монеты по 16-рублевой (1757 г.) и 32-рублевой стопе (1761 г.). «Плану временщика,— пишет автор,— присущи все черты прожектерства: на первое место поставлены фискальные интересы, а не интересы населения и преуспевания страны в целом» (с. 132). Принимая во внимание, что эти проекты как раз и стремились обеспечить казну новыми значительными средствами, потребность в которых в условиях военного времени ощущалась крайне остро, трудно предположить, что фискальные интересы могли не выйти в них на первое место. Обращение Шувалова к такому способу в решении финансовых трудностей воюющей страны, каким была монетная регалия, являлось вынужденной мерой, отрицательные последствия которой прекрасно им осознавались, что признает и А. И. Юхт. Преуспевание же страны в целом Шувалов, как следует из его проектов в области налоговой политики, в немалой степени связывал с положением тяглого населения, которому он отводил роль «главной силы» государства, обеспечивающей его экономическое благосостояние. Словом, выборочное исследование отдельных проектов вне всего комплекса шуваловских предложений препятствует их объективной оценке, на что уже обращалось внимание в исторической литературе [2].

В отечественной историографии существуют различные оценки отдельных мероприятий правительства в области экономической политики, а также целых периодов и направлений. Однако автор рецензируемой монографии, демонстрируя широкий, многоаспектный подход к изучению денежного обращения и стремясь к осмыслению его связи с состоянием экономики, финансов и политики абсолютизма, к сожалению, отказался от введения в текст книги историографических пояснений и оценок, как совпадающих, так и расходящихся с его точкой зрения. Вызванное в некоторой степени характером издания, адресованного широкому кругу читателей, такое «облегчение» его научного инструментария все же вряд ли оправдано.

Предпринятое в монографии изучение состояния денежного хозяйства и монетного дела, в частности обеспечения монетных дворов сырьем, позволяет заново осмыслить причины осуществления правительством ряда экономических шагов, особенно в области внешней торговли, ставшей приоритетной в экономической политике абсолютизма XVIII в. В условиях фактического отсутствия в первой половине

столетия промышленной добычи отечественного серебра острая потребность в серебряной иностранной монете, взимаемой в виде торговых пошлин и идущей в передел при чеканке отечественных монет, во многом объясняет стремление государственной власти любыми средствами обеспечить развитие внешнеторгового оборота России, облегчить приток иностранных товаров, а в отдельные периоды — и торговую деятельность иностранного купечества внутри страны, что шло вразрез с интересами отечественных купцов и промышленности. Особенно эта тенденция проявилась во второй половине 1720-х — начале 1730-х гг., когда крайне тяжелым было состояние финансового хозяйства России.

По данным А. И. Юхта, на монетные дворы России в 1720—1731 гг. поступало талеров, собираемых в портовых таможнях, в среднем около 625 пудов в год, что могло достигать до 62% всего серебра, используемого в эти годы для выпуска монеты. В первой же половине 30-х гг. вследствие увеличения прихода серебра от сбора пошлин в среднем до 900 пудов в год эта доля в отдельные годы составляла до 90% (с. 59). Очевидно, что это было результатом роста внешнеторговых оборотов, что, в свою очередь, в немалой степени было связано с действием нового внешнеторгового тарифа 1731 г. В свете приведенных данных пересмотр протекционистского тарифа 1724 г., диктовавшийся в первую очередь стремлением правительства к увеличению пошлинных поступлений в казну за счет роста внешнеторговых оборотов и направления потока контрабандных товаров в законное русло, достиг своих целей.

Осуществленный А. И. Юхтом анализ доходов казны от чеканки монет из серебра разного происхождения проливает новый свет на политику правительства в отношении казенных монополий. Во второй половине 20-х гг. XVIII в. в правительственных кругах вполне оформилось стремление к отмене монополии казны на те товары, которые обращались на внутреннем рынке (соль, табак и др.). Комиссия о коммерции приступила к практической реализации этой идеи. В то же время основные статьи российского экспорта — поташ, смольчуг, ревень — по-прежнему оставались торговой монополией казны. Одна из главных причин этого с учетом данных, приведенных А. И. Юхтом за 20—30-е гг. XVIII в., заключалась в искусственном занижении курса талера при взимании таможенных пошлин, что позволяло извлекать прибыль, существенно превосходившую доход от передела покупного и подрядного серебра.

Любопытны наблюдения, сделанные автором, о взаимоотношениях правительственных чиновников с купцами-подрядчиками, об участии представителей купечества в обсуждении вопросов финансовой политики. Привлекают своей новизной цифровые показатели, характеризующие динамику ежегодных расходов серебра и доходов казны от его чеканки за 1762—1796 гг. Ценными являются наблюдения, показывающие крупные сдвиги, произошедшие в это время в структуре источников, обеспечивающих монетные дворы благородными металлами. «Самым важным изменением, имевшим решающее значение, было выдвижение на первое место отечественного золота и серебра» благодаря росту их добычи и «применению технически передового для того времени способа аффинажа» (т. е. отделения золота от серебра) (с.228—239).

К числу несомненных достоинств монографии относится то, что она «населена» людьми. На ее страницах рассказывается о судьбах крупных государственных деятелей, определявших финансовую политику государства, правительственных чиновников, возглавлявших государственные учреждения, организаторов монетного дела, приводятся сведения об административно-техническом персонале монетных дворов, мастеровых людях и монетчиках-учениках. Рисуются порой принимавшие острые формы столкновения между представителями сановной бюрократии, олицетворявшими два взгляда на назначение монетной регалии — служить сугубо фискальным целям (П. И. и А. П. Шуваловы, П. А. Зубов и др.) или обеспечивать стабильность денежного обращения как условия успешного экономического развития страны (В. Н. Татищев, Я. П. Шаховской, А. А. Вяземский).

В книге более 40 иллюстраций, включая портреты царствующих особ и государственных деятелей, изображения монетных дворов и особенно монет разного вида и номинала. Имеется в ней и указатель имен. Однако, к сожалению, пользование им затруднено из-за допущенного по техническим причинам сдвига. К каждой указанной в нем странице следует прибавлять цифру «3».

Хочется надеяться, что книга А. И. Юхта, заставляющая задуматься над многими вопросами экономической политики правительства в XVIII в. и содержащая разнообразную информацию о денежном обращении России и состоянии монетного дела, а также описания самих монет, прочно войдет в арсенал исторической

науки. Несомненный интерес она вызовет и у нумизматов.

Н. В. Козлова

Примечания

[1] Юхт А. И. В. Н. Татищев в Москве (К истории денежного обращения в России в 20—30-х годах XVIII в.) //Исторические записки. Т. 101. 1978; его же. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 190—267; его же. Денежная система в России (20-е — начало 60-х гг. XVIII в.) //Отечественная история. 1992. № 5.

[2] Корякина Е. П. Программа социально-экономических преобразований П. И. Шувалова: Автореф. канд. дис. М., 1992. С. 4, 10.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ. Т. 1: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА. Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. 272 с. Тир. 3000

Необычайно возросший в последние годы интерес к историческим знаниям делает настоятельно необходимым обращение к проблемам местной истории.

Изучение прошлого Саратовского края насчитывает уже более полутора столетий. За это время был написан и опубликован не один десяток статей, брошюр, монографий, отражающих различные аспекты истории этого региона. Однако до настоящего времени отсутствовал обобщающий труд, подводящий итоги работы исследователей не одного поколения. Рецензируемая книга очерков довольно успешно восполняет этот пробел.

Первая ее глава прослеживает судьбу народов, обитавших на территории Саратовского Поволжья с палеолита до середины XVI столетия, когда эти земли вошли в состав Московского государства.

Результаты находок П. С. Рыкова, П. Л. Рау, И. В. Синицина, П. Д. Степанова, В. Г. Миронова, Е. К. Максимова и др. позволяют проследить процесс последовательного перехода древнейшего населения края от одного этапа каменного века к другому, от потребляющих форм хозяйства к производящим, выявить наличие здесь племен древнеямной и срубной культур, как оседлого земледельческо-скотоводческого уклада хозяйственной деятельности, так и скотоводческо-кочевнического. Археологические находки свидетельствуют о широком распространении в эпоху срубной культуры изделий из кости, камня, глины, металла.

В период с VII в. до н. э. по IV в. н. э. Нижнее Поволжье было населено савромато-сарматскими племенами. Судя по обнаруженным памятникам материальной культуры, главным занятием являлось кочевое скотоводство, при этом скотоводы переживали процесс эволюции общественных отношений от патриархально-родового строя к военной демократии.

Лесостепной регион Саратовского Поволжья в этот период был заселен финно-угорскими племенами городецкой культуры. Археологические находки свидетельствуют о распространении среди городецких племен скотоводства, мотыжного земледелия, примитивной металлургии и металлообработки.

С IV в. в ходе «Великого переселения народов» в регионе появляются гунны, авары, тюркоязычные болгары. В IX в. саратовские степи заняли печенеги, родственные им племена огузов (торков). В XI столетии печенегов вытесняют половцы (кипчаки), от которых на территории Поволжья остались так называемые «каменные бабы». В XIII столетии территория Саратовского Поволжья входит в состав Золотой Орды. Авторы «Очерков...» справедливо обращают внимание на то обстоятельство, что именно половцы составляют основную массу населения последней, растворившей завоевателей-монголов и создавшей тот этнический комплекс, из которого сформировались татары, башкиры, чуваши, казахи и др.

На берегах Волги располагались и крупнейшие злотоордынские города: Сарай-Бату,

Сарай-Берке, Увек (Укек). Последний размещался на южной окраине нынешнего Саратова. Историческое прошлое Увека издавна интересовало исследователей. Существует несколько версий основания Увека, причин его гибели, различные толкования названия города. Однако этот материал остался по большей части вне поля зрения авторов «Очерков...», которые ограничились довольно скупой констатацией основных фактов по этой проблеме.

Новый этап в развитии Саратовского Поволжья начинается с середины XVI в. после вхождения его в состав Московского государства. Природные богатства, плодородные целинные земли, охотничьи и бортные угодия, соляные и рыбные промыслы привлекали к себе внимание как правительства, так и различных слоев населения. Проблемы безопасности Волжского торгового пути, колонизации Дикого поля, взаимоотношений с кочевниками-татарами и «воровскими» казаками требовали от московских властей энергичных мер по укреплению юго-восточных границ государства. С середины XVI столетия на Нижней и Средней Волге создаются сторожевые посты, размещаются стрелецкие и казачьи гарнизоны. В 80—90-е гг. XVI в. здесь началось строительство городов-крепостей. Посвятив рассмотрению вопросов истории Саратовского Поволжья в XVI—XVIII вв. вторую главу, авторы «Очерков...» сумели показать неоднозначность, противоречивость ситуации, сложившейся в регионе в первые десятилетия после вхождения в состав Русского государства, выяснить, чем были обусловлены мероприятия, проводимые правительством.

На протяжении длительного времени в исторической литературе высказывались различные соображения о времени и месте основания Саратова, его названии. Авторы «Очерков...» привлекают дополнительные сведения, подтверждающие справедливость традиционной даты основания города — 1590 год. Убедительной является их аргументация в защиту утверждения о том, что Саратов первоначально был основан на правом берегу Волги, в районе современного села Пристанного. Менее удачно, на наш взгляд, изложен вопрос о происхождении названия города. Собственного отношения к различным версиям, бытующим в историко-краеведческой литературе, авторы «Очерков...» не высказывают.

С конца XVI — начала XVII столетий начинается постепенное хозяйственное освоение реки и ее берегов. Многочисленные источники свидетельствуют об активной эксплуатации рыбных угодий казной, монастырями, частными лицами, о значительном поступлении различных рыбных товаров на внутренний и внешний рынки. В «Очерках...» приводится довольно подробный материал, касающийся этой проблемы. Обстоятельно показано, что круглогодичная добыча рыбы, транспортировка ее в центральные районы страны способствовали притоку в Саратовский край большого количества работных людей, что вело к возникновению новых населенных пунктов.

Важную роль в развитии Саратова, Царицына и других городов региона сыграла активизация внутренней торговли по Волжскому водному пути. В XVII столетии Саратов становится перевалочным пунктом восточной торговли. В городе создаются специальные складские помещения, организуется транспортировка товаров в Москву в зимнее время сухопутным путем.

Большой интерес вызывают страницы «Очерков...», посвященные характеристике внутренней жизни Саратова и Царицына в XVII столетии. В 1613 г. Саратов сожгли отряды атамана Заруцкого. Восстановлен он был в 1617 г. на левом берегу Волги. В 1674 г. город вновь перенесли на правый берег. В книге показано, как из сторожевой крепости Саратов превращается в торговый и ремесленный центр, что способствовало усилению его роли в хозяйственном развитии края.

В XVII столетии начинается постепенное заселение всех земель в бассейне Волги. Появляются казачьи селения на реках Хопер и Медведица. Рыбными, земельными и лесными угодьями по этим рекам активно начинают пользоваться русские и мордовские крестьяне. Создание в 30-х гг. XVII столетия укрепленной линии между новыми городами Козловом и Тамбовом, продолженной позднее до Симбирска, а затем в 80-е гг. Сызрано-Пензенской укрепленной линии способствовало появлению в северо-западной части Саратовского края, в прихоперских и примедведицких местах постоянного оседлого населения. Авторы «Очерков...» выделяют и еще одно направление колонизации, констатируя массовое бегство крепостных в последние десятилетия XVII в. в Саратовское Поволжье, где начинает внедряться и помещичье землевладение.

В XVII столетии Нижнее и Среднее Поволжье становятся местами, где проходили массовые народные движения. В начале века здесь нашло отклик восстание И. Болотникова. К сожалению, авторы «Очерков...» уклонились от

рассмотрения выступлений местных самозванцев — Августа («сына Ивана IV»), Осиновика («внука Ивана IV»), Лавра («внука Ивана IV»), хорошо известных в историко-краеведческой литературе. Более полно рассмотрено в «Очерках...» участие саратовцев в восстании С. Разина.

Третья глава «Очерков...» посвящена проблемам истории Саратовского Поволжья в XVIII в. Этот период характеризуется дальнейшим прогрессом в хозяйственном освоении края, ростом населения. Авторы совершенно справедливо выделяют различные направления колонизации, расширению которой способствовала постройка Царицынской военной сторожевой линии. Основным направлением помещичьей колонизации являлось междуречье Хопра и Медведицы. В начале XVIII столетия различные служилые люди получили земельные наделы по Хопру, Медведице, Терсе, Еткаре. На эти земли переселяются крестьяне из малодоходных мест, в том числе и из помещичьих имений.

На Волгу активно переселяется и беглое крестьянство. Астраханский губернатор В. Н. Татищев информировал правительство о наличии по берегам Волги, Дубровки, Иловли, Терсы, Карамыша деревень, которые полностью им заселены. Перебираются в Саратовский край и монастырские, и дворцовые крестьяне, представители нерусских народностей.

Большой интерес представляет раздел, повествующий о появлении в Саратовском Поволжье в середине XVIII в. немцев-колонистов.

Необходимость освоения пустующих земельных массивов в юго-восточной части России рассматривалась еще в 40-е гг. XVIII в. Однако решение проблемы, по справедливому утверждению авторов, тормозилось из-за нежелания дворянства осваивать полностью необжитые территории. Екатерина II рассчитывала не только найти желающих поселиться в глухих степях, но и внедрить в России более совершенные методы земледелия, разведения скота, способствовать организации промышленного производства.

В Саратовском Поволжье было основано 104 колонии с населением 23 246 человек. Авторы «Очерков...» говорят о сложном и противоречивом развитии немецких колоний, отмечают их роль в освоении заволжских степей, указывают на то, что в XIX столетии колонии превратились в очаги капиталистического развития в условиях крепостнической России. В этой связи несколько непонятен вывод об основных итогах немецкой колонизации: «Надежды правительства на то, что поселение иностранцев принесет новую, более высокую культуру земледелия и приведет к возникновению и развитию промышленности, не оправдались» (с. 89). Необходимо отметить, что данный раздел в рассматриваемом труде является одним из первых обращений историков к изучению этого вопроса после длительного перерыва.

Результатом колонизации в первой половине XVIII в. становится интенсивное развитие соляного и рыбного промыслов. Через Саратов и Дмитриевск (Камышин) осуществлялись вывоз и реализация эльтонской соли, которой в 60—70-е гг. XVIII столетия снабжалось 16 губерний.

Помимо соли одной из важнейших статей торговли в Саратовском Поволжье являлась рыба и рыбные товары. В 70-е гг. XVIII столетия Астрахань, Царицын и Саратов поставили в Центральную Россию, на Украину, в Верхнее Поволжье рыбы и рыбных товаров на сумму около 1 млн. руб. Не менее значимой являлась торговля скотом, салом, кожами.

До конца 70-х гг. XVIII в. города Нижнего Поволжья снабжались привозным хлебом. Положение начинает меняться в 80-е гг., когда хлебная торговля становится преобладающей. «С интенсивной колонизацией, развитием земледелия и возникновением возможностей выгодного сбыта хлеба, — отмечается в „Очерках...“, — дворяне, саратовские земледельцы, покидая столицы и службу, устремились в край на постоянное жительство для организации хозяйства» (с. 111). Переселение на территорию края крепостных крестьян составляет в последние десятилетия XVIII в. главное содержание колонизации. В 1780 г. было создано Саратовское наместничество, ставшее затем губернией, а ряд сел и слобод были преобразованы в уездные города.

В августе 1774 г. в Саратовский край вступают повстанческие войска Е. Пугачева. «Весь Саратовский край был охвачен стихийными крестьянскими восстаниями» (с. 110). Однако вне поля зрения авторов оставалось то обстоятельство, что наряду со стихийными ватагами действовали отряды, выполнявшие стратегические поручения Пугачева и его ближайших сподвижников. К сожалению, в «Очерках...» дается традиционная для советской историографии идеализированная характеристика событий, связанных с восстанием Е. Пугачева.

Четвертая глава «Очерков...» характеризует развитие производительных сил и колонизационных процессов, происходивших в

первой половине XIX в. Авторы отмечают высокие темпы роста населения в Саратовском Поволжье, особенно в 20—30-е гг. прошлого столетия, и делают обоснованный вывод о том, что «в ходе колонизации Саратовского края сложились два района, различных по характеру заселения: помещичьего землевладения с большим процентом крепостного населения (Правобережье. — *В. З.*) и район, заселенный и освоенный в основном различными категориями казенных крестьян» (Заволжье. — с. 134). Отмечается определенное развитие производительных сил в сельском хозяйстве, показана зависимость промышленности и торговли от сельскохозяйственного производства. В целом анализ состояния Саратовского края в первой половине XIX в. дает основание сделать вывод о глубоком кризисе крепостнической системы хозяйствования, о настоятельной необходимости глубоких социально-экономических и политических реформ.

Пятая глава «Очерков...» посвящена изучению общественной жизни края в первой половине XIX в. Она содержит кропотливо собранный материал, рассказывающий об участии саратовцев в Отечественной войне 1812 г. (подробно говорится об участии саратовцев в организации Поволжского ополчения, даются яркие характеристики Ф. П. Уварова, В. В. Орлова-Денисова, Д. П. Ермолаева, В. С. Норова, А. Н. Бахметьева и др.), об откликах в крае на движение декабристов, об общественных настроениях саратовской интеллигенции в период тридцатилетнего николаевского царствования. Этот раздел является наиболее удачным в рецензируемой монографии.

«Редкая губерния, — говорила М. В. Нечкина, — не дала своего обитателя в движении декабристов». В Саратовской губернии родился член Южного общества В. С. Норов. С Саратовским Поволжьем определенным образом были связаны А. П. и П. П. Беляевы, С. И. Кривцов, Г. С. Батеньков и др. Интересен своеобразный вывод авторов о существовании среди саратовского дворянства «периферийного резерва» декабризма, сложившегося не без влияния таких «декабристов без декабря», как П. А. Вяземский, А. А. Тучков, П. А. Габбе.

Оригинальным исследованием является глава, повествующая о такой мало интересовавшей историков предшествующих поколений проблеме, как деятельность в первой половине прошлого столетия губернских государственных учреждений.

Завершаются «Очерки...» главой, посвященной состоянию в первой половине XIX в. местных наук и просвещения, журналистики, литературной, театральной и музыкальной жизни Саратовской провинции.

«Очерки истории Саратовского Поволжья» являются важным этапом в процессе изучения прошлого Саратовского края и в плане подведения итогов исследовательской работы в этом направлении, и для поиска новых проблем при дальнейшей разработке историко-краеведческой тематики. Очень важным является то обстоятельство, что в «Очерках...» впервые вводится в научный оборот широкий спектр источников.

В заключение отметим ряд упущений, которые можно исправить при последующих изданиях монографии. В книге, адресованной широкому кругу читателей, отсутствуют рекомендательные списки литературы по истории края, географический указатель. Имеющийся именной указатель содержит досадные опечатки.

Однако эти недоработки не могут снизить положительного впечатления от «Очерков...», которые, безусловно, станут ценным подспорьем для специалистов-историков, учителей истории, студентов, краеведов и всех интересующихся прошлым нашей страны.

В. М. Захаров

Е. В. ЧИСТЯКОВА. РУССКИЕ СТРАНИЦЫ АМЕРИКИ. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1993. 150 с. Тир. 1000

В последнее десятилетие вышел в свет ряд крупных исследований, посвященных истории Русской Америки [1]. Впервые в России начал выходить историко-географический журнал «Русская Америка».

В рецензируемой книге поставлена задача: «показать основные вехи давних и традиционных связей России с народами Америки в XVI — начале XIX века...» (с. 7) и прежде всего рассказать, как эпопея открытия и освоения Америки с востока «отразилась в русской письменности и книжности, населить свой рассказ людьми, назвать не только тех, кто открывал и осваивал далекий край, налаживал связи с его населением, но и возлагал надежды на создание совсем иной общности людей, по сравнению с тогдашней Россией» (с. 4). Сразу же отметим, что в целом с поставленной задачей Е. В. Чистякова справилась.

Первые два раздела очерков — «Америка на страницах русских материалов» и «По горячим следам (историографические обзоры XVIII — начала XIX века)» (с. 8—24) — представляют краткий обзор источников и литературы [2]. Автор, конечно, прав, когда отмечает важность и доступность для исследователей опубликованных записок и дневников русских мореплавателей и путешественников — С. Вакселя, Г. И. Шелихова, Ю. Ф. Лисянского, И. Ф. Крузенштерна, Г. А. Сарычева, В. М. Головнина, Ф. П. Врангеля, К. Хлебникова и многих других; но их труды можно было шире использовать в рассматриваемой работе. Желательно было бы привлечь и два сборника документов о русских экспедициях в XVIII в. по изучению северной части Тихого океана, включая и западное побережье Северной Америки [3]. Эти документы представляют большую ценность для всех, кто изучает «русские страницы Америки».

Вряд ли можно согласиться с утверждением, что «русские источники по истории Америки еще недостаточно используются в научной работе» (с. 12—13). Об обратном свидетельствуют исследования Н. Н. Болховитинова, С. Г. Федоровой, В. А. Дивина, В. И. Безъязычного, А. И. Алексеева [4] и др. Вместе с тем процесс поиска новых источников по истории взаимоотношений Старого и Нового Света продолжается.

Изучение истории открытия русскими Америки и островов северной части Тихого океана началось сразу же, как только стало о них известно. Об этом идет речь в разделе «По горячим следам» (с. 18—23). Уже М. В. Ломоносов выражал надежду, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке». Он высказал предположение о том, что открытый русскими промышленниками остров Алахшах, или Лесной, возможно, и не остров, а мыс западного побережья Северной Америки [5]. Мореплаватели в дальнейшем подтвердили справедливость этой догадки. В связи с выходом в свет работы члена Петербургской академии наук Якова Штелина, которая создавала ложное представление о русских открытиях между Азией и Америкой [6], участник Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллер опубликовал свои критические замечания в журнале А. Ф. Бюшинга, издававшемся в Берлине [7].

Вообще следует отметить, что в Западной Европе в XVIII в. очень внимательно и ревниво следили за поисками русскими кратчайшего пути из Ледовитого океана в Индию, а значит, и в Америку. Так, в 1777 г. в Лондоне вышел обширный труд по истории Америки В. Робертсона, который пришел к выводу, что В. Беринг и А. Чириков в 1741 г. ошиблись, приняв цепь островов за американский континент [8]. К сожалению, член Петербургской академии известный путешественник Петр Симон Паллас под влиянием своего английского коллеги тоже писал, что «и поныне (это в 1781 г.! — *Р. М.*) заподлинно еще не известно, к Америке ли принадлежала та земля, которую видели Беринг и Чириков» [9]. Как видим, в XVIII в. «по горячим следам» шла борьба не только за признание первенства в открытии Америки, но и за исследование истории этого открытия. При этом русских ученых пытались даже обвинять в умышленно неправильном, более удаленном изображении американского берега. Так, Г. Ф. Миллер якобы преднамеренно отодвинул на восток (на карте 1758 г.) примерно на 30° Сибирь и Чукотку, «дабы через прибавление дороги умножить другим народам затруднения в кораблеплавании» [10], а значит, и удлинить путь к Америке.

Участник первого русского кругосветного плавания (1803—1806 гг.) В. Н. Берх посетил (на корабле «Нева») Русскую Америку. На о. Ситха он познакомился с главным правителем русских американских владений А. А. Барановым, его помощником И. А. Кусковым, с купцом И. С. Лапиным, много лет занимавшимся пушным про-

мыслом на Алеутских островах. Благодаря общению с ними Берх узнал, как русские люди «проложили мост» между Старым и Новым Светом. Интересные сведения он почерпнул и из бумаг Г. И. Шелихова, усилиями которого была образована Российско-Американская компания. Все эти материалы наряду с другими явились ценными источниками при написании Берхом его многочисленных трудов по истории русских открытий в Тихом океане, и в том числе не утратившей до наших дней значения «Хронологической истории открытия Алеутских островов...» [11].

Не только в историографическом обзоре, но при изложении различных сюжетов в рецензируемой книге автор неоднократно возвращается к анализу использованных источников. Раздел «Москва узнаёт об открытии Нового Света» (с. 25—41) возвращает читателя к рубежу XV—XVI вв., когда Америка была открыта с запада; вот этим, с нашей точки зрения, и следовало начать очерки. Основное внимание здесь обращено «лишь на поездки русских людей на родину Колумба, а также на контакты в Испании» (с. 26). Тем самым в очерках Е. В. Чистяковой проявился ее давний интерес к истории народов Латинской Америки: этому региону посвящена большая часть книги. Ничего предосудительного в этом нет. Однако основные связи — и дипломатические, и торговые, и культурные — складывались и развивались севернее Панамского канала, главным образом на территории США. Вот почему, на наш взгляд, целесообразнее было больше внимания уделить этому региону.

Из очерков явствует, что Москва узнала об Америке уже в первой четверти XVI в. из донесений московского подьячего Якова Полушкина, который был послан великим князем Василием III с грамотой на имя императора Священной Римской империи и короля Испании Карла V. Полушкин прибыл в Испанию в 1524 г. В ходе своей миссии он познакомился с официальным историографом Карла V Педро Мартира де Англерием, который знал великих мореплавателей Х. Колумба, Ф. Магеллана, Васко да Гаму и др. Сведения, услышанные от Педро Мартира о Великих географических открытиях, Я. Полушкин доложил в Москве (с. 27). В 1525—1526 гг. в Рим прибыл русский посол Дмитрий Герасимов, образованнейший человек своего времени, который, видимо, перевел на русский язык письмо одного из секретарей Карла V о кругосветной экспедиции Магеллана. Максим Грек, ученый богослов, автор многих литературных трудов, с 1517 г. находился на службе в Москве. В одном из своих сочинений, примерно в 1530 г., он писал: «Недавно, лет 40 или 50 тому назад, после семитысячного года (1492 г.) нашли много островов ... и землю величайшую, называемую Куба, конца которой не знают даже ее жители. Объехав южную сторону до северо-востока Индии (ведь Колумб искал именно Индию.— *Р. М.*), нашли семь островов, называемых Молукскими...» (с. 30). Из этого следует, что Максим Грек знал об открытии Колумба и, можно думать, что и Магеллана. Так, благодаря и его сочинениям узнали в Москве об открытии Америки.

Далее в книге привлекается внимание к «Хронике всего света» польского историка и писателя Марциана Бельского. Она была переведена на русский язык во второй половине XVI в., и в ней также содержатся сведения об Америке (с. 33—34). Но Москва не только узнала об открытии Америки; она также искала к ней путь. Для этого надо было проложить более короткую дорогу в Индию (так называли тогда Америку) через Северный океан на юг, к Тихому океану. И когда в 1716 г. французская Академия наук обратилась к Петру I с просьбой разрешить нескольким ученым из Франции отправиться в Сибирь для выяснения вопроса о расстоянии между Азией и Америкой и о происхождении ее коренного населения, русский царь ответил: «Россия сама своими средствами произведет это исследование...» [12]. И действительно, с этого года по указанию российского императора был предпринят ряд экспедиций — в 1716, 1719—1722 и 1725 гг. Петром I была задумана Первая Камчатская экспедиция под командованием В. Беринга и А. Чирикова. Согласно инструкции царя, в ее задачи входило: плыть вдоль земли «на норд» и «искать, где оная сошлась с Америкою» [13]. Окончательно разрешила эту задачу Вторая Камчатская экспедиция в 1741 г., тоже под руководством Беринга и Чирикова. Так Америка была открыта русскими с Востока.

В разделе «На заре российского предпринимательства» (с. 60—77) автор весьма кратко останавливается на русском пушном промысле, который получил широкое развитие с 40-х гг. XVIII в. на островах северной части Тихого океана и американском побережье. Основное же внимание уделено тем мерам, которые предприняло испанское правительство в 60—70-х гг. XVIII в. в связи с успехами русских в этом регионе [14]. При этом автор не совсем точно истолковал записку, составленную на основе «Реляции...» русского посланника в Мадриде С. С. Зиновьева от 26 февраля (9 марта) 1789 г.

о якобы обнаруженных испанским мореплавателем де Аро в 1788 г. русских поселениях в районе между 48° и 49° с. ш. (с. 64). На самом деле речь идет о наставлениях главного правления Российско-Американской компании в 1817 и 1818 гг. главному правителю русских колоний Л. А. Гагемейстеру организовать поиски людей А. Чирикова, оставшихся в 1741 г. при невыясненных обстоятельствах на американском берегу на 10° севернее, чем указывал де Аро, т. е. между 57° и 58° с. ш. [15] Эти наставления свидетельствовали о тревоге главного правления за свои поселения в Америке, особенно за самое южное поселение — Росс в Северной Калифорнии; поблизости находились и испанские владения.

Когда речь идет о деятельности Г. И. Шелихова, то причина образования им «дочерних» компаний раскрыта неправильно (с. 69). Он это делал не из опасения обвинений в монополизме, а с целью расширения пушного промысла и освоения русскими западного побережья Северной Америки. И, учитывая это, правительство России дало свое согласие на объединение всех его компаний с Иркутской компанией Н. Мыльникова, так как надеялось, что Американская соединенная компания сможет сдержать усиливавшуюся с каждым годом конкуренцию иностранных купцов и промышленников, особенно из г. Бостона. Нужно также отметить, что к моменту образования в 1799 г. Российско-Американской компании ни о каких «ватагах» промысловых компаний (с. 126) не могло быть и речи. Уже в начале 1780-х гг. число их сократилось до пяти [16]. Говоря о крепости Росс, ее основателе и первом правителе (1812—1821 гг.) И. А. Кускове, нельзя не сослаться хотя бы на недавно изданные записки К. Т. Хлебникова [17]. Эти «Записки» раскрывают яркие страницы истории Русской Америки.

В разделе «Первые российские путешественники в Южной Америке и на Карибских островах» (с. 78—87) внимание сосредоточено на путешествии Ф. В. Каржавина и его трудах, в которых он неоднократно с горечью отмечал то неравенство людей, которое наблюдал и в Новом Свете (с. 83—84).

Один из главных правителей Русской Америки — Ф. П. Врангель, возвращаясь на родину, посетил в 1836 г. Мексику. По поручению главного правления Российско-Американской компании он должен был «укрепить и расширить... торговые связи» России (с. 809) с этой страной. Он договорился о заключении в Лондоне русско-мексиканского торгового договора и об официальном признании за Россией крепости Росс. К сожалению, переговоры оказались безуспешными; по мнению Ф. П. Врангеля, этому немало «способствовали» англичане и французы (с. 92).

Автор ставит в своих очерках задачу рассказать не только о «русских страницах» в истории Америки, но и об «американских» — в России, называя это «обратной связью» (с. 94—103); в качестве примера говорится о пребывании в России в 1786—1787 гг. венесуэльца Себастьяна Франсиско де Миранды (с. 96—100). Миранда в своих письмах и дневниках оставил интересные мысли о России, но они стали известны лишь узкому кругу влиятельных лиц. В рецензируемой книге общая оценка «гостя» из Латинской Америки несколько преувеличена, она не совпадает и с оценкой, данной в фундаментальном исследовании М. С. Альперовича [18].

Чтобы представить образ Америки в русской общественной мысли, Е. В. Чистякова обращается к тому вкладу, который внесли передовые люди своего времени — декабристы — в исследование Америки. Они осознавали значение в жизни своей страны русских американских владений. В книге названы имена В. П. Романова, В. И. Штейнгеля, Д. И. Завалишина. Последний, побывав в Русской Америке, не только написал о ней в своих сочинениях, но и составил проект о расширении русских владений в Калифорнии, в районе крепости Росс. Будучи уже арестованным по делу декабристов, находясь в Петропавловской крепости, он отправил свой проект на имя царя Николая I. К сожалению, в поле зрения автора не попала книга С. Р. Варшавского «Увековеченная слава России», которая значительно расширяет наши представления о русских страницах Америки и о месте декабристов в ее истории [19].

В работе уделено внимание и роли Русской Православной Церкви в американских колониях России, и особенно миссионерской и просветительской деятельности священника Ивана Евсеевича Попова-Вениаминова (впоследствии митрополит Иннокентий). Он прибыл на остров Уналашка в 1824 г. и отправлял там службу до 1834 г. Затем был протоиереем на о. Ситха (до 1838 г.), епископом Камчатским, Курильским и Алеутским в 1840—1850 гг. (В 1840-х гг. в Русской Америке было уже четыре церкви.) В 1840 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет один из главных трудов И. Вениаминова — «Записки об островах Уналашкинского отдела». Книга, как и все его сочинения, проникнута теплотой и уважением к коренным жителям русских американских владений. Бескорыстие и преданность Вениаминова своей

миссионерской деятельности отмечал Д. И. Завалишин, лично знавший его (с. 116).

В конце книги речь идет о журналах, путевых записках, дневниках известных русских мореплавателей — Ф. Ф. Матюшкина, Ф. П. Литке и О. Е. Коцебу, посетивших в ходе кругосветных путешествий в первой четверти XIX в. Южную Америку и Калифорнию. Матюшкин и Литке в 1817—1819 гг., во время совместного плавания под командованием В. М. Головнина, побывали в Бразилии и Перу. Там они наблюдали жестокое обращение португальцев с неграми: последние были предметом торговли и нещадной эксплуатации (с. 118—120). Литке отмечал также тяжелое положение коренных жителей — индейцев, работавших в духовных миссиях (с. 121—122).

Командир корабля «Рюрик» О. Е. Коцебу в 1815—1819 гг. также посетил Бразилию и Калифорнию, где был свидетелем жутких сцен работорговли, назвав ее позорным пятном, которого уже стыдится большинство цивилизованных стран (с. 122). Не легче, писал он, и участь индейцев в Калифорнии, «которые полностью зависели от неограниченного произвола и тирании» монахов-католиков (с. 124). Говоря об искреннем гуманизме русских мореплавателей, автор подчеркивает научное значение содержащегося в их записках богатейшего материала по истории и этнографии народов, населявших Новый Свет — от Огненной земли до Ледовитого океана.

В заключение отметим, что, несмотря на отдельные неточности, рецензируемые очерки привлекут внимание читателей, особенно студентов гуманитарных институтов, проявляющих интерес к «русским страницам» Америки.

Р. В. Макарова

Примечания

[1] Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834—1867. М., 1990; его же. Россия открывает Америку. 1732—1799. М., 1991; Петров В. П. Русские в истории Америки. М., 1991; Свет Я. М. Колумб. М., 1992; Альперович М. С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII в.). М., 1993.

[2] Подробнее обзор литературы см.: Болховитинов Н. Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. Аналитический обзор. М., 1984; Зарубежные исследования по истории Русской Америки (конец XVIII — середина XIX в.): Реферативный сб. М., 1987.

[3] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Т. 1. М., 1984; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Т. 2. М., 1989.

[4] Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971; [Шелихов Г. И.] Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971; Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971; Безъязычный В. И. Он был человеком//Волга. 1970. № 12. С. 177—187; Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975; его же. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. До конца XIX в. М., 1982.

[5] Ломоносов М. В. Сочинения. Л., 1934. Т. VII. С. 372, 382, 384.

[6] Штелин Я. Краткое известие о новоизобретенном Северном Архипелаге//Географический месяцеслов. СПб., 1774.

[7] Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Zweiter Jahrgang. Berlin, 1774. S. 121—124, 129—132.

[8] Robertson W. The History of America. L., 1777. Vol. 1. Note XLI. P. 458—459.

[9] Паллас П. С. О российских открытиях на морях между Азиею и Америкою//Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. IV. С. 267.

[10] Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. С. 12.

[11] Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. СПб., 1823.

[12] Вакселъ С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л., 1940. С. 23.

[13] Русские экспедиции... Т. 1. С. 35.

[14] См.: Альперович М. С. Завершение испанской колонизации Америки в XVIII в.//Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 55—62.

[15] Федорова С. Г. Указ. соч. С. 86—87.

[16] Макарова Р. В. Указ. соч. С. 116.

[17] Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л., 1979; Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск/Отв. ред. В. А. Александров. М., 1985.

[18] Альперович М. С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986.

[19] Варшавский С. Р. Увековеченная слава России: Топонимические следы Русской Америки на карте Аляски. Магадан, 1982. С. 69—71.

«МОСКВА И МОСКВИЧИ»: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

О КНИГЕ Дж. БРЭДЛИ «МУЖИК И МОСКВИЧ. УРБАНИЗАЦИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ПЕРИОДА» *

Книга американского историка Джозефа Брэдли со столь своеобразным названием в современной историографической реальности весьма типична и актуальна. В ней рельефно и доказательно демонстрируется эффективность новых тенденций в исторической науке, которые сегодня громко декларируются на теоретических дискуссиях учеными разных уровней, школ, направлений, но которые пока еще робко прокладывают себе пути в историографической практике. Эти новые тенденции знаменуют собой отход от линии на социологизацию истории и отражают стремление поставить в центр исторического исследования человека, его образ жизни, систему ценностей и приоритетов, ментальность, т. е. грани бытия, которые прежде либо отодвигались в тень, либо просто игнорировались, оказываются в фокусе исследовательского внимания современного историка-профессионала. При этом возникает естественная потребность углубления исторического анализа объекта исследования и ограничения его хронологических рамок и территориальных масштабов, их локализации. Дж. Брэдли не случайно избрал Москву объектом своего исследования: в начале XX в. это был десятый по численности населения город мира с наибольшими по тому времени темпами роста, вбирающий в себя все пороки миграции, характерные для Российской империи и фокусирующий в себе всю сложность переплетения этих пороков в их национально-региональной специфике и противоречивости.

Перед читателем раскрывается динамичная картина интеграции так называемых «малых обществ» российской периферии в «большое общество», воссоздающееся в центре империи. Интенсивно идет процесс урбанизации населения российской глубинки через переходные формы «отходничества». Процесс модернизации экономики ускоряет интеграцию «вчерашнего мужика» в городскую, чаще всего индустриальную среду. И в то же время «аграрное перенаселение» России рассасывается медленно, а вчерашние «мужики» нередко пополняют армию безработных, оказываются на «социальном дне». Процесс адаптации «мужика» к городским условиям развивается противоречиво, осложняется трудностями бытоустройства, тормозится социальной напряженностью жизни столицы.

Через лапидарную формулу «мужик — житель Москвы» автор показывает конфликт между столичными горожанином-москвичом и пришлым «маргиналом», вчерашним крестьянином, пришедшим в Москву со своей системой ценностей, свойственных «сельскому миру», «малому обществу». Он характеризует глубину социальной напряженности этих отношений, за которыми стоит конфликт двух культур, двух образов жизни, двух систем ценностей.

Рецензируемый труд носит междисциплинарный характер: исследование проведено на стыке истории и демографии, социальной психологии, культурологии при использовании методов статистического и математического анализа. Несомненный интерес представляет демографическая характеристика населения Москвы конца XIX — начала XX в. На основе статистики изучена половозрастная, сословно-имущественная, образовательная структура населения столицы, учтены данные о месте рождения каждого ее жителя. В результате обобщения полученных материалов выявлены демографические особенности Москвы как исторического центра империи: это город иммигрантов (71% жителей по состоянию на 1912 г. родилось вне Москвы); основную их группу составляло крестьянство (81% по состоянию на 1902 г.).

Демографические данные, аналитическая работа с ними явились для автора надежной основой для исследования ментальности мигрантов, выявления отличительных черт их образа жизни, системы ценностей, специфики приобретенного ранее «жизненного опыта» и производственной культуры от коренных москвичей. Автора интересовали типологические черты как тех мигрантов, которых влекло в столицу и которые там закрепились, так и тех, которые выезжали из нее, не сумев приспособиться к городскому образу жизни, обрести постоянную работу и заработок (с. 109). Половозрастные данные о жителях Москвы начала XX в. также привлекли внимание автора преобладанием мужского населения молодых возрастов (средний возраст 22—25 лет) и повышенным процентом грамотности по сравнению с общей массой самодеятельного мужского сельского населения (с. 135).

Следствием особенности урбанизации населения и высоких темпов интеграции сельского населения в социальную структуру города являлись, по мнению автора, экономический дуализм, который был характерен для Москвы. Москва, будучи европейским центром с относительно развитой инфраструктурой, вместе с тем сохраняла в своем

облике «традиционную культуру российской провинции», отторгающую систему ценностей цивилизованного городского общества.

Миграционная подвижность населения России начала XX в., выразившаяся в первую очередь в его урбанизации, обгоняла по темпам роста процесс экономической модернизации; это остро ставило проблему занятости, увеличивало численность резервной армии безработных, усиливало конфликтную ситуацию на рынке труда, что особенно болезненно переживала вторая столица государства. Социально обездоленные, экономически обнищавшие слои населения опускались на самое дно, умножая отторгаемые обществом социальные группы нищих, бездомных бродяг, проституток.

Исследуя факторы социальной напряженности в Москве начала XX в., автор видит ее корни не в классовых антагонизмах, а в несбалансированности социально-демографических процессов. Поэтому в работе утверждается неадекватность классового подхода и классового членения применительно к социальной структуре населения Москвы и предлагается вести изучение этого объекта в иных качественных срезах: «сословия» (привилегированные и непривилегированные), «элита» — «простые люди» (в состав которых включаются мещане и крестьяне), горожане-«москвичи» и вчерашние крестьяне — «мужики». Можно, конечно, полемизировать с автором относительно этих (отнюдь не новых для историков России) понятий о неравнозначности и несопоставимости вкладываемого в эти понятия содержания, однако целесообразнее эту полемику отложить до последующих дискуссий. Важнее посмотреть, какие результаты получает исследователь, оперируя этими понятиями в процессе аналитического исследования избранного им объекта.

Характерно, что при таком структурном членении населения Москвы оно обретает преимущественно крестьянскую окраску. Согласно подсчетам автора, в столице Российской империи в начале XX в. (по данным 1902 г.) преобладали (86,9%) «простые люди» (мещане и крестьяне). И хотя к 1914 г. каждый десятый из городских жителей России проживал именно в Москве, $^{2}/_{3}$ ее населения составляли крестьяне.

По-видимому, столь общая характеристика социального облика Москвы начала XX в., являвшейся не только административно-политическим центром империи, ее «второй столицей», но и культурным, университетским, а также индустриальным центром, не удовлетворила и самого автора, поэтому он уделил значительное внимание и вопросам профессиональной стратификации как части классификационной проблемы, имеющей самостоятельное методологическое значение для сравнительного анализа (см. Приложение А, с. 359 и далее).

Освобождение обществоведения от догматических стереотипов «классового подхода» со всеми вытекающими из него последствиями вовсе не означает отказа от понятия такой социальной общности как «класс», введенной, кстати, в историческую науку школой французских историков. Трудно обойтись без этого понятия, анализируя столь емкий объект исследования как население Москвы, его социально-демографическую динамику, хотя бы и только в двух доминирующих понятиях «москвичи» и «мужики». Предположим, что с «мужиками» все ясно: их большинство (?!), они — вчерашние крестьяне. А вот с «москвичами» уже сложнее: среди них представлены и рабочие, и служащие, и интеллигенция, и учащиеся, и предприниматели, и люмпены. Естественно, что проблема «рабочих» здесь не может быть обойдена.

И автор уделяет этой проблеме значительное внимание (особенно в первой части своего труда, в разделе «Москва и ее окрестности», в которые им включаются семь губерний). И здесь также проводится социально-демографический анализ, и социальная мобильность растущего населения Москвы связывается с пространственным передвижением «маргиналов», покинувших место своего постоянного проживания. Мы узнаем, что территориально рабочие, занятые в фабрично-заводском производстве, связаны не с Москвой, а главным образом с ее окрестностями. Обоснованием такого вывода являются подсчеты автора, согласно которым процент рабочих, занятых на фабриках вне Москвы, выше среднего процента, характерного для всего Центрального Промышленного района (данные за 1910—1913 гг.).

Автор своими данными стремится представить плюралистическую картину социального состава рабочих, утверждая, что в России формировался не один монолитный рабочий класс (с. 30), а несколько типовых его разновидностей: сельский тип, промежуточный, переходный тип, тип маргинала-невозвращенца, дети рабочих, рожденные в городе, мигрирующие рабочие (принятый у нас термин «челночная миграция»).

Отвергая традиционную концепцию стадий эволюции рабочего класса, автор предлагает (с. 31) концепцию независимых путей развития различных типов рабочих как по источникам формирования, так и по особенностям «бытования». Характерно, что выделенные типы различаются и особенностями их ментальности.

Очень интересен, на наш взгляд, поиск, предпринятый американским автором, взаимозависимости социальных, экономических, демографических характеристик общества (в данном локальном исследовании — столичного общества) с фактором ментальности, выбором образа жизни различными группами населения, их ценностными ориентациями, которые также составляют существенную компоненту возникающих социальных конфликтов. Книга Брэдли дает основание полагать, что методология междисциплинарного подхода является более широкой, комплексной основой для исторического объяснения драматических периодов российской истории.

Н. Б. Селунская

Примечание

* Bradley J. Muzik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russa. Univ. of California Press, 1985. 422 p.

С. О. ШМИДТ. КРАЕВЕДЕНИЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ. Тверь, 1992. 85 с. Тир. 2000

Более 60 лет назад один из представителей блестящей плеяды российских краеведов — Н. П. Анциферов — считал, что от «судьбы краеведческого движения зависит многое и в судьбе нашей культуры». Слова эти не только не утратили своей актуальности, но и приобрели новое звучание сегодня, в конце XX столетия, когда «наступает возвращение краеведения». Так заканчивается рецензируемая книга.

Ее содержание несколько шире темы, заявленной в названии. Автор выстраивает, по сути, целостную картину возникновения и развития краеведения в России. Вначале анализируется содержание термина «краеведение», обосновывается его многоаспектность. Читатель подводится к пониманию обусловленности неоднозначного толкования обсуждаемого понятия самой судьбой краеведения. Далее раскрывается сложный и во многом противоречивый путь последнего в нашей стране в контексте общественно-политической и социально-экономической истории, развития науки и культуры.

К достоинствам книги относится продемонстрированная автором ориентированность в разнообразии работ, посвященных истории и теории краеведения, культуре российской провинции, включая последние публикации, вышедшие как в центре, так и на местах. В работе прослежено становление краеведения в России, выявлены основные этапы этого процесса. Освещено формирование научных основ краеведения во второй четверти XVIII в. (организация экспедиций по изучению различных районов страны, деятельность первых научных и научно-просветительных обществ, зарождение провинциальной историографии). Убедительно показаны причины и условия подъема краеведения в середине XIX в., во многом подготовившего его последующий расцвет в первые послереволюционные годы; подробно рассмотрены особенности «золотого десятилетия» краеведения, разнообразие форм и методов краеведческой работы, ее тесная связь с архивным и музейным строительством. Раскрыто теоретико-методологическое значение работ представителей «академического» краеведения (С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, А. Е. Ферсмана, И. М. Гревса, Н. П. Анциферова и др.).

Объективно охарактеризованы трагические события разгрома краеведческого движения в 1930-е гг. и негативные последствия происшедшего; отмечается обусловленность возобновления развития краеведения во второй половине 1950-х гг. теми серьезными изменениями, которые совершались в жизни страны; показан вклад в развитие краеведения 1960-х — 1970-х гг. республиканских обществ охраны памятников истории и культуры; выявлены основные тенденции, присущие современному состоянию краеведения; дается оценка краеведческой библиографии последних десяти — пятнадцати лет.

Отрадно, что представленный читателю материал не безликое изложение фактов, а живая история краеведения, наполненная конкретными людьми и их деяниями. Перед нами проходят и хорошо знакомые, маститые краеведы, и малоизвестные ранее энтузиасты-подвижники, носители духовности и культуры в российской провинции, благодаря стараниям которых создавались музеи и научно-просветительные общества, развивалась издательская деятельность, не прекращалось биение научной мысли (А. М. Путинцев, А. Н. Вершинский, С. Д. Яхонтов и многие другие).

Разделяя мнение автора, что краеведение — всегда краелюбие и, значит, заниматься им (а чаще — посвящать этому жизнь) можно лишь по велению души и сердца, все же трудно полностью согласиться с оценкой, данной в книге развитию краеведения в первые послереволюционные годы как его «золотого десятилетия». Указанный период представляется более сложным и противоречивым, во многом предопределенным уровнем, которого достигло гуманитарное знание на рубеже XIX—XX вв. Не стоит забывать, что для научной интеллигенции 1920-х гг. краеведение было своеобразной экологической нишей — как бы мы сейчас сказали, — позволявшей ее представителям не только сохраниться как исследователям (а зачастую и просто физически), но и принести пользу обществу, не поступаясь при этом своими убеждениями.

Так, стоявшие у истоков отечественной культурологии И. М. Гревс и его ученик Н. П. Анциферов стали заниматься краеведением, чтобы в условиях насаждения вульгарного материализма не утратить накопленные представления в гуманитарном знании. Направленность их работ в краеведении показывает, что интерпретация истории культуры с точки зрения примата духовного над материальным была той позицией, от которой не могли отказаться исследователи. Получившие образование и сформировавшиеся как ученые до революции, они стремились сохранить преемственность гуманитарных знаний России и Западной Европы конца XIX — начала XX в., духовных исканий того времени. Краеведение, городоведение, правда, на короткое время, оказались для этого наилучшей сферой. Среди западных философских течений, заметно повлиявших на И. М. Гревса и Н. П. Анциферова как культурологов, особое место занимают О. Шпенглер и М. Вебер — одни из самых популярных авторов того времени. Однако это — предмет отдельного разговора.

Заявленная в названии книги тема «Краеведение и документальные памятники» уже сама по себе предусматривает акцентирование на историческом краеведении. Хотя автор неоднократно подчеркивает значение тесной взаимосвязи гуманитарного и естественнонаучного знаний (с. 50, 56, 58 и др.), обусловливающей комплексность краеведения и предопределяющей его методологическую и концептуальную основы. Попытку предметного осмысления этой взаимосвязи являет собой краеведческий музей — одна из составляющих, находящаяся в сфере его влияния и в то же время сама влияющая на развитие последнего. Он — и своеобразный аккумулятор краеведческих знаний, выраженных прежде всего в собственной источниковой базе, и один из основных компонентов краеведческого движения. Как справедливо считает автор, знакомство с краеведением начинается для многих в музее.

Получившие распространение в российской провинции со второй половины XIX в. местные музеи создавались на гребне развития краеведения в процессе реализации общественной потребности представить жизнь своего края посредством предметного мира, благодаря инициативе энтузиастов, преимущественно представителей интеллигенции. Музеи, как правило, возникали и первое время существовали в составе государственных и общественных организаций, в той или иной степени занимавшихся изучением края и накапливавших в результате этой деятельности соответствующие коллекции: губернских статистических комитетов, местных отделений Русского географического общества, церковных историко-археологических комитетов, научных и научно-просветительных обществ. Широкое распространение получило создание музеев при губернских ученых архивных комиссиях.

Специфика исследовательской деятельности комиссий была связана с комплектованием материалов по истории, археологии, этнографии края, что обусловило появление при них исторического архива, музея и библиотеки. «Под крышей» таких комиссий сложилась своеобразная краеведческая структура, составляющие части которой были логично взаимосвязаны, органично дополняя друг друга.

Начиная с того времени и до рубежа 1920—1930-х гг. музеи воспринимались современниками как научные и культурные центры региона, «провинциальные академии наук». Для периода 1920-х гг. весьма существенно было состояние взаимоотношений краеведческих музеев и упомянутых обществ, неоднократно обсуждавшееся в краеведческой и музееведческой литературе*.

Сегодня подавляющее большинство краеведческих музеев находится в кризисном положении, оставаясь как бы вне процессов, связанных с возрождением краеведения. Однако проблема взаимодействия музеев и краеведения лишь частично затрагивается в рецензируемой книге (хотя краеведческие музеи выступают также хранителями документальных памятников). Впрочем, следует отметить, что данная проблема заслуживает специального

рассмотрения. Ее разработка на протяжении вот уже нескольких лет ведется в Российском институте культурологии. Рассматриваемая работа, возможно, даст толчок для анализа и обобщения накопленного материала и выпуска отдельного издания на тему «Музей и краеведение».

Нельзя не сказать в заключение, что в книге С. О. Шмидта заключен большой нравственный и воспитательный потенциал. Она способствует формированию у читателя понимания важности того, из чего складывается краеведение, если рассматривать его не просто как лишь знание главных событий в жизни края, а как часть национальной культуры.

Т. О. Размустова

Примечание

* См.: Мордовченко Н. Краеведческие музеи и общества в их взаимоотношениях//Вопросы областного музейного дела. Рязань, 1925. С. 91—93; Григоров С. П. Музей и краеведение//Бюллетень 3-й Всероссийской конференции по краеведению. М., 1927. № 4. С. 107—108.

«ИСТОРИЯ И КОМПЬЮТЕР В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ» *

Компьютеризация различных сфер жизни современного общества вызвала к жизни качественно новую информационную культуру. Сегодняшние реальности ставят перед историками две взаимосвязанные задачи: во-первых, создание новых информационных массивов, а во-вторых, организацию, классификацию и упорядочение существующей в других областях знания информации. В 1986 г. была создана Международная ассоциация «History and Computing» (АНС), объединившая к 1993 г. полтора десятка национальных ассоциаций, включавших около 1000 исследователей. Основной формой работы ассоциации стало проведение ежегодных международных конгрессов и проблемных семинаров с последующим опубликованием трудов этих конференций, инициация совместных научных проектов, разработка специализированного программного обеспечения и оптимальных моделей курсов дисциплин, связанных с применением квантативных методов в исторических исследованиях, а также организация летних школ обучения студентов и аспирантов гуманитарного профиля и обмена опытом специалистов. С 1989 г. в Оксфорде выходит журнал ассоциации «History and Computing».

К сожалению, историки из стран Восточной Европы долгое время не принимали участия в деятельности ассоциации. Первый опыт сотрудничества восточноевропейских специалистов с АНС относится к 1992 г., когда ассоциация организовала Международный симпозиум по координации исследовательской деятельности в области исторической информатики в странах Западной и Восточной Европы, состоявшийся в Зальцбурге (Австрия). Встреча прошла столь удачно и результативно, что уже летом 1992 г. в некоторых восточноевропейских странах были созданы национальные ассоциации «History and Computing». В июне того же года в Ужгороде состоялась международная конференция «Новые компьютерные технологии в исторических исследованиях и образовании», организованная Закарпатской ассоциацией молодых историков и историческим факультетом МГУ при поддержке АНС. На Ужгородском семинаре встретились 40 исследователей-клиометристов из 13 стран. Непосредственно на семинаре возникла инициатива создания Российской ассоциации «История и компьютер» (АИК). Состоявшееся вскоре в Москве Учредительное собрание выбрало Совет ассоциации, который осенью 1992 г. провел ее регистрацию. К концу 1993 г. ассоциация объединяла в своих рядах около 100 ученых из 24 вузов, академических институтов и архивных учреждений России, Азербайджана, Белоруссии, Киргизии и Украины. В 1993—1994 гг. под Москвой прошли две конференции АИК. С 1992 г. АИК организует ежегодную международную осеннюю школу «Историческая информатика: европейская модель». АИК установила прочные связи с национальной ассоциацией АНС Нидерландов и принимает активное участие в реализации ряда исследовательских проектов в области исторической информатики.

Сборник «History and Computing in Eastern Europe» представляет собой материалы Ужгородской конференции 1992 г., сыгравшей столь знаменательную роль в становлении АИК.

Книга состоит из двух частей. Часть первая включает обзоры развития клиометрии в различных странах и регионах. Л. Бородкин освещает историю становления и нынешний уровень развития количественных методов в исторических исследованиях в СССР и России, Р. Руусалеп — в Эстонии, И. Р. Рафи-заде — в Азербайджане, Г. Бенда, Дж. Лазловский и Б. Ромханий — в Венгрии. Статья В. Владимирова сообщает о достижениях сибирских историков в применении новых информационных технологий.

В части второй рассматриваются конкретные проекты, связанные с использованием квантативных методов.

Е. Осокина и Г. Сатаров демонстрируют возможности пакета «CLAMS» на примере анализа распределительной политики советского руководства в период 1928/29—1935 гг. Эта система содержит уникальные, отсутствующие в других статистических пакетах программы (метод построения аддитивных кластеров и аддитивных деревьев, методы многомерного и индивидуального шкалирования), а также интересные источники — материалы Наркомата торговли и ЦУНХУ. Используя модель «индивидуального многомерного шкалирования», Е. Осокина и Г. Сатаров определяют степень проявления для ряда территорий экономических свойств, учитываемых советским руководством при организации торговли и снабжения в период 1928/29—1935 гг.

Л. Бородкин и И. Гарскова решают весьма интересную теоретическую проблему типологии нечетких множеств. «Полигоном» для решения этой задачи авторами избраны феодальные имения России XVII в., а инструментом решения — пакет «FUZZYCLASS». Сравнение итогов исследования с результатами аналогичных изысканий, проведенных традиционным методом кластерного анализа, демонстрирует возможности и преимущества размытой классификации. Если кластер-анализ в силу однозначности дает в известном смысле случайные по отношению к исходным данным результаты, то размытая классификация, оперирующая понятиями «ядро класса» и «пограничный объект», лишена этих недостатков и потому является эффективным методом решения задач типологии социально-экономических процессов и явлений.

Э. Костоланski в своей статье приводит доводы в пользу создания Интегральной системы исторической информации (ИСИИ). Автор полагает, что средства вычисления и связи, программы и прочие технологии информационных систем достигли уже того уровня развития, на котором они, будучи объединены ИСИИ, могут стать составной частью процесса изучения истории. При этом ИСИИ должна, с одной стороны, стать общим информационным фондом, а с другой — мощным поддерживающим средством и неотъемлемой частью исследовательской работы. Суть ИСИИ — в идее аккумуляции в одном месте всей информации о некотором историческом событии и возможности отобрать необходимую часть этой информации в приемлемые сроки. В статье рассматриваются проблемы конструирования, коммуникации и использования ИСИИ в конкретных исследованиях.

В статье Е. Беловой и В. Лазарева рассматриваются принципы построения систем управления историческими текстами. В настоящее время научная ценность представления исторического источника в машиночитаемом виде общепризнанна. Однако информативность подобной формы подачи источника сравнительно невелика. Трансформация источника в базу данных резко повышает информативность, но в этом случае мы имеем дело уже не с исходным источником, а с его интерпретацией. Авторы статьи нашли элегантный выход из этого методического затруднения в создании внешних по отношению к источнику семантических сетей.

В статье также описывается программная система, разрабатываемая в Лаборатории исторической информатики МГУ им. Ломоносова.

Статья Е. Мачака и М. Копчинского посвящена опыту создания базы данных на основе регистров подушной подати 1662, 1673 и 1676 гг.

Ю. Фикфак в своей статье исследует возможности построения информационной системы на примере Словенской Штирии накануне Мартовской революции 1848 г.

Т. Моисеенко и М. Свищев рассматривают перспективы «компьютерного источниковедения» как дисциплины, ориентированной на разработку методов анализа исторических источников с помощью ЭВМ. Возможности и приемы этой дисциплины демонстрируются на базах данных по истории сельского хозяйства и аграрных отношений последних десятилетий, созданных за пределами научного сообщества.

Тема статьи С. Журавлева и В. Тяжельниковой — проблема формирования базы данных об иностранных гражданах в СССР (1920—1930-е гг.). Основным методом авторов является использование экспертного знания. Большое внимание уделено идентификации личных имен при обработке двуязычных источников.

П. Акхапчи анализирует рынок рабочей силы в нефтяной промышленности дореволюционного Баку, используя для этого базу данных, созданную на основе 2000 персональных файлов, каждый из которых содержит однотипный комплект из 6 документов о конкретном рабочем.

Работа Е. Балыкиной посвящена опыту внедрения компьютеров в процесс преподавания истории в вузах Белоруссии. Статья делится на три части. В первой описывается становление и развитие компьютерных методов обучения, процесс создания автоматизированных учебных курсов (АУК); во второй — опыт применения АУК на практике; в третьей — перспективы дальнейшего применения АУК.

В целом содержание рассмотренного нами сборника отражает интенсивный процесс развития клиометристики в России и ряде стран СНГ. Проблематика разделов книги охватывает важнейшие проблемы нынешнего этапа развития исторической информатики, что дает возможность использовать ее материалы при разработке учебных курсов, имеющих отношение к новым информационным технологиям. Прогресс количественных методов исторического исследования, свидетельством которого является представляемый сборник, внушает уверенность в успешном развитии этой новой отрасли знания в нашей стране.

М. Ю. Мухин

Примечание

* History and Computing in Eastern Europe/Ed. by L. Borodkin, W. Levermann. Max-Planck-Institute für Geschichte. St. Katharinen, 1993. 150 p.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В 1990 г. на страницах журнала была опубликована статья Е. В. Злобина «К вопросу об авторстве „Записок“ декабриста И. И. Горбачевского». Е. В. Злобину отвечает доктор исторических наук, профессор И. В. Порох.

ФАКТЫ ИЛИ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ?
(К вопросу об авторстве «Записок» И. И. Горбачевского)

На первый взгляд, такая постановка вопроса может показаться неправомерной и даже искусственной. Действительно, в принципе между фактами и методами исследования не должно быть противостояния. Развитие любой науки, в том числе, конечно, и исторической, всегда шло и ныне идет во взаимосвязи между обогащением новыми фактами и совершенствованием приемов и методов их анализа. Однако нет правил без исключения. В стремлении некоторых исследователей быть оригинальными нарушается система отмеченной взаимосвязи, в результате чего факты и те или иные новые методики вступают в противоречие. Сошлюсь в качестве примера такого диссонанса на статью Е. В. Злобина «К вопросу об авторстве «Записок» декабриста И. И. Горбачевского» [1].

В ней идет речь о выдающемся мемуарном памятнике декабризма, впервые опубликованном П. А. Бартеневым в 1882 г. под названием «Записки неизвестного из общества Соединенных славян» [2]. Это сочинение до сих пор весьма своеобразно привлекает внимание исследователей. Дело в том, что в советской историографии начиная с середины 50-х гг., как правило, на первый план выдвигается не проблема аналитического осмысления источника, а вопрос о том, был ли ее автором И. И. Горбачевский, или «Записки» явились результатом творчества какого-то другого мемуариста.

Безусловно, проблема атрибутирования безымянных произведений остается и поныне актуальной и, бесспорно, чрезвычайно сложной. Об этом свидетельствует и полемика, развернувшаяся вокруг «Записок неизвестного из общества Соединенных славян».

Поход против того, что их автором являлся декабрист И. И. Горбачевский, начала в 1955 г. академик М. В. Нечкина. Авторитетная исследовательница предприняла попытку переадресовать их П. И. Борисову [3]. Через некоторое время Н. Н. Лысенко выдвинул версию о решающей роли М. А. Бестужева в создании этого мемуарного источника [4]. Несколько позже Г. П. Шатрова «нашла» нового автора — Ф. Ф. Вадковского [5].

Естественно, были и ученые, которые вслед за П. И. Бартеневым отстаивали авторство И. И. Горбачевского или, по крайней мере, не ставили под сомнение принадлежность ему «Записок». Так, еще в 1903 г. С. А. Панчулидзев — управляющий архивом Государственного совета в оригинальном исследовании «Александр I и декабристы», которое до сих пор остается неопубликованным, писал: «Об обществе „Соединенных славян“ ни у одного историка Александровской эпохи почти нет никаких указаний, так как материалов для этого либо совершенно нет, либо они не известны. Есть только одна „Записка неизвестного“ (И. И. Горбачевского) — РА. 1882, кн. 2, в которой автор дает некоторые указания на это общество» [6].

Используя все доступные каждому исследователю материалы, в защиту авторства И. И. Горбачевского выступили Б. Е. Сыроечковский, Ю. Г. Оксман, И. В. Порох, Л. А. Сокольский, Л. Б. Смирнова, Н. Я. Эйдельман [7].

И вот не очень давно Е. В. Злобин вновь обратился к этому сюжету [8]. В процессе подготовки «Записок» к переизданию, естественно, возникла потребность отреагировать на новую точку зрения.

Статья Е. В. Злобина не лишена внешней научности и сюжетной напряженности.

Он проявил себя исследователем изобретательным в поисках различных аргументов, которые, по его мнению, могли бы утвердить выдвинутую им своеобразную концепцию, лишающую И. И. Горбачевского авторства «Записок» без какой-либо попытки установить их «подлинного» сочинителя.

Е. В. Злобин не соглашается с доводами тех ученых, которые, отрицая авторство И. И. Горбачевского, выдвигали новые имена в качестве сочинителей «Записок». Одновременно он негативно относится и к выводам исследователей, признающих авторство И. И. Горбачевского.

Опираясь на известное письмо к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г., в котором И. И. Горбачевский сообщал о своих грандиозных планах написания многотомных мемуаров, далеко выходящих по содержанию за рамки «Записок неизвестного», Е. В. Злобин приходит к весьма ответственному, но не подкрепленному вескими аргументами заключению: «Напрашивается вывод,— пишет Е. В. Злобин,— что автор „Записок" не он (т. е. не И. И. Горбачевский.— *И. П.*), поскольку о подобной работе Горбачевский не помышлял» (с. 142).

Во-первых, вряд ли правомерно для исследователя домысливать за мемуариста. А, во-вторых, текст письма не дает оснований для столь категорического и опрометчивого вывода. Е. В. Злобин упускает из виду свидетельство И. И. Горбачевского о том, что он написал «порядочную тетрадь» (не раскрыв ее содержание), которую видел М. А. Бестужев [9]. Думаю, что она могла быть теми самыми «Записками», вокруг авторства которых и разгорелся сыр-бор. Потому-то в тематическом перечне предполагаемых обширных воспоминаний И. И. Горбачевский не упоминал о том, о чем уже было написано.

Е. В. Злобин справедливо считает, что «решающими доводами в пользу авторства могли бы служить свидетельства декабристов, кто дожил до времени опубликования рукописи» (с. 147). Однако сам относится к этим свидетельствам явно тенденциозно, поставив перед собой задачу дезавуировать их. Особенно отчетливо это проявилось при комментировании подстрочного примечания из не появлявшихся в печати мемуаров Д. И. Завалишина. В нем говорится, что публикация в «Русском архиве» «составляет только отрывок из „Записок" Горбачевского». Сконцентрировав внимание не на признании Д. И. Завалишиным автором «Записок неизвестного» И. И. Горбачевского, а на том, что публикация в «Русском архиве» представляет только «отрывок» из его мемуарного сочинения, Е. В. Злобин приходит к неожиданному заключению. «Представление опубликованного как только „отрывка" из „Записок",— читаем в анализируемой статье,— заставляет усомниться в истинности воспоминаний» (с. 147) Д. И. Завалишина. Припомним письмо И. И. Горбачевского М. А. Бестужеву. Свидетельство Д. И. Завалишина соответствует содержащейся в нем информации относительно мемуаротворчества корреспондента М. А. Бестужева.

В конце концов Е. В. Злобин заявляет, что применение обычных исторических методов не позволяет «сделать четкого и однозначного вывода об авторстве „Записок неизвестного из общества Соединенных славян"» (С. 148). В связи с этим он решает опереться на некоторые разновидности количественного метода, применяемого и в лингвистике.

Однако и этот ход не принес, по моему мнению, желаемого успеха Е. В. Злобину. И дело здесь не в качестве самих методик. Было бы прегрешением перед истиной квалифицировать их как дефектные. Главная причина его неудачи заключается в прямолинейно-механической системе их применения. Е. В. Злобин, накладывая, как лекало, каждую методику на живую ткань повествования, вырезáл какие ему хотелось узоры-выводы. Была создана видимость учености, а в действительности допущены серьезные научные промахи.

По мнению профессора В. Е. Гольдина, «работа Злобина представляется полезной, так как в ней есть попытка применить точные методы анализа текста. Она ввела дополнительные факты и вывод автора о том, что получен определенный «аргумент при анализе авторства „Записок"» — вполне справедлив. Однако в степени важности этого аргумента „в пользу других предполагаемых лиц" следует усомниться. Одно дело — количественные показатели, другое — их качественная интерпретация» [10].

В поисках примет индивидуальности речи необходимо опираться на результаты по бесспорно авторским текстам разных жанров, объемов, типов повествования. И только затем сравнивать спорный (атрибутируемый) текст с полученной надстилевой, наджанровой индивидуальной нормой. При сравнении двух разных по типу повествований можно получить различия не индивидуальностей, а жанров, стилей и т. п. Предлагаемые Е. В. Злобиным наблюдения приобрели бы более значительный вес, если бы вначале сравнением «Показаний» и писем устанавливалась индивидуальная норма стилистики И. И. Горбачевского, а затем уже осуществлено сравнение с «Записками». Увы, этого сделано не было.

Кроме того, следует помнить, что параметры сопоставления не должны быть зависимы от характера повествования. Между тем это условие не соблюдено. Можно без всяких подсчетов сказать, что в следственных показаниях, излагаемых от первого лица, будет гораздо больше личных местоимений, чем в беллетризованных мемуарах с повествованием в третьем лице. Это различие типа повествования, а не речевых индивидуальностей. Несомненно, официальный текст («Показания») должен характеризоваться значительно большей длиной предложений и соответственно большим числом служебных слов,

выражающих зависимости соответственно грамматического и логического характера. Учитывая то, что служебные слова в принципе — короткие, вполне естественно преобладание коротких слов в «Показаниях» сравнительно с «Записками».

Попутно не могу не высказать решительного несогласия с утверждением Е. В. Злобина о том, что «Показания» и «Записки» написаны якобы «в сходных условиях» (с. 150). Как известно, «Показания» возникли в экстремальной обстановке, когда подследственному отводился минимально короткий срок на их написание и он стремился не навредить себе излишней откровенностью, а также не усугубить положение соузников.

«Записки» же создавались в целом одиночестве, в ностальгическом настроении о прошлом, в размышлениях о причинах личной и коллективной трагедии славян, виновниками которой объявлялись южане. Отсюда обличительный пафос в адрес последних с воспроизведением всего услышанного от товарищей по обществу в казематах Петровского завода. Какое же тут «сходство условий»?!

Возвращаясь к вопросу о соотношении двух самостоятельных текстов можно констатировать, что подсчеты Е. В. Злобина действительно свидетельствуют в пользу того, что «Показания» и «Записки» разные (по использованным параметрам) генеральные совокупности. Но они не могут свидетельствовать о том, что тексты непременно созданы разными авторами.

К тому же число использованных в статье Е. В. Злобина параметров незначительно, что снижает достоверность выводов даже при правильном отборе критериев сравнения. И еще одно необходимое условие, которое не соблюдено автором,— это то, что параметры должны быть взаимозависимыми.

Не до конца использованы возможности филологического анализа для решения вопроса об авторстве «Записок». К примеру, не предпринята попытка выяснить «образ автора» и установить отличие его речи от речи персонажей. Заслуживает внимания то обстоятельство, что одной из особенностей повествования мемуариста является включение в текст «Записок» развернутых характеристик лиц, о которых он упоминает. Об И. И. Горбачевском же в «Записках» — полное умолчание. Думается, что такой характер повествования является еще одним аргументом в пользу его авторства и исключает предположение о их принадлежности перу П. И. Борисова, о котором в «Записках» говорится в самых хвалебных тонах. Считаю уместным привести здесь очень тонкую и всестороннюю характеристику П. И. Борисова, данную ему И. Д. Якушкиным. Сообщая о существовании на каторге кружка славян, И. Д. Якушкин отмечал, что главным лицом в нем был П. И. Борисов, которому остальные члены «оказывали почти беспредельную доверенность. Иные почитали его основателем Общества Соединенных славян; но он в этом не сознавался, и, зная его, трудно было поверить, чтобы он мог быть основателем какого-либо тайного общества (А ведь был! — *И. П.*). Воспитанный дома у отца, довольно любознательный, он, вступив осьмнадцати лет в артиллерию юнкером, с ротой своей стоял некоторое время в имении богатого польского помещика, у которого была библиотека. Борисов, зная несколько по-французски и пользуясь книгами, какие попались ему в руки, прочел Вольтера, Гельвеция, Гольбаха и других писателей той же масти осьмнадцатого столетия и сделался догматически безбожником. Проповедуя неверие своим товарищам славянам, из которых многие верили ему на слово, он был самого скромного и кроткого нрава; никто не слыхал, чтобы он когда-нибудь возвысил голос, и, конечно, никто не подметил в нем и тени тщеславия» [11].

Конечно, человек таких моральных принципов, лишенный амбициозности, каким был П. И. Борисов, не мог написать о себе как о выдающейся личности с незаурядными организаторскими способностями.

Стараясь не повторять аргументов и доводов в пользу авторства И. И. Горбачевского «Записок неизвестного», приведенных в статье «Декабрист И. И. Горбачевский и его „Записки“» [12], обращусь к фактам, которые по тем или иным причинам оказались не учтенными Е. В. Злобиным, а также к одному очень важному свидетельству, о существовании коего ему было просто неизвестно.

Итак, полагаю, нельзя оставить без внимания как аргумент в пользу мемуаротворчества И. И. Горбачевского пример отца, написавшего, по оценке сына, «преоригинальные и любопытные» «Записки» [13]. Они были отобраны у И. И. Горбачевского в Петровском заводе, куда их прислала ему сестра. Возможно, репрессивную акцию осуществил жандармский полковник Ф. Кельчевский, побывавший в Петровском заводе и передавший манускрипт в канцелярию III отделения [14]. Последнее обстоятельство, так же как и повторная ссылка М. С. Лунина, могли повлиять на решение И. И. Горбачевского сжечь часть написанных им мемуаров, когда ему предстояло на долгий срок покинуть дом [15].

Побудительными мотивами написания И. И. Горбачевским воспоминаний могли послужить желание выполнить завещание С. И. Муравьева-Апостола и стремление разобраться в подлинных причинах непредвиденной трагедии славян, установив виновников случившегося [16].

Естественно, что для осуществления своих намерений необходимо было собрать сведения от очевидцев событий и лиц, знавших те или иные детали происходившего. Такую мобилизацию информации и предпринял И. И. Горбачевский. Не имея намерения написать воспоминания о движении декабристов и в первую очередь об Обществе Соединенных славян и восстании Черниговского полка, сбор материала И. И. Горбачевским выглядел бы своеобразной маниловщиной.

О том, что И. И. Горбачевский написал какие-то воспоминания (о чем уже говорилось выше), он сам сообщил в письме от 12 июня 1861 г. к М. А. Бестужеву [17]. По сути дела, полемичность сюжета заключается в том, идентичны ли они тексту, опубликованному П. И. Бартеневым в «Русском архиве». Мне представляется, что идентичны, и в пользу такого вывода имеются серьезные аргументы [18].

Но перенесем рассуждения в несколько иную плоскость, а именно в плоскость установления авторства И. И. Горбачевского «Записок неизвестного».

Прежде всего отмечу, что все декабристы, которые читали опубликованные в «Русском архиве» воспоминания, не сомневались в том, что они были написаны И. И. Горбачевским. Не сомневались в этом М. И. Семевский и П. И. Бартенев. Казалось бы, к этому следовало прислушаться.

Однако есть еще один очень весомый аргумент в пользу авторства И. И. Горбачевского, а именно неизвестное в печати письмо Д. И. Завалишина от марта 1883 г. к издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину.

О сохранившейся в личном фонде А. С. Суворина обширной переписки с ним Д. И. Завалишина мне впервые рассказал Н. Я. Эйдельман. Впоследствии Л. Б. Смирнова сообщила об интереснейшем свидетельстве «последнего декабриста» в одном из его писем А. С. Суворину относительно авторства «Записок неизвестного». Познакомиться с полным текстом этого письма мне помог А. Б. Кичигин.

Письмо Д. И. Завалишина, о котором идет речь, весьма пространное. Полемизируя в нем с идейными противниками, он изложил свое публицистическое кредо: «Я считаю своей обязанностью перед Отечеством и перед историей,— высокопарно заявлял Д. И. Завалишин,— говорить правду о делах и лицах...». Именно такой принцип декларировал Д. И. Завалишин при оценке декабристской мемуаристики. Не называя имен П. Н. Свистунова, А. Ф. Фролова, П. И. Бартенева и М. И. Семевского, он заявлял, что «на беду их правда начала высказываться и в других записках, кроме моих. Так, например, Горбачевский, если и пристрастен к Обществу Соединенных славян, к которому принадлежал, то уж нисколько не щадит членов Южного общества, и не только обличает неблаговидных деятелей Артамона Муравьева, Василия Давыдова, Тизенгаузена, Матвея Муравьева-Апостола, но даже и сводит и Сергея Муравьева-Апостола с того пьедестала, на котором хочет видеть его известный кружок на Юге, как другой кружок на Севере ... возвеличивает Рылеева» [19].

Оставим в стороне характеристику, данную современниками Д. И. Завалишину как человеку крайне тщеславному [20], который, по меткому определению М. А. Бестужева, страдал «бесцеремонным самовосхвалением» [21], а также его интерпретацию идейной направленности «Записок». Самое важное в письме Д. И. Завалишина — еще одно очень авторитетное подтверждение самого факта авторства И. И. Горбачевского, о чем «последний декабрист» писал в неопубликованной до сих пор части своих мемуаров [22].

Подводя итог проделанной Е. В. Злобиным работы, позволю себе оценить ее критически. Интересный в принципе замысел оказался, с моей точки зрения, нереализованным, поскольку главный вывод Е. В. Злобина, основанный на ограниченно-избирательном использовании ряда количественных методик о том, что «Записки неизвестного» написаны не И. И. Горбачевским, по меньшей мере не корректен.

Полагаю, что позиция Е. В. Злобина, напоминающего васнецовского «Витязя на распутье», может измениться при объективном отношении к фактам и более четком использовании различных методик. А исследовательского энтузиазма, судя по содержанию статьи, Е. В. Злобину не занимать.

И. В. Порох (Саратов)

Примечания

[1] История СССР. 1990. № 2. С. 140—155.
[2] Русский архив. 1882. Кн. 2.
[3] Нечкина М. В. Кто автор «Записок» И. И. Горбачевского?//Исторические записки. Т. 54. М., 1955. То же самое М. В. Нечкина писала в рецензии «Новое издание записок об Обществе соединенных славян» (История СССР. 1964. № 6).
[4] Лысенко Н. Н. Как создавались «Записки» И. И. Горбачевского//История СССР. 1968. № 6.
[5] Шатрова Г. П. Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973.
[6] РГИА, ф. 1652, оп. 1, ед. хр. 70, л. 47. Панчулидзев С. А. Александр I и декабристы.

[7] Сыроечковский Б. Е. И. И. Горбачевский и его Записки//Записки и письма И. И. Горбачевского. М., 1925; Оксман Ю. Г. Восстание Черниговского полка//Восстание декабристов. М.; Л., 1929. Т. VI; Порох И. В. Восстание Черниговского полка//Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; Сыроечковский Б. Е., Сокольский Л. А., Порох И. В. Декабрист И. И. Горбачевский и его «Записки»//Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963; Смирнова Л. Б. К вопросу об авторстве «Записок» И. И. Горбачевского//Проблемы отечественной истории. М.; Л., 1976; ее же. Об авторстве «Записок» И. И. Горбачевского//Историографический сборник. Саратов, 1980. Вып. 6; Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979; его же. Твой девятнадцатый век. М., 1980.

[8] Злобин Е. В. К вопросу об авторстве «Записок» декабриста И. И. Горбачевского//История СССР. 1990. № 2. В дальнейшем ссылки на страницы этого эссе даются в тексте.

[9] Горбачевский И. И. Записки. Письма. С. 173.

[10] Выражаю искреннюю признательность заведующему кафедрой общего и славяно-русского языкознания Саратовского университета В. Е. Гольдину за консультации, советы, помощь.

[11] Якушкин И. Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 180—181.

[12] По мнению Л. Б. Смирновой, 3-е издание мемуарного памятника, принадлежащего перу И. И. Горбачевского (М., 1963), характеризуется «блестящим источниковедческим анализом «Записок» и эпистолярного наследия» декабриста. Смирнова Л. Б. Об авторстве «Записок» И. И. Горбачевского//Историографический сборник. Вып. 8. Саратов, 1980. С. 79.

[13] Горбачевский. Записки. Письма. С. 258.

[14] ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1826, д. 61, ч. 23.

[15] Горбачевский. Записки. Письма. С. 173.

[16] Там же. С. 165, 173—175.

[17] Там же. С. 173.

[18] Там же. С. 279—281.

[19] РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 1443, л. 2—2 об.

[20] Гессен С. Я. П. Н. Свистунов и А. Ф. Фролов в борьбе с Д. И. Завалишиным//Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. Т. 2. М., 1933. С. 227—247.

[21] Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 474.

[22] Мироненко М. П. Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив»//Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 113—114.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ В СУРГУТЕ

23—25 марта 1994 г. в г. Сургуте состоялась международная научно-практическая конференция «Сургут — Сибирь — Россия», посвященная 400-летнему юбилею города и 30-летию городского краеведческого музея.

Конференция стала первым крупным событием такого рода в жизни не только этого города, где начинает складываться научная гуманитарная среда, но и всего Тюменского Севера. Инициаторами ее созыва стали преподаватели Уральского государственного университета (г. Екатеринбург), сотрудники многопрофильного научно-производственного предприятия «Волот» (официального представителя исторического факультета УрГУ). Огромный вклад в подготовку и проведение конференции внесла Сургутская городская администрация.

В работе совещания приняли участие историки, археологи, этнографы, лингвисты, специалисты музейного дела из России, Эстонии, Венгрии. Они представляли ведущие научные и учебные центры Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Сыктывкара, Томска и других городов. Прислали тезисы своих выступлений академик В. Л. Я н и н, ученые из Болгарии, Великобритании, Канады, Финляндии.

Пленарное заседание открыл заместитель главы городской администрации В. Ф. Н о в и ц к и й. Он выразил надежду, что конференция послужит стимулом для изучения истории края, а также будет содействовать становлению Сургута как культурного и научного центра Приобского Севера.

С основным докладом выступила заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН Н. А. М и н е н к о. Рассматривая положение Сургута в системе российских городов XVI—XIX вв., она выделила основные этапы в развитии города, связанные с изменением его роли в государственной политике и экономических отношениях на территории Западной Сибири. Профессор Омского университета В. И. М а т ю щ е н к о посвятил свое сообщение древней традиционной культуре народов Сибири. Он указал на необходимость и возможность восстановления диалога величайших культур — европейской и азиатской, в частности, сибирской. Директор Сургутского городского краеведческого музея Л. В. С т е п а н о в а показала роль музеев в формировании социокультурной среды городов Тюменского Севера. Она отметила, что в современной ситуации музей зачастую остается единственным местом сохранения и распространения традиционной национальной культуры, воспитания чувства «малой родины». Ю. П. Ч е м я к и н — сотрудник археологической лаборатории УрГУ, почти двадцать лет исследующий памятники урочища Барсова гора, настойчиво требовал принятия срочных мер по спасению и сохранению этого уникального археологического комплекса мирового класса.

Работа конференции проходила по четырем секциям: археологии и этнологии, истории дореформенной России, источниковедения и археографии, музееведения, истории России второй половины XIX—XX в. На секционных заседаниях состоялись плодотворные дискуссии по проблемам реконструкции и сохранения историко-культурного наследия территорий севера России и Сибири, взаимодействия Российского государства, коренных народов и пришлого населения в процессе колонизации Сибири; роли сибирской провинции в модернизации российского общества на рубеже веков; обсуждалось понятие «русский город» и др. Наряду с постановкой многих важных в научном отношении проблем дискуссии позволили сделать вывод о том, что Сургут, как и другие центры колонизации севера Сибири, остается осколком империи в постимперском мире, сохраняя многие характерные для него положительные и отрицательные черты.

В рамках конференции прошла презентация типографского макета богато иллюстрированной научно-популярной книги «Древний город на Оби: история Сургута». Состоялась встреча журналистов с ее авторами — екатеринбургскими историками, которые рассказали об особенностях работы над книгой, ответили на многочисленные вопросы.

Сургутский городской краеведческий музей приурочил к конференции открытие нескольких выставок, среди которых привлекла особое внимание экспозиция, посвященная русской рукописной и старопечатной книге. Целая коллекция изданий, в том числе XVI—XVII вв., была передана музею представителями исторического факультета УрГУ, подготовившими также путеводитель по выставке с библиографическим описанием каждого экспоната.

Конференция привлекла внимание общественности города, в первую очередь педагогов, краеведов, работников культуры. Приветствие ее участникам направил председатель Государственной архивной службы России Р. Г. Пихоя.

На заключительном заседании его участники выразили искреннюю признательность администрации и общественности Сургута за гостеприимство. Конференция приняла ряд рекомендаций. В них содержатся предложения о создании исторических зон в черте города и историко-археологического парка на территории Барсовой горы, об увековечении памяти основателей города, реабилитации участников Сургутского восстания 1921 г. и др.

Н. Н. Баранов, Н. А. Миненко

НА ПУТИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ САМОПОЗНАНИЮ (заметки с Ломоносовских чтений 1994 года)

В серии Ломоносовских чтений Московского университета 26 апреля 1994 г. в Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук (ИППК) при МГУ работала секция преподавания истории. В ней приняли участие представители различных вузов России и ближнего зарубежья, из них 17 выступили с сообщениями. Диапазон обсуждаемых проблем был широк: от методологии, источниковедения и историографии преподавания истории до анализа конкретного опыта преподавания в отдельных вузах и регионах.

Открывая заседание, заведующий кафедрой истории ИППК А. И. Токарев призвал слушателей к совместному обсуждению насущных проблем исторического образования в вузе с учетом нового курса, читаемого студентам,— «История России в аспекте мировой цивилизации».

В настоящее время дискутируются методологические проблемы исторического образования: приоритеты в преподавании базового курса — всеобщая история или история России (соотношение общего и особенного), ведущие факторы исторического процесса — знаменитая триада «человек—природа—общество» (взаимодействие биосоциальных, геополитических и социологических факторов) и др. Требуется серьезная перестройка учебного процесса с использованием идей и традиций выдающихся российских педагогов и учетом новых реалий. Важно совершенствовать методику преподавания истории, чему уделяется недостаточно внимания. Исторический опыт может помочь сегодня в установлении более тесных контактов со студентами в решении современных задач высшей школы. В связи с этим А. И. Уткин (ИППК при МГУ) посвятил свое выступление освещению в курсе истории глобальных проблем XX в. Он отметил, что до недавнего времени эти темы разрабатывали преимущественно философы, социологи, экономисты. Между тем без конкретного изучения историками мирового исторического опыта, особенно в XX в., невозможно сегодня эффективно преподавать историю России. Анализ глобальных проблем позволяет более полно раскрыть общие и особенные черты различных цивилизаций, выявить основные тенденции развития России и других стран мира. Такой подход должен способствовать более углубленному постижению всемирной истории, а также преодолению цивилизационных кризисов. На конкретном примере изучения крестьянского вопроса докладчик показал, что глобальные проблемы отражают противоречия и трудности современности.

В выступлении Ю. Н. Иванько ((Воронежский технологический ин-т) «Экология и экологическая политика в истории российского общества» дан исторический анализ этой жгучей проблемы. Автор привел богатый исторический материал о деятельности стран мира, и в частности России, в области защиты природы. Особое внимание уделено второй половине XX в. Были высказаны конкретные предложения о выработке государственной и общественной экологической политики в целях предотвращения катастрофы.

Новыми статистическими материалами из недавно открытых архивных фондов поделились И. Е. Горелов (Московский энергетический ин-т) в сообщении «Новые подходы к определению числен-

ности и территориального размещения организаций РСДРП (1907—1910 гг.)» и Г. Г. Касаров (Московский автомобильно-дорожный ин-т), тема выступления которого — «О статистике стачек в России в годы Первой мировой войны (к вопросу об изучении и использовании в высшей школе)». На основе новых архивных данных, нелегальной и легальной печати, мемуарной и исторической литературы И. Е. Горелов определил новые подходы к изучению этой темы, восполнил пробелы, относящиеся к периоду после 1907 г. Г. Г. Касаров, обобщив новые материалы из многих российских архивов, пришел в выводу, что за годы войны стачечное движение в России по числу участников превосходило другие страны мира, вместе взятые (более 5180 стачек, из которых каждая третья была политической).

Своеобразный аспект изучения источников в курсе истории России предложил Ф. К. Межлаук (Московский институт приборостроения) в выступлении «Перепись 1937 г.: судьбы руководителей». Как известно, результаты этой переписи не удовлетворили высшее руководство страны (особенно данные о численности населения), и она фактически стала запретной, была реабилитирована лишь в последние годы. Но мужество руководителей переписи (И. А. Краваль, О. А. Квиткин и др.), ценой собственной жизни спасших важнейшие первичные статистические материалы, несет сегодня огромный воспитательный заряд. Такой подход к источнику — через призму человеческих судеб — позволяет новыми глазами посмотреть на историю 30-х гг. Изучение правовых документов в курсе отечественной истории позволяет студентам глубже познать исторические процессы, вырабатывать гражданское сознание, заявил А. Н. Донин (Саратовский пед. ин-т) в выступлении «Историко-правовой аспект в преподавании отечественной истории». Важно возродить традицию дореволюционной исторической школы в изучении студентами Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 гг., Соборного уложения 1649 г. и других правовых документов. В частности, для изучения истории современности важно знакомство с проблемами кодификации российского законодательства в контексте преобразований в восточноевропейских странах.

Современные историографические проблемы истории России были подняты в выступлениях Н. В. Щербань (ИППК при МГУ) — «В. О. Ключевский и его концепция исторического образования в России», О. И. Митяевой (ИППК при МГУ) — «Культурная деятельность российской эмиграции», Н. С. Кувырченкова — «Проблемы Февральской революции в современной зарубежной историографии» и А. К. Акылакуновой (Российский химический гос. ун-т) — «Проблемы развития исторической науки в 20-е годы».

Н. В. Щербань анализировала малоизвестную концепцию исторического образования, разработанную В. О. Ключевским. Она «предоставила слово» самому Ключевскому и его современникам в ответе на три вечных вопроса: «зачем идти к студенту?» (цели образования), «с чем?» (содержание) и «как оформить материал, чтобы его приняли студенты?» (методика). Освещались вопросы актуальности наследия Ключевского, его борьба против политизации преподавания истории, вклад Ключевского в цивилизационный подход к изучению истории, широкая палитра методов, превращавшая каждую лекцию в праздник для студентов, а также личные качества педагога, позволяющие устанавливать доверительные отношения со студентами. Выступавшая критиковала некоторые стереотипы, сложившиеся вокруг имени великого ученого и педагога.

О. И. Митяева посвятила выступление изучению в вузах культурной деятельности русского зарубежья, сформировавшегося в Европе после 1917 г. По данным Лиги Наций, к 1926 г. из России эмигрировало 1 млн. 160 тыс. человек. Вместе с русским населением Бессарабии, Прибалтики, Польши, а также военнопленными численность русских, лишенных родины, достигла 9—10 млн. человек. Решая проблемы выживания, русское зарубежье вместе с тем посвящало свое творчество России (работа вузов, изучение истории России, ее пропаганда за рубежом и т. д.), стало органической частью русской культуры. Многие из его представителей учат молодежь преданности отечеству. К сожалению, современные добровольные эмигранты нередко заботятся о скорейшей ассимиляции на чужой почве. Важно учитывать, что сегодня большой интерес у студентов вызывают труды писателей и поэтов-эмигрантов К. Бальмонта, И. Бунина, З. Гиппиус, Дм. Мережковского и др.

Н. С. Кувырченков на примере Февральской революции провел интересный сравнительный анализ двух подходов к изучению истории — формационного и цивилизационного (последний широко используется в зарубежной историографии). В основе обоих лежит рассмотрение 1917 года с позиций выбора исторического пути. Для одних революции 1917 г.— формационные, для других — этап на пути модернизации, общем для всех цивилизаций. Особенности российского пути коренятся в своеобразной социальной структуре, влиянии крестьянства на политические действия низов, роли кризиса в связи с войной как катализатора событий. Требования социальных низов — упразднение монархии, создание и

поддержка Советов и т. д.— ярко проявились в Феврале, когда влияние политических партий было минимальным.

А. К. Акылакунова отметила в исторической науке 20-х гг. действие двух общих тенденций — демократической и авторитарной, причем последняя особенно усилилась в 1924—1928 гг., что связано с ростом политического давления на науку. Предстоит взвешенный конкретно-исторический анализ этих тенденций под углом зрения общих проблем — взаимоотношения истории и политики, роли человеческой личности в истории и т. д.

В чтениях нашла отражение конкретно-историческая проблематика истории России в аспекте мировой цивилизации. Так, В. А. Горбенко (Рязанская гос. радиотехническая академия) свое сообщение «Изучение восточных славян VI—XII вв.» посвятил включению в учебный процесс достижений в области исторической географии, археологии, лингвистики в сочетании с изучением источников античного и византийского времени, где славяне выступали под именем венедов.

Проблемы изучения истории России на рубеже XIX—XX вв. прозвучали в выступлении Г. А. Поплетневой (Гос. академия нефти и газа им. Губкина). Предложен новый подход — отражение общих тенденций в мировой и отечественной истории (анализ общего и особенного), причем, во всех сферах жизни. Это позволяет сделать вывод, что Россия, с одной стороны, подтверждала мировую практику, а, с другой — отвергала ее. Но ни тогда, ни в последующие годы она не стояла на обочине развития цивилизации.

Изучению советского периода с новых позиций было посвящено несколько выступлений: И. А. Гараевской (Гос. академия нефти и газа им. Губкина) «Судьбы инженерно-технической интеллигенции России в 20—30-е гг.», С. Л. Дмитренко (ИППК при МГУ) «Изучение отечественной истории в университетах России в годы Великой Отечественной войны», В. Д. Иванова (Самарский сельскохозяйственный ин-т) — «Сельское хозяйство России во второй половине 80-х — начале 90-х гг.: проблемы и перспективы».

Общим для всех этих выступлений было желание не уходить от острых проблем, а взвешенно, правдиво их освещать. И. А. Гараевская, стремясь преодолеть стереотипы, сделала акцент на трагических страницах жизни российской интеллигенции, связанных с утилитарным подходом к ее характеристике, игнорированием зачастую ее духовного мира. Политизированный же подход приводил к технизации сознания, снижению ее общественной и творческой активности. Тем не менее вклад ее в возрождение Отечества, разработку технической политики, подготовку специалистов и пропаганду технических знаний огромен.

Малоисследованные материалы привел в своем выступлении С. Л. Дмитренко. В годы войны преподавание истории России в вузах было подчинено обеспечению победы над фашизмом, оно велось на основе учебников, специально созданных для истфака в 1939 и 1940 гг. На первый план выдвигались темы, связанные с освободительной борьбой советского народа. Несмотря на сложные условия, история изучалась в 11 из 12 университетов. Наконец, В. Д. Иванов, говоря о проблемах современного села, отметил, что во второй половине 80-х гг. в России несколько увеличилось производство сельхозпродукции, но для выхода из аграрного кризиса необходимо обновить правовую базу аграрной реформы, радикально изменить ценовую, кредитную и налоговую политики в целях стимулирования производителей в коллективных, фермерских и личных подсобных хозяйствах.

И, наконец, заседание секции завершилось рассмотрением проблем конкретной методики преподавания истории в вузе: М. П. Ремизов (Московская гос. академия автомобильного и тракторного машиностроения) — «„Круглый стол“ как форма проведения семинарского занятия по истории Отечества» и Н. Я. Артамонова (Государственный педагогический ин-т) — «Краеведческий материал в отечественной истории». М. П. Ремизов рассказал об опыте использования «круглого стола» как одной из действенных форм проведения семинара, которая повышает интерес студентов к истории, активизирует их, помогает формировать культуру общения, умение вести аргументированный диалог, дискуссии, преодолевать робость в незнакомом коллективе и т. д. Этому способствует тщательная подготовка преподавателей и студентов, выступление последних в разных ролях (докладчика, эксперта, оппонента, участника) и т. д. Н. Я. Артамонова, рассказав об опыте использования краеведческого материала в современном курсе истории России, его роли в воспитании любви к родному краю, уважения к собственной истории, предложила изменить методику этой работы: шире использовать содружество вузов с музеями, привлекать студентов к музейной работе.

Н. В. Щербань

СОДЕРЖАНИЕ

Нежинский Л. Н., Челышев И. А.— О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» 3

К 50-летию окончания Второй мировой войны

Кочеткова Т. Ю.— Вопросы создания ООН и советская дипломатия 28

Мерль Ш. (Германия)— Голод 1932—1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? 49
Сучков И. В.— Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX—XX веков 62
Аникин А. В.— Элементы сакрального в русских революционных теориях (К истории формирования советской идеологии) 78
Кучкин В. А.— Первый московский князь Даниил Александрович 93

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Ульянова Г. Н.— Новейшая американская историография российской благотворительности (Обзор) 108
Роуни Д. К. (США)— Управление промышленностью в России. Автономное государство и экономическое развитие 119
Араловец Н. А.— Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии 135
Лурье Я. С. (Санкт-Петербург)— Михаил Дмитриевич Приселков и вопросы изучения русского летописания 146

Публикации и сообщения

Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы. Документы из архивов. Составитель **И. Е. Плотников** (Курган) 160

Из истории российских регионов

Шабаев Ю. П. (Сыктывкар)— О национально-культурном развитии коми-пермяков 180

Критика и библиография

Милов Л. В.— А. А. Горский. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы 190
Козлова Н. В. — А. И. Юхт. Русские деньги от Петра Великого до Александра I 192
Захаров В. М. (Саратов)— Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права 196
Макарова Р. В.— Е. В. Чистякова. Русские страницы Америки 200
Селунская Н. Б.— «Москва и москвичи»: новое прочтение старой проблемы. О книге Дж. Брэдли «Мужик и москвич. Урбанизация в России в конце императорского периода» . . . 204
Размустова Т. О.— С. О. Шмидт. Краеведение и документальные памятники 206
Мухин М. Ю.— «История и компьютер в Восточной Европе» 208

Письмо в редакцию

Порох И. В. (Саратов)— Факты или методы исследования? (К вопросу об авторстве «Записок» И. И. Горбачевского) 211

Научная жизнь

Баранов Н. Н., Миненко Н. А. (Екатеринбург)— Конференция историков в Сургуте 216
Щербань Н. В.— На пути к историческому самопознанию (заметки с Ломоносовских чтений 1994 года) 217

CONTENTS

Nezhinsky L. N., Chelyshev I. A.— On a Doctrinal Base of Soviet Foreign Policy in the Years of the «Cold War» 3

Toward 50th Anniversary of World War II

Kochetkova T. Yu. — Some Problems of the UNO Foundation and Soviet Diplomacy 28
Merl Stefan (Germany) — The 1932—1933 Hunger Starvation: A Genocide of the Ukrainians in the Name of Russification Politics? 49
Suchkov I. V.— Social and Spiritual Aspects of Russian Teachers on the Border of the 19th and 20th Centuries 62
Anikin A. V.— Sacral Elements in the Russian Revolutionary Theories (on the problem of Soviet ideology formation) 78
Kuchkin V. A.— Daniil Alexandrovich, First Duke of Moscow 93

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Ulyanova G. N.— Recent American Historiography of Charity in Russia (survey of literature) . . . 108
Rowney Don (USA)— Industrial Management in Russia 119
Aralovets N. A.— Population Losses of the Soviet Society in the 1930's: Problems, Sources, Methods of Research 135
Lurie Ya. S. (St. Petersburg)— Mikhail Priselkov and Problems of Studying Russian Chronicles . . 146

Publications and Communications

Deportation of Peasants to the Urals in the 1930's. Archival Documents. Comp. by **I. Ye. Plotnikov** (Kurgan) 160

From History of Russian Regions 180

Shabaev Yu. P.— On National and Cultural Development of the Komi-Permyaks 180

Book Reviews and Bibliography

Milov L. V.— A. A. Gorsky. «The lay of Igor's Host» and «Zadonshchina»: Source Study and Historical-Cultural Problems 190
Kozlova N. V.— Yukht A. I. Russian Money from Peter the Great to Alexander I. 192
Zakharov V. M. (Saratov)— Essays on History of the Saratov Volga Region. Vol. 1: From Ancient Times to the Abolition of Serfdom 196
Makarova R. V.— Ye.V. Chistyakova. Russian Pages of America 200
Selunskaya N. V.— «Moscow and Moscovites»: A New Interpretation of the Old Problem. On J. Bradley's «Muzik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russia» 204
Razmustova T. O.— S. O. Schmidt. Local Studies and Documentary Monuments 206
Mukhin M. Yu.— «History and Computer in Eastern Europe» 208

Letters to the Editor

Porokh I. V. (Saratov)— Facts or Metods of Research? (on authorship of I. I. Gorbachevsky's «Notes») 211

Academic Life

Baranov N. N., Minenko N. A.— A Conference of Historians in Surgut 216
Shcherban' N. V.— On the Road toward Historical Self-Consciousness (notes on the Lomonosov Readings of 1994) 217

РЕДАКЦИЯ

Секиринский С. С.— Отдел новейшей истории
Петров Ю. А. — Отдел новой истории
Французова Е. Б. — Отдел древней и средневековой истории
Костина Р. В. — Отдел истории народов
Елисеева Н. В. — Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Юрасовский А. В. — Отдел истории за рубежом
Новикова М. А. — заведующая редакцией
Полторацкая Л. Н.— старший литературный сотрудник
Вострова А. Г. — младший редактор

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.09.94 Подписано к печати 29.11.94 Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 146,4 тыс. Уч-изд. л. 25,0 Бум. л. 7,0
Тираж 7937 экз. Заказ 1742

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Телефон: 123-90-61

Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Шубинский пер., 6